ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ЗАПАД

FOLIO

Валентина Марковна Скляренко
Артем Николаевич Корсун
Анна Владимировна Корниенко
Ольга Александровна Кузьменко
Мария Александровна Панкова
Мария Павловна Згурская
Наталья Евгеньевна Лавриненко
Анна Эдуардовна Ермановская
Владислав Леонидович Карнацевич
Мария И. Лидис
Сергей И. Лунин
В. В. Булавина
Илья Яковлевич Вагман
Инга Юрьевна Романенко

История человечества. Запад

Серия «История человечества»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8336284
История человечества. Запад / худож.-оформитель О. Н. Иванова.: Фолио; Харьков; 2013
ISBN 978-966-03-6390-8

Аннотация

Сегодня все больше свидетельств тому, что история человечества гораздо длиннее, чем принято считать: как утверждают некоторые исследователи, мы не первая цивилизация на нашей планете. Так какова же вероятность того, что Атлантида все же существовала и где ее искать? Много загадок хранит и античность – мы до сих пор не знаем, где находится могила Александра Македонского. Но не меньше тайн и в нашем не столь отдаленном прошлом: историки все еще спорят о судьбе наследника французского престола Луи-Шарля, известного как Людовик XVII. И можно с уверенностью сказать, что эти загадки – не последние в истории.

Содержание

Загадки истории 5
Поиски Атлантиды продолжаются 8
Могила Александра Македонского: новые версии 17
Финикийцы и тайны двух океанов 28
Что мы знаем и чего не знаем о финикийцах 28
Античные мореплаватели 61
Загадки древнеримских мореходов 83
Где ты был, Одиссей? или Придуманная война 87
Страна городов 187
Защищенные морем 269
Этрусские химеры 356
Походы викингов 469
Кто такие викинги? 469
Неизведанные земли 498
Дракула: герой или вампир? 528
Влад, сын Влада 531
Юные годы 539
Конец ознакомительного фрагмента. 550

История человечества. Запад

Загадки истории

© О. Н. Иванова, художественное оформление, 2013
© М. Панкова, И. Романенко, И. Вагман, О. Кузьменко, 2004

© А. Ермановская, 2007, 2009
© В. Булавина, М. Лидис, С. Лунин, 2009
© В. Карнацевич, 2009
© М. Згурская, А. Корсун, Н. Лавриненко, 2011
© А. Корниенко, 2011

Поиски Атлантиды продолжаются

Об Атлантиде знают все, но где и когда существовала эта чудесная страна, до сих пор остается загадкой. Со времен античности и до наших дней, а это уже более 2 тысяч лет, о ней написано более 10 тысяч томов. Но существовала ли эта загадочная цивилизация? Если да, то когда и где? Как толковать свидетельства древних?

Никто ничего не мог понять, пока не разверзлась земля и не потекла горящая лава, сметая все на своем пути. Грохот и стоны заглушали плеск воды, пожиравшей континент со всех сторон. Пространство земли становилось все у́же и у́же, пока кошмарная воронка не затянула последний клочок суши, унося в неведомую глубину тысячи жизней и все то, что представляло собой удивительную процветающую цивилизацию…

Первым поведал об Атлантиде древнегреческий философ Платон (427–347 гг. до н. э.) в своих диалогах «Тимей» и «Критий» со ссылкой на знаменитого политического деятеля и реформатора Афин, одного из семи мудрецов Древней Греции Солона (640– 9 гг. до н. э.). Кстати, Солон был предком Платона по материнской линии. Путешествуя по Египту, Солон записал рассказ древнеегипетских жрецов храма богини Нейт в Саисе, опиравшихся, как считают ученые, на письменные свидетельства, оставленные древними более 30

тысяч лет назад на недошедших до нас папирусах. И уже от него эта история, бережно хранимая, по родовым ступеням дошла до Платона.

По Платону, олимпийские боги разделили между собой землю, и Атлантида досталась Посейдону, богу морей и землетрясений, и все атланты – жители острова – произошли от него и его жены Клерио, простой смертной. Атлантида, остров или материк, и окружавший ее океан, Атлантический, получили свое название якобы в честь старшего сына Посейдона – Атласа. Он сам и его потомки правили страной так мудро, что превратили ее в могущественную морскую державу. Располагаясь за Геркулесовыми столбами (пролив Гибралтар), она распространила свое господство на все Средиземноморье вплоть до Турции и Египта. Естественные ресурсы Атлантиды были безграничны, и цивилизация развивалась очень быстро: одомашнивались животные, дважды в год собирались урожаи. Там водились слоны и лошади. Добывались драгоценные металлы, строились дворцы, храмы, доки, каналы и мосты. Отделанный серебром храм Посейдона окружала золотая стена. Жители Атлантиды были не только примерными гражданами, но и непревзойденными наездниками и мореплавателями. В гавани заходили корабли других держав, развивалась культура, наука. Армия насчитывала 840 тысяч воинов, 120 тысяч всадников и 10 тысяч боевых колесниц, флот – 1,2 тысячи кораблей и 240 тысяч матросов. Но со временем мудрость покинула правителей Атлантиды,

и они решили покорить весь мир. Тогда Зевс собрал всех богов, чтобы покарать неразумных: вскоре случилось страшное землетрясение, а затем – наводнение, и Атлантида погрузилась на дно моря. Это произошло около 9 00 года до н. э.

Итак, Атлантида исчезла в пучине морской. А что же осталось? Остались всего лишь 20 страниц платоновского текста, где упоминается о ней, да загадка, которую пытаются разрешить не одно столетие. Где же находилась легендарная Атлантида, когда погибла, каковы причины катастрофы? Практически у всех народов, населяющих нашу планету, есть предания о загадочной земле, которая однажды ушла под воду. Эту землю многие считают прародиной. Такие предания есть у китайцев и греков, южноамериканских индейцев и аборигенов Австралии, у египтян и русских (Китеж-град). Общим для них является то, что погибшая цивилизация несла в себе Великое Знание в виде заклинаний, ритуалов, секретных формул, идеального государственного устройства, превосходя по развитию все остальные цивилизации. В мифологии жителей островов Тихого океана есть упоминание о большой стране, затонувшей в незапамятные времена, и это якобы был огромный материк – Пацифида, погибший в результате грандиозной катастрофы. У народов Индии есть предания о континенте Лемурия – колыбели человеческой культуры, ушедшей на дно Индийского океана. О большом острове в Индийском океане, расположенном южнее экватора, упоминает Плиний, писали средневековые арабские историки,

а современники Д. Кука были уверены в том, что население этой неведомой южной земли составляло почти 0 миллионов человек. Атлантиду периодически «помещали» в Бразилии и Палестине, Скандинавии и Антарктиде, в проливе Па-де-Кале и т. д. А с конца XIX века наибольшую популярность приобрела версия русского академика А. Норова, предположившего существование острова в Средиземноморье.

Археологи и этнографы утверждают, что древнейшие цивилизации – Месопотамия, Египет, Крит и Греция, Индия и Китай – имеют единую основу, что и объясняет единство форм их мифологической и ритуальной структур. Все эти цивилизации возникли примерно в одно и то же время. Появились они внезапно, не оставив практически никаких следов эволюции, лишь смутные воспоминания о пришедших из-за моря просветителях, принесших с собой культуру и науку в готовом виде, а также схожие государственные иерархические структуры, в которых главное место занимал клан жрецов. Трудно объяснить уникальность и полноту древних знаний, среди которых особое место занимала астрономия, и то, какие колоссальные силы и средства затрачивались на жертвоприношения и возведение огромных и дорогостоящих культовых сооружений с явно выраженной астрономической направленностью. А кроме того, согласно легендам, эти просветители появились после глобальной катастрофы, погубившей их родину. Вполне возможно, что часть жителей Атлантиды сумела спастись и перебраться в разные ча-

сти света, чем и объясняется общность культур у многих, на первый взгляд, разных народов.

Здесь уместно будет упомянуть о том, что в существование Атлантиды и дальнейшее расселение атлантов свято верил шеф СС Генрих Гиммлер, в библиотеке которого в 1945 году союзники обнаружили порядком зачитанные книги о дивной цивилизации. В этих книгах, в частности в «Ледовой теории» Эрнста Хербшера, утверждалось, что на острове Атлантида поселилась прибывшая из космоса «сверхраса», расселившаяся затем по миру и приобщившая к цивилизации греков и египтян. Гиммлер организовал тайные экспедиции в самые дальние уголки Земли, чтобы найти расовые и археологические следы Атлантиды и «расы господ», но при этом был твердо убежден, что потомки атлантов в лучшей форме сохранились только в Германии.

Еще за полвека до Платона древнегреческий историк Геродот (V в. до н. э.) также писал об атлантах, народе, который, по его словам, населял обширный район Африки – от гор Атлас до атлантического побережья. Об этом районе упоминается и в египетских папирусах, а финикийские моряки привозили оттуда разные истории о загадочной цивилизации. По рассказам Геродота, Плиния Старшего и ряда других античных историков, атланты не видели снов, не использовали имен, не ели ничего живого и проклинали восходящее и заходящее солнце. Если не следовать точно Платону, то искать Атлантиду нужно к западу от Гибралтара; по-ви-

димому, размеры ее были, как у полуострова Малая Азия.

Современными учеными доказано, что некогда на планете существовал единый материк, расколовшийся затем на известные континенты. Если их снова сложить вместе, то как раз к западу от Гибралтара между Северной Америкой, Европой и Северо-Западной Африкой образуется пустота, сходная по размерам с Малой Азией. То, что этот район был когда-то сушей, доказали две экспедиции (в 1981 и 1984 гг.), занимавшиеся поисками Атлантиды на научно-исследовательском судне «Витязь». В этом районе, от Испании до Кубы, ученые находили удивительные объекты, которые, вероятно, дадут возможность определить границы затонувшего царства: затонувшие города у берегов Испании и Кубы, храм у Азорских островов, подводная дорога искусственного происхождения у Багамских островов. И еще на каменных блоках у затонувших городов найдены загадочные письмена, которые до сих пор не расшифрованы. Сенсацию вызвала найденная в библиотеке Леувардена (Нидерланды) рукопись, в которой рассказывается о «стране Атлан», об океанских плаваниях на больших кораблях, торговле между континентами и о страшной катастрофе, начавшейся с землетрясения и извержения вулканов и окончившейся поглощением суши бездной морской. Интерес представляет фраза из рукописи о том, что затем появились новые материки, а спасшиеся после катастрофы переселялись в другие земли, истребляя местных жителей или обращая их в рабство. Если эта рукопись

не фальсификация, то она на тысячелетия старше всех известных науке письменных памятников прошлого и ей сегодня около 8 тысяч лет.

Места в Атлантическом океане, куда различные исследователи помещали Атлантиду

Есть еще одна любопытная версия о расположении Атлантиды: Восточное Средиземноморье, острова Крит и Тера (в античности – Фера), который ныне находится под во-

дой. Именно на нем ученый-океанолог Ж. И. Кусто обнаружил остатки затонувшего города. Но была ли это Атлантида? Если только допустить, что Платон, повествуя о гибели Атлантиды, ошибся, дописав к дате катастрофы один ноль, то это почти идеально совпадает с мощнейшим извержением вулкана Санторин, уничтожившим крито-микенскую цивилизацию, найденные остатки которой имеют сходство с описаниями Платона. Интересно, что в это же время образовался Гибралтарский пролив. Это событие отразилось в древнегреческих мифах как результат битвы Геракла с Антеем.

Что же послужило причиной катастрофы, уничтожившей легендарную Атлантиду? Если исходить из того, что Платон прав и дата ее гибели 9 70 год до н. э., т. е. свыше 11570 лет назад, то здесь прослеживается и космический след. Считают, что в это время в районе Флориды упала комета или астероид массой в несколько сот миллиардов тонн и что это падение сместило земную ось и привело к перераспределению масс земной коры и воды. Результатом этого были катастрофические землетрясения, наводнения и ливни, что нашло отражение в практически повсеместных легендах о Всемирном потопе. Некоторые ученые считают, что астероид мог быть одним из «попутчиков» кометы Галлея и что цунами, возникшие в момент столкновения с Землей, достигали трех километров и обошли несколько раз вокруг земного шара, уничтожая все на своем пути. Есть версия, что катастрофа – это результат столкновения Африканской и Евроазийской

литосферных плит. Если же исходить из того, что Атлантида – крито-микенская цивилизация, то гибель ее вполне соответствует повествованию Платона: взрыв вулкана, землетрясение и цунами, достигшее тогда материковой Греции, Кипра, Египта и других частей Восточного Средиземноморья. Облако вулканических газов, смешанных с пеплом, окутало Греческий архипелаг, погубило значительную часть населения, сожгло растительность и уничтожило животный мир. По уверениям геологов, пепел трижды обогнул земной шар с воздушными потоками и его следы были обнаружены даже в Южной Америке.

Острова, поселения, города, погибшие в результате извержения вулкана или затопления, не редкость в истории, но не все они остались в памяти человечества. Атлантида же – могущественная и таинственная страна чудес – не дает о себе забыть, но по-прежнему хранит свои загадки и ждет первооткрывателей.

Могила Александра Македонского: новые версии

Об этом человеке можно смело сказать, что он завладел всей землей, которую видел, и умер, мечтая об остальной. После смерти Александра созданная им огромная и, на первый взгляд, крепкая и могущественная империя распалась. Она была недолговечна потому, что держалась только на необыкновенной силе этого человека и страхе, который он умел внушать даже близким ему людям. Личность Александра Македонского до сих пор вызывает интерес не только у историков и археологов, но и огромного количества других людей, а причина смерти великого полководца – это одна из интереснейших загадок истории.

Личность Александра с самого его рождения была окружена тайной. В народе бытовало мнение, что отцом наследника македонского престола был вовсе не одноглазый Филипп, царь Македонии, а высшее божество, которое мать Александра привечала ночью в храме. Сама Олимпиада, божественно красивая жрица Деметры, тщательно поддерживала эти слухи.

Уже в шестнадцать лет юный македонянин проявил себя как хороший правитель и храбрый воин. Когда Филипп отправлялся в поход, он поручал ему управление всей Македонией. И сын оправдал надежды отца: он справился с восста-

нием фракийцев и основал в усмиренной стране несколько городов, которые назвал городами Александра. Можно сказать, что именно с этого момента начался его великий поход.

Жизнь этого человека была подобна метеориту, который, прочертив яркий след, исчезает в бездонной черноте небес. Таинственным было рождение божественного Александра, и столь же таинственной и загадочной была его смерть.

По данным, предоставленным различными историческими источниками, великий полководец умер в Вавилоне, на руках у верных диадохов (последователей). Его тело было положено в золотой саркофаг и с почестями похоронено… Но до сих пор никто и никогда не видел могилы Александра Македонского. Ее местонахождение вот уже более двух тысяч лет остается загадкой.

В настоящее время существует несколько версий о смерти и месте захоронения одного из величайших завоевателей в истории человечества. Первую версию выдвинул известный советский писатель Иван Ефремов. В одном из своих произведений он упоминает о короне из черного металла, которая послужила причиной тяжелой болезни и смерти македонского царя. Во время индийского похода Александр нашел в глухой деревушке маленький храм, в котором хранилась корона богов. Гордый македонянин потребовал корону у жрецов. «Берегись, – предупредил его верховный жрец, – эту корону может надеть только тот, в чьих жилах течет кровь богов. Человек же, прикоснувшись к черной короне, упадет замерт-

во».

Уверенный в своем божественном происхождении, Александр посмеялся над словами жреца и, надев корону, вышел на ступени храма. Вдруг великий полководец пошатнулся и, потеряв сознание, упал на землю. Черная корона скатилась с его головы. Когда Александр пришел в себя, то оказалось, что он практически ничего не помнит о своих грандиозных планах. Пытаясь вернуть внезапно утраченную память, македонянин возвращается в Вавилон, еще через некоторое время, слабея от непонятной болезни, умирает. Выполняя последнюю волю своего царя, сподвижники Александра перевозят его тело в Египет и производят захоронение недалеко от храма Нейт. К сожалению, не нашлось ни одного документального подтверждения этой версии, и сегодня она считается всего лишь выдумкой известного писателя. Не говоря уже о том, что в Египте действительно существует символическая гробница Александра Македонского, но тела этого великого человека в ней нет. Хотя, по свидетельствам многих исторических документов, именно в царстве Египетском следует искать останки великого завоевателя.

Александр Македонский в битве. *Барельеф с так называемого саркофага Александра*

Вторая версия принадлежит американской писательнице и историку Адрин Мэйор. Изучая историю происхождения биотерроризма и химического оружия, она выдвинула предположение, что смерть великого полководца не была случайностью. Против Александра Македонского неоднократно составлялись заговоры, в том числе и среди его ближайшего окружения. И, счастливо избежав смерти от меча, император вполне мог пасть жертвой яда на одном из пиров. Тем более что первые признаки неизвестной болезни появились у него

сразу же после одного из многочисленных застолий. Вернувшись после одного из таких пиршеств во дворец, Александр почувствовал жар. Он решил выкупаться, но от слабости был вынужден прилечь тут же в купальне. Вечером следующего дня у него был второй приступ болезни. С каждым днем состояние царя ухудшалось, и спустя две недели он умер.

Эта версия гибели великого полководца, несмотря на свою правдоподобность, также не нашла поддержки со стороны исследователей, изучающих эпоху правления Александра Македонского. Историки почти единогласно придерживаются другого мнения о причинах смерти императора.

Последняя из версий, касающаяся смерти Александра и насчитывающая наибольшее число сторонников, говорит о том, что македонянин погиб не от яда и не из-за гнева оскорбленных богов. В одном из своих походов завоеватель заразился тропической малярией. Болезнь медленно подтачивала силы его могучего организма, пока наконец один из приступов не подкосил этого сильного и неукротимого человека.

Несмотря на расхождение во мнениях по поводу версии о смерти Александра, многие историки сходятся в одном: каковы бы ни были причины гибели великого полководца, его гробницу следует искать в Египте – стране, в которую Александр пришел не как завоеватель, а как освободитель. Только благодаря ему египтяне смогли избавиться от персидского ига. Тем более что он очень бережно относился к религии

Египта и даже иногда сам просил совета

у египетских оракулов. За время своего пребывания в этой стране Александр Македонский основал на побережье Средиземного моря город Александрию, который стал впоследствии крупнейшим торговым и культурным центром эллинского мира. Признав божественного полководца своим правителем, египтяне безоговорочно подчинились сподвижнику и другу Александра Птолемею Лагу, которого великий полководец оставил управлять страной. Именно Птолемей настоял на том, чтобы тело императора было погребено рядом с основанным им городом Александрией. (Сам великий полководец завещал похоронить себя в оазисе Сива, где жрецы признали его происхождение от Амона. Но его последняя воля не была исполнена.) После смерти завоевателя между диодохами начались споры за обладание телом своего военоначальника, так как всем было очевидно, что тот, кто воздвигнет в своей стране усыпальницу Александра, будет официально признан его преемником. В связи с этим Птолемей, первым осознавший эти перспективы, увез саркофаг с телом сначала в Мемфис, а затем в Александрию и спрятал его в подземной гробнице. Там саркофаг пребывал в течение трех столетий.

В 30-м году до н. э. в месте последнего упокоения легендарного полководца побывал римский император Август, захвативший Александрию. А через некоторое время солдатский император Септимий Север приказал замуровать под-

земную гробницу, и с тех пор никто не мог ее найти. Поиски таинственной гробницы продолжаются и в наше время. Были предприняты неоднократные попытки исследовать могильный комплекс Александра в Египте. Но, несмотря на все предпринятые усилия, ученые не обнаружили ничего, кроме мозаичного барельефа, на котором был отображен лик великого полководца. Многие годы археологи пытались выведать эту тайну у древней египетской земли. Но первая версия о возможном месторасположении гробницы Македонского возникла только в XX столетии. Пытаясь найти следы некоторых бесследно пропавших городов, археологи случайно обнаружили очень интересные вещи, которые, возможно, помогут пролить свет на местонахождение могилы Александра.

В маленькой египетской бухте у мыса Абукира были обнаружены находящиеся на дне Средиземного моря памятники древней цивилизации. Их нашли французские морские археологи во главе с Франком Годдио.

Первые следы затонувших городов были обнаружены в 1996 году во время проведения подводных поисков в районе Абукира, который, согласно древним источникам, был связан каналом с Александрией. Но задолго до этого археологи и историки пытались с помощью многочисленной исторической литературы пролить свет на местонахождение городов Канопуса, Менотиса и Гераклиона, о которых упоминалось в многочисленных текстах. Вместе с Александрией они со-

ставляли один из крупнейших культурных и торговых центров того времени. Местонахождение этих городов помогла установить сделанная французскими археологами и геофизиками электронная карта, которая в мельчайших деталях отражала рельеф дна бухты. Далее за дело взялись морские археологи.

Изучив морское дно в радиусе десяти километров, они обнаружили многочисленные памятники, относящиеся к фараонскому, эллинистическому и римскому периодам истории. Гранитные скульптуры, фрагменты базальтовых статуй, золотые монеты и ювелирные украшения – все это часть памятников древней цивилизации. Их возраст превышает 2, тысячи лет. Поднятые на поверхность земли, они поражают и шокируют одновременно. При взгляде на древние находки создается ощущение, что неумолимое время совершенно не коснулось этих прекрасных творений рук человеческих. Все это вызывает ощущение могущества и великолепия истории. Но больше всего удивляет тот факт, что скульптуры, пролежавшие не одну сотню лет под слоями песка, прекрасно сохранились. И те незначительные разрушения, которые были причинены многочисленным находкам, по словам археологов, носят не временной характер. Они скорее вызваны механическими повреждениями (ученые считают, что эта древняя цивилизация погибла в результате сильного землетрясения, которое стерло с лица земли сразу несколько городов).

Среди останков древних городов было найдено несколько

саркофагов. Эта находка натолкнула археологов на мысль, что, возможно, среди этих памятников находится могила великого полководца Александра Македонского. Но это всего лишь одна из версий. Существуют и другие мнения. Некоторые историки считают, что замурованная подземная усыпальница вполне могла находиться не в Египте, а в Самарканде (Узбекистан). Именно там находится знаменитая мечеть пророка Даниила, в которой хранится рука пророка. Так вот, мнение, что мечеть пророка Даниила построена на месте мавзолея Александра, до сих пор бытует среди местного населения.

Еще одну теорию выдвинула греческий археолог Лиана Сувалидис. Производя раскопки возле Сивы в 1990 году, она наткнулась на очень крупный могильный комплекс. Его постройка и росписи на стенах, по мнению экспертов, не характерны для египтян. Вскрыв гробницу, археологи обнаружили алебастровый саркофаг, сделанный, судя по всему, не в Египте, барельеф с восьмиконечной звездой (личным символом Александра) и три стелы с надписями на древнегреческом языке. На главной стеле было написано: «Александр Амон-Ра. Во имя почтеннейшего Александра я приношу эти жертвы по указанию бога и переношу сюда тело, такое же легкое, как самый маленький щит, в то время, когда я являюсь господином Египта. Именно я был носителем его тайн и исполнителем его распоряжений, я был честен по отношению к нему и ко всем людям. И так как я последний, кто еще

остался в живых, то здесь заявляю, что я исполнил все вышеупомянутое ради него. Птолемей Лаг». Воодушевленные такой находкой, археологи решили продолжить раскопки, но египетские власти по непонятной причине воспротивились этому. В результате так и не выяснено, является ли этот могильный комплекс легендарной могилой Александра или же тело завоевателя следует искать в другом месте.

И наконец, последнее предположение о месте нахождения легендарных останков базируется на сообщении Красимиры Стояновой, племянницы болгарской ясновидящей Ванги. В своей книге «Правда о Ванге» она пишет, что однажды ей в руки попал листок, исписанный странными иероглифами. Человек, принесший его, утверждал, что здесь написано о месте нахождения древнего клада и что только Ванга способна прочитать эту надпись. Заинтересовавшись, Красимира показала листок слепой пророчице, и та, подержав его в руках, произнесла следующее: «Этот текст никто не сможет прочесть сегодня. И текст и карта копировались уже не раз: от поколения к поколению пытаются люди открыть тайну текста. Но расшифровать его не может никто. А речь в этом документе идет вовсе не о тайных сокровищах, а о древней письменности, до сих пор не известной миру. Такие же иероглифы начертаны на внутренней стороне каменного гроба, спрятанного глубоко в земле тысячи лет назад. И даже если случайно найдут саркофаг, то не смогут прочитать письмена. Этот саркофаг спрятан в нашей земле людьми, пришед-

шими из Египта». Слова Ванги были крайне туманны, впрочем, как любое пророчество, но если учесть, что Ванга жила в городе Рулите, который находится всего в 100 километрах от Пеллы (древняя столица Македонии), то можно предположить, что она имела в виду так и не найденный саркофаг с телом Александра Македонского. И может, действительно время для разгадывания этой загадки еще не пришло.

Финикийцы и тайны двух океанов

Прибыли хитрые гости морей, финикийские люди,
Мелочи всякой привезши в своем корабле чернобоком…
Гомер. Илиада

Что мы знаем и чего не знаем о финикийцах

В древности на восточном берегу Средиземного моря жил трудолюбивый и предприимчивый народ – финикийцы. Так их именуют благодаря грекам, сами же они называли себя хананеями, а свою землю Ханааном. Финикийцы относятся к северо-западной группе семитских племен и по происхождению и языку очень близки к евреям.

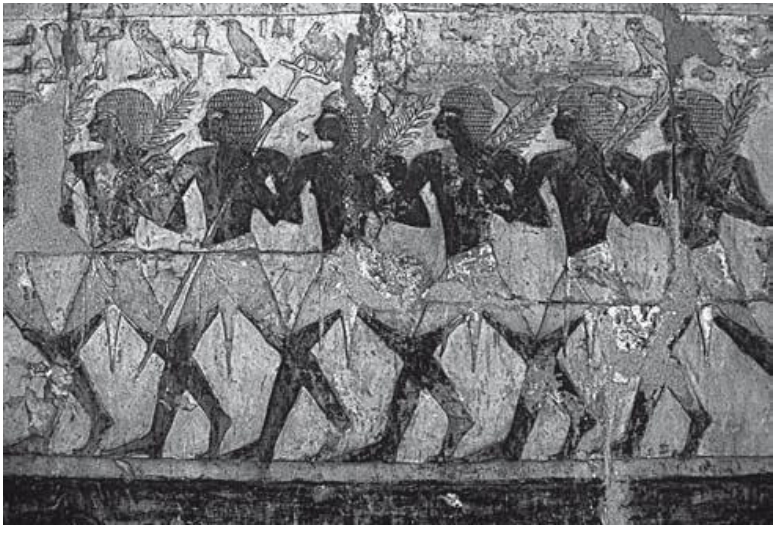
Ханаан был страной гористой, поэтому земель,5 годных для обработки, не хватало. Тем не менее финикийцы нашли выход из положения – они таскали землю на склоны гор вручную, в корзинах, и на получившихся террасах сажали растения. Но даже это не спасало изобретательных сынов Ханаана от голода: население росло, и финикийцы все больше и больше зависели от моря. Они умели делать лодки из стволов кедра, поэтому могли ловить рыбу, хотя далеко от берега

не отплывали. Но настоящими мореходами финикийцы стали, когда научились строить небольшие крепкие корабли и отправились в соседние страны. Нынешние историки часто называют хананеев самыми искусными мореходами древности. Но вопрос о том, как далеко плавали их суда, до сих пор остается открытым.

В морях двух океанов

Следуя вдоль берегов Ханаана на юг, мореплаватели попали в устье Нила. Так они начали торговать с Египтом. Эта торговля была выгодна обеим сторонам. Вино и оливковое масло – то, чем богата была Финикия благодаря упорному труду земледельцев, – египтяне покупали охотно. Был и «живой товар» – рабы, что в те времена никого не смущало. Ведь тростниковые лодки, которые умели строить жители долины Нила, не выдерживали никакой конкуренции с финикийскими судами – в Египте не росли деревья, из толстых прямых бревен которых можно было бы построить настоящие корабли. Но особенно желанным товаром стал кедр, за который египтяне платили чужеземцам золотом.

Ханаан торговал не только с Египтом. Финикийские караваны шли в Междуречье и соседние маленькие государства в Сирии и Палестине. К тому же египтяне поведали финикийцам, что за пустыней к востоку от Нила находится «Великое зеленое море». (Именно оно по иронии судьбы теперь именуется Красным.



Египетские воины. Экспедиция в Пунт

Его нынешнее название дано, вероятно, из-за сезонного окрашивания воды в красноватый цвет благодаря микроскопическим водорослям *Trichodesmium erythraeum*.)

«Великое зеленое море» соединял с Нилом длинный канал. Финикийцы воспользовались им и вошли в неведомые воды. Вскоре они поняли, что «Великое зеленое море» ведет в океан. На восточном берегу моря финикийцы торговали с жителями Аравии, которые привозили из Индии алмазы, пряности и черное дерево. Есть сведения, что для египтян сыны Ханаана ходили даже в загадочную страну Пунт.

Страна Пунт была известна египтянам испокон веков. Оттуда привозили рабов, черное дерево, благовония, в том числе ладан, черную краску для глаз, слоновую кость, ручных обезьян, золото и шкуры экзотических животных. Но самым главным товаром, который корабли доставляли из страны Пунт, была мирра, необходимая для религиозных церемоний, а также мирровые деревья.

Слово «Пунт» переводится как «страна богов». Согласно египетским источникам, в этом дивном краю, где солнце восходит раньше, чем в Египте, климат приятен, земля плодородна, а растительность обильна. Поэтому обитатели страны Пунт ведут жизнь легкую и приятную.

Египтяне посещали благодатную землю Пунт еще во времена Древнего царства. Первого путешественника в страну Пунт, имя которого мы знаем, звали Ханну. В 2750 году до н. э., в правление фараона Сакуре, экспедиция Ханну вышла из Коптоса на Ниле, перевалила через возвышенность к востоку от него, затем пересекла пустыню и вышла к Косейру – порту на побережье Красного моря. Отсюда Ханну и направился в загадочную страну, о местоположении которой ученые спорят по сей день. Неизвестно, как именно добиралась туда экспедиция Ханну – морем или же сушей, поскольку корабли, на которых египтяне возвращалась домой, Ханну построил уже в самой стране Пунт.

Когда отважный путешественник приплыл в Египет, он велел высечь на скале рассказ о своих подвигах. Приведем

отрывок из него: «Я был послан, чтобы провести корабли в страну Пунт и доставить оттуда для фараона благовония. Я отправился из города Коптос. Его величество дал мне команду вооруженных людей, происходивших из южной страны Тебайда. Я прибыл в порт Себа и там построил грузовые корабли, чтобы отвезти назад разные товары. И я принес богатую жертву быками, коровами и козами. И когда я вернулся из Себы, у меня были товары, найденные мной в портах Священной Страны (Пунта). Я вернулся назад по дороге через Уак и Роан и привез с собой драгоценные камни для храмов. Такое дело было совершено впервые с тех пор, как существуют фараоны…»

Французский писатель и путешественник Франсуа Бальзан утверждает, что египтяне перестали путешествовать в страну Пунт в середине третьего тысячелетия до н. э., после правления фараона Пепи II. В период Среднего царства экспедиции в эту дивную страну возобновились и продолжались до нашествия гиксосов в XVII–XVI веках до н. э. В начале XV века до н. э. традицию возродила царица Хатшепсут. Ее путешествие в страну Пунт стало известно потомкам благодаря рельефам храма в Дейр эль-Бахри, которые рассказывают об этой кампании со всевозможными подробностями.

Художники изобразили флот Хатшепсут – пять кораблей, снаряженных по приказу царицы в 1482–1481 годах до н. э. Этот небольшой караван прошел по Нилу, миновал канал и, выйдя из порта Эль-Кусейр в Красном море, направился на

юг. Экспедицией руководил темнокожий военачальник Нехси. Кроме него, в путь отправились послы, каждый со своей свитой – представители Хатшепсут в чужой стране. Торговцы сопровождали драгоценные египетские товары, которые они надеялись обменять на заморские диковинки. Корабли были доверху нагружены изделиями искусных ремесленников – оружием, украшениями, зеркалами, а также вином, которое везли в глиняных кувшинах. Послов и торговцев охраняли вооруженные до зубов воины – мало ли что может приключиться в пути. Кроме пассажиров, на кораблях были гребцы. Если на море был штиль, они управляли судами при помощи весел.

Рельефы храма в Дейр эль-Бахри повествуют о том, что же было дальше. Караван шел на юг, пока на горизонте не показался плоский песчаный берег с редкими пальмами. Чуть дальше от кромки воды виднелись дома на сваях, характерные для Африки. На рельефах можно разглядеть и некоторые особенности ландшафта страны Пунт: неподалеку от берега высятся горы. Художники изобразили также леса благовонных деревьев и животных – пантер, обезьян, жирафов.

Что же можно сказать о жителях страны Пунт? Они были довольно высокими, курчавыми, с окладистыми бородами. Сохранились и изображения правителей Пунта. Примечательно, что у супруги правителя нижняя часть тела очень полная. Это явление – преимущественное отложение жира на ягодицах – ученые называют стеатопигией (от *греч.* stear

– «жир» и pyge – «ягодицы»). Такое развитие жировой прослойки генетически заложено у некоторых народов Африки и Андаманских островов.

Высоких гостей принимали со всевозможными почестями. На берег пришли посланцы правителей Пунта, и после приличествующего случаю обмена любезностями стороны перешли к делу. Роль «магазина» выполнял огромный шатер, который соорудили специально для товаров. Обмен прошел успешно, и вскоре невольники уже тащили на борт слитки золота и серебра, красное и черное дерево, мирру и прочие благовония, слоновую кость, вьюки со шкурами. Нагруженные экзотическими товарами, корабли Хатшепсут благополучно вернулись домой.

Исследователи полагают, что путешествия в страну Пунт продолжались и при фараонах Тутмосе III, Аменхотепе II, Хоремхебе и Рамсесе II, а возможно, и при Рамсесе III. А дальше след, ведущий в заветную землю, теряется. Ученые по сей день не знают, где же находилась загадочная страна.

Бытует множество версий, самой нелепой из которых, пожалуй, является попытка отождествить Пунт с Индией. Противоречия очевидны: на рельефах храма в Дейр эль-Бахри мы видим множество деталей, прямо указывающих на Африку. Среди них форма жилищ, животные и женщина со стеатопигией. Кроме того, корабли знаменитой царицы плыли на юг, а Индия расположена на востоке от Египта.

Некоторые исследователи считают, что в Африке Пунт

следует искать, например, на территории современной Эфиопии. В качестве доказательств приводят внешнее сходство жителей таинственной страны с абиссинцами[1]. Правда, стеатопигия характерна для Южной Африки. Но ведь правительница страны Пунт могла быть уроженкой других земель. Согласно еще одной гипотезе, загадочная страна находилась чуть южнее – в Сомали. В наше время большинство ученых считают, что Пунт располагался где-то на территории современных Сомали, Эритреи[2] и части суданского побережья.

Путешествия финикийцев не ограничивались Индийским океаном. Плавая по Средиземному морю, они обогнули Малую Азию и оказались в другом море – Эгейском. Жители островов с удовольствием покупали у заморских гостей железные изделия и яркие ткани. Островитяне оказались наивными, чем не преминули воспользоваться финикийские моряки – они заманивали несчастных на корабли, а потом продавали в рабство на невольничьих рынках Востока. Конечно, вскоре финикийцы приобрели в Эгейском море дурную славу, но именно у них греки научились искусству строить корабли и ориентироваться по звездам.

Финикийские мореходы продвигались все дальше и дальше на запад. Они дошли до Балеарских островов, а затем до

---

[1] *Абиссинцы* – коренные жители Эфиопии.

[2] *Эритрея* – государство на северо-востоке Африки, на побережье Красного моря. Независимость от Эфиопии Эритрея получила в 1993 году. Граничит с Суданом на западе, Эфиопией на юге и Джибути на востоке.

Испании – «Страны Мрака», как они ее называли: Испания находится на запад от Финикии, то есть в той стороне, где заходит солнце. В Испании можно было разжиться серебром. Существует такое предание: однажды финикийцы выторговали столько серебра, что их корабли не могли поднять его на борт. Тогда купцы сгрузили все товары, которые стоили дешевле серебра. Но все равно драгоценного металла оставалось слишком много. Изворотливые торговцы все-таки нашли выход из положения: они выбросили якоря своих кораблей и отлили новые – серебряные.

Обогнув Испанию, финикийцы увидели, что она отделяется от Африки узким проливом, по обе стороны которого возвышаются остроконечные скалы. Именно через эти «ворота», решили они, и спускается, завершив дневной путь, бог лучезарного солнца Мелькарт. Поэтому финикийцы назвали скалы Столбами Мелькарта. Древние греки знали их как Столбы Геракла. Согласно одной версии мифа, Геракл, выполняя задание царя Эврисфея доставить коней с острова Эрифия, который лежал далеко на западе в океане, прошел всю Европу, затем Африку и оказался на краю света. Здесь он и поставил две скалы: одну на африканском берегу, а другую на европейском. В другом варианте Геракл раздвинул горы, закрывавшие выход в океан, и создал пролив.

Сейчас эти скалы на противоположных берегах Гибралтарского пролива у выхода в Атлантический океан называются Гибралтар и Сеута. А выражение «Геркулесовы стол-

пы» («Столбы Геракла») стало нарицательным и означает предел чего-либо, крайнюю точку.

Дидона – основательница Карфагена

На «краю земли» финикийцы основали около 1104 года до н. э. колонию Гадир – современный Кадис. Из Гадира финикийские мореходы плавали на юг, вдоль западного побережья Африки, и на север, вдоль берега Испании. Их корабли дошли до «островов», которые финикийцы назвали Касситеридами, или Оловянными. Здесь они покупали олово, необходимое для выплавки бронзы. Считается, что это были берега полуострова Бретань, где в древности были залежи

этого металла.

А еще дальше лежали земли, богатые «золотом севера», – на берегу холодного Балтийского моря отважные моряки меняли свои товары на куски янтаря.

Конечно, Гадир был не единственной финикийской колонией. Около 1100 года до н. э. в Северной Африке близ мыса Аполлона и западного рукава реки Баградаса была основана Утика. Примерно тогда же на карте мира появились Гадрумет и Лептис, расположенные на восточном побережье Туниса, Гиппон на территории современного Алжира и Ликс на Атлантическом побережье современного Марокко. Но самой известной колонией финикийцев стал легендарный Карфаген.

Путешествуя на запад вдоль побережья Африки, они обнаружили большой залив. Песчаная отмель в глубине залива образовала естественную гавань. Место было очень удобным, поэтому здесь много раз останавливались купцы из финикийского города Тира. Здесь впоследствии и построили великий город, который стал центром огромного государства, существовавшего в VII–II веках до н. э.

То, что Карфаген был основан выходцами из Тира – научный факт. Но кому именно принадлежит эта честь? Античные авторы говорят, что не то в 826-м, не то в 814 году до н. э. к берегу Тунисского залива подошли корабли женщины по имени Элисса. Также она известна под именем Дидоны. В одном греческом словаре имя Дидона переводится с фи-

никийского как «блуждающая» (πλανητις). Согласно Вергилию[3], Дидона бежала сюда после того, как ее брат Пигмалион – царь Тира – убил ее мужа Сихея, чтобы завладеть его богатством.

В окрестностях будущего Карфагена жили ливийские племена. К предводителю одного из них, Гиарбу, и обратилась, по преданию, Дидона. «Мои спутники утомлены долгим плаванием, – сказала она. – Им надо собраться с силами, прежде чем отправиться в путь». Дидона готова была купить столько земли, сколько может охватить бычья шкура. Гиарб согласился – подумаешь, какая малость! Но Элисса-Дидона перехитрила его. Она велела разрезать шкуру на тонкие полоски. Растянув их на холме, финикийцы очертили место, вполне достаточное для постройки крепости. Договор есть договор, и пораженный Гиарб отдал эту землю Дидоне. Холм и цитадель на нем назывались с тех пор Бирса – «шкура». На этом холме колонисты нашли конскую голову и сочли это счастливым предзнаменованием. Поэтому на карфагенских монетах часто изображался конь – символ могущества Карфагена.

Царица Элисса через несколько лет покончила с собой. Вергилий рассказывает романтическую историю: Дидона взошла на костер из-за несчастной любви к троянцу Энею, который бросил ее, чтобы продолжить свой путь. А римский историк Юстин, живший предположительно в III веке, пи-

---

[3] *Публий Вергилий Марон* (70–19 гг. до н. э.) – знаменитый древнеримский поэт, автор «Энеиды».

шет, что царица погибла из-за притязаний Гиарба. Он требовал ее руки, а в случае отказа грозил чужакам войной. Загнанная в угол, несчастная Дидона бросилась на меч.

А Карфаген (по-финикийски «Карт-Хадашт» – «Новый город») со временем приобрел огромное влияние. В VIII веке до н. э. Финикия была захвачена Ассирией, а в 38 году до н. э. перешла под власть персов. Затем финикийские колонии Западного Средиземноморья получили независимость и объединились под эгидой Карфагена.

Мифические времена, когда власть финикийцев ограничивалась пределами Бирсы, были давно забыты. Карфаген захватил и присоединил к своим владениям берега Африки, населенные дикими племенами. Со временем карфагеняне не только остановили греческую колонизацию, но и отняли у греков западную часть Сицилии. Корсика, Сардиния и Мальта также достались Карфагену. Пунийцы (так римляне называли финикийцев – жителей североафриканских колоний, хотя, в сущности, этнический состав карфагенян был к тому времени уже довольно пестрым) прибрали к рукам Балеарские острова, а в Испании подчинили более раннюю финикийскую колонию – Гадир. И все это на глазах могущественного Рима!

Карфаген мешал Риму установить контроль над Средиземным морем. В ходе Первой (264–241 гг. до н. э.) и Второй (218–201 гг. до н. э.) Пунических войн Рим сильно потеснил соперника. И тем не менее римский политик Катон Стар-

ший[4] заканчивал каждое свое выступление в сенате словами: «Карфаген должен быть разрушен!» Мечта Катона сбылась через три года после его смерти – в 146 году до нашей эры, когда в ходе Третьей Пунической войны римский полководец Сципион Эмилиан захватил Карфаген. «Огонь сжигал все и перекидывался с дома на дом, а люди не постепенно разбирали здания, но, навалившись все разом, обрушивали их. От этого грохот еще более усиливался, и все вместе с камнями вываливались на середину улиц, вперемешку и мертвые и живые, в большинстве старики, женщины и дети, которые прятались в укромных местах домов; одни раненые, другие полуобнаженные, они испускали жуткие вопли.

Другие же, сбрасываемые и падавшие с такой высоты вместе с камнями и горящими балками, испытывали огромные страдания, ломая кости и разбиваясь насмерть. Но этим их мучения не кончались; сборщики камней… расчищали дорогу для пробегавших солдат, одни – топорами и секирами, другие – остриями крючьев сбрасывая мертвых и еще живых в ямы, таща их и переворачивая железом, как бревна и камни.

Люди, точно мусор, заполняли рвы… Лошади на скаку разбивали им лица и черепа, не потому, что всадники этого хотели, но из-за спешки. По этой же причине так делали и сборщики камней; трудность войны, уверенность в близ-

---

[4] *Марк Порций Катон* Старший (234–149 до н. э.) – древнеримский полководец, государственный деятель и писатель.

кой победе, быстрое передвижение войск, военные центурионы, пробегавшие мимо со своими отрядами, сменяя друг друга, – все это делало всех безумными и равнодушными к тому, что они видели», – писал древнеримский историк Аппиан Александрийский. Шесть дней шли бои на улицах Карфагена. Город был сожжен и разрушен. Римляне вспахали его территорию плугом и засеяли солью в знак того, что тут никто никогда не должен селиться.

Прошло чуть больше ста лет, и римляне решили основать на месте Карфагена колонию. Ее назвали «Colonia Julia Carthago» («карфагенская колония Юлия») в честь Юлия Цезаря. Римские инженеры сровняли вершину Бирсы и построили храмы и общественные здания. Через некоторое время город вновь утопал в роскоши, но это был уже совсем другой Карфаген. Прежний – мифический и реальный – погиб навсегда.

Финикийцы в новом свете?

Конечно, древняя история полна загадок. Но до сих пор мы говорили о фактах, которым ученые способны дать оценку: царица Дидона – персонаж скорее мифический, чем реальный, а страна Пунт, вероятнее всего, берег современного Сомали. Но попадаются задачки и потруднее. Вот одна из них: побывали ли жители Карфагена в Америке? Следы присутствия пунийцев в прибрежных водах Атлантики действительно есть. В 1749 году на одном из Азорских островов

– Корву – обнаружили кувшин с карфагенскими монетами 330–320 годов до н. э. Но продвинулись ли отважные мореходы дальше на запад?

В прессе и научно-популярной литературе то и дело появляются рассказы о том, как какой-нибудь исследователь нашел неоспоримые доказательства пребывания финикийцев в Новом Свете. К этим свидетельствам – надписям или предметам – ученые относятся скептически. И их предубеждение вполне понятно – каждый раз повторяется одна и та же история: «неоспоримые доказательства» оказываются изготовленными руками мошенников.

Приведем несколько примеров. В 1869 году на берегу реки Онондаги в штате Нью-Йорк откопали громадную каменную статую со стершейся финикийской надписью. Однако вскоре выяснилось, что это подделка. Не вызвал особых сомнений в неподлинности и другой артефакт – плита с финикийскими письменами, найденная в 1874-м в Параибе на территории Бразилии. Прошел год и снова сенсация: в том же Параибе обнаружили якобы *настоящую* финикийскую надпись! За ее подлинность ручался наивный директор Национального музея в Рио-де-Жанейро – доктор Владислав Нетто. Вот содержание этой надписи. Несколько человек спаслись во время гибели Карфагена и переправились через океан. Некоторые из них, в том числе предводитель, погибли, а авторы этого послания живы, но их подстерегает смерть из-за невыносимой жары. Конечно, доктор Нетто ни-

какого отношения к подделке не имел: просто, по-видимому, был романтиком и очень хотел верить, что находка – подлинник. Но через несколько лет другой ученый, один из лучших знатоков финикийской письменности, немецкий профессор Литтман увидел факсимиле этой надписи. Выяснилось, что ничего нового нет под солнцем: это был слегка измененный вариант первой фальшивки из Параибе.

Но на этом история «Бразильского камня» не заканчивается. Следующий вариант надписи из Параибе приобрел известность почти через сто лет. Копию очередного «неоспоримого доказательства» обнаружили в старых бумагах американского репортера Уильберформа Имса, к тому времени давно покойного. Историк из университета Брандейса в США профессор Сайрус Гордон прочитал послание финикийцев, датировал его VI веком до н. э. и сделал перевод: «Мы – сыны Ханаана из Сидона, города царя. Торговые дела завели нас на этот далекий берег, в край гор. На 19 году (правления Хирама, нашего могущественного царя) мы принесли в жертву великим богам и богиням юношу. Мы отплыли из Эзион-Гебера в Красное море и отправились в путешествие на 10 судах. Два года все вместе мы плыли по морю вокруг земли Хам (Африка), но были разлучены рукой Ваала (штормом) – и уже не стало с нами наших товарищей. И так мы попали сюда, 12 мужчин и три женщины, на… берег, который покорился мне, адмиралу. Да благоприятствуют нам великие боги и богини!»

Выводы Гордона опроверг профессор из Гарвардского университета Фрэнк М. Кросс. Он заметил, что буквы, которыми сделана надпись, были в ходу в различные периоды истории Финикии, поэтому не могут сосуществовать в рамках одного текста, если, конечно, он не поддельный. Аромат тайны развеялся. Но в истории древних семитов все же есть еще одна загадка, над которой ученые ломают голову по сей день. Все началось с дружбы двух царей…

Копи царя Соломона

Об одном из них – библейском Соломоне, сыне Давидовом (он же герой арабских сказок Сулейман ибн-Дауд), – мы слышали с детства. Правитель объединенного Израильского царства в 96 —928 годах до н. э., в период его наивысшего расцвета, был настоящим мудрецом. Соломон – автор нескольких книг Священного Писания, а именно Песни Песней, Книги Притчей Соломоновых, некоторых псалмов, и, как полагает большинство ученых, Книги Екклесиаста, в которой есть такие слова: «Суета сует! Все – суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под Солнцем? Род проходит и род приходит, а Земля пребывает вовеки; восходит Солнце и заходит Солнце – и спешит к месту своему, где оно восходит; идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем – и возвращается ветер на круги свои; все реки текут в море, но море не переполняется – к тому месту, откуда реки текут, они возвраща-

ются, чтобы опять течь. Все вещи – в труде; не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием; что было – то и будет, и что делалось – то и будет делаться, и нет ничего нового под Солнцем! Бывает нечто, о чем говорят: Смотри, вот, это – новое! – но *это* было уже в веках, бывших прежде нас! Нет памяти о прежнем – да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после!»

Этот царь прославился как справедливый судья. Вот о чем рассказывает одна притча. Вскоре после того как Соломон взошел на престол, к нему пришли две женщины и попросили их рассудить. Они жили в одном доме, и у каждой был грудной ребенок. Ночью одна из них задавила своего младенца и подложила его другой женщине, а ее ребенка – живого – взяла себе. Утром женщины начали спорить: «Живой ребенок мой, а мертвый твой», – утверждала каждая из них. Не придя к согласию, они отправились к царю. Соломон выслушал их и приказал принести меч. «Рассеките живого ребенка пополам и отдайте половину одной и половину другой». Одна из женщин испугалась и закричала: «Нет! Отдайте лучше ей младенца, но не убивайте его!» В то же время другая сказала: «Рубите, пусть не достанется ни ей, ни мне». Тогда Соломон принял решение: «Не убивайте ребенка, а отдайте его первой женщине: она его мать». Много удивительных историй рассказано о мудрости еврейского царя. Так, например, на его знаменитом кольце было начертано: «Все

проходит», а на внутренней стороне была еще одна надпись: «И это пройдет». Таков был царь Соломон.

А другого царя, о котором пойдет речь, звали Хирам. Хирам I Великий был финикийцем – царем тирским и библским. Тир при нем достиг своего расцвета. Хирам был в дружественных отношениях с отцом Соломона Давидом, и, как говорит Библия, отправил к Давиду плотников и снабдил его кедровыми деревьями для постройки его дворца в Иерусалиме. Когда на престол взошел Соломон, Хирам прислал к нему посольство. Соломон в это время приступил к постройке Иерусалимского храма и попросил финикийского царя о содействии. цари заключили между собой союз. Хирам присылал Соломону кедровые и кипарисовые деревья, золото, а также каменщиков и плотников. Среди финикийцев, прибывших к Соломону, был человек по имени Хирам-Авий. Он стал начальником строительства. Знаменитый еврейский историк I века н. э. пишет о дивном искусстве Хирама-Авия следующее: «Этот человек был знатоком во всякого рода мастерствах, особенно же искусным художником в области обработки золота, серебра и бронзы, ввиду чего он и сделал все нужное для украшения храма сообразно желанию царя Соломона. Этот-то Хирам соорудил также две медные колонны для наружной стены храма, в четыре локтя в диаметре. Высота этих столбов доходила до восемнадцати аршин, а объем до двенадцати локтей. На верхушку каждой колонны было поставлено по литой лилии вышиною в

пять локтей, а каждую такую лилию окружала тонкая бронзовая, сплетенная как бы из веток сеть, покрывавшая лилию. К этой сети примыкало по двести гранатовых яблок, расположенных двумя рядами. Одну из этих колонн Соломон поместил с правой стороны главного входа в храм и назвал ее Иахин, а другую, которая получила название Воаз, он поставил с левой стороны. Затем было вылито и медное «море» в форме полушария. Такое название – «моря» – этот сосуд для омовения получил благодаря своим объемам, потому что он имел в диаметре десять локтей, а толщина была в ладонь. Дно этого сосуда в середине покоилось на подставке, состоявшей из десяти сплетенных медных полос, имевших вместе локоть в диаметре. Эту подставку окружало двенадцать волов, обращенных по трое во все четыре стороны света и примыкавших друг к другу задними конечностями, на которых и покоился во всей окружности своей медный полушаровидный сосуд. «Море» это вмещало в себя три тысячи батов. Вместе с тем мастер Хирам соорудил также десять бронзовых четырехугольных подставок для сосудов, которые назначались для омовений. Каждая такая подставка имела пять локтей длины, четыре ширины и шесть высоты, и каждая из них была устроена и украшена резьбою следующим образом: вертикально были поставлены по четыре четырехугольные колонки, которые соединялись между собою поперечными пластинками (планками), образовавшими три пролета, из которых каждый замыкался столбиком, опирав-

шимся на нижнюю раму всей подставки. На этих столбиках были сделаны рельефные изображения где льва, где вола, а где и орла. Такие же рельефные изображения, как и на средних колонках, имелись также на крайних столбах. Вся эта подставка покоилась на четырех подвижных литых колесах, диаметр которых вместе с ободом доходил до полутора локтей. Всякий, кто смотрел на окружность этих колес, не мог не удивиться тому, как искусно они были пригнаны и прилажены к боковым столбам подставки и как плотно они прилегали к основе этой подставки. Верхние концы основных крайних столбов заканчивались ручками наподобие вытянутых вперед ладоней, а на этих последних покоилась витая подставка, поддерживавшая умывальник, в свою очередь опиравшийся на колонки с рельефными изображениями львов и орлов, причем весь верх этой подставки был так искусно скреплен между собою, что на первый взгляд казался сделанным из одного куска. Между рельефными изображениями указанных львов и орлов выделялись также рельефные финиковые пальмы. Таков был характер означенных десяти подставок для сосудов. Затем Хирам сделал и самые десять умывальниц, круглых медных сосудов, из которых каждый вмещал в себе по сорока батов. Глубина каждого сосуда доходила до четырех локтей; такой же величины был и диаметр их от края до края. Эти умывальницы он поставил на означенные десять подставок, получивших название мехонот. Пять умывальниц было помещено налево, то есть от

храма, с северной стороны его, и столько же с правой, то есть с южной стороны, если обратиться лицом к востоку. Тут же было вмещено и «медное море». После того как эти сосуды были наполнены водою, царь назначил «море» для омовения рук и ног священников, входивших в храм и собиравшихся приступить к алтарю, тогда как целью умывальниц служило обмывание внутренностей и конечностей животных, назначавшихся к жертве всесожжения. Затем был сооружен также медный алтарь для жертв всесожжения, длиною и шириною в двадцать локтей, а высотою в десять. Вместе с тем Хирам вылил из меди также все приборы к нему, лопаты и ведра, кочерги, вилы и всю прочую утварь, которая красивым блеском своим напоминала золото.

Царь Соломон в старости. *Гравюра Г. Доре*

Далее царь распорядился поставить множество столов, в том числе один большой золотой, на который клали священные хлебы предложения, а рядом бесчисленное множество других, различной формы; на последних стояли необходимые сосуды, чаши и кувшины, двадцать тысяч золотых и сорок тысяч серебряных. Сообразно предписанию Моисееву было сооружено также огромное множество светильников, из которых один был помещен в святилище, чтобы, по предписанию закона, гореть в течение целого дня; напротив этого светильника, который был поставлен с южной стороны, поместили у северной стены стол с лежавшими на нем хлебами предложения. Между обоими же был воздвигнут золотой алтарь. Все эти предметы заключались в помещении в сорок локтей ширины и длины, отделявшемся завесою от Святая святых. В последнем же должен был поместиться кивот завета».

Конечно, грандиозное строительство в столице и обустройство государства требовали пополнения казны. царь Соломон вел морскую торговлю. У него было множество кораблей в Тарсийском море, то есть в заливе Средиземного моря в Киликии, около города Тарса. Соломон закупал в разных землях серебро, золото, слоновую кость и рабов. Экспедицию в загадочную страну Офир Соломон снарядил также с помощью царя Хирама. Хирам прислал ему своих корабельщиков, знающих море, и вместе с подданными Соломона они

отправились в путь. Оттуда моряки привезли, как сказано в третьей книге царств, четыреста двадцать или, как говорит вторая книга Паралипоменон, четыреста пятьдесят талантов золота. Эта цифра поражает воображение. У разных народов мера веса «талант» варьировалась, но принято считать, что у евреев 1 талант в библейские времена составлял 44,8 кг. То есть речь идет о 18–20 тоннах золота! Веком позже другой царь – Иосафат – тоже решил отправить корабли в Офир, но, как говорит Библия, они «разбились в Ецион-Гавере».

Следующую попытку предпринял, по-видимому, фараон Нехо II, правивший на рубеже VII и VI веков до н. э. Руководить экспедицией он, как и Соломон, поручил финикийцам. Корабли отправились на юг из порта на побережье Красного моря. До возвращения экспедиции Нехо не дожил. Но проживи он дольше, был бы разочарован: моряки вернулись ни с чем. Офир они не нашли, правда, обогнули Африку, что с точки зрения истории было огромным достижением. Вот как повествует об этом эпохальном событии Геродот[5]: «Ливия… по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии; это, насколько мне известно, первым доказал Нехо, царь Египта… послал финикийцев на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столбы… Финикийцы вышли из Красного моря и за-

---

[5] *Геродот Галикарнасский* (484–425 до н. э.) – древнегреческий историк, автор трактата «Истории», описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов. Под Ливией он имел в виду Африку.

тем поплыли по Южному[6] океану. Осенью они приставали к берегу и, в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю, затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикийцы обогнули Геракловы Столбы и прибыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю…), во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне. Так впервые было доказано, что Ливия окружена морем». Но подробность, в которую Геродот не верит, как раз доказывает, что финикийцы действительно пересекли экватор и обошли вокруг африканского континента.

Но где же находилась таинственная страна Офир? По одной из самых популярных версий, финикийцы, миновав Красное море, взяли курс на юго-восток, обогнули полуостров Индостан и причалили где-то у восточных берегов Индии. Иосиф Флавий в I веке писал, что экспедиция Соломона отправилась «в страну, которая в древности называлась Софиром, а теперь именуется Золотой страной (она находится в Индии)». Безусловно, где же еще искать чудес, если не в Индии? Были также попытки связать с Офиром название индийского племени абхира. Но немецкий географ Рихард Хенниг считает индийскую версию сомнительной, поскольку тамошние правители «вряд ли разрешили бы каким-либо иноземным морякам заниматься разработкой залежей и запросто вывозить из страны богатейшие сокровища». А мо-

---

[6] Южным Геродот называл Индийский океан.

жет быть, моряки Соломона не разрабатывали залежи, а просто обменяли на золото какие-то товары? В XVII веке немецкий ученый Бохарт высказал предположение, будто существовало два Офира – один в Аравии, а другой в Индии – и что флот Соломона предпринял плавание на цейлон. Название местности Дхофар в Аравии тоже казалось исследователям похожим на слово «Офир». На Аравийском полуострове таинственную страну искали в Сабейском царстве, а также между йеменом и Хиджазом. Однако через Аравию проходили караванные пути, а, значит, незачем было плыть морем. По той же причине маловероятна местность Миднац, находящаяся у залива Акаба, недалеко от Ецион-Гавера, из которого экспедиция Соломона отправилась в путь.

Из далекой Аравии к Соломону по торговому пути, который назывался Дорогой благовоний, прибыл груженный подарками караван правительницы Сабейского царства царицы Савской. Прослышав о Соломоне, она прибыла в Иерусалим испытать царя загадками и поразилась его мудрости. Согласно эфиопским преданиям, Соломон и царица Савская стали родоначальниками трехтысячелетней династии абиссинских императоров. Кроме того, существует эфиопская легенда, что царица родилась в стране Офир, и лишь в пятнадцатилетнем возрасте перебралась в Сабейское царство, где стала правительницей. Но где же находилась ее родина?

Марокканский путешественник Ибн-Баттута, около 133 года посетивший Софалу на территории современного Мо-

замбика, сообщил, что глубже в Юго-Восточной Африке лежит богатая золотом страна йо-уфи. В 60-х годах XIX столетия охотник Адам Рендерс обнаружил в Юго-Восточной Африке какие-то руины. Это было Великое Зимбабве – комплекс древних каменных сооружений. Через некоторое время Рендерс показал дорогу к ним немецкому геологу Карлу Мауху, который впервые описал это место. Он предположил, что здесь находился дворец царицы Савской. Позже Великое Зимбабве исследовал английский археолог Джеймс Т. Бент. Он утверждал, что город построили финикийцы или арабы. Однако в 1929 году другой известный археолог, англичанка Гертруда Кейтон-Том-сон, доказала, что руины имеют африканское происхождение. Она считала, что Великое Зимбабве было основано около 1130 года н. э. и существовало в течение двух-трех столетий, то есть страной Офир оно быть никак не могло.

Кстати, есть исследователи, которые полагают, что возможно, моряки Соломона причалили к берегу в районе Софалы и купили золото у туземных племен – ведь на территории современного Зимбабве действительно есть залежи золота.

Месторождения золота есть и в Эфиопии, поэтому в тех краях тоже искали загадочную страну Офир. Золото добывают и в Малайзии. Кроме того, считается, что Птолемей[7] на-

---

[7] *Клавдий Птолемей* (ок. 87–16) – древнегреческий астроном, математик, оптик, теоретик музыки и географ.

зывал «Золотым Херсонесом» полуостров Малакку. Значит, как полагают некоторые исследователи, располагался Офир где-то здесь. Однако нет никаких подтверждений тому, что таинственная страна находилась в Эфиопии или Малайзии. А Соломоновы острова, лежащие в Тихом океане к востоку от Новой Гвинеи, на самом деле не имеют к царю Соломону никакого отношения, да и золота здесь нет. Просто открывший эти острова в 1568 году испанец Альваро Менданья де Нейра принял желаемое за действительное и поверил, будто нашел наконец Офир.

А как же Америка? Неужели Офир искали везде, только не на ее удивительных землях? Конечно, нет. Один испанский конкистадор – Васко Нуньес де Бальбоа, который первым из европейцев пересек в 1513 году Панамский перешеек и добрался до берегов Тихого океана, – утверждал, что знает путь в страну Офир. Там «золото лежит у поверхности земли и его роют лопатами». Васко Нуньес де Бальбоа хотел отправиться туда, но не успел, поскольку скончался.

И даже в наши дни американскую версию не сбрасывают со счетов. В то, что страна Офир находилась в Перу, верил Джин Савой. Этого неординарного человека, безусловно, считают авантюристом. Кроме того, он был не профессионалом, а всего лишь любителем. Однако любителем потрясающе талантливым и упорным… Академичные ученые до конца его дней (а умер он совсем недавно, в 2007 году) то аплодировали ему, то обвиняли в некомпетентности и по-

спешности суждений. Журнал «People» назвал его настоящим Индианой Джонсом. Савой получил ряд наград от перуанского правительства, и, следует заметить, совершенно заслуженных.

Настоящее имя этого человека – Дуглас Юджин Савой. Он родился в 1927 году в городе Беллингем (штат Вашингтон). В 17 лет он уже воевал – был морским стрелком во время Второй мировой. После войны Савой работал журналистом и редактором газеты. Славу ему принесли путешествия в джунгли Перу. В 1964 году археолог-любитель нашел город Вилькабамбу – последнюю столицу инков, павшую в 1572 году.

Джин Савой продолжал работу и в 196 году исследовал другой затерянный город, на сей раз построенный индейцами чачапойя – Гран-Пахатен. Формально он не открыл его, а просто изучил и описал – за год до того руины обнаружили местные жители. Местный мэр сообщил о находке в Лиму, но столичные власти не обратили на это внимания.

В 1969 году неугомонный Джин построил камышовый плот древней конструкции, известный как «Пернатый Змей I». Вместе со своей командой Савой проделал путь вдоль берега Перу в Мезоамерику – он хотел доказать, что перуанцы и мексиканцы еще в древности могли поддерживать контакты друг с другом, и их культурные герои[8] – мифические Ви-

---

[8] *Культурный герой* – тип мифологического героя, великий созидатель и исследователь, часто божественного происхождения или обожествленный впослед-

ракоча и Кецалькоатль – на самом деле один и тот же персонаж.

В 1977-м от берега отчалил «Пернатый Змей II». Он отправился из США на острова Карибского моря, потом в центральную и Южную Америку и наконец на Гавайи. Савой изучал ветры и океанические течения, искал морские пути в Америку, которыми, возможно, плавали древние.

Путешествуя на своих экзотических «судах», Джин показал себя великолепным мореплавателем, но его снова манили джунгли. В 1984-м он возвращается в Перу. Казалось, археолог ничего не боится: ни гепатита, которым болел во время странствий, ни змей, хотя они не раз его кусали, ни вооруженных партизан, недаром его кумиром был Эрнест Хемингуэй, который вел жизнь, полную приключений. В 198 – м Савою улыбнулась удача: он нашел еще один памятник культуры чачапойя – огромный комплекс Гран-Вилайя в долине реки Уткубамба, простирающийся на сто квадратных миль. С 198 – го по 1994 год Савой организовал шесть экспедиций в Гран-Вилайя. В конце 1989-го он сделал удивительное открытие: на окраине города обнаружил пещеру, спрятанную высоко в скале, и в ней – большие плиты типа дольменов, покрытые надписями. Один из символов привлек внимание исследователя: он решил, что это знак, которым царь Соломон отмечал свои корабли, отправлявшиеся в страну Офир.

В 1997 году Джин Савой вновь отправился в морское пу-

ствии.

тешествие. «Пернатого Змея III» строили два года. Каноэ-катамаран из красного дерева имел 73 фута в длину. Его половинки были связаны веревками, а устройство напоминало о доинкских и полинезийских судах. целью Савоя было доказать, что перуанцы могли плавать в открытом море. Каноэ Джина добралось из Перу до Гавайских островов за 42 дня.

С последним крупным открытием Савоя – Гран-Са-посоа – связана серия скандалов. В 1999 году он обнаружил в высокогорных лесах перуанского департамента Амазонас руины и предположил, что это доколумбов город Кахамаркилья, построенный все теми же чачапойя. Однако ученые опровергли доводы Савоя, ссылаясь на источники, в которых было указание на то, что Каха-маркилья – прежнее название современного высокогорного города Боливар. Кроме того, датские, немецкие и американские исследователи заявили, что давно знали о Гран-Сапосоа. В сентябре 200 года сын Джина Савоя, Шон, сделал заявление для агентства «Ассошейтед Пресс»: Гран-Сапосоа ограбили. После этого обвинения посыпались со всех сторон: научная общественность нападала как на правительство Перу, не способное обеспечить защиту ценного памятника истории, так и на Джина Савоя, который раструбил о Гран-Сапосоа в прессе и привлек к руинам внимание «черных археологов».

Резкой критике подвергли ученые и гипотезу Савоя о том, что Офир мог располагаться в Перу. Верить ли археологу-любителю? Судите сами.

Античные мореплаватели

Не боясь ни Сциллы ни Харибды

Поскольку финикийцы были прославленными мореходами, народы, жившие на берегах Средиземного моря, старательно учились у них. Но финикийцы умели хранить тайны. Боясь конкуренции, они не спешили раскрыть все секреты и даже пугали иноземцев разными страшными историями. Так, например, мифические Сцилла и Харибда, по распространенной версии, – плод буйной фантазии именно финикийских моряков. Вот как описывает этих чудищ Гомер. Скала Сциллы вздымалась высоко, ее острая вершина достигала неба и была вечно покрыта темными облаками. Посреди нее, на высоте, куда не долетают стрелы, зияла жуткая пещера, обращенная на запад: в ней и обитала ужасная Сцилла, оглашая окрестности лаем и визгом. У страшилища было двенадцать лап, а на косматых плечах подымалось шесть длинных гибких шей, увенчанных головами. Зубы Сциллы были очень острыми и располагались в три ряда. Сидя в своей пещере, чудовище выставляло все шесть голов наружу – так оно выслеживало добычу. Свесив лапы со скалы, Сцилла ловила дельфинов и других морских животных. А когда мимо ее обиталища проходил корабль, монстр разевал пасти и разом похищал с корабля по шесть человек. Харибда же обитала под второй скалой. Незримая водяная богиня три раза в

день поглощала и извергала морскую воду, образуя опасный для путешественников водоворот. Сцилла и Харибда охраняли Мессинский пролив – пролив между Сицилией и Италией.

В представлении древних греков море и океан выглядели совсем иначе, чем на самом деле. В описании того же Гомера океан – это величайший в мире поток, в котором берут начало все реки, из него восходят солнце, луна и звезды. Согласно греческим мифам, у входа в океан стоял великий Атлант, который держал на плечах небесный свод – потому-то и называли они океан Атлантическим.

Греки были уверены, что берега океана населяют удивительные народы, а на его просторах затеряны чудесные острова, жизнь на которых напоминает сказку. Гесиод – знаменитый поэт и рапсод, то есть исполнитель эпических поэм, живший в VIII–VII веках до н. э., называл эти острова Блаженными. На них обитали легендарные герои – остатки «расы», которая предшествовала нынешним людям. Множество героев нашли смерть на полях великих сражений, таких как Троянская война, а тем, что остались, Зевс дал место на краю Земли – вдали от людей. Кипящий водоворотами океан окружает эти острова, и нелегко до них добраться. Ничто не нарушает спокойствия островитян – плодородная земля приносит им урожай плодов трижды в год, а плоды там медово-сладкие. Ни забот, ни печали не ведают герои.

Современному человеку трудно понять древних греков:

о том, что подобных чудес на Земле нет и быть не может, знает даже ребенок, еще не знакомый со школьным курсом географии. Но в античности и средневековье о дивных островах – Островах Счастливых, Гесперидах и Елисейских полях – писали в научных трудах (и даже снаряжали туда экспедиции). В отличие от современного человека, всегда скептически настроенного по отношению к тому, что он читает или слышит, люди античности и средневековья доверяли книге. Вообразите, какова была сила авторитета, если в университетах учили, что у мухи восемь лапок – так по ошибке написал Аристотель в трактате «О частях животных», и никто не смел эти лапки пересчитать. Правда, педантичные ученые мужи обычно ссылались на источник, из которого почерпнули сведения о тех или иных народах, но сослаться можно и абстрактно: «говорят, что…». Так, например, Геродот пишет: «К западу от реки Тритона в пограничной с авсеями области обитают ливийцы[9]-пахари, у которых есть уже постоянные жилища. Имя этих ливийцев – максии. Они отращивают волосы на правой стороне головы и стригут их на левой, а свое тело окрашивают суриком. Говорят, будто они – выходцы из Трои. В их земле, да и в остальной части Ливии к западу гораздо больше диких зверей и лесов, чем в области кочевников. Ведь восточная часть Ливии, населенная кочевниками, низменная и песчаная вплоть до реки Тритона. Напротив, часть к западу от этой реки, занимаемая пахарями,

[9] Как мы помним, Геродот подразумевал под Ливией Африку.

весьма гористая, лесистая, с множеством диких зверей. Там обитают огромные змеи, львы, слоны, медведи, ядовитые гадюки, рогатые ослы, люди-песьеглавцы и совсем безголовые, звери с глазами на груди (так, по крайней мере, рассказывают ливийцы), затем – дикие мужчины и женщины и еще много других уже не сказочных животных».

Не боясь чудовищ и неизведанных стран, греки постепенно стали искусными мореплавателями. Это было обусловлено практической необходимостью: ни один город Греции не был удален от моря более чем на 90 км, большинство селений располагалось еще ближе к берегу. А было еще и множество островов и островков, на которых можно было жить вполне комфортно, если, конечно, иметь хорошие суда – ведь надо постоянно подвозить туда товары. А когда Средиземноморье и Причерноморье стали ареной греческой колонизации, колонии – Тарент, Сиракузы, Массалия, Трапезунд, Херсонес Таврический и другие – тоже потребовали регулярного снабжения, ведь многие из них находились от метрополии довольно далеко. Кроме того, колонии надо было защищать. Поэтому греческие корабли способны были выдержать конкуренцию даже с финикийскими. Доказательством тому служит битва при Саламине в 480 году до н. э., когда суда греков – триеры, то есть парусно-гребные корабли с тремя рядами весел – наголову разбили эскадру персидского царя Ксеркса, часть которой состояла из финикийских кораблей.

Известно также, что греки совершали далекие океанские плавания. Еще в VII веке до н. э. уроженец Самоса Колей, пройдя через Гибралтарский пролив, побывал на западном побережье Испании, в богатом городе Тартесе. А в VI веке до н. э. Эвтимен из Массалии исследовал Атлантическое побережье Северной Африки. Но самое знаменитое путешествие совершил в IV веке до. н. э. массалиот Пифей.

Тайна Пифея

Свое путешествие он начал из родного города Массалия (современный город Марсель на юге Франции), миновал Гибралтарский пролив, проплыл вдоль Атлантического побережья Пиренейского полуострова, вышел в Бискайский залив и прошел мимо берегов Галлии (современная Франция). Дойдя до берегов полуострова Арморика (нынешняя Бретань), этот отважный мореплаватель взял курс на Британию. Достигнув современного мыса Ленде-Энд (что в переводе значит «конец земли»), расположенного на юго-западной оконечности Британии, он обошел этот остров вокруг и вернулся в то же место. От берегов Шотландии поплыл к загадочному острову Туле, после чего через Северное море добрался до полуострова Ютландия (современная Дания), прошел в Балтийское море и оттуда вернулся в город Гадес на южной оконечности Пиренейского полуострова (современный город Кадис в Испании). Общая протяженность маршрута путешествия Пифея достигает приблизительно 125000

километров. Во времена Пифея это был подвиг человеческого духа. Даже расстояние, пройденное экспедицией Христофора Колумба, было значительно меньше, чем то, что преодолел Пифей, хотя он плавал в прибрежных водах.

По возвращении домой Пифей написал научный труд «Об Океане», в котором рассказал подробности своего путешествия. Будучи, как и многие древние ученые, энциклопедистом, Пифей занимался не только географией, но и другими науками. Благодаря глубоким познаниям в математике и астрономии он сумел с потрясающей точностью вычислить географическую широту родного города Массалии. Пифей создал передовую для своего времени теорию приливов и отливов: он проследил их связь с фазами Луны. К сожалению, теория Пифея не дошла до нас непосредственно, мы знаем ее только в пересказах других античных авторов. Кое-кто из древних использовал и другие выводы морехода из Массалии. В частности, полемизируя с Эвдоксом Книдским[10] о расположении звезд на полюсе мира, Гиппарх[11] приводит результаты астрономических наблюдений Пифея, которые тот проводил во время своего плавания в северных широтах.

Правда, спустя некоторое время, несмотря на доверие

---

[10] *Эвдокс Книдский* (ок. 408 – ок. 535 до н. э.) – древнегреческий математик и астроном.

[11] *Гиппарх Никейский* (ок. 190 – ок. 120 до н. э.) – древнегреческий астроном, географ и математик. Гиппарха часто называют величайшим астрономом античности, поскольку он привнес в греческие геометрические модели движения небесных тел, предсказательную точность астрономии Древнего Вавилона.

Гиппарха и Эратосфена[12], античные ученые стали относиться к труду Пифея скептически. Так, Полибий[13] сомневался, что небогатый и незнатный человек имел возможности для путешествия по окраинам ойкумены[14]. Современные исследователи совершенно обоснованно возражают Полибию. Во-первых, Полибий жил два столетия спустя после смерти Пифея, поэтому получить какие-либо достоверные сведения о бедности последнего он не мог. Во-вторых, Пифей посвящал много времени занятиям астрономией, что было бы невозможно, не будь у него денег. А в-третьих, чтобы разобраться, прав ли Полибий, надо рассмотреть причины, по которым люди того времени отправлялись в дальние странствия. Сигналом тронуться в путь могли быть, например, результаты гадания с помощью костей, внутренностей животных и полета птиц, ответы различных оракулов, выполнение обетов, данных богам по разным поводам, желание посетить тот

---

[12] *Эратосфен Киренский* (276–194 до н. э.) – греческий математик, астроном, географ и поэт.

[13] *Полибий* (?201 до н. э., Мегалополь, Аркадия —?120 до н. э.) – греческий историк, государственный деятель и военачальник, автор «Всеобщей истории» («Истории») в 40 томах, охватывающих события в Риме, Греции, Македонии, Малой Азии и в других регионах с 220-го по 146 г. до н. э.

[14] У греков был особый термин – «ойкумена» (*греч.* οἰκουμένη, от *греч.* οἰκέω – «населяю, обитаю»). Его ввел древнегреческий историк и географ Гекатей Милетский (прим. 550–490 до н. э.) для обозначения известной грекам части Земли с центром в Элладе. Сначала этим словом обозначались земли, заселенные греческими племенами, а позже так стали называть заселенные и известные человечеству территории в целом.

или иной известный храм. Среди светских причин можно назвать дипломатические миссии и существовавший испокон веков шпионаж. Были еще военные походы. Греки жили в тесных долинах у подножия гор и на крохотных равнинах вдоль побережий. В мирное время население этих клочков земли быстро росло, появлялись «лишние люди», которым трудно было прокормиться от щедрот матери-природы. Эллины нашли выход – они расширяли греческий мир за счет земель варваров. В своем роде путешественниками становились также наемники, многие из которых получили хорошее образование. Участие греков в военных кампаниях на территории Персидской державы позволило получить ценные знания о землях и народах Ближней Азии. Во многом уже известными путями, в том числе благодаря таким воинам-ученым как Ксенофонт[15], пойдет на Восток армия Александра Македонского. «Вождь всех эллинов» был учеником самого Аристотеля. И знаменитый приказ «Армию – в каре, ослов и ученых – в середину» вполне мог прозвучать на два тысячелетия раньше, чем его отдал будущий император Франции Наполеон Бонапарт.

Иногда к научным открытиям приводило и просто желание увидеть своими глазами те чудеса и тайны, которыми

---

[15] *Ксенофонт* (не позже 444 – не ранее 356 до н. э.) – древнегреческий писатель, историк, афинский полководец и политический деятель. Ксенофонт – автор «Анабасиса Кира» – сочинение, описывающее историю злополучного «похода 10 000» греков в составе войска Кира Младшего на Вавилон против его брата, персидского царя Артаксеркса II.

полны неведомые земли. Но почему же отправился в путь наш герой Пифей? Не стоит забывать о том, что жители Массалии торговали ремесленными изделиями, товарами роскоши и винами, а кроме того, зарабатывали деньги как торговые посредники. Поэтому поиски новых рынков сбыта были очень важны для массалиотов. Их могли интересовать и новые источники сырья для греческих ремесленников (месторождения металлов, места залегания глин), а также леса с ценными породами дерева. Так почему же Полибий решил, что Пифей оплатил путешествие из собственного кармана? Он мог получить средства из казны полиса: исходя из практических соображений, граждане города вполне могли финансировать плавание своего храброго соотечественника.

Естественно, Пифей сочетал общественное и личное, коммерцию и науку. Однако несомненно, что в первую очередь он представлял интересы своего полиса, а не свои собственные. Массалиоты были известны как купцы далеко за пределами Западного Средиземноморья, и, конечно, монополия Карфагенской державы на торговлю со странами Атлантического побережья Европы была им не по вкусу. Балтийский янтарь, североевропейская пушнина и британское олово – вот в чем нуждалась Массалия.

Выполняя важное поручение, Пифей побывал на юге Британии и отметил, что местные жители гостеприимны и постоянно торгуют с купцами из других краев ойкумены. Он описал процесс добычи олова путем прорывания тоннелей

и галерей и определил форму слитков олова как похожую на «астрагалы» – игральные кости. Пифея поразило хитроумие аборигенов: готовые слитки они перевозили по морскому дну во время отлива.

Посетил Пифей и страны Балтии, где своими глазами видел, как местные жители используют драгоценный янтарь в качестве топлива. Лишь незначительная его часть предназначалась на продажу.

Рассказы Пифея о море, движениях морской воды, наблюдения за растениями и животными в различных географических зонах, путевые заметки о живущих там людях свидетельствуют об отличном знакомстве автора с предметом повествования. Столь подробное описание мог сделать лишь тот человек, который действительно побывал в этих краях.

Но есть и факты более чем странные. Так Пифей якобы добрался до некой земли Туле. Что именно он за нее принял, да и побывал ли там вообще, остается загадкой. К сожалению, труд «Об Океане» до наших дней не сохранился, и судить о нем мы можем только по цитатам и пересказам позднейших авторов, как веривших, так и не веривших Пифею. Среди последних – Страбон[16], который считал ложью многое из того, что написал путешественник. Для начала Страбон справедливо обвиняет Пифея в неточности указанных рас-

---

[16] Ст*рабон* (ок. 64/63 – ок. 23/24 н. э.) – греческий историк и географ, автор несохранившейся «Истории» и сохранившейся почти полностью «Географии» в 17 книгах.

стояний и, более того, в их завышении. Однако не стоит забывать, что у античных мореплавателей не было навигационных инструментов для вычисления точного расстояния на море. Далее Страбон пишет, что земля Туле – выдумка, поскольку «современные писатели ничего не могут сообщить о какой-либо стране севернее Иерны, которая находится к северу от Бретани и вблизи от нее и является местом обитания совершенно диких людей, вследствие холода живущих в скудости; поэтому я полагаю, что северный предел обитаемого мира следует считать здесь». Иерне называлась в те времена Ирландия.

Обратимся теперь к авторам, которые считали Туле реально существующей территорией, а отнюдь не фантазией Пифея. Так, например, Клеомед[17] рассказывает о пребывании Пифея в земле Туле уверенно и твердо, он считает, что рассказ массалиота правдив от начала до конца.

---

[17] *Клеомед* – древнегреческий астроном и философ-стоик. До нас дошло единственное его сочинение «Учение о круговращении небесных тел». Время жизни Клеомеда достоверно неизвестно. Ученые полагают, что он жил либо в первой половине I века до н. э., либо во второй половине IV века н. э.

Статуя Пифея в Марселе

Любопытный штрих в спор о путешествии Пифея вносит описание им белых ночей – явления, совершенно неизвестного античным грекам, да и многим другим народам Средиземноморского ареала и хорошо знакомое многим путешественникам и землепроходцам позднейших времен. Предоставим слово римскому географу Помпонию Меле[18]: «Туле… Там… ночи летом светлые, потому что в это время солнце, уже поднявшись выше, хотя само не видимо, однако скрытым по соседству блеском освещает ближайшие к нему места. В момент же летнего солнцестояния ночей нет, так как солнце тогда уже гораздо лучше видимое, являет не только свое сияние, но также большую часть своего шара».

Пифея из Массалии цитирует греческий ученый Гемин Родосский[19]. Повествуя о жителях северных стран, – то есть обитателей земель за Пропонтидой (совр. Мраморное море), – Гемин Родосский пишет: «У тех, кто живет севернее Пропонтиды, самый длинный день составляет шестнадцать равноденственных часов, у тех же, кто живет еще дальше на север, этот день длится семнадцать и восемнадцать часов.

---

[18] *Помпоний Мела* – римский географ, дата рождения которого неизвестна. Однако труд Помпония Мелы «De situ orbis libri III» написан предположительно около 43 года н. э.

[19] *Гемин Родосский* – греческий астроном, астролог и математик, живший во второй половине I в. до н. э.

В эти места, кажется, приходил Пифей Массалиот. В самом деле он говорит в своих описаниях Океана: “Варвары нам показывали, где садится солнце. Ведь в этих местах случается, что ночь бывает совсем короткой, длясь два или три часа, так что солнце, садясь, после короткого интервала тотчас поднимается”».

Плиний Старший[20] тоже упоминает Пифея и его описание Туле. По словам Плиния, остров Туле расположен там, где Солнце ближе всего к полюсу летом, в период летнего солнцестояния. Эта территория постоянно освещена на протяжении полугода, а зимой Солнце находится с другой стороны Земли, и поэтому следующие полгода на острове Туле царит полярная ночь.

Некоторые сведения о Туле можно найти у византийского писателя Прокопия Кесарийского[21]. Он пишет, что там ежегодно летом в течение месяца и еще десяти дней солнце висит в небе, освещая остров то с запада, то с востока. А зимой, наоборот, не восходит в течение этого времени. Тогда на острове ведут отсчет дней, ориентируясь по движению других небесных светил – звезд и Луны. Сосчитав месяц и пять дней, старейшины поднимаются в горы и, достигнув вершины, ждут зарю на горизонте. Заметив ее, они возвра-

---

[20] *Плиний Старший* (23–79 н. э.) – римский писатель-эрудит, автор «Естественной истории».

[21] *Прокопий Кесарийский* (между 490 и 507 – после 565) – византийский писатель; секретарь полководца Велизария.

щаются к соплеменникам с радостной вестью: меньше чем через неделю Солнце снова согреет землю.

Что же еще пишет об острове и его обитателях Прокопий Кесарийский? Он отмечает, что большая часть здешних земель непригодна для жизни, а в пригодной обитает более десятка племен, во главе каждого из которых стоит вождь. Племена отличаются друг от друга. Самое дикое из них – скритифины – живет охотой, не зная землепашества. Скритифины одеваются только в шкуры диких зверей, а новорожденных выкармливают содержимым черепов только что убитой дичи. Другие племена поклоняются богам и демонам небес, моря и земли, божествам рек и источников, а также мертвым и героям. Они приносят жертвы, в том числе и человеческие – например, захваченных в бою пленных. Наиболее почитаем у них бог войны, что и не удивительно, ибо в этой местности постоянно шли какие-то стычки между соседними племенами или даже пришельцами из других мест. Так, например, Прокопий Кесарийский рассказывает, что некие эрулы, пройдя сквозь земли данов, погрузили на корабли весь свой скарб, и Северной Атлантикой прибыли на Туле, где и заселили часть острова, заполненную горами и большими лесами, с огромным количеством дичи.

Исследователь В. В. Федотов, анализируя текст Прокопия Кесарийского, сделал вывод, что, возможно, тот опирался не только на текст Пифея в пересказе античных авторов. Со времен Страбона и Плиния могли состояться и новые кон-

такты с Туле.

Где же могла находиться таинственная земля?

Римлянин Солин[22] сообщает, что путешествие от Оркнейских островов, которые ныне составляют одну из 32 областей Шотландии, до Туле занимает пять суток. Но беспримерный поход Пифея не закончился на загадочном острове. Побывав там, он снова вышел в море и еще сутки шел на север, к «замерзшему морю». От Плиния Старшего мы знаем, что это море называли Кроновым. Ряд современных исследователей полагает, что Плиний имел в виду Кронов океан, расположенный, по мнению греков, в потустороннем мире. Другие ученые указывают на то, что по-кельтски «застывшее море» произносится как «muir-croinn», а проводниками Пифея вполне могли быть кельты. Следовательно, встает вопрос: что же соответствует действительности: мифологическое объяснение или же возможная ошибка звукопередачи с кельтского языка на греческий, а затем и латынь. Как бы то ни было, здесь, по словам Пифея, заканчивался реальный мир. Дальше находилось некое «морское легкое», по которому нельзя было продвигаться вперед ни вплавь, ни посуху. Что именно имел в виду Пифей, никто не знает. Существует множество объяснений, ни одно из которых нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Например, Пифей мог уви-

---

[22] *Гай Юлий Солин* (III в. н. э.) – римский писатель, автор популярного произведения «О достойном памяти» («Собрание достойных упоминания вещей»). Этот труд главным образом основан на географических трудах Помпония Мелы и несохранившихся работах Светония.

деть медузу гигантских размеров или же скопление этих существ. Возможно, корабль путешественника во время отлива попал на мель, «морскую банку», где вода образует многочисленные канальцы, поразительно напоминающие поверхность легкого, и слегка колышется, как будто бы дышит гигантский организм. А может быть, речь идет о зарослях морских водорослей, паковом льде с вкраплениями ила, глин и песчаников или же вулканической пемзе.

Античный историк Тацит[23] сообщал, что за Оркнейскими островами римские военные моряки видели Туле, но подчинились приказу командования оставаться в водах подле Оркнейских островов. Возможно, римляне видели островок Мейнленд, входящий в состав Шетландских островов. Но по продолжительности дня и ночи, описанных знаменитым массалиотом, Туле больше соответствует Исландия. Кроме того, парусный корабль античной эпохи мог преодолеть расстояние между Шотландией и Исландией за описанное Пифеем время – 6 суток. Версию о том, что Туле и есть Исландия, впервые высказал в 82 году н. э. ирландец Дикуиль, который, как и многие образованные люди того времени, был монахом. Уже более тысячи лет эта гипотеза имеет множество приверженцев. Среди них профессор университета Генуи Гастон Брош. Но есть доводы против предположения монаха Дикуиля. Во-первых, по современным данным, Исландия до VIII века н. э. была незаселенной, в отличие от земли

[23] Публий или Гай Корнелий Тацит (ок. 6—117) – древнеримский историк.

Туле. Тем не менее есть вероятность того, что остров обезлюдел. Во-вторых, близкое к полюсу расположение Исландии не дало бы возможности разводить там пчел, поскольку пчелы не живут севернее 61 градуса северной широты, в то время как жители Туле якобы добывали дикий мед. Однако мы знаем об этом из очень спорного места в тексте Страбона. На самом деле неизвестно, кого в данном случае подразумевал ученый – тулийцев или северные народы вообще.

Возможно, Туле – это Норвегия? Такая точка зрения тоже существует. Ее сторонником был, например, известный полярник Фритьоф Нансен. Конечно, Норвегия не остров, но еще в XI–XII веках многие образованные люди считали таковым всю Скандинавию. Да и достичь Норвегии, отчалив от северных берегов Шотландии, тоже можно было за шесть дней. К тому же Норвегия как раз находится в тех местах, где еще можно найти пчел, а «морское легкое» – это туманы, создающие иллюзию нереальности и потусторонности у человека, который впервые попал в эти края. Немецкий географ Рихард Хенниг считал, что, будучи серьезным ученым, Пифей не стал бы плыть наугад. Спутники Пифея знали, куда держать путь в открытом море и умели общаться с тулийцами, – знали местное наречие или же наоборот – тулийцы владели их языком. А значит, у британцев были прочные торговые связи с этой страной. Сторонники норвежской гипотезы считают, что под это описание на нужной нам широте подходит только центральная Норвегия, где британские металлы

могли обменять на драгоценные меха.

Среди критиков норвежской «прописки» Туле был упомянутый выше Гастон Брош. Ссылаясь на Пифея, который писал, что земля Туле располагалась на север от Британских островов, Брош заметил, что к югу от Туле в таком случае должно быть открытое море, в то время как южнее центральной Норвегии находятся соответственно земли Норвегии Южной, а далее через неширокий пролив – территория современной Дании. Кроме того, невозможно за один день преодолеть не менее тысячи километров, которые отделяют Среднюю Норвегию от границы плавающих льдов в Северном Ледовитом океане.

Более вероятно, что загадочный остров Туле – это Гренландия. В. В. Федотов утверждает, что Гренландия как раз соответствует тому описанию Туле, которое дает Прокопий Кесарийский. Так, ее площадь раз в десять превышает территорию Британии. Продолжительность полярной ночи в Гренландии колеблется, и есть места, где она действительно составляет месяц и десять дней. Двигаясь кратчайшим путем или же попав в мощное морское течение Гольфстрим, вполне возможно преодолеть на античном паруснике расстояние, отделяющее Британию от Гренландии, за шесть дней. (О том, кто же населял остров в древние времена, мы расскажем подробно в главе «Походы викингов».)

Как и всякое таинственное явление, остров Туле оброс легендами. Он входит в бесконечный список «Атлантид», а

кроме того, благодаря северному расположению, его образ слился с «арктической прародиной» ариев.

Именно поэтому имя Туле носило загадочное общество Thule Gesellschaft, созданное по образцу масонских лож в Мюнхене в июне 1918 года. Основал его оккультист барон Рудольф фон Зеботтендорф (он же Эрвин Торре, а на самом деле Адам Альфред Рудольф Глауэр). Он привлек в общество двести пятьдесят человек в Мюнхене и еще полторы тысячи по всей Баварии. В списках были университетские преподаватели, юристы, врачи, журналисты, писатели и поэты, армейские офицеры.

Изначально общество Туле создавалось как оккультное, и его доктрины представляли собой развитие идей Елены Блаватской и Гвидо фон Листа. Эта организация занималась изучением и популяризацией древнегерманской культуры, и основной темой ее исследований было происхождение арийской расы. Идеология общества опиралась на концепцию расового превосходства арийцев. Естественно, его члены лелеяли пангерманскую мечту о новом могущественном германском рейхе. Девизом общества Туле были следующие слова: «Gedenke, dass Du ein Deutscher bist. Halte dein Blut rein!» («Помни, что ты немец. Держи свою кровь в чистоте!»)

Подобно другим тайным организациям Германии, общество Туле использовало магические символы, а также практиковало сложные мистические ритуалы. Аппартаменты, которые орден занимал в фешенебельном отеле

«Vierjahreszeiten», были украшены эмблемой, изображающей длинный кинжал и колесо свастики. Однако, судя по всему, деятельность общества носила скорее политический, чем оккультный характер.

Известно, что после Веймарской революции 1918 года поклонники арийских древностей стали пятой колонной в армейских подразделениях. Они вели агитационную работу, стараясь привлечь к себе как можно больше противников режима. Помимо солдат, члены общества Туле интересовались представителями рабочего класса и контактировали с основателем Немецкой рабочей партии Антоном Дрекслером.

Орден фон Зеботтендорфа не был мирным. Он запасал оружие и даже создал организацию «Kampfbund Thule» («Военный союз Туле») для борьбы с властями Баварской Советской Республики.

Сам Рудольф фон Зеботтендорф покинул общество Туле после того, как имена нескольких его членов стали известны правительству Баварской Советской Республики и этих «оккультистов» казнили. Он уехал в Швейцарию, а затем в Турцию, а в Германию вернулся только в 1933 году, когда у власти уже был Гитлер. На родине фон Зеботтендорф выпустил книгу «Bevor Hitler kam: Urkundlich aus der Frühzeit der Nationalsozialistischen Bewegung» («До прихода Гитлера: документы раннего периода национал-социалистического движения»), в которой рассказывал о деятельности ордена в Баварии во время войны и Веймарской революции. Он настаи-

вал на том, что его организация одной из первых поддержала Гитлера в борьбе за власть. В ряды сторонников фюрера кроме самого общества Туле входили Немецкий рабочий союз, основанный членом Туле Карлом Харрером, и Немецкая социалистическая партия во главе с Гансом Георгом Грассингером. Из этих трех организаций, по словам Зеботтендорфа, Гитлер и создал Национал-социалистическую рабочую партию. Книга вызвала крайнее недовольство Гитлера и была запрещена. «Барона» арестовали, но ему удалось бежать, и в 1934 году он вернулся в Турцию. В 1942–1945 годах фон Зеботтендорф жил в Стамбуле и, по-видимому, работал на немецкую военную разведку абвер. По одной версии, он покончил с собой в 194-м, прыгнув в Босфор. Но есть предположение, что на самом деле фон Зеботтендорф умер только в 19 0-х годах. Согласно этой гипотезе, он был двойным агентом. Его самоубийство инсценировала турецкая разведка, а мнимый покойник уехал в Египет.

А как же общество Туле, оставшееся без главаря? Некоторые исследователи утверждают, что после прихода Гитлера к власти оно попало в список запрещенных. Однако, по другим сведениям, при Гитлере общество функционировало как отдельное подразделение СС и оказалось, что Туле причастно к созданию секретного оружия и летательных аппаратов. Также сторонники этой гипотезы утверждают, что именно члены общества Туле учили Гитлера ораторскому искусству и, более того, поведали фюреру некие магические сек-

реты, которые помогли ему добиться успеха. В любом случае, идеология Третьего рейха использовала разработки общества Туле. Известно также, что после Веймарской революции к организации были причастны будущие нацистские вожди Рудольф Гесс и Альфред Розенберг.

Загадки древнеримских мореходов

При Александре Македонском границы греческого мира расширились до невероятных пределов – его империя простиралась от Фракии и Иллирии на западе до земель нынешних Узбекистана и Афганистана, пограничья современных Индии и Пакистана на востоке. На юге государство включало Древний Египет и часть современной Ливии, а на севере тянулось вдоль южного берега Черного моря к Кавказским горам и далее вдоль южной оконечности Каспийского моря. Но огромная империя распалась после смерти Александра Македонского. А в это время постепенно набирал силы Рим, и во II веке до н. э., после гибели Карфагена, он вышел на первое место среди государств Средиземноморья. Римские корабли захватывали все новые и новые форпосты и контролировали все больше морских торговых путей. Морем возили в Рим зерно из Египта и Северного Причерноморья, кожи из Малой

Азии, рабов из Африки и множество других товаров из разных стран. Великолепный флот позволил Цезарю захва-

тить Галлию и высадиться в Британии. Римские легионы на кораблях прибыли в Александрию, чтобы вмешаться в династическую борьбу Птолемеев, и отныне Рим контролировал Египет. Римские суда выходили и в открытый океан – на просторы Атлантики в районе западноафриканского побережья и к северу от Гибралтара. Как же далеко плавали римские суда? В трудах римских историков есть сообщения об островах, затерянных в океане западнее «Геркулесовых Столпов». Но может быть, римляне знали о них от греков или финикийцев?

В 1964 году на одном из Канарских островов, а точнее, на прибрежном мелководье близ островка Грасьоса, была обнаружена хорошо сохранившаяся античная амфора. Историкам известно, что такими амфорами (так называемыми амфорами «финикийского» типа) пользовались только на римских военных судах во II–III веках – по-видимому, на Грасьосе побывало одно из них. Следовательно, римские мореплаватели знали о Канарских островах и периодически плавали к ним? Но ведь речь идет о военном, а не торговом корабле. Что же он делал на Канарах, ведь военные корабли вообще гораздо хуже приспособлены к далеким путешествиям, чем торговые. Может быть, это случайность? Например, судно прибило к незнакомому берегу бурей?

Есть и другие, более загадочные находки. В 1933 году молодой мексиканский археолог Хосе Гарсиа Пайон производил раскопки индейского поселения Калиштлахуака в доли-

не Мехико. Под тремя непотревоженными слоями глинобитных полов одного из зданий он обнаружил несколько погребений ацтекского времени. В них были глиняные расписные кувшины и чаши, украшения из раковин и горного хрусталя, золотые пластины, фигурка оцелота, наконечники копий из кремня и обсидиана и еще множество предметов, порадовавших ученого. Но то были обычные, «нормальные» находки, которых следовало ожидать, и вдруг его внимание привлекла совершенно странная статуэтка – терракотовая, изображавшая бородатого человека в конической шапке. Ничего общего с традиционной индейской скульптурой она не имела. «В течение многих лет, – вспоминает Гарсиа Пайон, – головка хранилась у меня, и я иногда показывал ее знакомым как некий курьез». Только через четверть века европейские ученые помогли установить, что статуэтка из Калиштлахуаки – римская и относится к хорошо известному типу, такие делали во II веке нашей эры.

Как же она оказалась в ацтекском захоронении XIII–XV веков? То, что статуэтка пережила столетия, еще можно объяснить: вероятно, ее, как ценную вещь, бережно хранили и передавали из поколения в поколение, пока в конце концов она не оказалась в гробнице знатного ацтека. Но как она попала в Мексику? Может быть, какой-то римский корабль пересек океан и добрался до берегов Америки?

Ученые не сомневаются, что статуэтка подлинная. Более того, этот предмет придает относительную достоверность

другим случайным находкам античных вещей в различных районах Мексики. Среди них головка эллинистической статуэтки из Керетаро, обломок позднеримской терракоты из области Уастека и еще одной римской фигурки из Северной Мексики, которая хранится в музее Чикаго.

Где ты был, Одиссей? или Придуманная война

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины…»
О. Мандельштам

Причиной самой известной войны в истории человечества была любовь.

Морская богиня Фетида была так красива, что и Зевс, и Посейдон домогались ее руки. Но их предостерегла Фемида, напомнив старое предсказание, что эта прекрасная девушка родит сына, который будет могущественнее своего отца, что тотчас охладило горячие чувства богов. Ни тот ни другой не хотели заполучить потомка сильнее себя. Поэтому было решено выдать Фетиду за смертного. В нее влюбился фессалийский царевич Пелей, но Фетида отвергла его. Как только он появлялся возле нее, она убегала, а когда Пелей пытался схватить ее, Фетида внезапно меняла свой облик. Она становилась то огнем, то водой, то львом, то змеей. Однако потерявший голову юноша не отступал и, заключив ее в объятия, не выпускал, пусть даже его жег огонь или рвали львиные когти. Наконец Фетида покорилась судьбе.

Свадьбу отпраздновали в пещере доброго кентавра Хирона, который заменял жениху отца. Оповещенные Гермесом

и Иридой, на праздник явились все боги, молодожены получили роскошные дары: Хирон преподнес превосходное копье из ясеня, Посейдон – пару бессмертных коней, Гефест – закаленный меч, Афродита – золотой кубок, Гера – великолепную одежду, Афина – флейту необычайной звучности; тесть Пелея, старый морской бог Нерей, принес банку чудесной соли, которая пробуждала аппетит и облегчала пищеварение. Потоками лились нектар и амброзия, распространяя упоительный аромат: нимфы лесов и гор, которых не пригласили, толпились у входа, чтобы насладиться чудесным запахом и посмотреть на роскошные туалеты олимпийских богинь.

Алтарь Зевса в Пергаме

В самый разгар пира явилась непрошеная гостья – Эрида, богиня раздора. Зная ее сварливый характер, Зевс велел не посылать ей приглашение. Она пришла, чтобы отомстить за это, и бросила на пиршественный стол золотое яблоко с надписью: «Самой прекрасной». Богини тотчас перессорились. Громче всех кричали Гера, Афина и Афродита – каждая считала, что яблоко должно принадлежать ей. Разгорелся такой скандал, что вынужден был вмешаться Зевс. Когда все затихли, он сказал, что спор рассудит юный пастух Парис – кому он отдаст яблоко, той оно и будет принадлежать.

Парис был сыном Приама, царя Трои – города, лежавшего на побережье Малой Азии. За несколько дней до его рождения его мать, Гекуба, увидела во сне, что родила факел, от которого запылал весь город. Прорицатели объяснили, что сын, которого она родит, станет причиной гибели государства. Поэтому ново рожденного отдали пастухам, чтобы те отнесли его в ущелье горы Иды и бросили там. Так они и сделали. Но через несколько дней один из этих пастухов, проходя мимо места, где был оставлен ребенок, увидел, как Париса кормит своим молоком медведица. Это тронуло его, и он забрал ребенка домой. Парис пас стада своего приемного отца, вырос и ничего не знал о своем царском происхождении.

Он срывал зеленую кору с обрезанного стебля тростника, когда перед ним появился бог-вестник Гермес. Парис снял

шапку и молча ждал, что скажет этот красивый незнакомец. Однако то, что он услышал, было так неправдоподобно, что он попросил повторить еще раз. Наконец он понял, сел на камень и начал судить трех богинь, которые подошли поближе, чтобы он мог получше их рассмотреть.

Гера первая сделала шаг вперед и сказала: «Я царица неба. Если отдашь яблоко мне, станешь великим царем и народы будут поклоняться тебе, принося богатые дары». Парис не соблазнился властью и перевел свой взор на гордую фигуру Афины. Та сказала: «Я сделаю тебя самым умным среди людей, если ты вынесешь справедливый приговор и отдашь яблоко мне». Тут было о чем подумать. Размышления юноши прервал сладостный голос Афродиты: «В далекой Спарте, в доме царя Менелая, живет самая красивая женщина на свете, Елена. Я отдам ее тебе». Парис, не колеблясь, вручил золотое яблоко богине любви.

Елена была дочерью Зевса и Леды, сестрой божественных близнецов Кастора и Полидевка. Слух о ее красоте распространился так широко, что сватать девушку собралось несколько десятков знатнейших героев всей Греции. Тиндарей, земной отец Елены, своим выбором боялся обидеть кого-либо из претендентов и вызвать их вражду по отношению к будущему зятю. Поэтому, по совету Одиссея, он связал женихов Елены клятвой в случае необходимости мстить за оскорбление ее супруга, кем бы он ни оказался.

Вскоре после спора богинь из-за яблока в Трое были

устроены публичные игры. Парис участвовал в состязаниях, оказался победителем и так покорил всех своей красотой и обаянием, что его взяли к царскому двору. Через несколько дней раскрылась тайна его происхождения. Старый царь Приам плакал от радости, плакала царица Гекуба, все забыли о зловещем предсказании. Теперь Парис мог осуществить давно задуманный план. Он подобрал себе свиту из знатных людей, сел на корабль и устремился по «мокрым тропам соленых вод к прозрачным Эвротовым бродам», у которых находилась Спарта.

Гостя сердечно приняли при лакедемонском дворе. Все были ему рады, только царь Менелай был огорчен тем, что срочные дела вынуждали его уехать. Прощаясь с Парисом, он просил, чтобы тот считал его дом своим и гостил в нем до его возвращения. В ту же ночь Парис похитил его жену Елену и уехал с ней в Трою. Вся Греция забурлила при вести о том, что заморский варвар ответил преступлением на гостеприимство спартанцев. Решено было начать войну. Вождем был избран Агамемнон, царь Аргоса и Микен, брат Менелая.

На равнине под беотийским городом Авлидой собрались войска со всей Эллады, а на море качались черные корабли, готовые к отплытию. царь Агамемнон, в золотых доспехах, с пурпурным плащом на широких плечах, делал смотр войскам. Он стоял на холме, а перед ним проходили ряды воинов. Огромный Аякс, сын Теламона, со своим братом Тевкром, не знающим промаха лучником, вел мегарцев и са-

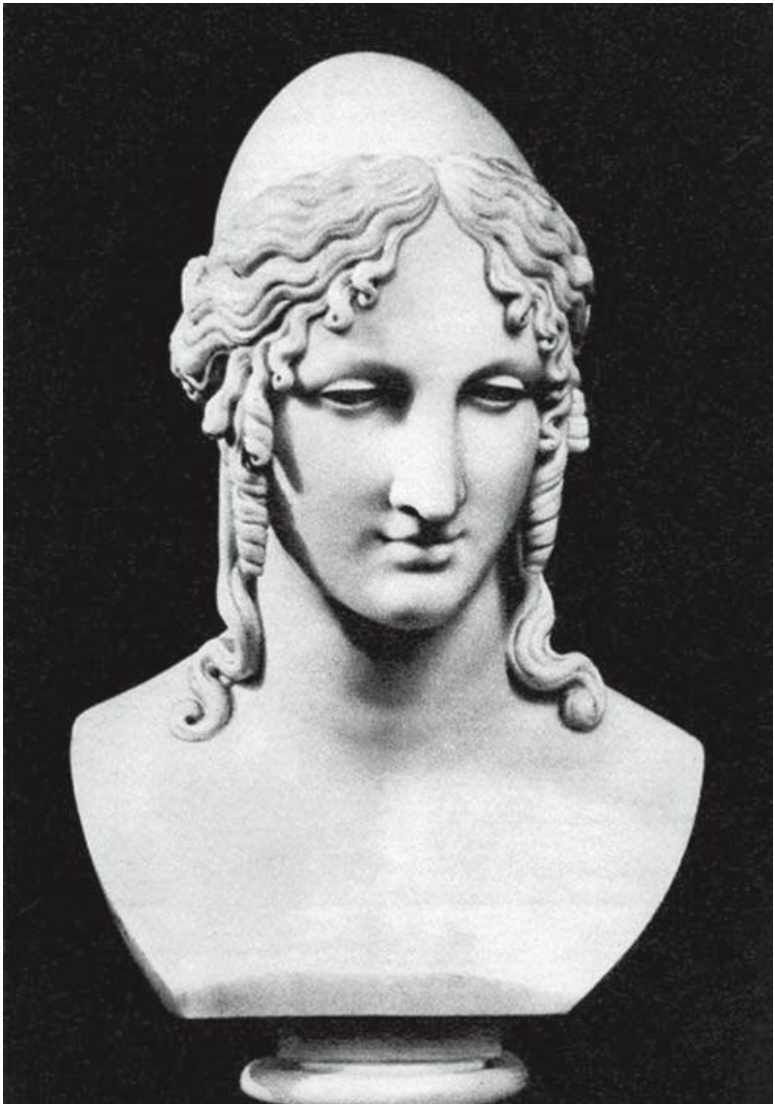
ламинских островитян; второй Аякс, сын Оилея, погрузил своих соотечественников локров на сорок кораблей. Он был намного меньше Теламонида, ходил в полотняном панцире и гордился своим искусством метать копье, в чем превосходил всех ахейцев. Громкоголосый Диомед вел аргивскую молодежь. Из далекого Пилоса и прекрасных долин Арены пришел старый Нестор, за которым по морю следовало девяносто больших кораблей; храбрый воин, он был незаменим на совете, так как помнил походы древних времен. С Итаки, из-под Нерита, шумящего лесами, приплыли двенадцать кораблей хитроумного царя Одиссея. Критянами командовал прославленный копейщик Идоменей. Жители Лакедемона – Фар, Спарты и Мессении – повиновались командам Менелая, который явился с шестьюдесятью кораблями. Воины шли со всех сторон.

Беотийцы, фокийцы, абанты – отважные сердца; те, что владели Афинами, люди из-под прелестной Мантинеи и со священных Эхинадских островов, с острова Родос и цветущих лугов Пираза, жители Феры, лежащей у Бебейских вод и жители морозной Додоны. За царем Агамемноном шло самое многочисленное войско: из Микен многодворных, из богатого Коринфа и с прекрасных улиц Клеон – со всего аргивского побережья.

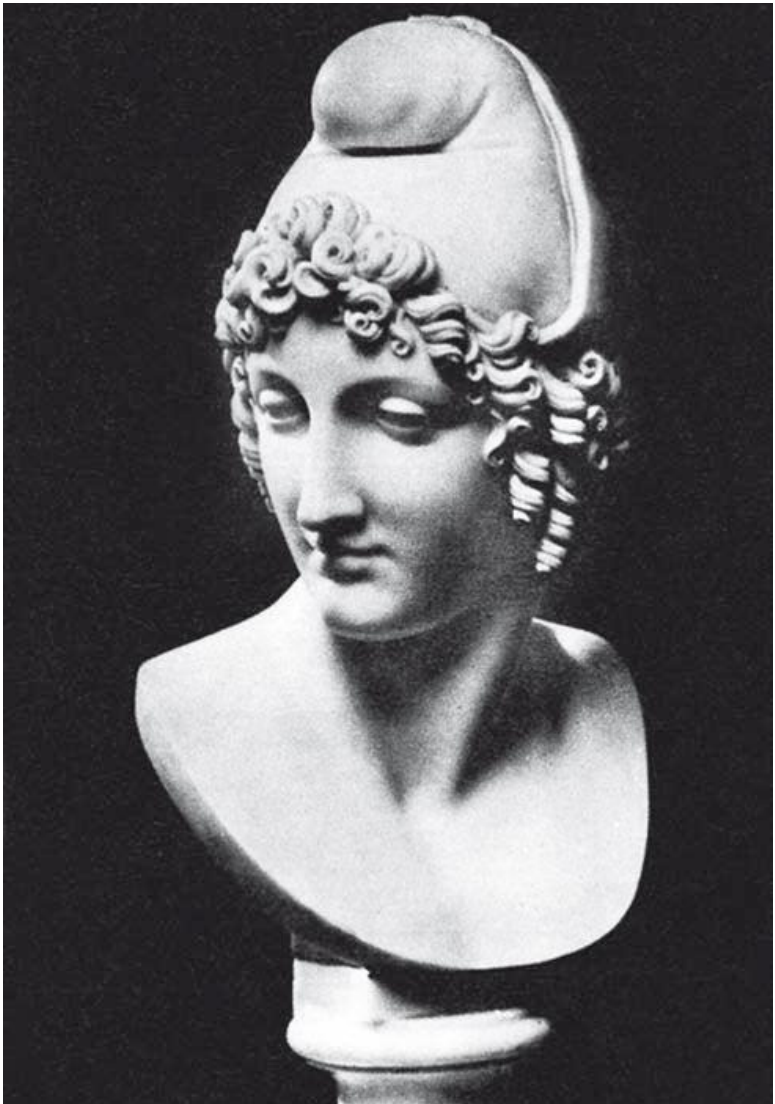
Недоставало одного только Ахиллеса, сына Пелея и Фетиды. От этого юноши зависела судьба похода, так как прорицатели предсказали, что без него Троя не будет взята. Узнав

об этом, мать переодела его девушкой и спрятала при дворе Ликомеда, среди царских дочерей. Юный царевич был столь красив, что в девичьем платье казался сестрой царевен. Агамемнон послал туда самого хитроумного из вождей, Одиссея.

Одиссей переоделся странствующим торговцем, разносящим по дворам и крепостям всякие украшения. Стража во дворце Ликомеда пропустила его беспрепятственно. царевны вскрикнули от удивления, когда он разложил перед ними свой товар. Там были и большие золотые серьги с жемчужинами, и серебряные браслеты, украшенные прекрасной резьбой, и украшения из янтаря и слоновой кости; материи цвета пурпура, гиацинта, и как море голубые, и как луга зеленые, и расшитые звездами или цветами; пахли ароматные масла, заключенные в драгоценную посуду из алебастра или из редкого в Греции финикийского стекла. Все это Одиссей разложил перед восхищенными взорами дочерей Ликомеда и одновременно внимательно наблюдал, как держится каждая из них. Он заметил одну, которая стояла немного в стороне и смотрела на все соблазны без особого интереса. Тогда итакский царь достал из тайника прекрасный меч в бронзовых ножнах. Глаза этой девушки засверкали, и она схватила золотую рукоять. Еще быстрее схватил ее за руку Одиссей. «Ты – Ахиллес?» – «Я самый!» Одиссей рассказал ему, какой великий поход готовится и какая безграничная слава ожидает его, если он пойдет с ними. И Ахиллес пошел.



Елена Прекрасная. *Скульптор А. Канова*



Парис. *Скульптор А. Канова*

Между тем, появилось новое препятствие – штиль на море. Сколько раз ни отпускали швартовые канаты, паруса опадали, не подхватывая ни малейшего движения воздуха. Проходили недели, но даже самое слабое дуновение не нарушало зеркальной глади вод. Прорицатель Калхас объявил, что разгневанная богиня Артемида требует в жертву дочь Агамемнона, юную Ифигению. За ней послали в Микены, и она приехала вместе с матерью Клитемнестрой, спокойная и веселая, так как ей сказали, что произойдет ее обручение с Ахиллесом. Однако ее одели не в свадебное платье, а обвили шерстяными лентами, словно жертвенное животное, и привели к алтарю. Калхас поднял нож, Агамемнон закрыл лицо плащом, но в это мгновение с неба спустилась богиня Артемида, ведя за собой лань. Она приказала принести в жертву это животное, а девушку забрала с собой и сделала ее жрицей своего храма в Тавриде.

Задул попутный ветер. Вожди, разместив войска на кораблях, собрались на молитву. Алтарь стоял на поля не под платаном, под которым бил прозрачный источник. Внезапно из-за алтаря показалась змея с огненной чешуей. Она всползла на платан, где под прикрытием листьев на самой высокой ветке было гнездо, а в нем выводок воробьев. Их было всего восемь, мать была девятой. Змея пожрала их и в то же мгновение окаменела. Калхас истолковал это знамение

так: греки будут воевать девять лет и только на десятый год победят троянцев.

Прибыв к берегам Азии, ахейские вожди послали в Трою Одиссея и Менелая с требованием выдать Елену. Несмотря на предостережение мудрого Атенора, троянцы отвергли мирное предложение. Началась война. Греческий лагерь расположился на морском берегу возле кораблей, вытащенных на песок. Серые полотнища палаток покрывали большое пространство, окруженное оборонительным валом, под которым выкопали глубокий ров, ощетинившийся острыми кольями. За лагерем простиралась широкая равнина, прорезанная течением двух рек, Симоиса и Скамандра. В отдалении на холме стояла Троя, окруженная каменным кольцом стен с высокими башнями, среди которых сверкала бронзовыми украшениями крыша храма Афины. Городом и страной управлял старый царь Приам. Посредине города высился его дворец, поддерживаемый террасами, к которым вели лестницы из гладких камней. Во дворце было пятьдесят прекрасных комнат, предназначенных для царских сыновей, живущих вместе с семьями. На противоположной стороне, внутри двора, были апартаменты царских дочерей, также замужних. Это был по-восточному пышный, богатый двор, любивший пиры и забавы.

Военные действия велись довольно вяло. Город мужественно оборонялся и успешно отбивал все штурмы, и троянцы, на помощь которым прибыло много азиатских царей,

даже совершали частые вылазки. Местом сражений была равнина реки Скамандра. И с той и с другой стороны выступали лучшие воины в дорогих доспехах, сражавшиеся на колесницах, запряженных конями в золоченой упряжи. Из лагеря греков, словно бушующий весенними водами поток, вылетал Диомед и опрокидывал целые отряды; огромный, как гора, Аякс обрушивался на троянцев и громил убегающие в страхе шеренги; у Менелая, Агамемнона, Одиссея и даже у престарелого Нестора были свои дни славы, когда они показывали чудеса храбрости и силы, а за вождями шло ополчение, состоявшее из лучников, пращников и копейщиков, которые с ужасающим криком, поднимая тучи пыли, бросались в бой. Сами боги принимали участие в этом беспримерном состязании. С наступлением ночи враждующие армии отступали: греки к своим палаткам, где рабы и пленные готовили ужин, троянцы к городу, где у ворот их ожидали жены, матери и сестры с вином для подкрепления сил и водой, чтобы смыть пыль и кровь.

Иногда происходили одиночные поединки воинов. Они выходили друг против друга, громко крича, и рубили друг друга мечами, кололи копьями до тех пор, пока один из них не падал мертвым. Победитель срывал доспехи с побежденного и с триумфом возвращался к своим. И в таких поединках, и в больших сражениях искуснее всех был Ахиллес. Недаром в юности его кормили львиными сердцами и медвежьим салом. На колеснице, запряженной бессмертны-

ми конями, он врывался в самую гущу рядов неприятеля, ранил, убивал, проносился над толпами, как пожар, не чувствуя усталости и не зная, что такое раны. Фетида в детстве купала его в Стиксе, священной реке богов, и сделала его тело нечувствительным к любому оружию. Погружая сына в воду, она держала его за пятку, и только в это место, не омытое водой чудесного источника, можно было ранить героя. Троянцы боялись Ахиллеса, и даже сам Гектор, сильнейший из троянских воинов, избегал встречи с ним.

Предсказание Калхаса сбылось – прошло девять лет. На десятый год войны в греческом лагере вспыхнула эпидемия. Души героев толпами отправлялись к вратам Аида. Это Аполлон мстил Агамемнону за его преступление: царь похитил дочь у Хриза, жреца Аполлона.

Ахиллес созвал общевойсковое собрание, на котором было решено, что верховный вождь должен отдать пленницу. Агамемнон вынужден был согласиться с этим, но, разгневавшись на Ахиллеса, отнял у последнего его собственную рабыню, прелестную Бризеиду. Оскорбленный сын Пелея поклялся с этого момента прекратить борьбу и взять в руки меч не раньше, чем троянцы подойдут к его палаткам.

Для данайцев (так еще называли греков) настали тяжелые дни. Из благосклонности к Ахиллесу Зевс теперь поддерживал троянцев. Гектор расположился лагерем на равнине. Агамемнон искал примирения с Ахиллесом, обещал золотые горы, но тот не выходил из палатки, ел жирную говядину,

пил сладкое вино и целыми вечерами играл на лире. Однажды Гектор смелой атакой преодолел ров и ворвался на вал. Греки в панике бежали к кораблям. Патрокл, самый близкий друг Ахиллеса, пал ему в ноги, умоляя разрешить выйти с войском на помощь землякам. Ахиллес позволил и дал ему собственные доспехи из чистого золота, каких не имел никто на свете.

Увидев знакомые доспехи, троянцы решили, что сам Ахиллес вступает в битву, и, громко крича, бежали. Патрокл отбросил их к самой Трое, и остановил его только Гектор. Под мечом могучего троянца Патрокл пал. Гектор сорвал с него доспехи и хотел забрать тело, но в эту минуту на валу появился Ахиллес и закричал так громко, будто одновременно затрубили все трубы. Троянцы отступили, и греки вынесли из свалки тело Патрокла.

Ахиллес посыпал голову пеплом, катался по земле и плакал. Из глубин моря к нему вышла мать и дала ему новые доспехи, еще прекраснее тех, что сорвал с Патрокла Гектор. Оруженосцы захлопотали вокруг вождя. Ахиллес надел поножи, которые пристегнул серебряными пряжками. Грудь прикрыл панцирем, через плечо повесил меч, в левую руку взял щит, подобный блистающей луне. На голове, как звезда, сверкал шлем с развевавшимся султаном. В правую руку он взял копье, такое длинное и тяжелое, что никто другой не мог его поднять.

Разбушевавшийся Ахиллес опрокинул шеренги неприя-

теля, собрал их перед собой и, устилая поле трупами, погнал к стенам города, как стадо баранов. В этот момент путь ему преградила река Скамандр. Он уже собирался перепрыгнуть ее, как вдруг послышался голос бога реки, запретивший ему это делать. Ахиллес не послушался, и тогда бог вступил с ним в борьбу. С глухим ревом вздулась река, грозные волны ударились в щит Ахиллеса. У героя недоставало сил, течение начало его сносить. Он ухватился за росший на берегу вяз. Высокое дерево легло на воду, как мост. Ахиллес вскочил на него и убежал на равнину. Воин делал огромные прыжки, длиной в бросок копья, но вода с шумом бежала за ним. Она поднималась все выше, колени его слабели, земля уходила из-под ног. Он неминуемо утонул бы, но Гера призвала на помощь Гефеста.

Освобожденный Ахиллес бросился на равнину, и обратилось в бегство все троянское войско. Его окутала туча пыли, в которой раздавались крики воинов, сверкало оружие. Люди и лошади в панике неслись к стенам Трои. Открывшиеся ворота впустили бегущих и снова с грохотом захлопнулись.

На равнине остался только один троянский воин, Гектор. С башен города отец заклинал его вернуться, стеная и плача, звала мать. Но он не двинулся с места и ждал. К нему шел Ахиллес, сверкая своими доспехами, как луч восходящего солнца. Увидев его вблизи – огромного, с лицом, искаженным черной тучей гнева, Гектор задрожал и бросился в бегство. Троекратно обежал он город. Когда в четвертый раз

воины оказались у истока реки Скамандр, Зевс, сидевший на вершине Олимпа, взял в руки золотые чаши весов и положил на них две судьбы: Ахиллеса и Гектора. Взвесил, и судьба Гектора упала в Аид. Все боги в молчании отступились от троянского воина. После короткой стычки Ахиллес ударил противника в ключицу – это был смертельный удар.

Ахиллес сорвал с Гектора доспехи, острым железом проколол ноги, в открытые раны вложил медные шипы и постромками привязал тело к колеснице. Громкий плач раздался на стенах Трои, когда там увидели, как в пыли за колесницей победителя влачится их герой. Натешившись позором врага, Ахиллес вернулся в лагерь и бросил Гектора на песок возле смертного ложа Патрокла.

Под охраной ночи, скрытый непроницаемой тьмой и ведомый Гермесом старый царь Приам въехал в лагерь греков на повозке, полной серебра и золота. Он хотел выкупить тело сына. Достигнув палатки Ахиллеса, он остановил повозку, оставил при ней слугу и один вошел в палатку. Герой заканчивал ужин. царь пал перед ним на колени. Он мел землю своей седой бородой и целовал руки, обагренные кровью его сына. Ахиллес был тронут. Две слезы стекли по его молодым ланитам. Он поднял старца с земли, усадил, накормил, напоил и утешил. Созвав женщин, он приказал им обмыть и умастить останки Гектора, а когда их прикрыли саваном, сам взял на руки и уложил на повозку.

Погребальные торжества продолжались двенадцать дней.

Трою потрясали вопли и причитания. Каждый знал, что в мир иной отошла чистая и благородная душа, что не стало безупречного воина, который, горячо любя отчизну, отдал за нее свою молодую жизнь. Он знал, что борется за обреченное дело, но боролся до конца из чувства долга и собственной чести. Пылающий костер, который поглотил его останки, казался предвестником окончательного поражения.

Ахиллес ненадолго пережил Гектора. Пораженный стрелою Париса в пятку, он рухнул, как молодой дуб, подрезанный у самого корня. Греческие воины остригли волосы в знак траура. Фетида оплакивала сына в кругу нереид. Кости героя сложили в золотую урну и под пение муз похоронили под большим могильным холмом, который насыпали воины. Аякс и Одиссей поспорили из-за доспехов Ахиллеса. Достались они Одиссею. От гнева Аякс обезумел и бросился на стадо баранов, приняв их за воинов царя Итаки. Он зарезал множество безобидных животных, а придя в себя и осознав свой позор, лишил себя жизни.

Ахилл с телом Гектора. *Чернофигурная гидрия, V в. до н. э.*

В это время погиб также и Парис. Елену выдали замуж за его брата Деифоба. Но она уже мечтала возвратиться к своим соотечественникам. С неописуемой радостью увидела она однажды ночью переодетых Диомеда и Одиссея, крадущихся к храму Афины. Они пробрались в город для того, чтобы выкрасть палладион, волшебную статую богини, сила которой была такова, что, пока она находилась в Трое, город нельзя было захватить. Елена провела обоих героев потайным ходом. Когда на следующий день разнеслась весть о похищении драгоценной святыни, никто из троянцев не сомневался, что наступил день окончательного поражения. У всех опустились руки.

Но через несколько дней пришло неожиданное радостное известие: греки уезжают. Все бросились на городские стены. Греческие корабли колыхались на волнах, лагерь был пуст. На всех кораблях затрубили трубы, поднялись паруса, весла зарылись во вспененную воду, и черные корпуса судов начали удаляться в голубые просторы. Троянцы высыпали на равнину. В брошенном греческом лагере играли троянские дети. В долине Скамандра не было уже ни одной неприятельской палатки. Остались только отбросы: всякий хлам, кости съеденных быков, грязные тряпки. Бьющие о берег волны подбирали этот мусор.

И новое чудо: за холмом стоял огромный конь. Троянцы

сбежались к нему, ощупывали и обстукивали. Большой, как военная машина, конь был сделан из дерева. Кто-то посоветовал забрать его в город. Все обрадовались и согласились. В это время прибежал жрец Лаокоон с двумя сыновьями. Он кричал, уговаривал, умолял не брать «подарок», сжечь коня – быть может, здесь есть какой-то подвох. Какой подвох? – смеялись над ним. Вдруг из моря появились две огромные змеи, которые бросились на жреца, на глазах у всех задушили его и поглотили вместе с сыновьями. Знамение божие! Он был не прав, вот боги и покарали его. Принесли постромки и деревянного коня потащили в город. Ясновидящая Кассандра заклинала: «Не пускать!» Ее назвали сумасшедшей… Конь был так огромен, что пришлось разобрать кладку стены, чтобы его протащить. Деревянное животное решили принести в жертву богине Афине. Потом началось веселье – пили, танцевали, пели. Когда наступила ночь, город погрузился в сон.

Прав был жрец Лаокоон – это была ловушка. В брюхе деревянного коня сидели двенадцать самых смелых ахейских воинов во главе с Одиссеем, который и придумал эту хитрость. Ночью они вышли и открыли ворота города. Корабли, укрывшиеся за ближайшим островком Тенедосом, возвратились обратно. Греки ворвались в Трою, началась резня. Казалось, боги забыли о троянцах. Погибал каждый, кто попадал в руки завоевателей: и столетний царь Приам, и младенец Астианакс, сын Гектора. Женщин связывали и уводи-

ли в рабство.

Менелай ворвался в дом, где жила Елена. Он убил Деифоба и, как буря, пролетел над его трупом во внутренние комнаты дворца. Внезапно открылись какие-то двери, и на пороге появилась бледная Елена. Мгновение висел над ее головой сверкающий меч мужа. И почти тотчас он выскользнул из онемевшей руки и с грохотом упал на каменный пол. При виде этой чудесной, такой любимой и такой желанной женщины Менелая покинули силы и жажда мести. Супругов объединила сладостная богиня Афродита.

Некоторые вожди через несколько дней после взятия Трои возвратились на родину. Старый Нестор, Диомед и сын Ахиллеса Неоптолем – раньше других. Также без помех добрался до арголидского побережья и царь Агамемнон. Войско он распустил по домам и со своими приближенными, военнопленными и возами, тяжелыми от добычи, двинулся к микенским возвышенностям. Когда с высокой сторожевой башни дали знать, что на равнине показался царский кортеж, замок погрузился в тишину, полную тревоги и ожидания. царица Клитемнестра изменила своему мужу. Несколько лет из лагеря под Троей не было никаких вестей, и все сочли, что Агамемнон погиб вместе со всем войском. Клитемнестра, считая себя вдовой, отдала руку красавцу Эгисту. царица вышла во двор встречать мужа. Агамемнон чувствовал себя усталым, и ему приготовили ванну для купания. Едва он вошел в нее, Эгист и Клитемнестра ворвались и топорами

зарубили безоружного царя.

На троне Атридов воссел Эгист. Народ роптал, но послушно гнул шею в жестоком ярме. Между тем, на чужбине подрастал мститель – сын Агамемнона, Орест, а во дворце воспитывалась его сестра Электра, тоже одержимая мыслью о возмездии. Наконец Орест прибыл в Микены и встретился с сестрой у могилы отца. Было решено, что Электра введет Ореста во дворец, не говоря, кто он. Снова кровь обагрила трон Атридов: Орест убил и Эгиста, и свою мать. Вскоре матереубийцу охватили угрызения совести. Эринии преследовали его, перегоняя с места на место ударами бичей, сплетенных из ядовитых змей. Каждый неясный предмет казался Оресту фигурой Клитемнестры, а ее окровавленное лицо появлялось перед ним в те краткие минуты, когда ему удавалось заснуть. Наконец он добрался до алтаря Аполлона в Дельфах. Оракул приказал ему идти в Афины, где настанет конец его страданиям. Там состоялся суд над матереубийцей, а равное поначалу количество голосов «за» и «против» изменила в пользу Ореста сама богиня Афина.

Однако душа Ореста осталась неспокойной. Оракул посоветовал ему поехать в Тавриду и привезти оттуда волшебную статую Артемиды, которая исцелит его. Сын Агамемнона отправился в путь вместе со своим неразлучным другом Пиладом. Как только они ступили на землю Тавриды, их схватила стража и, заковав в кандалы, привела к жрице Артемиды. Там существовал закон, по которому всех чужестранцев уби-

вали, принося в жертву богине. Жрицей была сестра Ореста, та самая Ифигения, которую Артемида когда-то забрала с собой с жертвенного алтаря в Авлиде. В мрачном храме брат и сестра узнали друг друга и ночью бежали, увозя с собой волшебную статую.

Менелай не знал о том, что произошло в Микенах. Он отплыл из Трои раньше Агамемнона, но ветры заставили его долго странствовать. В течение семи лет он скитался по морю, был в Египте, в Финикии и всюду добывал много золота, то торгуя, то принимая дары, а то и просто грабя. Возвратившись в Спарту, он так украсил старый прадедовский дворец, что, неприступный снаружи, изнутри он сверкал, подобно солнцу, и сиял, подобно луне. В расписанных комнатах было полно золота, слоновой кости и янтаря, который за большие деньги был доставлен с берегов северных морей, окутанных туманами и легендами. Счастливый царь долго жил вместе с Еленой, которая со времени возвращения была примерной женой, оставаясь столь же прекрасной, как и в молодости. Как только съезжались гости, она выходила из своих комнат, разодетая и благоуханная, садилась рядом с мужем за рукоделие и рассказывала о том, что происходило в городе Приама, когда греческие войска стояли под его стенами.

После смерти Менелая семья прогнала Елену из спартанского дворца. Изгнанная царица скрылась у своей давней подруги, Поликсо, на острове Родосе. Во время путешествия она останавливалась в Линде и оставила в храме Афины ян-

тарный отлив своей правой груди в знак скорби и покаяния. Однако и на Родосе она не нашла покоя. Поликсо ненавидела Елену, так как ее муж погиб под Троей, сражаясь в рядах греков. Однажды, когда Елена пошла купаться, Поликсо подослала к ней служанок, переодетых Эриниями. Они пришли одетые в черное, со змеями в руках, бросились на нее, связали и повесили на дереве. Елена умерла с мыслью, что адские создания при жизни покарали ее. Много лет спустя родосцы начали воздавать ей божеские почести, а дерево, на котором она умерла, считали священным. В определенные дни они орошали его маслом и вешали на него венки.

Вся эта чудесная история так и осталась бы легендой, если бы не одержимость и невероятная энергия одного человека. Его звали Генрих Шлиман.

Шлиман родился в 1822 году в небольшом селении в немецкой земле Мекленбург в семье сельского пастора. На Рождество 1829 года отец подарил ему иллюстрированную «Всемирную историю для детей» Эррера. Один из рисунков изображал сцену – троянский герой Эней покидает горящую Трою, держа за руку своего сына. Эта картинка определила судьбу будущего автора археологической сенсации XIX века.

В семье пастора так часто пересказывались события Троянской войны, будто герои Гомера были родственниками Шлиманов. В предисловии к своей книге, посвященной Итаке, Шлиман вспоминал: «Когда я в 1832 году в десятилетнем возрасте преподнес отцу в качестве рождественского по-

дарка свое собственное изложение основных событий Троянской войны и приключений Одиссея и Агамемнона, я не предполагал, что тридцать шесть лет спустя, после того как мне посчастливится собственными глазами увидеть места, где разворачивались военные действия, и посетить отчизну героев, чьи имена благодаря Гомеру стали бессмертными, я предложу вниманию публики целый труд, посвященный этой теме».

В четырнадцать лет Шлиман покинул отчий дом и отправился зарабатывать хлеб насущный в городок Фюрстенберг, в лавку, где торговал селедкой и шнапсом. В возрасте 19 лет он направился в Венесуэлу, корабль попал в шторм, лишь чудом команда брига и юный Шлиман спасли свои жизни. В Голландии, куда его занесли волны холодного моря, Шлиман поселился в Амстердаме. Здесь в 1844 году он стал корреспондентом и бухгалтером фирмы, имевшей торговые контакты с Россией. К этому времени Шлиман, знавший уже шесть языков, выучил и русский. И вскоре, как и многие европейцы того времени, молодой предприниматель отправился в сказочно богатую Россию.

В 1846 году он прибыл в Петербург, а уже через несколько месяцев имел там собственный торговый дом. В 18 0 году Шлиман побывал в Америке, где встречался и подолгу беседовал с президентом Филмором. Спустя некоторое время Шлиман стал миллионером. Теперь он был оптовым купцом первой гильдии, почетным гражданином Санкт-Петер-

бурга, судьей столичного торгового суда и директором Императорского банка Российской империи. Находясь на вершине триумфа, он написал: «Небо чудесным образом благословило мои торговые дела, и к концу 1863 года я увидел себя владельцем такого состояния, о котором не отваживался мечтать в самых честолюбивых своих замыслах.

В силу этого я решил отойти от торговли и целиком посвятить себя научным занятиям».

В 1870 году Шлиман высадился на пустынном берегу в Малой Азии. Трудно было поверить, что здесь несколько тысяч лет назад кипела жизнь, росли сады и возвышались храмы. Но Шлиман интуитивно чувствовал, что холм Гиссарлык и есть то самое место, где в прошлом возвышалась Троя. Возможно, он беспредельно доверял Гомеру. Возможно, им двигал инстинкт. Во всяком случае, сам он ощущал мистическую связь с героями «Илиады» и «Одиссеи». Часами с книгами Гомера в руках он рыскал по прибрежной полосе, что-то высчитывая и зарисовывая, повторяя про себя стих «Илиады»: «Там, за воротами города, холм находился, по полю если пройти, со всех сторон обойти его можно». В этих поисках Шлимана сопровождала супруга – гречанка Софья Энгастроменос.

Три года потратил немец на обследование пятачка земли у морского берега. Он начал производить раскопки у Гиссарлыка, но они так и не дали результатов. Все его усилия, казалось, были потрачены напрасно. И только 14 июня 1873 года,

в последний день раскопок, когда Шлиман в отчаянии уже решил возвратиться в Европу, случилось то, чего он так долго ждал. Утром на глубине 28 футов была обнаружена стена, которую немец посчитал стеной дворца Приама. Шлиман спустился в раскоп, и его внимание привлек небольшой предмет. Он позвал жену и шепнул ей: «Быстро отошли рабочих, раскопки на сегодня закончены».

Позже он напишет: «В величайшей спешке, напрягая все силы, рискуя жизнью, ибо большая крепостная стена, которую я подкапывал, могла в любую минуту похоронить меня под собой, я с помощью большого ножа раскопал клад».

Да, здесь в укромном месте, в крепостной стене древней Трои, Шлиман обнаружил «клад царя Приама». Это было едва ли не самое знаменитое археологическое открытие в истории. Среди находок были две диадемы, 2271 кольцо, 4066 пластинок сердцевидной формы и 16 изображений богов – все предметы из золота. К этому нужно добавить 24 золотых ожерелья, серьги, пуговицы и иголки. В общей сложности было найдено 8700 золотых изделий, а кроме того, массивная золотая чаша весом в 601 грамм, золотой сосуд и множество серебряной утвари и изделий из электрона (сплава золота и серебра). В тот же вечер, рассматривая находки, Шлиман предложил жене надеть серьги, ожерелье и диадему и сфотографировал ее.

«Клад царя Приама» Шлиман умудрился контрабандно переправить в Германию – в ящиках из-под фруктов. Но

часть сокровищ все же осталась в Турции – это были предметы, похищенные местными рабочими.

Шлиман предоставил находки для экспертизы германским ученым. Он предъявлял их на родине как доказательство своей правоты – найдена та самая Троя! Однако ученые мужи были смущены увиденным. Для них было очевидно, что многие вещи из клада принадлежали различным эпохам. Ученые заподозрили Шлимана в том, что к настоящим сокровищам, найденным в Трое, им были добавлены находки из других обнаруженных им кладов – а это попахивало мистификацией.

Впрочем, сегодня уже нет сомнений в том, что Шлиман обнаружил в Гиссарлыке именно легендарный город. Этим он доказал: если искренне верить великим текстам Гомера, то из мрака истории восстают стены Трои.

Как известно, свою коллекцию Генрих Шлиман пытался продать за хорошие деньги: сначала Британскому музею, потом Лувру, затем Эрмитажу, но везде встречал отказ. В значительной степени из-за сомнительной репутации авантюриста и ловкого коммерсанта, а не серьезного исследователя у большинства ученых он вызывал откровенную неприязнь. Отчаявшись выручить хоть какие-нибудь деньги, Шлиман подарил коллекцию Берлинскому музею древнейшей истории. В 1941 году в связи с налетами английской авиации немецкие власти перевезли ее в депозитарий № Прусского государственного банка. Вскоре стало ясно, что и банк – да-

леко не самое надежное место хранения от бомбовых ударов. бесценные экспонаты упаковали в деревянные ящики и спрятали в бетонном бункере противозенитной батареи, располагавшейся на территории берлинского зоопарка. Здесь «золото Шлимана» и хранилось до начала мая 1945 года.

По официальной версии, ныне покойный директор и хранитель шлимановских кладов господин Унферцак незадолго до взятия Берлина пришел к командованию советских войск и сообщил, что в бункере спрятаны уникальные вещи, которые могут исчезнуть в огне наступления. Этот эпизод он описал в своих дневниках, которые его супруга предала гласности лишь после его смерти в 1974 году.

Так золото Трои попало на советский военный самолет, взявший курс на Москву. Одну ее часть – 414 предметов из бронзы и керамики, которую, видимо, сочли менее ценной, – отправили поездом в Ленинград, а другую, меньшую (золото, электрон, серебро, горный хрусталь) – в Москву, в Пушкинский музей. С тех пор коллекция стала фактически недоступна кому бы то ни было, за исключением некоторых известных ученых, политических деятелей и избранных членов цК КПСС. И то только в период с 194 по 1948 год. А с 1948 года драгоценные вещи вовсе перестали показывать, поместив в Особый фонд, куда имел доступ один-единственный человек – хранитель фонда. Генсеки, по утверждениям музейщиков, «золотом Шлимана» не интересовались.

Открытия Шлимана совершили настоящий переворот в

науке XIX века: оказалось, что греческий эпос и мифология содержат достоверные сведения о прошлом! Гомер из мифического сказителя превратился если не в реально существовавшего человека, то в объект изучения и споров многих поколений историков. Биографические сведения о нем, дошедшие до нас от позднейших античных авторов, противоречивы, не всегда правдоподобны, зачастую представляют собой очевидные домыслы. Греки даже не знали, откуда Гомер был родом, что нашло свое отражение в знаменитой эпиграмме:

Семь городов, пререкаясь, зовутся отчизной Гомера:
Смирна, Хиос, Колофон, Пилос, Аргос, Итака, Афины.

Вызывает сомнение легенда о слепоте Гомера: автор «Илиады» и «Одиссеи», вероятно, прожил зрячим, по крайней мере, большую часть жизни, впитал в себя яркие картины природы и бытия человека на ее фоне, побывал в гуще сражений, лично соприкоснулся едва ли не со всеми сторонами тогдашней жизни. Видел он своими глазами и троянскую равнину, как это явствует из ряда деталей в описаниях «Илиады». Представление о слепом Гомере легко могло возникнуть по аналогии со слепым аэдом феаков Демодоком в «Одиссее», которого, как и аэда Фемия, Гомер, по-видимому, наделил идеализированными чертами своего современника, а может быть, и своими собственными.

Греки архаической эпохи не проявляли интереса к лично-

сти и к обстоятельствам жизни авторов даже тех сочинений, которые пользовались широчайшей популярностью. Так, если бы Гесиод, автор поэм «Труды и дни» и «Теогония», не вставил в «Труды и дни» некоторых сведений о самом себе, ни эллинистические ученые, составлявшие жизнеописания поэтов классической эпохи, ни мы не знали бы о нем ничего определенного.

Имя Гомер скорее всего подлинное, хотя многие исследователи высказывали на этот счет свои сомнения. Оно не принадлежит к числу греческих имен, бывших в употреблении, греки не знали его значения, пытаясь толковать его то как «заложник», то как «слепец». Едва ли кто мог придумать такое имя для автора «Илиады» и «Одиссеи»: очевидно, имя автора стояло в заглавиях уже первых рукописей поэм. Судя по имени, гениальный поэт мог быть и не греком по происхождению: в становлении и развитии эллинской культуры сыграли важную роль многие «варвары» или «полуварвары», усвоившие с детства греческий язык и греческую культурную традицию: философ Фалес Милетский, отец истории Геродот, писатель-сатирик Лукиан.

То, что «Илиада» – поэма о Троянской войне, знают все. Но, вопреки привычной точке зрения людей, получивших сведения о древней истории Европы в средней школе, она вообще не о войне. Война в ней – лишь фон. На самом деле поэма посвящена ссоре ахейских вождей во время войны и трагическим последствиям этой ссоры. Эта ссора была лишь

кратким эпизодом десятилетней кампании. Главный герой поэмы Ахиллес в завязке войны не участвовал (его не было среди женихов Елены, по уговору обязанных вступиться за того из них, кому она достанется), к началу войны Ахиллес еще очень юн, а к концу – уже убит.

Еще в прошлом веке ученые заметили, что хотя война завязалась из-за похищения жены Менелая, Елены Прекрасной, главный герой поэмы – не царь Спарты Менелай и не его старший брат Агамемнон, верховный вождь ахеян, а царь небольшого северного царства мирмидонян юный Ахилл. Он самый грозный воин ахейцев, и сюжет поэмы закручен вокруг его фигуры. На сюжет нанизаны посторонние события, вставные эпизоды, но из этого конгломерата можно вычленить первоисточник – стройную и небольшую песнь.

Итак, верховный вождь ахейцев Агамемнон отказался вернуть жрецу Аполлона за выкуп свою пленницу – дочь жреца. По просьбе жреца Аполлон наслал на ахейское войско мор. Узнав от прорицателя причину бедствия, один из союзных царей, Ахиллес, лучший воин ахейцев, на общем собрании призвал Агамемнона вернуть деву отцу. Агамемнон подчинился общему решению, но, разозлившись, отнял у самого Ахиллеса пленницу, которую тот получил при дележе военной добычи. Обиженный герой отстранился от военных действий и убедил Зевса покарать ахейцев – дать перевес врагам.

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса,
Пелеева сына…

Последствия ссоры оказались трагическими. Троянцы во главе с Гектором пробились к ахейским кораблям и подожгли один из них, стремясь лишить ахейцев путей к отступлению. Вместо Ахиллеса навстречу врагам вышел его любимец Патрокл и пал от руки могучего Гектора. Пылая жаждой мести за друга, Ахиллес наконец помирился с Агамемноном. Оба сокрушались при виде тяжких последствий ссоры, повод для которой представлялся им теперь ничтожным, они сетовали на свое ослепление. В новом бою Ахиллес убил Гектора, но это не избавило его от скорби. Мщение свершено – можно ли считать это победой Ахиллеса? Вряд ли. В знаменитой фразе «Гнев, богиня, воспой…» переводчиком допущена стилистическая неточность. В греческом подлиннике стоят слова «менин аэйде» – то есть «пой о гневе», и у строки есть продолжение: «который ахеянам тысячи бедствий соделал». Поэма не воспевает Ахиллесов гнев, поэма его осуждает.

Все заканчивается похоронами Патрокла и духовным обновлением Ахиллеса. Чувство вины в смерти друга так потрясло Ахиллеса, что сердце его смягчилось и он согласился выдать тело Гектора его отцу Приаму для почетного погребения.

Наши знания об этой войне основываются на сведени-

ях, содержавшихся в целом ряде других эпических произведений – так называемых поэмах троянского цикла, циклических, или, следуя древнему произношению, киклических. Это «Киприи», «Эфиопида», «Малая Илиада», «Гибель Илиона», «Возвращения», «Телегония». Эти поэмы излагали события Троянской войны в хронологической последовательности – от ее причины до возвращения героев на родину. Каждая из них значительно короче «Илиады» или «Одиссеи», а события, упоминаемые в «Илиаде», нередко выглядят в киклических поэмах иначе, чем в этих упоминаниях.

Строго говоря, эпическое повествование о Троянской войне содержалось в киклических поэмах, а в «Илиаде» оно вторично, находится на заднем плане. У «Илиады» другие художественные задачи, она входит в иной, особый тип песен – о ссорах героев. Ее сюжет посвящен ссоре Ахиллеса с Агамемноном. Известны и другие подобные песни. Так, одна из песен Демодока (перелагается в «Одиссее») – о ссоре Ахиллеса с Одиссеем, а «Малая Илиада» повествует о ссоре Аякса с Одиссеем. В «Илиаде» вокруг сюжета о ссоре собрано много других, поэма стала многоплановой и разрослась. По-видимому, печальный сюжет о ссоре вождей пользовался в архаической Греции особой популярностью, потому что раздоры аристократических родов и войны между мелкими царствами ослабляли и изматывали тогдашнюю Грецию, беспокоили жителей страны. Естественно, что именно эта тема

привлекала лучших певцов, была мастерски разработана и осталась в веках, тогда как поэмы, бесхитростно излагавшие ход военных действий, забылись и исчезли.

Популярность «Илиады» в Греции была безмерна. Поэма стала для всех эллинов учебником жизни. Один из героев Ксенофонта, историка и философа IV века до нашей эры, говорит: «Мой отец, заботясь, чтобы я сделался хорошим человеком, заставил меня выучить поэмы Гомера, и теперь я мог бы произнести всю «Илиаду» и «Одиссею» наизусть». Александр Македонский всегда возил с собой в золотой шкатулке список поэмы, сделанный для него учителем, великим Аристотелем. И все же и в античные времена находились люди, которые высказывали сомнения в достоверности мифов о Троянской войне.

Дион Златоуст жил во времена Римской империи. Он был странствующим философом-софистом и оратором: разъезжал по греческим городам и произносил речи на самые разнообразные темы. Одну из своих речей он произнес перед жителями Трои – на месте легендарной столицы царя Приама через несколько веков был построен греческий городок, который хоть и был маленьким и захудалым, но гордился своим славным именем.

По мнению Диона, гомеровские поэмы, и прежде всего «Илиада», собрание нелепиц и несуразностей. Он задает вопрос своим слушателям: «Как же все было на самом деле?» Дион утверждает, что похищение Елены никак не могло

стать причиной войны: «Неужели чужеземец, приезжий мог так легко увлечь за собой греческую царицу? Неужели муж, братья так плохо следили за Еленой, что позволили ее похитить? Неужели троянцы, увидев у своих стен греческое войско, не захотели выдать Елену, а предпочли долгую и погибельную войну?» Дион предлагает свое объяснение, весьма правдоподобное, но совсем не романтичное: «Действительно, у Елены было много женихов. И одним из этих женихов был Парис. Что было за душой у греческих вождей, сватавшихся к Елене? Клочок земли да громкое звание царя. А Парис был царевичем Трои, которая владела почти всей Азией с ее несметными богатствами. Что же удивительного, что родители Елены предпочли всем греческим женихам троянца Париса? Елену выдали за Париса, и он увез ее в Трою как законную жену. Греки, конечно, были недовольны: во-первых, было обидно, во-вторых, уплывало из рук богатое приданое, в-третьих, было ясно, что могучая Троя начинает вмешиваться в греческие дела. Оскорбленные женихи (конечно, каждый был оскорблен за себя; за обиду одного лишь Менелая они бы и пальцем не шевельнули!) двинулись походом на Трою и потребовали выдачи Елены. Троянцы отказались, потому что они знали: правда на их стороне и боги будут за них. Тогда началась война».

Сомневается философ и в доблести греческих воинов, не делая различия между простыми воинами и вождями: «… девять лет стоят греки под Троей, но ни о каких победах мы

ничего не слышим. Вот разве что Ахилл убивает троянского мальчика-царевича Троила, когда тот выходит к ручью за водой. Хорош подвиг – могучий герой убивает мальчишку! И разве не видно из этого рассказа, как слабы в действительности были греки: даже мальчик, царский сын, безбоязненно выходит по воду за городские ворота». Даже над описанием героических поединков Менелая с Парисом, Аякса с Гектором Дион смеется – поединки, доблестно закончившиеся вничью! «Но ведь это известный прием: когда на войне дела плохи и армия отступает, то в донесениях всегда кратенько и мимоходом пишут об отступлении, а зато очень пространно – о каком-нибудь подвиге такого-то и такого-то удалого солдата».

Но самое главное: Дион подвергает сомнению и кульминационный эпизод «Илиады» – гибель Патрокла и бой Ахиллеса и Гектора: «Кто был этот воин в доспехах Ахилла? Каждому понятно: это был сам Ахилл, это он выступил на помощь своим, и это он погиб от руки Гектора. Но грекам обидно было это признать – и вот Гомер изобретает самую фантастическую из своих выдумок. Он говорит: в доспехах был не Ахилл, а его друг Патрокл; Гектор убил Патрокла, а Ахилл на следующий день вышел на бой и отомстил за друга, убив Гектора. Но кто же поверит, чтобы Ахилл послал своего лучшего друга на верную смерть? Кто поверит, что Патрокл пал в бою, когда курганы всех героев Троянской войны до сих пор стоят недалеко от Трои и кургана Патрокла среди них

нет? Наконец, кто поверит, что сам Гефест ковал для Ахилла новые доспехи, что сама Афина помогала Ахиллу убить Гектора, а вокруг бились друг с другом остальные боги – кто за греков, кто за троянцев? Все это детские сказки!»

Знаменитая история с деревянным конем вообще не удостоилась внимания Диона, она так неправдоподобна, что даже не нуждается в опровержении. Сам факт овладения Троей греки выдумали, «чтобы не так стыдно было возвращаться на родину. А как по-вашему, когда царь Ксеркс, разбитый греками, возвращался к себе в Персию, о чем он объявил своим подданным? Он объявил, что ходил походом на заморское племя греков, разбил их войско при Фермопилах, убил их царя Леонида, разорил их столичный город Афины (и все это была святая правда!), наложил на них дань и возвращается с победою. Вот и все; персы были очень довольны».

Наконец, посмотрим, как вели себя греки и троянцы после войны. Греки отплыли от Трои в спешке, в сезон бурь, не все вместе, а каждый порознь: так бывает после поражений и раздоров. А что ждало их на родине? Агамемнон был убит, Диомед – изгнан, у Одиссея женихи Пенелопы разграбили все имущество – так встречают не победителей, а побежденных. Недаром Менелай на обратном пути так долго находился в Египте, а Одиссей странствовал по всему морю: они просто боялись показаться дома после бесславного поражения. А троянцы? Проходит совсем немного времени по-

сле мнимого падения Трои, и мы видим, как троянец Эней с друзьями завоевывает Италию, троянец Гелен – Эпир: право же, они совсем не похожи на побежденных, а скорее на победителей. В этих местах до сих пор стоят города, основанные, по преданию, троянскими героями, и среди этих городов – основанный потомками Энея великий Рим.

Дион не рассчитывал на то, что его рассказ найдет отклик в душа слушателей. «Вы не верите мне, друзья мои троянцы? Рассказ Гомера кажется вам красивее и интереснее? Что ж, я этого ожидал: выдумка всегда красивей правды. Но подумайте о том, как ужасна война, как неистовы зверства победителей, представьте себе, как Неоптолем убивает старца Приама и малютку Астианакта, как отрывают от алтаря Кассандру, как царевну Поликсену приносят в жертву на могиле Ахилла, – и вы сами согласитесь, что куда лучше тот исход войны, который описал я, куда лучше, что греки так и не взяли Трою!»

Казалось бы, раскопки Шлимана поставили точку в многолетних спорах о местонахождении Трои и историчности гомеровского эпоса. Но на самом деле и по сей день многое в этой истории не ясно. Как было выяснено в результате многолетних раскопок, начатых в 1870 году Генрихом Шлиманом и законченных перед Второй мировой войной американским археологом Блегеном, примерно пять тысяч лет назад, около 3000 года до н. э., на небольшом холме, расположенном в —6 километрах от южного берега пролива Дарда-

неллы, недалеко от входа в пролив из Эгейского моря, впервые поселились люди и построили тут крепость. Этот холм сейчас носит турецкое название Гиссарлык. Обитатели крепости контролировали торговлю между Азией и Европой, держа в своих руках переправу через пролив. Постепенно развивавшееся мореплавание из Эгейского в Черное море также оказалось под контролем обитателей поселения-крепости. Множество золотых изделий, найденных при раскопках Шлимана, говорит об огромных по тем временам богатствах, накопленных в городе.

Около 1900 года до н. э. холм и его окрестности захватило новое племя, выращивавшее лошадей, которых не знали их предшественники. Новые пришельцы также построили крепость, бóльшую по размерам и более могущественную, чем прежняя. Около 1250 года до н. э., если судить по археологическим данным, поселение снова было захвачено, разрушено и сожжено, а через некоторое время на холме поселились пришельцы из центральной Европы. Около 1100 года до н. э. в городе произошел еще один пожар, и холм сделался необитаемым на несколько сот лет.

Кто жил в этом городе, местоположение которого более всего соответствует Илиону, или Трое, который изображен в «Илиаде»? Как называли этот город его жители, не оставившие каких-либо письменных памятников?

В середине II тысячелетия до н. э. земли на восток от Гиссарлыкского холма принадлежали могущественной хеттской

державе. В анналах хеттского царя Тутхалийи IV, правившего примерно с 1250-го по 1220 год до н. э., упоминаются две местности, очевидно, находившиеся на северо-западе Малой Азии, – Вилусия и Труиса: одно из этих названий (скорее всего Вилусия), вероятно, носил город на Гиссарлыкском холме, который греки впоследствии называли Илионом (в более древние времена Вилионом), или Троей. Из тех же хеттских анналов мы узнаем, что Вилусия входила в воевавшую против хеттов коалицию.

Захватить столь мощно укрепленное поселение могла либо регулярная армия, либо переселяющееся с женами и детьми воинственное племя, могущее обосноваться вокруг города и предпринять длительную осаду. Так как, согласно данным археологов, пришельцы поселились здесь лишь через некоторое время после разрушения города, вероятнее всего то предположение, что его взяло хеттское войско царя Тутхалийи IV: анналы дошли до нас не полностью, и о захвате Вилусии могло говориться в утраченной их части.

Среди хеттских документов, найденных при раскопках хеттской столицы Хаттусас, обнаружен отрывок эпоса на родственном хеттскому лувийском языке, в котором упоминалась «крутая Вилуса». Очевидно, судьба города на крутом холме Гиссарлык волновала народы хеттской державы, ибо только такие, волнующие, события находят отражение в героическом эпосе.

Однако не меньшее впечатление судьба Вилусии произве-

ла на появившихся на Балканском полуострове около 1900 года до н. э. и постепенно заселявших острова Эгейского моря древних греков. В XV веке до н. э. они прочно обосновались на юго-западной оконечности Малой Азии, основав город, который позднее назывался Милетом. Вскоре они должны были познакомиться и с Вилусией: когда примерно в VIII веке до н. э. будет создаваться «Илиада», холм Гиссарлык будет покрыт развалинами и Гомер сможет охарактеризовать троянцев как «конеборных», лишь опираясь на полутысячелетнюю традицию, хранившую сведения о том, что жители Вилусии выделялись среди соседних народов той ролью, которую у них играла лошадь. Отношения греческих племен, которые, очевидно, именовали себя ахейцами (ахайвой), с Вилусией, по всей видимости, не были мирными. Об этом свидетельству ет само то обстоятельство, что осада Вилусии (в языке греков Илиона) и ее взятие оказались в центре греческой эпической традиции, ибо эта традиция, как показывает героический эпос шумеров и германцев, тюркских народов и славян, не строит своих сюжетов из ничего, всегда отталкиваясь от каких-то имевших место в действительности столкновений. Греки могли предпринимать и самостоятельные военные экспедиции против Вилусии-Илиона (они едва ли могли закончиться взятием города), могли принимать участие и в войне, которую вел против Вилусии и ее союзников хеттский царь: хеттская держава находилась в оживленных сношениях с одним из ахейских греческих го-

сударств, которое именуется в хеттских текстах как Ахийава и находилось, скорее всего, на о. Родосе. Греки могли быть и в числе тех, кто поселился на Гиссарлыкском холме после разрушения города.

Пытаться извлечь из гомеровских поэм подробности исторических событий бесполезно – эпос так трансформирует историческую реальность, что никакая реконструкция реальных событий на основе одного эпоса невозможна: мы не могли бы восстановить по русским былинам события истории Киевской Руси даже в общих чертах, если бы не знали о них и из летописей. Лишь упоминание в хеттских текстах Труисы дает нам основание предполагать, что в греческий эпос о войне и взятии Илиона проникли также и какие-то отголоски военных событий, связанных с городом Труисой, сколько-нибудь отчетливо заметные лишь в не объяснимом иначе двойном названии осаждавшегося греками города – Троя-Илион.

Где же искать Трою? В 1950-е годы было опубликовано двухтомное собрание писем Генриха Шлимана, открывшего миру Трою и Микены, постепенно ученые получили доступ к его личным архивам. До того все биографии Шлимана строились в основном на его автобиографии. Сличение писем с дневниками, документами и газетной хроникой вызвало к жизни в 1970– 1980-е годы целую серию скандальных разоблачений. Оказалось, что известная всему миру романтическая биография Шлимана в значительной части выду-

мана им самим. Не было ни взлелеянного в раннем детстве плана найти и раскопать Трою, ни крушения в море, ни наблюдения пожара в Сан-Франциско, ни выступления молодого купца в американском сенате, ни приема у президента и т. д. И, что гораздо важнее, не было знаменитой сцены обнаружения «клада Приама», когда супруги вдвоем вынимали из земли бесценные сокровища, а затем Софья под шалью переносила их в хибарку. В те дни, которые позднее Шлиман обозначил как время открытия клада, Софья находилась далеко от места раскопок – за морем, в Греции. Клад был искусственно создан задним числом из разрозненных находок в разных слоях. Накапливать драгоценности приходилось ради того, чтобы затем «скопом» тайно вывезти их из Турции (вопреки договору). А уж коль скоро их накапливали, то надо было это замаскировать приличным образом: выдать за клад, обнаруженный при самом окончании работ. К тому же мистификация пригодилась Шлиману для нагнетания сенсации, для вящего убеждения мировой общественности, что в Гиссарлыке он обнаружил именно Илион, столицу Приама. Плутовал Шлиман и с дневниками микенских раскопок.

Конечно, и после этих разоблачений Шлиман остается выдающимся археологом. Его самоотверженный труд подарил миру Илион и Микены, что обеспечило первооткрывателю признательность многих поколений. Но выявленное плутовство подорвало доверие к его материалам и концепциям.

Более ста лет назад Шлиман эффектно утвердил веру в ис-

торичность событий греческого эпоса, в реальность гомеровской Трои. Вероятно, он потому и ухватился за «клад Приама» (позже оказавшийся на тысячу лет древнее времен Троянской войны), что других доказательств того, что он раскопал Трою, у него не было. Между тем, идентичность Гиссарлыка священной Трое уже заранее была провозглашена на весь мир. В дневнике Шлиман записывал: «Я должен твердо верить, что найду Трою, ибо иначе окажусь в дураках». И вот запись в дневнике от 1 ноября 1870 года: «Я уже больше не верю, что когда-либо найду здесь Трою». «Клад Приама» был очень нужен немцу, и теперь мы знаем, что это не только не сокровище Приама, но и не «клад».

С тех пор появилось немало свидетельств того, что раскопан именно Илион, но другой – более поздний, греческий. Об имени города говорят монеты и надписи. Города переносились, строились заново на новом месте. Как доказать, что город и раньше назывался именно так, то есть что крепость, на руинах которой вырос этот греческий город, тоже была Илионом и что именно здесь велась Троянская война?

Обнаруженный город не очень подходит под величественное гомеровское описание: крепость – всего 200 метров в поперечнике, а вне крепостных стен нет вообще никаких построек, никаких следов обитания человека. Величие города уже сам Шлиман считал поэтическим преувеличением. Но идентифицировать надо еще и лагерь ахейцев, что очень непросто. Дело не только в отсутствии следов каких-либо

ахейских укреплений вне города – они тоже могли быть поэтическим домыслом, – однако само место, где высадились ахейцы и откуда они наступали на город, должно же соответствовать описаниям Гомера! А такого места не находилось.

Холм Гиссарлык расположен в северо-западном углу Малой Азии. В нескольких километрах к западу от него – берег Эгейского моря, а в нескольких километрах к северу – пролив Геллеспонт (Дарданеллы), которым начинается морской путь из Эгейского моря в Черное. Город отделен от Эгейского моря долиной реки Скамандр. На севере река впадает в пролив. Согласно «Илиаде», ахейцы высадились в бухте, открывавшейся в Геллеспонт, то есть в пролив. Это значит, что они высадились в устье Скамандра, севернее города, и должны были наступать на город по долине реки. Но из целого ряда стихов «Илиады» ясно, что река протекает *между* городом и ахейским лагерем, а в каком-то ее месте есть брод, который часто упоминается в поэме, видимо, он имел немаловажное значение для переправы. Так где же находился ахейский стан? Если на Геллеспонте, в устье Скамандра, то это не за рекой от города, а если на западе, за рекой, то не на Геллеспонте, а на Эгейском побережье.

Шлиман считал, что высадка произошла на Геллеспонте, а русло реки тогда проходило восточнее, по самому краю поймы, под стенами крепости. Отсюда и необходимость для войск переправляться через реку. Английский гомеровед У. Лиф, много занимавшийся географией Троады, принимал

эту версию, но с тем отличием, что предпочитал как раз западное русло Скамандра: ведь в «Илиаде» река не у самого города, а ближе к ахейскому стану. Но тогда переправы через нее не должно быть. Помощник и преемник Шлимана В. Дёрпфельд после долгих колебаний высказался за версию, помещавшую стан ахейцев на Эгейском побережье, в бухте Бешика. По этой версии, Геллеспонтом могли называть не только пролив, но и прилегающую часть Эгейского моря. Однако это вдвое дальше от города (около 9 километров), что не очень вяжется с обстоятельствами эпических сражений.

Причиной путаницы многие исследователи считали недоступность Троады для певца или певцов VIII века до н. э., сложивших «Илиаду»: предание неточно донесло до них через века сведения о театре военных действий, а сами певцы не могли там побывать, поскольку греки тогда еще не утвердились в Илионе.

Между тем, в своих представлениях о карте театра военных действий все ученые исходили из давнего обследования Троады, которое провел приглашенный Шлиманом знаменитый ученый В. Вирхов. Он пришел к выводу, что отложения, сформировавшие пойму Скамандра, очень древние и что за несколько тысяч лет топография местности не изменилась. Однако современные геологи, участники экспедиций К. Блегена, провели интенсивный зондаж поймы и выяснили, что на ее месте в эпоху предполагаемой Троянской войны и даже в гомеровские времена была обширная бухта, с тех пор пол-

ностью занесенная речным илом и песком. Бухта, врезаясь в материк с севера, оставляла на западе от себя длинный выступ (Сигейский мыс), его восточное побережье и было местом, где расположение ахейского стана удовлетворяло всем условиям «Илиады»: находился на Геллеспонте, но был отделен от города рекой.

Таким образом, лишь сравнительно недавно стало известно, что окрестности Гиссарлыка очень хорошо соответствуют топографическим указаниям «Илиады». Говорит ли это о том, что Троянская война происходила именно здесь? Нет, даже наличия новых данных недостаточно для такой уверенности: Гомера отделяло от воспетых им подвигов несколько веков. Зато прибавляя полученные сведения к некоторым древним данным (детальный перечень в «Илиаде» мелких речек и городков Троады, безошибочное описание пейзажей, видов на горы и острова), мы может уверенно сказать, что певец, слагавший «Илиаду» (или, по меньшей мере, один из певцов), представлял себе войну именно здесь, что он хорошо знал эту местность и явно здесь побывал, а может быть, и жил. Не больше того, но и не меньше.

В какую же именно эпоху надо поместить истоки Троянского цикла и какую эпоху лучше освещает «Илиада»? По этому поводу в науке существовало много различных мнений. В течение длительного времени многие историки считали, что «Илиада» отражает историю Микенского периода (XVI–XIII века до н. э.). Некоторые ученые относили воз-

никновение гомеровского эпоса к «Темным векам», когда погибли дворцы Пилоса и Микен и исчезла письменность (XI–VIII века до н. э.). Другие считали, что в нем отражена культура греческой архаики, и соответственно датировали возникновение поэм VII–VI веками до н. э., а части эпоса очевидно более ранней стилистики относили к пережиткам, сохранившимся в поэтической памяти, к художественным средствам искусственного удревнения. Наконец, третьи пришли к выводу, что в поэмах отражены разные эпохи в смешении и, стало быть, поэмы вообще не отражают какое-либо реальное общество, то есть что изображенное в эпосе общество «героического века» никогда не существовало. Только к середине XX века самого творца (или творцов) «Илиады» удалось прочно «поселить» в VIII–VII веках до н. э. Но вопрос о том, какая эпоха описана в поэме, все же требовал ответа.

Микенская Греция «ожила» после расшифровки табличек с крито-микенской письменностью. Сейчас их накопилось уже много, и общество, обрисованное ими, резко отличается от предстающего в гомеровских поэмах. Там, во дворцах Микен, Кносса и Пилоса цари-жрецы «анакты» ведут жизнь земных богов, управляя через многоступенчатую придворную бюрократию и писцов огромным дворцовым хозяйством, куда значительная часть добра поступает в качестве дани. Здесь, в гомеровских поэмах, мелкие царьки-воины «басилевсы», полуразбойники-полукупцы, ведут личное

хозяйство и делят власть с советом знати и народным собранием.

На нынешнем уровне знаний ясно, что правы были те, кто отрицал микенский облик «героического века» Гомера. Да, эпос донес до нас некоторые реалии микенской эпохи, но из них четкой характеристикой, указывающей на эту эпоху, является только одна: бронзовое оружие (позже оно стало железным).

Гомеровские герои молились в храмах, где поклонялись статуям богов в полный рост, как в классической Греции, а микенское общество не знало ни храмов, ни таких статуй. Зато в микенских дворцах были фрески и ванны, у микенцев имелись перстни и печати, таблички с письменами – ничего этого не знали гомеровские герои. Они мылись в «прекрасно полированных тазах» и оставались поголовно неграмотными. Только один раз упоминаются в «Илиаде» «злосоветные знаки» на деревянной дощечке – их посылают в чужую страну. Микенскую знать хоронили в роскошных шахтных гробницах и голосах (купольных гробницах), а гомеровских покойников кремировали и урну с прахом помещали под курган, как делали греки в конце «Темных веков». Таким образом, создатели «Илиады» совершенно не представляли себе реалий микенского общества.

Но этот вывод совсем не дает оснований отрицать сам факт войны. Совпадение различных расчетов – по генеалогиям знатных греческих родов, спискам царей Спарты, спис-

кам фараонов Египта – давно позволило отнести эпоху Троянской войны ко времени между концом XIV века и серединой XII века до нашей эры, и наиболее вероятным принято считать XIII век до н. э. Эту датировку Троянской войны подтвердил тот факт, что именно на этот век и в Гиссарлыке пришелся слой, где обнаружены остатки осаждавшегося, сожженного и разрушенного штурмом города, имевшего связи с Микенами.

В ходе раскопок на Гиссарлыке слой осады и сожжения неуклонно поднимался. Сначала Шлиман ожидал найти Гомерову Трою в самом низу, то есть полагал, что это слой «Троя I». Затем после некоторых колебаний избрал второй снизу слой («Троя II» – слой грандиозного пожарища и кладов). После его смерти Дёрпфельд, опираясь на находки микенского типа в шестом снизу слое, поднял город Приама в «Трою VI». В XX веке руководитель новых раскопок

К. Блеген, сделав разбивку на слои более дробной, поднял взятый ахейцами город еще выше – в слой VII A, где также были обнаружены следы разгрома и пожара. Детальная классификация и изучение керамики позволили отнести этот город к XIII веку дон. э. Гибель города пришлась, по Блегену, примерно на 1240 год до н. э. Это и должна быть дата окончания Троянской войны.

Но вот что уже несколько десятилетий смущало археологов: город «VII A», и правда, взят штурмом и сожжен, но тот ли это штурм? Ведь, во-первых, этот город отнюдь не был

процветающей столицей, а скорее представлял собой наспех отстроенный на руинах «Трои VI» жалкий поселок. Во-вторых, никаких следов пребывания в нем греков-ахейцев не найдено. Единственным указанием на штурм цитадели ахейцами Блегену служил оставленный нападавшими наконечник стрелы, но Блеген ошибся: ахейские наконечники надеваются на древко втулкой, а данный втыкается черенком. Других свидетельств ахейского штурма нет. Эпический Илион после штурма не был восстановлен, запустел, а сюда, в реальный город «VII A», и после пожара вернулись прежние обитатели, отстроили город и продолжали в нем жить – это «Троя VII B». Только этот город был захвачен чужеземцами, построившими на его развалинах свои жилища, но и эти победители не ахейцы, а пришельцы из Фракии. Поскольку события самого «подходящего» времени в этом самом «подходящем» месте разительно отличаются от описаний «Илиады», а главное – ахейцами здесь и не пахнет, вполне солидные археологи и историки все чаще задавали вопрос: а была ли Троянская война исторической реальностью? И отвечали на него отрицательно. Троянской войны не было, это поэтический вымысел. Она существовала и существует только в эпосе.

Блеген знал, что, по преданию, через два поколения после победы в Троянской войне погибли и сами ахейские государства – Микены, Тиринф, Пилос, Спарта. А в Гиссарлык и после пожара продолжала поступать привозная микенская ке-

рамика – та, которая в Греции изготовлялась только до упадка ахейских центров. Все это хорошо вязалось с тем, что Гиссарлык – это Троя, что штурм, погубивший «Трою VII А», – это взятие Трои ахейцами, конец Троянской войны…

Блеген – археолог-профессионал, методичный и добросовестный. Многотомное издание результатов его раскопок Гиссарлыка было выполнено безупречно. Пересмотр его выводов грянул как гром среди ясного неба.

Один из самых достоверных способов археологической датировки – датировка по керамике. Работа эта кропотливая и сложная, и от ошибок никто не застрахован. Сортируя керамику, Блеген опирался на классическую работу шведа А. Фюрюмарка – фундаментальный труд, основанный на изучении огромного количества материала. В книге Фюрюмарка разработана классификация и хронология микенской керамики Средиземноморья с точностью подчас до десятилетий. Но сам Фюрюмарк, подержав в руках керамику из Гиссарлыка, обнаружил, что Блеген неверно распределил черепки по стилям. Это его наблюдение прошло практически незамеченным: авторитет Блегена уже был непререкаем. Тем не менее, не так давно несколько молодых археологов заинтересовались обоснованием выводов Блегена, его методикой. Оказалось, что, прослеживая «сорта» керамики по слоям, Блеген за единицу подсчета брал любой обломок – мелкий фрагмент или почти целый сосуд, тогда как они неравноценны: мелкие легче перемещаются из слоя в слой при перекопах.

Когда же Блеген натыкался на керамику, по стилю «не подходящую» к эпохе, которая соответствовала его представлениям, то он хоть и честно фиксировал находку в документах, но при анализе всего найденного не учитывал, принимал за случайно попавшую не в тот слой.

Когда немецкий ученый Х. Подцувейт пересчитал все по-новому, картина получилась иной. Оказалось, что керамика из Греции времени расцвета микенских государств перестала поступать в Гиссарлык не только задолго до штурма и пожара, но даже до гибели «Трои VI». Эта керамика давно уже не поступала не только в Гиссарлык, но и в другие города Малой Азий, и на острова. Значит, во второй половине XIII века до н. э. ахейцам материковой Греции было уже не до торговли и не до плаваний в Малую Азию: именно тогда на них обрушились бедствия.

Судя по керамике, город был сожжен лишь в XI веке до н. э., на два века позже, чем полагал Блеген! Даже «Троя VI» погибла уже после падения ахейских государств Греции, что уж и говорить о «Трое VII А». Ахейцы не только не штурмовали этот город, но и не могли его штурмовать: у греков к этому времени не было ни сильных царств, ни крепостей с дворцами, ни мощных армий, ни флота. Греция уже второй век переживала период, получивший название «Темные века».

Троянская война не находит себе подтверждения в археологических материалах – вот непреложный вывод из прора-

ботки материалов Гиссарлыка. Это еще не значит, что войны за Илион не велось. Но в XIII веке до н. э. Илион не был взят ахейцами, а в XI веке, когда он был кем-то взят, победителями были не ахейцы.

То есть Троянской войны, такой, какою она частично описана в «Илиаде» и более полно в Троянском эпическом цикле, не было. Но эпос знал только такую Троянскую войну. О другой ничего не говорят ни эпос, ни археология.

Еще в 1911 году Д. Лакенбилл, читая хеттский договор с вассальным царем Алаксандусом, заподозрил в этом царе некоего героя греческого эпоса Александра (одно из имен Париса). В 1924 году эту гипотезу подхватил Э. Форрер, причем он добавил к ней новые факты, опознав в хеттских документах и Илион (*греч.* Илиос, древн. Вилиос – *хеттск.* Вилуса), и ахейцев (*греч.* «Ахайвой» – *хеттск.* «Ахийява»), и конкретные имена героев эпоса (например, *греч.* Этеоклос – *хеттск.* Тавакалавас). Форрер также заметил, что для скрепления договора клятвой со стороны Алаксандуса привлечен бог Апалиунас, в «Илиаде» же Александру помогает Аполлон. Опознание Александра подкреплялось такой деталью: в греческом предании рассказывается о том, что, похитив Елену, бежавший Александр нашел приют у малоазийского царя Муталиса. А в преамбуле договора рассказано, что в прошлом царевич Алаксандус не сумел утвердиться на отчем престоле и нашел приют у хеттского царя. Тот и помог ему захватить трон. Этим хеттским царем был, по мнению

историков, Муваталис. Имя Александра по происхождению греческое (означает «защитник людей»), а Алаксандус чуждо хеттской речи – но ведь у Гомера многие троянцы носят греческие имена. Видимо, троянцы и в самом деле говорили на языке, родственном греческому.

Для тесных сношений Ахийявы с хеттами расстояние – не преграда, а море не отделяло греков от хеттов, а связывало с ними: ахейцы были завзятыми моряками. Львиные ворота в Микенах давно рассматриваются как подражание бесчисленным каменным львам хеттов. царь Ахийявы, живя где-то на западе, обычно действует издалека, к нему отправляются на корабле. Повелитель хеттской империи титулует его как равного, в одном ряду с фараоном Египта и царем Ассирии, просит у него прощения за былые обиды. Кто еще мог бы на западе претендовать на такое обращение могущественного хеттского царя? На Родосе нет ни роскошных ахейских дворцов, ни толосов, а Кипр известен хеттам под другим названием (да ведь он и не на западе от хеттов, а на юге). В схему «Ахийява = ахейская Греция» хорошо укладываются и результаты новых раскопок микенских колоний в Малой Азии (особенно Милета – *хеттск.* Милаваты, где хетты встречали людей Ахийявы), и новые находки хеттских документов с упоминанием Ахийявы и ее вассалов. Все это и вызвало резкое изменение хода исторической дискуссии.

Александр в свое время действительно царствовал в Илионе, и некоторые его данные (имя, принадлежность к цар-

ской семье, связь с Илионом и др.) действительно совпадают с характеристиками греческого эпического героя. Правда, говорили его подданные не на греческом языке, а на лувийском. Греческое имя царя может свидетельствовать об ахейском происхождении династии (иноземные династии – дело нередкое). Одна из ипостасей Аполлона – действительно малоазийская. Таким образом, сочетание образов Александра Илионского и Аполлона действительно восходит к XIII веку, но трудно назвать царя Алаксандуса историческим прототипом Александра-Париса, поскольку его образ (если это его образ) в поэмах изменился почти до неузнаваемости. Может быть, вернее будет сказать, что существовавшему издревле фольклорному образу мифического похитителя красавицы были приписаны имя и некоторые другие данные реального илионского царя. Во всяком случае, в греческом эпосе это один из древнейших образов: он более других (за исключением Елены) снабжен постоянными эпитетами, характерными для фольклора.

Была ли в бронзовом веке какая-либо историческая основа для предания о Троянской войне? Территориальных захватов в северо-западном углу Малой Азии – таких, как южнее, – ахейцам сделать не удалось. Государство Вилуса (Илион) и соседние с ним находились под хеттским протекторатом. Спустя одно поколение после договора с Алаксандусом хеттский царь в письме к царю Ахийявы упоминает свою ссору с ним из-за Вилусы, закончившуюся примирени-

ем. Еще позже в хеттском письме о царе соседней с Вилусой страны говорится, что царь этой страны «сделал войну (против хеттов), полагаясь на царя Ахийявы». Так что царь Ахийявы в XIII веке до н. э. плел какие-то интриги в этом районе против Хеттского царства, а поскольку Вилуса была вассалом хеттов, то эти действия царя Ахийявы означали непосредственную угрозу Вилусе. Но сведений об осаде и взятии Вилусы нет. Захват ее был скорее реализованной лишь в сказках мечтой ахейцев, нежели исторической действительностью XIII века до н. э. Возможно, то, что они не сумели осуществить в жизни, их потомки совершили в героических песнях.

Реальное историческое поражение ахейцев явно не вяжется с победным славословием Гомера. Но возьмем в руки «Илиаду» и «Одиссею». Прочтем их повнимательнее – так, как историки уже давно прочли надписи Рамзеса II о битве с хеттами при Кадеше. Там за пышными самовосхвалениями кое-где проступали горькие факты: египтяне не ожидали нападения, воины «бегали, как овцы». «Преступление моих воинов и колесничих, которые бросили меня», «эта далекая страна лицезрела мою победу… когда я был один… и ни единого возницы не было у меня под рукой», «ничтожный царь страны Хатти» направил отборных воинов на пленение фараона, «но я ринулся на них» и… пробился из окружения – «сам, без пеших воинов и колесничих». Потом подошли египетские резервы, и после нового боя египтяне отступили

– теперь уже в порядке. Такая вот победа…

Обратимся же к Гомеру. Чем оканчивается повествование об осаде Илиона в старшей из двух поэм – «Илиаде»? По сути, ничем. «Илиада» не описывает взятие и разгром Илиона. Лишь «Одиссея», составленная позже, а также другие поэмы троянского цикла – «Малая Илиада», «Разрушение Илиона» – рассказывают о том, как завершилась Троянская война. И как же она завершилась?

Ахейцы, простояв под Троей девять лет, на десятый год (конечно, мифическое, символическое число) вынуждены были снять осаду и, вернувшись на корабли, отплыть. По логике, это и есть конец, и этот конец – поражение. Но эпический певец не может с ним примириться. И вот появляется совершенно сказочный эпизод с троянским конем – прощальным даром данайцев городу. Они-де лишь притворно примирились с поражением, а ночью вернулись, уповая на свою военную хитрость. И она дала успех. Вставной характер этого эпизода виден уже из того, что в окончательном тексте «Одиссеи» соединены две, очевидно, изначально существовавшие отдельно версии. Деревянный конь, доставленный в город, был «начинен» «лучшими из ахейцев», которые ночью вышли из него и бросились на спящих троянцев. Этого вполне достаточно для овладения воротами изнутри и успешного прорыва. Но сверх того, троянцы, чтобы протащить огромного коня в город, разобрали крепостную стену (ворота были слишком низки), и греки, вернув-

шиеся на кораблях, смогли пройти в Илион сквозь пролом в стене. Но ведь в таком случае начинять коня воинами даже и не было нужно! Толчком к сочинению подобных песен на основе туманных сказаний послужила, очевидно, экспансия греков-эолийцев на северо-западном побережье Малой Азии в X – IX веках до н. э., а непосредственным поводом – отплытие объединенной флотилии греческих отрядов, руководимых потомками Агамемнона, на восток, к Малой Азии. По преданию, переданному Страбоном, этот флот отплыл из Авлиды – как и у Гомера.

Еще одна проблема возникает при изучении хеттских документов: в одном из них упомянуты оба названия города – и Илион, и Троя (Вилуса и Труя), но как разные города, хотя и находящиеся по соседству. В самой «Илиаде» есть следы такого расхождения: у этих названий разные наборы постоянных эпитетов, а сами названия сосредоточены в разных песнях «Илиады». Иными словами, вполне вероятно, что в «Илиаде» слились разные сказания о взятии города – в одном речь шла об Илионе, в другом – о Трое. Илион найден и раскопан, о Трое мы можем строить лишь догадки.

Гомер считается автором еще одной знаменитой поэмы – «Одиссеи». С античности и до наших дней историки и географы, изучающие «Одиссею», делятся на два лагеря. Одни считают эту поэму чудесной сказкой. В ней люди встречаются с богами, на свободу вырываются стихии и космические силы. Волшебницы пользуются своими чарами для того, что-

бы соблазнить уставших мужчин. Соответственно и места, где разворачивается действие «Одиссеи», должны быть такими же вымышленными, как и ее герои.

Вторые же исходят из того, что маршрут гомеровского героя реален. Разве в поэме не упомянуты названия многочисленных островов и городов? Ведь легендарная Троя, откуда начинает свое странствие Одиссей, простояла вплоть до времен Римской империи, а родина хитроумного героя – остров Итака в Ионическом море – и поныне носит это название.

Что же касается таких мест, как страна лотофагов – пожирателей лотоса, или остров бога ветров Эола, то еще греческие историки Геродот и Фукидид в V веке до н. э. поместили первую на побережье Северной Африки, а второй на один из Липарских островов возле Сицилии – в древности их называли Эолийскими. За бога ветров и его сыновей, как утверждал Фукидид, Одиссей принял древних правителей архипелага. С тех пор не прекращаются попытки нанести на карту все промежуточные остановки долгого кружного пути Одиссея из Трои до Итаки.

Порой можно прочитать, что Одиссей выходил в Атлантический океан и даже плавал по Балтийскому морю. В пестром ворохе этих надуманных предположений теряются серьезные, заслуживающие внимания исследования, проведенные в ходе научных экспедиций по Средиземному морю. Первую такую экспедицию организовал французский знаток античности и переводчик Гомера Виктор Берар в 1930-х го-

дах.

Берар утверждал, что миссия рапсода – поэта времен Гомера (VIII–VII века до н. э.) – состояла не столько в том, чтобы услаждать слух и бередить душу публики. Нужно было еще и просвещать – передавать слушателям знания. А что более всего интересовало древних эллинов, только-только начинавших осваивать мир за пределами своих городов-государств? Конечно, географические сведения! Ведь они помогали расширить торговлю, вести войны и прокладывать новые пути в заморские страны.

Внимательный читатель «Одиссеи» Виктор Берар установил, что автор передал не только общеизвестные географические сведения. В поэме есть информация, неизвестная большинству эллинов в ту эпоху. Вероятно, Гомер воспользовался опытом чужеземцев, более искушенных в мореплавании, чем его соотечественники. Самыми же искусными моряками той далекой поры были финикийцы. Именно у них греки учились искусству навигации. Гомер, судя по всему, изучал записи финикийских путешественников, беседовал с иноземными моряками и учеными.

Чтобы проверить, насколько достоверно Гомер описал Средиземноморье, Берар совершил несколько морских путешествий по упомянутым в «Одиссее» местам. Сличая текст поэмы с описаниями берегов, так называемыми навигационными инструкциями, которые помогают штурманам ориентироваться в море, он попытался восстановить маршрут

Одиссея.

Разумеется, помимо гомеровской поэмы, у древних греков были и другие источники информации. Например, рассказы местных жителей. Известно также, что моряки в те далекие времена прекрасно владели искусством извлекать нужную им информацию из наблюдений за полетом птиц и морскими волнами. Но их представления о мире в целом определялись, конечно, мифами. Понятие «край света» было общепринятой географической координатой. Один край лежал на западе, другой – на востоке. Чем дальше устремлялись взоры греков, тем сильнее разыгрывалась фантазия, рисуя образы обитающих там невероятных и страшных существ.

Но что для нас фантазия, то для эллинов – реальность. Древние мореходы, отваживаясь идти на край света вслед за Одиссеем, умели извлечь рациональное зерно из мифов. Первопроходцы времен Гомера в большинстве своем были торговцами и пиратами. Слушая описания страны циклопов, они подмечали, что там есть пещеры, где удобно прятать награбленное добро, а баранов, которых пасли одноглазые пастухи, можно погрузить на корабль. Чем не провиант? Даже иносказания и гиперболы Гомера могли служить инструкциями для моряков.

Приключения хитроумного гомеровского героя можно локализовать в трех областях Средиземного моря. Первая – острова и побережья Ионического моря. Здесь уже в XIII ве-

ке до н. э., то есть во времена Одиссея, регулярно ходили торговые и военные корабли. Второе место действия – Эгейское море – центр мироздания для древних эллинов. Этот район был в те времена еще более «исхоженным». Здесь пролегал путь к восточным рубежам ойкумены – к Черному морю.

Путь по этим морям описан точно, его можно прочертить по карте. Описания берегов достоверны, галеры царя Итаки держались удобного курса. Даже количество дней, за которые совершали переходы парусные суда, указано верно. Острова, бухты, пляжи, места остановок, мысы, опасности – все здесь выдерживает сравнение с современными навигационными инструкциями.

Совсем иначе обстояли дела в третьем участке путешествия – у побережья Северной Африки и островов Тирренского моря. Роковой северо-восточный ветер занес Одиссея туда, куда эллины не плавали – далеко на запад. Именно там, в непосредственной близости от «края света», один за другим появляются мифические существа – чудища, волшебницы, нимфы, боги.

Некоторые исследователи считают, что им удалось расшифровать скупые намеки Гомера в отношении мест, где Одиссей встречался со всеми этими фантастическими персонажами. Одни из них явно символизируют опасности в море (ветры бога Эола), трудности перехода через пролив (Сцилла и Харибда), другие – отличные условия для жизни,

которые имелись на открытых Одиссеем берегах, – сады во владениях волшебницы Цирцеи и красоты острова нимфы Калипсо. Не для того ли, чтобы созерцать их, Одиссей отложил возвращение домой на целых семь лет?

Конечно, однозначно сказать, куда заносило Одиссея в скитаниях по Западному Средиземноморью, в ряде случаев невозможно. Например, это касается страны циклопов, которые издревле ассоциировались с вулканами. Одиссей мог встретиться с ними и на Сицилии, и на Эгадских островах, и севернее – в гавани Неаполитанского залива. Описание страны пожирателей лотоса одинаково применимо к двум островам близ Туниса. Берег Калипсо может лежать на крайнем западе Средиземноморья – в Испании, но описания Гомера вполне позволяют поместить обитель нимфы и на мальтийский остров Гоцо. Оттуда он с большей долей вероятности добрался бы на своем плоту до греческих островов живым и невредимым.

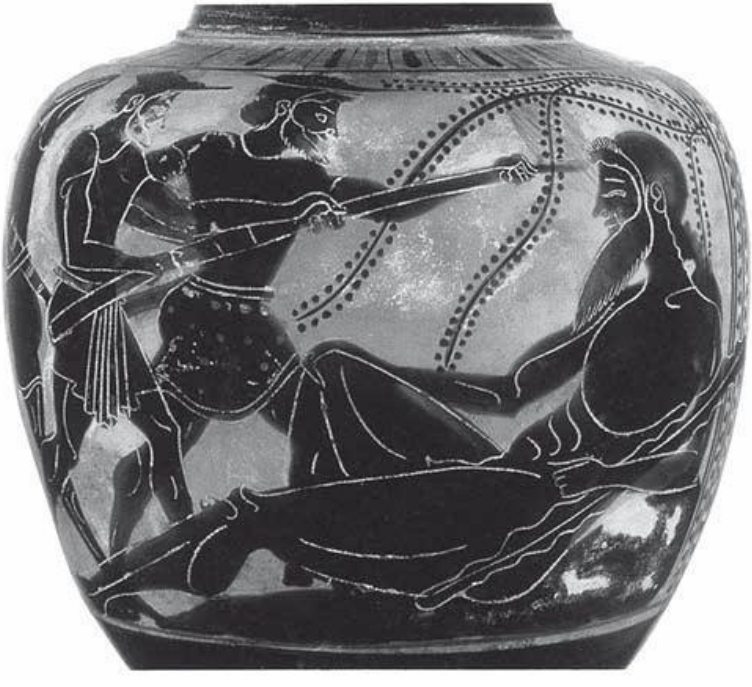
Но эллинам, отправляющимся из родного Эгейского моря на запад, не было нужды вычислять, где именно находилась та или иная из сказочных стран поэта. Вдохновленные «Одиссеей», они стремились вслед за героями Гомера расширить пределы своего замкнутого мирка. Под конец эпохи открытий, которая последовала за эпосом Гомера, мир «на краю света» греки заселили так плотно, что он стал чуть ли не центром греческой цивилизации, а под названием Великая Греция понимали не саму Грецию, а Южную Италию.

Точнее, колонии на местах былых скитаний и невзгод проклятого богами Одиссея.

Проследим же путь Одиссея в соответствии с одной интересной теорией, согласно которой он долгие годы плавал по Средиземному морю.

Одиссей и лотофаги

Предполагаемое место действия – остров Джерба. Когда корабли собирались обогнуть мыс Малея близ острова Кифер, буря отнесла их к побережью Африки. После девяти дней скитаний по морю флотилия пристала к незнакомому берегу. Одиссей отправил трех человек на разведку. Они познакомились с местными жителями, называвшими себя лотофагами – «пожирателями лотоса». Островитяне угостили чужеземцев лотосом, и у тех пропало желание возвращаться на родину. Одиссею пришлось силой загонять их на корабль.



Одиссей ослепляет циклопа Полифема. *Чернофигурная ваза*

В наше время за людным побережьем острова-курорта Джерба, куда паромы из Туниса ежедневно доставляют тысячи туристов, лежит совсем другой мир. В гуще пальмовых рощ в глубине острова скрываются деревушки коренных жителей Джербы – берберов. Название этого народа происхо-

дит от латинского слова «варвары» – так римляне называли людей, чуждых, по их мнению, цивилизации. Многие берберы до сих пор живут в пещерах, пасут стада тощих коз и баранов, собирают скудный урожай ячменя и чечевицы. Такой патриархальный уклад жизни роднит их с «пожирателями лотоса», далекими от цивилизации в представлении греков: у лотофагов не было городов, дворцов и рынков. Но каким на самом деле был «сладко-медвяный цветок», которым лакомились островитяне? Употреблять в пищу лотос первыми стали египтяне, и в Греции были об этом наслышаны. Из семян лотоса египтяне делали муку, а опьяняющий экстракт из лепестков добавляли в вино. Но сам лотос не сладок, да и как мог прижиться этот влаголюбивый цветок на сухой земле Магриба? А вот чего на Джербе в изобилии, так это колючих кустов ююбы. Осенью они покрываются яркими сладкими плодами. Ими лакомятся дети, а целители готовят из этих плодов обезболивающие снадобья. Кроме того, ююбу называют еще лотосовым деревом, или африканским лотосом. Так что это растение вполне подходит на роль таинственного цветка. Однако Гомер мог говорить о лотосе и в метафорическом смысле. Ведь лотос – это древний символ жизни. В Египте иероглиф «лотос» означал радость и удовлетворение. В таком случае можно понять, как велико было желание посланников Одиссея навеки поселиться на этом блаженном острове.

Одиссей и циклоп

Предполагаемое место действия – вулканы Флегрейских полей к западу от Неаполя или Эгадские острова у Сицилии. Оставив эскадру в удобной бухте, Одиссей с двенадцатью спутниками попадает на остров циклопа Полифема. До того как Одиссей выколол ему глаз деревянным колом, великан успел разделаться с шестью членами команды. Остальных спасла хитрость – они выбрались из пещеры Полифема, прячась под брюхами баранов. циклоп швыряет вслед морякам камни и навлекает на них гнев бога морей Посейдона.

Великан с одним глазом посреди лба – персонаж, хорошо известный первым слушателям «Одиссеи» из мифов. Подручные бога огня Гефеста циклопы ковали молнии для Зевса. Так мифологическое сознание объясняло природный феномен – гул, исходящий из недр горы, дым и пламя, вырывавшиеся из ее кратера, – то есть извержения вулканов, столь частые на западе Средиземноморья. Эта область до сих пор отличается высокой вулканической активностью. Вернувшиеся с запада мореходы рассказывали об огромной огнедышащей горе с множеством круглых отверстий на склонах. Они имели в виду один из крупнейших ныне действующих вулканов мира – сицилийскую Этну. Именно с ней молва связывала миф о кузнице Гефеста и циклопах. «циклоп» в переводе с греческого означает «круглоглазый». Нет сомнения, что единственный глаз великанов символизировал кратер вулкана.

Что же касается острова циклопов у Гомера, то вряд ли здесь речь идет о Сицилии. Из текста поэмы ясно, что Одиссей и его спутники достигают какого-то архипелага. Они останавливаются в удобной бухте поросшего лесом острова, а затем отправляются на соседний остров, где их ждет встреча с Полифемом. Первый исследователь пути Одиссея Виктор Берар полагал, что герои Гомера увидели вулкан неподалеку от Неаполя, прибежище Полифема могло располагаться на Эгадских островах, славящихся удобными, защищенными от ветра бухтами и лесами.

Рассказ об ослеплении задремавшего великана весьма примечателен: вонзив кол в око циклопа, герои слышат шипение, затем раздается вой, сотрясающий землю, и наконец вдогонку беглецам несутся каменные глыбы. Это точная картина извержения, характерного именно для вулканов Италии. Ученые относят их к особому взрывному типу – извержения сопровождаются ритмическими выбросами лавы, которая падает на землю в виде вулканических бомб.

Одиссей и Эол

Предполагаемое место действия – остров Стромболи. Корабли Одиссея достигают обители бога ветров Эола. Чтобы гости благополучно добрались до Итаки, Эол помещает опасные ветры в мешок, оставляя на свободе лишь попутный западный Зефир. Вручая мешок Одиссею, Эол советует ни в коем случае не развязывать его. На девятый день плавания

спутники Одиссея, улучив момент, развязывают мешок, думая, что там золото. Вихри относят корабли обратно к острову Эола, но бог больше не хочет помогать незадачливым странникам.

Эти края вечно окутаны дымом непрерывно извергающихся вулканов. Рожденные взрывами подводных гор острова, мимо которых, вероятно, и плыли корабли Одиссея, застыли на поверхности моря разноцветными сгустками вулканической лавы. Где-то здесь спутники царя Итаки развязали злосчастный «мех с буреносными ветрами». И дар Эола обернулся бедой…

С тех пор минуло более тридцати веков. Острова, которые в честь бога ветров звали Эолийскими, переименованы в Липарские – по названию одного из них. А выпущенные на волю беспечными спутниками Одиссея ветры все еще наводят страх на здешних рыбаков. Тучи могут налететь в любой момент – и тогда нежный Зефир сменится шквальным ветром, забрасывающим клочья морской пены на вершины прибрежных скал.

В 60-х годах XX века, как паломники к святым местам, на Липари потянулись археологи. Здешняя земля сохранила следы 10 культур, уходящих корнями в бронзовый век (XV – XII века до н. э.). Одиссей гостил у Эола на исходе той эпохи. В Археологическом музее Липари выставлен осколок керамики с изображением знаменитого путешественника. Одиссей похож на симпатичного бородатого Робинзона, на голове

– колпак, вроде тех, что носили якобинцы во времена Французской революции. Портрет бога ветров история для нас не сохранила – только черепок, на котором лаконично начертано: «Эол».

Увы, эти находки никак не могут служить историческим доказательством. Они свидетельствуют лишь о том, что греческие колонисты связывали эти острова с сюжетом «Одиссеи». Но на какой из них ступала нога гомеровского героя? Липари, Вулькано, Филикуди, Аликуди, Салины, Панареа – ни один из бывших Эолийских островов греки не упоминали рядом с именем царя Итаки.

Местный пейзаж потрясает и внушает трепет. Прямо из морских глубин вырастает гора абсолютно черного цвета – почти километр в высоту. На вершине – пламя. С грандиозной пирамиды Стромболи на вас взирают даже не века, а вся история Земли. Здесь веет изначальным огнем, изначальным морем, бесплодной землей изначальных времен. «Добро пожаловать в Эолию!» – сказали бы древние. Они были уверены, что слепец Гомер привел Одиссея именно сюда – на Стромболи. Но почему? Вулкан Стромболи, этот вечно горящий маяк Средиземного моря, никак не вяжется с образом повелителя ветров Эола – воплощения легкости и эфемерности. Однако люди не всегда думали, что ветры образуются в атмосфере – их источником считались недра земли. Скитаясь по подземным лабиринтам, воздушные потоки набирали силу, чтобы пробить земную твердь и вырваться

наружу, вызывая землетрясения и бури. Жерло Стромболи считалось одной из таких «отдушин преисподней».

Остров великанов

Предполагаемое место действия – северное побережье Сардинии. Дюжина кораблей Одиссея вошла в окруженную скалами гавань. Три человека, высланные на разведку, повстречали у прибрежного источника деву исполинского роста. Она отвела моряков во дворец царя великанов-лестригонов Антифата, где все трое были съедены. Затем великаны начали топить корабли Одиссея, швыряя в них огромные камни. Спасавшихся вплавь моряков они выловили из воды и унесли в город, нанизав на палки. Уцелели только сам Одиссей и экипаж его корабля.

В конце осени заканчивалась навигация и надо было искать место для зимовки, кормчие Одиссея увидели на горизонте северную оконечность Сардинии, где сейчас стоит город Санта-Тереза-ди-Галлура. Корабли маленькой флотилии изрядно потрепало на волнах в проливе Бонифаччо, отделяющем Сардинию от Корсики, и в лабиринтах архипелага Маддалена. Теперь моряки отчаянно нуждались в отдыхе.

Медвежьи очертания мыса Орсо, хорошо различимые с моря, стали для них ориентиром. На седьмой день утром корабли углубились в длинный узкий проход, который сегодня ведет в бухту Порто-Поццо – «Порт источников». Этот городок находится неподалеку от источника у подножия мед-

ведеобразной скалы и вполне может претендовать на роль Артакийского ключа, возле которого, как повествует Гомер, моряки повстречали деву из племени лестригонов. Название этих великанов-людоедов некоторые ученые считают просто бессмысленным набором звуков, подчеркивающим нереальность этих персонажей. Но Виктор Берар в свое время увидел в этом названии искаженное греческое словосочетание «лаас тругонон», что означало «скалы, где гнездятся голуби». Очень похоже на облепленные птицами скалы Сардинии. Эти нагромождения из гранита греки называли также Безумными горами.

Хозяева «Голубиных скал» уничтожили флот Одиссея. Это первый миф в долгой череде связанных с Сардинией легенд: от таинственных могил гигантов – каменных некрополей невероятных размеров – до нетрадиционного толкования христианского мифа о сотворении мира. Согласно преданиям обитателей этого острова сардов, Господь сотворил сначала Сардинию, а уж потом все остальное. Сардиния – остров и впрямь героический. Его жители отражали атаки многочисленных завоевателей – финикийцев и карфагенян, римлян и византийцев, вандалов, арабов, испанцев, генуэзцев. Что же стоит за мифом о лестригонах? Может быть, история столкновений с людьми, построившими удивительные башни-нураги из точно подогнанных друг к другу каменных глыб? Эту цивилизацию назвали нурагической, но никаких сведений о создавшем ее народе история до нас не донесла.

На Сардинии осталось около 7 тысяч таких каменных башен. Самые древние построены около 1500 года дон. э. Наивысшего расцвета нурагическая цивилизация достигла как раз в гомеровские времена. Подобные странные сооружения есть только на Сардинии. Слухи о жителях острова, возводивших огромные сооружения, вероятно, доходили до Греции. Само название Тирренского моря происходит от греческого слова, которое означает «строители башен». Но не слишком ли поспешно мы отождествляем лестригонов с представителями цивилизации нурагов?

Одиссей и Цирцея

Предполагаемое место действия – мыс Чирчео на западном побережье Италии. Едва сойдя с корабля, моряки, чудом спасшиеся от лестригонов, без сил повалились на золотой песок, плача от счастья, потому что остались живы, и от тоски по товарищам, погибшим ужасной смертью. Двое суток они не могли покинуть этот великолепный пляж.

На острове Эя половина команды Одиссея уходит на разведку, а возвращается лишь один человек. Он рассказывает, что волшебница, живущая на горе, опоила моряков зельем и они превратились в свиней. Одиссей спешит на выручку и встречает бога Гермеса. Тот дает ему в качестве противоядия от зелья моли – траву богов. Увидев, что ее зелье не подействовало, Цирцея возвращает морякам человеческий облик и просит Одиссея погостить у нее год.

Цирцея считалась сестрой царя Колхиды Ээта, к которому аргонавты плыли за золотым руном. По версии комментатора Гомера грека Аполлодора (II век до н. э.), Цирцея родила от Одиссея сына. В свое время он поехал на Итаку искать отца и случайно убил его.

Природа щедро одарила девственный лес Монте-Чирчео. Ученые насчитали здесь более тысячи двухсот видов растений, но так и не нашли волшебную траву моли – «молочно-белый цветок с черным корнем», который Гермес подарил Одиссею. И не мудрено. Ведь и сам Гомер предупреждал: «отрыть нелегко это средство смертным мужам»…

Между песчаными пляжами и лесом – четыре озера. Возле одного из них в эпоху греческих богов и героев произошла трагедия. Сюда пришла купаться красавица-нимфа, а хозяйка озер, позавидовав ее красоте, превратила купальщицу в жуткое шестиголовое чудище и выбросила в море. Пусть топит корабли. Несчастную нимфу звали Сциллой…

Согласно греческому поэту Гесиоду, римскому географу Страбону и французскому филологу Виктору Берару, волшебница жила на самой вершине Монте-Чирчео – 42 метра над уровнем моря. Как говорит Гомер, Одиссей заметил дым от очага на вершине лесистого острова. Гора, если смотреть на нее с моря, действительно напоминает остров, поскольку кажется отделенной от плоского побережья. На Монте-Чирчео не найдено никаких следов пребывания греков, зато здесь откопали развалины какого-то строения.

Вряд ли это руины дворца гомеровской Цирцеи. Скорее всего, остатки святилища, много веков назад возведенного в ее честь поклонниками древних мифов. Само существование горы с названием Монте-Чирчео доказывает, что память о волшебнице жива и сохранится еще долго.

Одиссей и сирены

Предполагаемое место действия – острова Галли в Тирренском море. Когда путешественники отбывали с острова Эя, Цирцея предупредила об опасности, поджидающей героев возле острова сирен. Эти существа завораживают смертных своим чудесным пением, и те навсегда остаются в их власти. Подплывая к острову, Одиссей велел своим спутникам заткнуть уши воском, а себя привязал к мачте. Едва услышав пение сирен, Одиссей попытался освободиться, но спутники не позволили ему этого сделать. Корабль благополучно миновал опасный остров.

Гомер был первым, кто упомянул о сиренах. Но в «Одиссее» о них сказано лишь то, что моряки должны опасаться пения «чудноголосых», иначе им не вернуться на родину. Этот едва очерченный образ распалил фантазию слушателей поэмы. В Древней Греции миф о сиренах обрастал все новыми и новыми подробностями. Во-первых, у них появилась родословная. Голос сирены унаследовали от матери-музы и поначалу ничем не отличались от обычных женщин. Но тетки-музы, опасаясь за свое положение на Парнасе, обезобра-

зили новоявленных певуний, превратив их в гибрид человека и птицы.

По другой версии, сирены сдружились с Персефоной, которую Аид затащил в царство мертвых. Подруги об этом не подозревали и упросили богов дать им возможность искать пропавшую на земле, в небе и под водой. Так сирены разделились на полуптиц и полурыб. Следующая вереница мифов объясняла, почему сирены опасны для людей. Смертные отказались помочь им искать Персефону, и тогда сирены решили мстить. Девы-рыбы пением утягивали моряков в пучину морскую. Крылатые девы высасывали кровь тех, кто останавливался их послушать.

На этом сюжет, подсказанный Гомером, был исчерпан. И тогда родился миф о гибели сирен. Спасителем от этой напасти объявили Одиссея. Он оказался единственным, кто не причалил к острову, певуньи оплошали впервые. От отчаяния девы-птицы ринулись в море и превратились в скалы. О девах-рыбах сначала позабыли, но в средние века народы Европы заимствовали этот образ в сказаниях о коварных русалках и ундинах. Воскресли и сирены-птицы, превратившись, к примеру, в персонажей славянских преданий – птиц Сирин и Феникс.

Где же произошли события, положившие начало мифам о сиренах? Можно, конечно, искать в Средиземном море их «могилы» – скалы, одиноко торчащие из воды. Но куда более интересна та версия, что пением сирен Гомер мог счи-

тать звуки, связанные с природными особенностями определенного места на побережье. Например, в Салернском заливе есть архипелаг Галли. Конфигурация прибрежных скал здесь такова, что они усиливают звуки, идущие в сторону моря. Крики облюбовавших острова тюленей, проходящие через этот рупор, вполне можно принять за звуки человеческого голоса…

Гомер не уточнил, сколько сирен было на острове. Греки обычно изображали трех. Миф гласит, что они утопились после неудачи с Одиссеем. Тело одной из них прибило к берегу там, где сейчас находится Неаполь.

Едва Одиссей миновал зловещий остров сирен, как вновь начались неприятности. Надо было проплыть между скалами, где обитали кровожадное чудище Сцилла с шестью собачьими головами и богиня Харибда, втягивающая в себя, а затем извергающая морские воды. Древние греки считали, что эти существа подстерегают моряков по обе стороны Мессинского пролива: Сцилла у берегов Апеннинского полуострова, Харибда – у острова Сицилия.

Сцилла и Харибда

Предполагаемое место действия – Мессинский пролив. Одиссей оказался меж двух утесов. На одном жило чудовище Сцилла, у подножия другого бушевали смертоносные волны Харибды. Одиссей решил держаться ближе к Сцилле. По Гомеру, у нее было 12 ног, 6 собачьих голов и 3 ряда зубов в

каждой пасти. Она сожрала шесть гребцов, но корабль остался цел. Затем моряки высадились на острове Тринакрия (Сицилия), где вопреки запрету Одиссея убили быков бога Гелиоса. В наказание на обратном пути Харибда поглотила судно. Спасся один Одиссей. Он уцепился за ствол дерева, росшего на утесе.

В начале нашей эры смысл выражения «оказаться между Сциллой и Харибдой» (то есть подвергнуться опасности с двух сторон) прояснил римский историк Флавий Арриан. Он указал на наличие в Мессинском проливе двух сильнейших водоворотов, образованных подводными течениями. Современным судам они не страшны, а вот легким парусным корабликам античной эпохи приходилось туго. Достаточно было одного сильного порыва ветра, чтобы откинуть судно с полоски спокойного моря, проходящей ровно посередине пролива, в волны, клокочущие по левому или правому борту. Подхваченный мощными течениями корабль неумолимо сносило к центру ревущей воронки.

Водовороты для Средиземного моря – явление обычное. Они вызваны в частности тем, что море питается за счет притока вод Атлантического океана, поступающих через Гибралтарский пролив, и вод Черного моря – через проливы Босфор и Дарданеллы. Эти воды из-за разницы в солености и плотности создают течение на поверхности Средиземного моря. А «местные» воды формируют холодное течение на глубине. У побережий эти потоки сталкиваются, образуя во-

довороты.

Такие течения особенно сильны в узком Мессинском проливе. «Эффект Сциллы и Харибды» здесь достигается в основном за счет приливов и отливов. Прилив гонит потоки к северу, а отлив – к югу, порождая два встречных течения. В итоге возникают самые опасные в Средиземном море водовороты. Так что грекам, впервые заплывшим в зону между сицилийским мысом Фаро и рифами побережья Калабрии, здешнее буйство стихии вполне могло показаться чудовищным.

Одиссей и Калипсо

Предполагаемое место действия – остров Гоцо в Мальтийском архипелаге. На единственном бревне, оставшемся от корабля после крушения у Харибды, Одиссей доплыл до острова Огигия, где жила нимфа Калипсо. Она предложила Одиссею напиток богов – нектар, смешанный с амброзией. Выпив его, человек обретал бессмертие. Но Одиссей отказался от напитка. Семь лет нимфа удерживала его на острове, пока Гермес не передал ей приказ Зевса отпустить героя. Нимфа помогла ему построить плот и снарядила в дорогу.

Толкователи мифической географии Гомера считают, что именно сюда, на пляж «Красный песок (Рамлал-Хамра)» на острове Гоцо, волны выбросили Одиссея вместе с обломком его корабля. Молва давно отождествила остров в шести километрах от Мальты с Огигией, находившейся «на далеком

западе в самом центре моря». Греки называли этот клочок суши пупом Моря. Здесь, как гласили их мифы, обретали покой души умерших. Нимфа Калипсо, чье имя означает «та, что скрывает», семь лет прятала Одиссея в своем гроте. Но успокоить душу странника, рвущегося на родину, ей не удалось.

Первые люди прибыли на Гоцо с Сицилии. Это случилось давно, около 7000 лет назад. Поначалу они жили в пещерах и поклонялись Богине-матери. Потом стали возводить в ее честь святилища. Первые храмы на Гоцо появились около 4000 года до н. э. Они на целое тысячелетие старше египетских пирамид! Десятиметровые стены сложены из огромных камней. Каждый – величиной с небольшой дом. Легенда гласит, что эти камни принесла сюда на своих плечах женщина по имени Сансуна. Древнее название этих построек – Джгантия – в переводе с мальтийского означает «Башня великанши». Археологи обнаружили здесь каменные статуи и статуэтки богини с пышными формами – Мальтийские Венеры эпохи неолита. Могла ли ворочающая неподъемные глыбы женщина превратиться у Гомера в нимфу? Ведь у греков Калипсо – дочь титанов. Ее отец – тот самый Атлант, что держал на плечах небеса где-то там, далеко в океане, названном его именем. А может, греческий миф о женском божестве острова Огигия – отголосок матриархата доисторической эпохи? В каменном веке здесь всем заправляли жрицы. Как и Калипсо, они были ревностными хранительница-

ми тайных знаний.

В гомеровской поэме, покидая остров Калипсо, Одиссей видит созвездия Плеяд, Волопаса и Большой Медведицы. В ночном небе над древним островом Гоцо эти три созвездия сияют особенно ярко…

Одиссей и феаки

Уклад жизни феаков, описанный в «Одиссее», стал источником, из которого гуманисты Европы веками черпали вдохновение для своих книг об идеальном общественном устройстве. «Одиссея» говорит о любви, которую питали боги к феакам. Отцом народа считался сам Посейдон, полюбивший нимфу Керкиру. После медового месяца, проведенного на некоем острове, у четы родился сын Навситой – вождь феаков. Прямые потомки Посейдона считались «богоравными», их цари были мудрее, а корабли быстрее, чем у обычных людей. Вычислить, где они жили, слушателям «Одиссеи» не составляло труда. В те времена уже знали об острове в Ионическом море, названном по имени матери феаков. Сейчас древняя Керкира носит искаженное латынью название – Корфу.

К феакам Одиссей прибыл с запада. И, судя по строкам поэмы, на берег он мог высадиться только в заливе Эрмонес, где сейчас находится один из самых популярных у туристов пляжей. Барьер зеленых гор закрывает его от ветра. И главная примета – с этих гор сбегает в море речка, у которой Одиссей встретил Навсикаю.

Берар считал, что дворец Алкиноя стоял на северо-западе Корфу, в районе города Палеокастрица. А по версии первооткрывателя Трои Генриха Шлимана, Алкиной жил на восточном берегу, на полуострове Канони. Там была столица древней Керкиры и стоит нынешний город Корфу. На восточном берегу археологи нашли руины Керкиры VIII века до н. э. К тому времени остров стал колонией дорийцев из Коринфа. Схема античного города-порта с крепостными стенами и двумя воротами, выходящими на запад и на восток, совпадает с описанием города феаков из «Одиссеи». То ли дорийцы строили его по образу и подобию города, придуманного Гомером, то ли Гомер описал современный ему город в поэме о совсем другой эпохе. Есть также основания предполагать, что в Керкире почитали «высокого сердцем» царя феаков

Алкиноя как бога. Западные ворота города, у которых заключали важнейшие торговые сделки, греки называли воротами Алкиноя.

Родина Одиссея

Когда феаки наконец доплыли до Итаки, Одиссей крепко спал. Проснувшись, он не узнал родного острова. Его покровительнице богине Афине пришлось заново знакомить Одиссея с его царством. Она предупредила героя, что его дворец заняли претенденты на трон Итаки, которые добиваются руки царицы Пенелопы. Будет лучше, если прибытие

Одиссея останется тайной. Чтобы никто не узнал героя, богиня превратила его в нищего старика и поселила в хижине свинопаса Эвмея. Вскоре Афина привела туда Телемаха. Сын узнал отца. Одиссей и Телемах отправились во дворец. Одиссей освободил дворец от оравы женихов и наконец после двадцати лет разлуки обнял свою верную Пенелопу.

Сейчас, спустя три с лишним тысячелетия, история повторяется: Итаку по-прежнему не узнают. Ученые давно поговаривали о том, что далеко не все из многочисленных описаний Итаки в «Одиссее» подходят к острову, который сейчас носит это название. И вот недавно группа британских исследователей заявила: Итака Гомера – это вовсе не современная Итака, а северная оконечность соседнего острова Кефалония, жители которого, согласно Гомеру, тоже находились под властью Одиссея. Область Палики на Кефалонии, по этой версии, некогда была отдельным островом. И там совпадений с текстом Гомера обнаруживается куда больше, чем на Итаке. Так утверждает инициатор исследований, английский бизнесмен Роберт Биттлстоун. Остается только доказать, что Палики в эпоху Одиссея отделял от Кефалонии пролив.

Бухта Дексия напоминает скандинавский фьорд – настолько она узка. Сама Итака как бы распадается на две половины подобно американским материкам. Эти северная и южная Итаки соединены узким перешейком, посреди которого возвышается гора Аэтос. От Вафи в южной половине

острова до горы – несколько километров.

В 1868 году преуспевающий коммерсант Генрих Шлиман, прежде чем отправиться в Турцию на поиски легендарной Трои, прибыл на Итаку – поклониться родине Одиссея. Он завещал потомкам искать дом царя Итаки на горе Аэтос, поскольку был впечатлен развалинами древнего сооружения на ее вершине. Хотя местные жители именуют эти руины Замком Одиссея, археологов, прибывших сюда «по наводке» Шлимана, ждало разочарование. Замок Одиссея оказался греческой крепостью VIII века до н. э. Дворцу гомеровского героя надлежало быть, как минимум, на пять веков старше.

С 1930 года область поисков Одиссея смещается в северную Итаку. Это случилось после того, как археологи объявили об открытии в этой части острова грота, претендующего на роль гомеровской Пещеры нимф. В прибрежных скалах недалеко от города Полис нашли 12 бронзовых треножников – в Древней Греции это были предметы культа. По количеству треножников судили о богатстве и знатности их обладателя, а 12 – «царское» число. Именно столько треножников подарил царь Алкиной Одиссею, признав в нем равного себе. Прибыв на Итаку, феаки спрятали спящего Одиссея вместе с этими подарками в укромном гроте. Совпадение с текстом казалось невероятным, и мир затаил дыхание в ожидании датировки находок. Если бы их отнесли к XIII веку до н. э., мы имели бы вещественное доказательство реальности

гомеровского эпизода. Но нет. Треножники были датированы IX – VIII веками до н. э. – поздновато для Одиссея. Однако эта находка убедила ученых в том, что резиденцию царя Итаки нужно искать к северу от горы Аэтос. Тем более что здесь, недалеко от города Ставрос, есть место, называемое «Школой Гомера», – знаменитые развалины, которые могут иметь отношение к эпохе, описанной в поэмах. Это сооружения из каменных глыб, подобные тем, что в древности строили в Микенах на Крите. В 1990-х годах здесь нашли фрагменты погребальных масок и изображения на терракоте периода крито-микенской культуры (1500–1200 годы до н. э.).

И все-таки у современной Итаки есть неплохие шансы отстоять право называться истинной родиной Одиссея. Гомер говорит, что дворец был окружен тремя гаванями. Одна из них была вытянутой и глубокой. Предполагают, что это залив Афалес. Две другие напоминают бухты у городов Полис и Фрикес. Второй довод: Гомер говорил о двухэтажном дворце. И действительно, две каменные лестницы ведут вверх. Следующий довод: в «Одиссее» упоминается ручей, протекавший недалеко от дворца. В пятистах метрах от руин «Школы Гомера» таковой действительно имеется.

И наконец, четвертый и самый веский аргумент. Фотографии, сделанные со спутника, показали, что фундамент сооружений в «Школе Гомера» занимает куда бóльшую площадь, чем тот участок, который до сего дня удалось расчистить.

Итака претендует на роль родины не только Одиссея, но и самого Гомера. Правда, это противоречит исторической традиции и серьезным научным изысканиям. Но ведь трудно отрицать, что любой человек лучше всего сможет описать город, в котором родился и вырос или долго жил. Есть ли такая местность, которую лучше всего знает Гомер? Есть. Это Итака!

Одиссей

По числу подробностей, упомянутых в поэмах, касающихся ландшафта и быта жителей, Итака стоит на первом месте. Гомер знает об Итаке многое. Например, какие острова входят в состав царства: «злачный Дулихий, пшеницей богатый», «лесной Закинф». Автор даже упоминает «утесистый остров между Итакой и Замом гористым», «его именуют Астером; он невелик». И на этом малюсеньком островке «корабли там приютная пристань с двух берегов принимает». О самой Итаке сын Одиссея Телемах говорит: «Мы из Итаки, под склоном Нейона лесистым лежащей». Здесь речь идет о городе Итаке и называется его гавань, довольно далеко расположенная от самого города, – Ретра: «…в пристани Ретре, далеко от города… под склоном Нейона лесистым». Когда Менелай хочет подарить коней сыну Одиссея, тот отказывается, поскольку горные долины Итаки не подходят для быстрых коней. Очень подробно Гомер описывает стада Одиссея – у царя было по двенадцать бычьих, козьих и овечьих стад. Удивительно, что Гомеру известно количество свиней, съеденных прожорливыми женихами Пенелопы. Знает аэд и то, что к моменту возвращения Одиссея в стадах осталось 360 боровов. Знает, как были расположены закуты и сколько жи вотных было в каждом закуте. А подробное описание места высадки спящего Одиссея феакийцами на Итаку у Форкинской пристани? Описание священного грота с его двумя входами? И наконец, детальное описание дома Одиссея, «высокого чертога» (обращен был ли-

цом на прекрасный двор с обширным пред окнами видом), и внутреннего убранства этого дома. Откуда он это знает? Если даже все эти детали Гомер выдумал, то как быть с женихами, «первыми людьми» Дулихия, Зама, Закинфа, Итаки? Большинство из них Гомер называет по именам, говорит о характерах, перечисляет родственников. Зачем это было придумывать? А ведь женихов было не один или два, а сто шестнадцать! Гомер знаком с историей Итаки:

> Находился там светлый
> Ключ; обложен был он камнем, и брали в нем граждане воду.
> В старое время Итак, Нерион и Поликтор прекрасный
> Создали там водоем.

Невозможно, чтобы человек, никогда не бывавший на Итаке, знал, где находится водоем, и помнил, кто из предков его создал. Но допустим, Гомеру могли все это рассказать. А вот где он мог почерпнуть такие сведения об Евриклее, няньке Телемаха:

> «Куплена в летах цветущих Лаэртом она – заплатил он
> Двадцать быков, и ее с благонравной своею супругой
> В доме своем уважал наравне, и себе не позволил
> Ложа коснуться ее, опасаяся ревности женской»?

Вывод один: Гомер был вхож в царский дом и скорее все-

го был ровесником Лаэрта, отца Одиссея. Ну а для самого Одиссея он мог быть дядькой-воспитателем.

Подобное допущение выявляет еще одну проблему. Если Гомер был современником Троянской войны, то время создания эпоса – XIII век до н. э. Как же им удалось сохраниться до VIII века, когда они были записаны?

Вот простое объяснение: народ полюбил эти поэмы, переписывал их, читал на празднествах, любовно хранил, передавая из поколения в поколение четыреста лет. Но простое не всегда истинно. Начиная с XIII века до н. э. рушится эгейская культура, и к IX веку до н. э. она полностью стирается из памяти всех народов, населявших регион. На Пелопоннесе умирает микенская культура, на Крите – минойская, на малоазийском побережье – фригийская, митаннийская, хеттская, лувийская и т. д. Да и о какой сохранности культуры можно говорить, когда период с XIII по X век до н. э. был насыщен такими грозными событиями, что культура просто не могла выжить. Гремели войны, периодически перемещаясь с малоазийского побережья на европейское. Крупнейшие землетрясения погрузили в море часть городов малоазийского побережья и некоторые острова. После каждого землетрясения новая волна беженцев, оставшихся без земли, захлестывала Пелопоннес и Малую Азию.

Как только на землях какого-либо народа появляются пришлые группы, культура коренного населения начинает видоизменяться. Если же народ согнать с его исконных зе-

мель, сделать переселенцами, перемешав с другими народами, и в течение 100–150 лет повторить эту процедуру дважды-трижды, то самобытность культуры такого народа исчезнет навсегда. Забудутся мифы и сказки, смолкнут любимые песни, исчезнут и письменные доказательства существования культуры вместе с изменением языка. В период с XII по VIII век до н. э. не могло существовать условий для сохранения поэм ни на Пелопоннесе, ни на Крите, ни в государствах Малой Азии. Таким местом мог быть только кусочек суши, который находился в стороне от политических катаклизмов и демографических потрясений, и на нем должны были существовать «тепличные» условия для сохранения поэм.

Взгляните на карту Эгейского моря, и вы увидите, что остров Итака является одним из немногих мест, удовлетворяющих всем условиям. Иначе трудно ответить на вопрос: почему главным героем «Одиссеи» и одним из главных героев «Илиады» является царь этого острова? Вряд ли поэт, проживавший в могучих Афинах и тем более в Спарте, главным героем войны сделал бы не «своего». Одно из возможных объяснений: Гомер был жителем острова Итака, ровесником Лаэрта, отца Одиссея, являлся воспитателем Одиссея и поэтому в поэмах описывал подвиги своего питомца.

Любопытно, что «Одиссея» кончается на самом трагическом для героя моменте. царь после двадцатилетних мытарств возвращается на родину, но в поэме нет всенародного

ликования, радости и других приличествующих случаю эмоций. Народ пытается убить возвратившегося царя. И чтобы доказать свое законное право на престол, Одиссей вынужден истребить всех женихов, то есть конкурентов в борьбе за царский трон. Это приводит к всенародному бунту против Одиссея. Поэма кончается на трагической ноте:

Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса
Громко не крикнула, гибель спеша отвратить от народа:
«Стойте! Уймитесь от бедственной битвы, граждане
Итаки!
Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!»
…Так говорила богиня…
Скоро потом меж царем и народом союз укрепила
Жертвой и клятвой великой приявшая Менторов образ
Светлая дочь громовержца богиня Афина-Паллада.

Так какую же «клятву великую» Одиссею пришлось давать перед народом? Прежде всего необходимо ответить на вопрос, сколько лет осаждали Пенелопу женихи. Вряд ли они начали свои домогательства за двадцать лет до только что описанных событий, сразу после отплытия Одиссея. Надо исключить и годы Троянской войны – десять лет. В это время не только жены ждали ушедших на войну мужей, но и мужчины старались не заглядываться на жен своих воевавших товарищей.

Но вот пришла весть об окончании войны, а на Итаку не

вернулся ни один воин. Ко всем ли женщинам, к которым не вернулись мужья, сразу стали свататься женихи? Вряд ли. Скорее всего, какая-то часть женщин, узнав от очевидцев о гибели своих мужей под Троей, стали считаться вдовами и только по прошествии срока траура могли на законных основаниях вновь выйти замуж. Что же делать тем, кому неизвестна судьба мужей? Они обязаны были ждать их. Как они могли считать себя свободными от уз прежнего брака и вновь выйти замуж? В древности срок «ожидания» мог и, возможно, был связан с религиозными представлениями.

Восстановим события: Одиссей собирает войско, снаряжает 12 кораблей и отплывает в Трою. Под Трою прибыло 40 царей на 1186 кораблях со стотысячной армией. Значит, на 12 кораблях Одиссей увез с Итаки, Дулихия, Зама и Закинфа тысячу мужчин. Говоря современным языком, «весь цвет нации». А вернулся из-под Трои один и без единой царапины.

Что же должен был сделать народ с таким героем-царем? Если бы Одиссей осмелился сразу после падения Трои вернуться на Итаку, то его публично казнили бы за потерю войска. И он был вынужден определенный срок скитаться, чтобы боги (и уж только потом люди) простили ему это страшное преступление.

Связь этого срока с религиозными представлениями выражена в поэме тем, что именно боги «отводят от Итаки» Одиссея. Но вот этот срок подходит к концу, и богиня Афи-

на просит Зевса разрешить Одиссею вернуться домой. Раз возврат разрешают боги, то люди не имеют права предъявлять Одиссею обвинения. Преступления прощены за давностью лет. Можно предположить, что Одиссей вынужден был выжидать не менее девяти лет после окончания войны и его обязаны были все это время ждать и разыскивать (даже если он не совершал никаких преступлений) как без вести пропавшего. Если бы Одиссей погиб при свидетелях, то это в корне меняло бы отношение не только к нему, но и к его сыну.

Но Одиссей не оставил сыну «великой славы», а, решив вернуться, девять лет скрывался от возмездия. Его разыскивали, но найти не смогли. Где же пропадал этот «хитроумный муж из мужей»? На пустынном острове у одной из красивейших женщин, богини по имени Калипсо. целых восемь лет Одиссей «хладный сердцем» ночами был с богиней, а днем плакал на утесе, ни разу не попытавшись сбежать к Пенелопе.

Остается признать, что женихи могли начать свататься к Пенелопе только спустя 19 лет после отплытия Одиссея в Трою, следовательно, они «разоряют» дом Одиссея не больше года.

Знает ли Одиссей о том, что к его жене обязательно будут свататься? Знает и поэтому торопится назад. Сватовство к почти сорокалетней женщине, имеющей двадцатилетнего сына, не блажь мужчин Итаки, а точный расчет, основанный

на «должности» Пенелопы – она царица. Скорее всего, ее слово уже не было решающим, спор шел между самими женихами (то есть политическими группировками), кому быть царем Итаки.

Главная задача Одиссея – любой ценой удержаться на троне. Перед возвращением он гадает, вызывая тень своей матери Антиклеи. И первый вопрос, заданный им:

> Скажи об отце и о сыне, покинутых мною:
> Царский мой сан сохранился ли им? Иль другой уж на место
> Избран мое и меня уж в народе считают погибшим?

Не следует ли из этой цитаты, что мужа Пенелопе должно выбрать народное собрание?

Тайно возвратившись, Одиссей форсирует события и устраняет всех конкурентов-женихов, убивая их. Это убийство становится причиной народных волнений, но народное собрание раскалывается на сторонников и противников Одиссея. Ему вспоминают прежние прегрешения и предъявляют новые обвинения в связи с убийством женихов. Одиссей решает скрыться, но изгнание грозит не только ему, но и Телемаху. И хотя Одиссей утверждает, что женихи «от своих беззаконий погибли», и поэма кончается «великой клятвой» и союзом «меж царем и народом», трудно предположить, чтобы народ простил Одиссею новую гибель двухсот сограждан.

Гомер дважды упоминает об изгнании. Первый раз изгнание из Итаки предсказывает Одиссею тень Тиресия, второй раз сам царь Итаки пересказывает слова Тиресия Пенелопе после убийства женихов:

О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим;
Много еще впереди предлежит мне трудов несказанных,
Много я подвигов тяжких еще совершить предназначен.

Если рассматривать поэмы Гомера как описание подвигов его царя, то вся биография должна была составить трилогию: «Илиада» – первая часть, «Одиссея» – вторая, должна была существовать и третья поэма – о последовавших событиях жизни Одиссея до самой его смерти. К сожалению, такой поэмы нет. Может быть, Гомер не успел ее написать?

Страна городов

Почти шесть тысяч лет назад на земле, которую сегодня называют Украиной, на самом краю цивилизованного земледельческого мира того времени были выстроены города. Возможно, наиболее древние города Европы. Когда только начиналась история цивилизации Шумера, руины трипольских городов уже давно исчезли среди зеленого разнотравья украинской лесостепи.

Что за народ оставил нам в наследство эти руины? Мы не знаем, как называли себя эти люди и на каком языке они говорили. Археологи назвали их трипольцами – по имени созданной ими трипольской археологической культуры. В Европе эта культура больше известна под румынским названием Кукутени.

Трипольская культура была открыта в конце XIX века. Некоторые ее памятники случайно попадались археологам и раньше, но на них не обращали особого внимания. Настоящим первооткрывателем культуры стал Викентий Хвойка. Он приехал в Россию из Чехии, окончил коммерческое училище, учительствовал, занимался сельским хозяйством. Увлекшись археологией, стал членом Киевского общества любителей старины и искусства. Как археолога, его интересовали орудия труда, оружие, посуда древних жителей Поднепровья. Летом 1893 года во время раскопок на Кириллов-

ской улице в Киеве Хвойка нашел расписной сосуд новой для него культуры. Почти одновременно с В. Хвойкой похожую керамику нашел в селе Шипинцы недалеко от Чернигова учитель В. Арийчук. Вскоре Хвойка обнаружил целый район распространения этой расписной посуды. Оказалось, что крестьянам во время вспашки полей часто попадались такие черепки на западной околице села Триполье недалеко от речки Красной на Киевщине. Именно там в 1896–1901 годах В. Хвойка раскопал остатки двадцати помещений площадью от 30 до 140 квадратных метров.

Раскопки были продолжены. Были исследованы поселения близ города Ржищева, около сел Триполье, Веремья, Щербановка, Халепье, Жуковцы, Стайки, на полях от реки Стугны до Припяти. Хвойка убедился, что открыл новую, неизвестную дотоле археологическую культуру. Назвал он ее по имени села, где было обнаружено первое большое скопление предметов данной культуры.

Российские ученые познакомились с открытием на XI Всероссийском археологическом съезде в Киеве в 1899 году. А в 1900 году на Парижской выставке весь научный мир воспринял это открытие как сенсацию.

Хвойка продолжал находить поселения, описывал их, классифицировал, определял возраст. Новую культуру он считал возможным назвать «древнеарийской и, в частности, древнеславянской», а территорию Украины – прародиной индоевропейских (арийских) народов.

Прежде чем говорить об этой интересной и во многом до сих пор загадочной древнейшей культуре, совершим экскурс в еще более древнюю историю – к самым истокам цивилизации. По словам В. И. Вернадского, «открытие земледелия, сделанное более чем за 600 поколений до нас, решило все будущее человечества». Это был великий переход от сбора растений к их искусственному выращиванию и от охоты на диких животных к их приручению – «неолитическая революция», растянувшаяся на тысячелетия. Открытие земледелия и скотоводства предопределило долгий и сложный путь развития человечества от раннеземледельческих общин к государствам Древнего мира. Даже сейчас, когда наука располагает огромным количеством источников, относящихся к различным историческим эпохам, трудно сказать точно, когда человечество начало заниматься земледелием. Археологи, правда, уверены, что зародилось оно в том регионе, который сейчас называют Средним Востоком, то есть где-то в районе современных Ирана и Ирака. Дикая пшеница и ячмень, распространенные в этих землях, хорошо приживались на предназначенных для этого древними агрономами первых полях, быстро прорастали, давали обильный урожай. Их зерна легко обрабатывались, размалывались в муку, которую можно было хранить месяцами, а затем выпекать из нее хлеб. Но не только на Среднем Востоке проживали первые земледельцы. Для развития земледелия, конечно, необходимы некоторые условия, и прежде всего – плодородная

земля. Это главное условие выполнялось в регионе, расположенном между Персидским заливом и Средиземным морем. Огромным полумесяцем дли ной около 1600 километров он окаймляет сухую и безжизненную Аравийскую пустыню. Эта территория так и называется – Плодородный полумесяц. В Палестине зарождение навыков земледелия обычно связывают с натуфийской культурой, которая датируется X–IX тыс. до н. э. Обитатели поселений этой культуры занимались охотой на газелей, диких быков, оленей, коз, ловили рыбу, птиц, собирали моллюсков. Но, кроме этого, натуфийцы собирали дикорастущие злаки. В их поселениях находят микролиты – мелкие плоские орудия более или менее правильной геометрической формы, кремневые вкладыши жатвенных ножен, сохранились и их костяные основы. Это были первые жатвенные приспособления. Поэтому археологи сделали предположение о том, что обитатели ранних натуфийских поселений уже были земледельцами. Не все ученые согласны с этим, но считают возможным рассматривать этот период как время вероятного зарождения растениеводства.

Секрет приготовления растительной пищи «собирателями урожая» натуфийцами раскрыт благодаря изучению поселения Вади-эль-Мугарет. Здесь была обнаружена каменная терраса, где на специальной вымостке происходила очистка зерен от шелухи. Рядом располагались чашеобразные углубления и песты для растирания зерна. Большая ямка в виде ванночки, видимо, служила для смешения приготов-

ленной массы с водой. Тесто выпекалось в очаге, который дополнял «кухонный» комплекс «собирателей урожая» – обитателей поселений.

Там же, в Палестине, в Иерихоне и Бейде, были обнаружены наиболее древние остатки культурной растительности. Так, в Иерихоне, в слое «Л», были найдены зерна культурной пшеницы двузернянки и пленчатого двурядного ячменя, которые датируются 8000 г. до н. э. Раннеземледельческое поселение в Юго-Восточной Турции – Чагони (7500–6500 гг. до н. э.) также дало большое число остатков зерен злаков и фруктов, пшеницы, гороха, чечевицы, вики, фисташки и миндаля. Блестящие раскопки английского археолога Джеймса Меллаарта в Анатолии в поселении Чатал-Гююк открыли удивительный мир оседлых земледельцев с ярко выраженным культом быка. Здесь и святилище с множеством изображений священных быков, и небольшая фигурка богини Великой матери, простирающей руки над телятами.

Итак, самые ранние памятники культуры оседлых земледельцев были найдены в разных районах: Иерихон в Палестине, Джармо, Сараб и Тепе-Гурап в Иракском Курдистане, Али-Кош в Иране, Хаджилар и Чатал-Гююк в Анатолии, Аргисса и Неа Никомедия в Греции. Это значит, что переход к регулярному земледелию и возделыванию злаков произошел почти одновременно в трех или четырех очагах и почти независимо друг от друга. Древнейшие земледельцы использовали местные виды дикорастущих полезных растений и

приспосабливали свою сельскохозяйственную деятельность к особенностям местных почв, рельефа и климата (осадкам или паводкам на ручьях и реках, озерным разливам и т. п.). По мнению археологов, одомашнивание пшеницы-однозернянки произошло в западных районах «Плодородного полумесяца», в предгорьях Загроса и Тавра, а двузернянки – на юге, в бассейне Иордана. А еще очевидно, что даже такие удаленные друг от друга районы, как Юго-Западная Азия (Чатал-Гююк, Хаджилар) и Юго-Восточная Европа, Балканы (Неа Никомедия, Аргисса), все же не были вовсе изолированы друг от друга. Это привело к тому, что новые знания и навыки распространялись далеко за пределы древнейших очагов земледелия.

Вернемся в Украину. Шесть тысяч лет тому назад земледельческие племена жили на территории от Румынского Прикарпатья на западе до Днепра на востоке. Их археологическая культура была открыта почти одновременно с легендарной Троей в 70-е годы XIX века. Длительное время считалось, что в древности Европа, находясь на задворках высокоразвитых цивилизаций Древнего Востока, могла быть не более чем их бледной тенью. Лишь сенсационные археологические открытия второй половины позапрошлого века поколебали эти традиционные представления. Теперь мы знаем, что одна из ярких страниц древней истории человечества связана с европейской – трипольской культурой.

За границей о работах украинских археологов даже специ-

алистам сегодня известно немного, хотя именно эти исследования имеют огромное значение для понимания того, какое место занимала Юго-Восточная Европа в цивилизованном мире шесть тысяч лет назад. Но и сами украинские специалисты долгое время не знали, что впереди их ждут необыкновенные открытия. Около ста лет несколько поколений археологов раскапывали поселения трипольцев, не ведая, что одна из главных загадок этой культуры – огромные, площадью в сотни гектаров поселения-протогорода – лежит у них под ногами. В истории поисков трипольских протогородов, которая насчитывает уже три десятилетия, было все, что сопровождает археологические сенсации, – недоверие скептиков, романтика экспедиций, триумф.

* * *

Обыкновенный самолет выполнял аэрофотосъемку центральных областей Украины по заказу военных топографов. Из года в год майор К. В. Шишкин видел на полях вблизи сел и городов Черкасской области огромные, иногда больше километра в диаметре, светлые и темные овалы и полосы. Эти полосы не были ни современными дорогами, ни секретными объектами. Известно свойство древних ландшафтов, уже похороненных под тысячелетними наносами, проступать на поверхности благодаря растениям. Четкость контуров становится наибольшей в тот момент, когда корни растений, до-

стигая препятствия (остатков древних построек), усыхают, а растения желтеют, сигнализируя: в земле что-то есть! Из этого следовало, что таинственные овалы и полосы возникли не сегодня и не вчера, а достаточно давно – настолько давно, что находятся на глубине 0, —1 м. На образование такого слоя земли уходит, по меньшей мере, несколько тысячелетий. Ответить окончательно на вопрос, чьи это постройки и когда они существовали, могли только археологи.

Осенью 1964 года К. В. Шишкин и работавший долгие годы на Уманщине археолог и краевед В. А. Стефанович стояли на склоне плато у села Ольховец под Звенигородкой, разглядывая противоположную сторону широкой балки. Древний поселок занимал когда-то пригорок около слияния двух ручьев. Там, на свежевспаханном поле, проступили рыжие пятна – следы сгоревших древних построек. Поражала площадь поселения – 110 гектаров, то есть свыше квадратного километра. Для сравнения: Ур – город древних шумеров – в III тыс. до н. э. занимал всего 90 гектаров. А ведь поселение под Ольховцом было не самым большим, объект под Майданецким поселением занимал более 200 гектаров, а под Тальянками – все 400 гектаров, превосходя по размерам стольный Киев-град времен Ярослава Мудрого!

Предполагалось, что таинственные овалы связаны с местами расположения поселений трипольской культуры. Другие ее поселения раскапывались еще в начале XX века, а некоторые – в тридцатые и сороковые годы. Овалы новых

поселений были вдоль и поперек исхожены Стефановичем в 1960-е. Собственно, новостью были только их размеры, о которых говорил

К. В. Шишкин, ссылаясь на аэрофотоснимки: десятки, порой сотни гектаров. Там, где археологи раньше наносили на карту четыре или даже восемь возможных отдельных поселений, на самом деле, утверждал майор, стояло одно. Аэрофотоснимки рассказали немало подробностей о планировке трипольских протогородов, многие из которых были подтверждены последующими многолетними раскопками.

Естественно, поначалу эти сообщения особого энтузиазма среди археологов не вызвали. Первый аргумент скептиков был «железным» – этого не может быть, потому что этого не может быть вообще. Ведь каждому студенту из фундаментальных трудов Т. С. Пассек и С. Н. Бибикова было совершенно точно известно, что трипольцы строили небольшие родовые поселки в 30–40 домов, а единственное исключение – поселение у Владимировки, крупнейшее из известных – насчитывало всего 200 домов. И тут какой-то военный утверждает, что трипольские поселки насчитывали тысячи построек, а по размерам превосходили города древнего Шумера?! Нет, это просто немыслимо.

Только в 1971 году исследователю трипольской культуры Н. М. Шмаглию удалось отыскать немного средств на небольшую разведочную экспедицию. Результаты визуального обследования и магнитной съемки совместили с аэро-

фотоснимком – и они в общих чертах совпали! Выводы ученых были таковы: «Новые данные о размерах, планировке и количестве жилищ на трипольских памятниках Уманщины указывают на существование в энеолите Юго-Восточной Европы протогородов. Общее количество жилищ Майданецкого поселения должно приближаться к 1,5 тыс. Аналогичные черты свойственны и некоторым другим поселениям средней части Побужья».

Вот так, не больше и не меньше – существование в энеолите Европы протогородов! И не где-нибудь на Крите или, скажем, в Греции, а в центре Украины. Прошло более тридцати лет с выхода этой публикации, а дискуссии о трипольских протогородах не видно конца. Тогда же, осенью 1971 года, ученым еще предстояло решить, что делать дальше. Под землей лежали руины древнего поселка – тысячи жилищ, укрепления, возможно, культовые постройки и другие сооружения, разбросанные на площади в два квадратных километра. Как именно и где что лежит – совершенно неизвестно, если не считать аэрофотоснимка, который пока не вызывал полного доверия.

Трипольские поселения раскапывались относительно медленно: за сезон раскрывали остатки нескольких – в лучшем случае десяти – жилищ на площади в несколько сотен квадратных метров. Однако сейчас речь шла об исследовании тысяч жилищ. Если даже копать по десять жилищ в год, чтобы установить планировку, архитектуру и хроно-

логию поселка, при таких темпах понадобилось бы полтораста лет. А люди, а деньги, наконец? Смета на раскопки полутора тысяч жилищ составила бы совершенно невероятную для советской археологии сумму почти в два с половиной миллиона рублей (а рубль тогда официально был равен доллару)! Европейская археология вообще не имела прецедентов решения подобных проблем. Раскопки поселков этой эпохи велись на площади в лучшем случае в один-два гектара. Было понятно, что трипольские протогорода требуют какого-то особого подхода. Однако киевские археологи в этой безнадежной на первый взгляд ситуации проявили находчивость. На помощь ученым пришла технология, которая помогла всего за несколько лет (и к тому же всего за несколько тысяч рублей) вызвать из небытия протогорода трипольцев.

С конца 1960-х годов для выявления планировки археологических памятников в мире успешно используются геофизические методы. В Украине при изучении трипольських памятников их впервые применили еще в 1966 году, и во время разведки в 1971-м было поставлено задание выяснить целесообразность использования в рамках данного метода магнитной съемки на поселениях подобного типа. Следует объяснить, каким образом магнитометр «ловит» остатки трипольского жилища. Дело в том, что эти остатки являются скоплением обожженной глины, а она имеет остаточную термическую намагниченность. Каждое когда-то сожженное трипольское жилище представляет собой несколько тонн

магнитной глины, являясь маленькой магнитной аномалией, на которую реагирует даже обычный компас. Магнитометр – прибор намного более чувствительный, чем компас, и обнаружить аномалию в виде жилища или хозяйственной ямы с его помощью не составляет проблемы. Оказалось, что стандартное жилище дает аномалию от 10–20 до 150–200 единиц, т. е. именно в этом диапазоне измерений лежат интересующие археологов объекты.

Для начала выбрали участок в 1,5 га, где на поверхности не было никаких следов жилищ. Померяли – и обнаружили 8 аномальных зон. Их было значительно меньше, чем на аэрофотоснимке. В другом месте засекли еще 6. Это совпало с данными визуального наблюдения и аэрофотоснимком. Затем проложили два 200-метровых профиля через возвышавшийся посреди поля двухметровый курган, на поверхности которого были найдены обломки глиняной обмазки. Магнитная съемка показала, что курган перекрывает 12 аномальных зон.

Всего за несколько недель были выяснены местонахождения, размеры и взаимное расположение 26 жилищ. Для решения этого вопроса путем раскопок понадобилось бы не меньше трех сезонов. Так уже первые эксперименты с магнитной съемкой показали: да, действительно, можно составить достоверный план трипольского протогорода, не прибегая к многолетним дорогостоящим раскопкам. Нужны магнитометры, нужны люди, которые бы умели с ними работать,

и относительно немного времени – два-три полевых сезона.

Приборы, люди и средства были найдены, и в 1972 году началась работа по геомагнитному картированию Майданецкого поселения. Три сезона, с 1972 по 1974 год, под июльским солнцем, по росе, по стерне, двухметровой кукурузе, сахарной свекле, профиль за профилем прошли майданецкими полями команды с магнитометрами и сделали более ста тысяч измерений. Обрабатывали данные тогда вручную – считали, чертили графики. Сколько на это пошло бумаги… Отчет о работе геофизического отряда вместе с соответствующими чертежами едва вместился в семи объемистых папках. Потом началось самое главное – выделение трипольских аномалий, нанесение их на план. Последняя точка на нем была поставлена поздней осенью 1974 года. Первый план трипольского Майданца склеили из трех рулонов миллиметровки и разложили как-то вечером прямо на полу – он не умещался даже на огромном столе посреди лаборатории. Впервые перед глазами ученых из глубины шестидесяти веков предстал во всем своем загадочном величии план одного из древнейших городов Европы. Четыре овала с аномалиями от жилищ, наименьший овал – диаметром свыше километра, наибольший – полтора. Следы улиц, кварталов, въездов в поселение – то есть буквально все, что дешифровал на аэрофотоснимках

К. В. Шишкин, – нашли свое подтверждение. Самое главное – стало понятно, что речь идет в самом деле об одном,

построенном по единому замыслу и согласно определенному плану поселении. На план было нанесено 157 аномалий, которые можно было бы отождествить с трипольскими жилищами.

По своим масштабам и результатам магнитная съемка в Майданецком не имела в то время аналогов в археологической практике Европы. Без многолетних изнурительных и дорогих полевых исследований был получен полный план города медного века площадью в два квадратных километра. О подобном археологи и историки раньше могли разве что мечтать. Вообразите, что в архивах обнаружены точные планы Вавилона времен царя Хаммурапи или, скажем, Киева времен святого Владимира. Какие возможности открылись бы тогда перед исследователями! В то же время даже упорным скептикам было доказано, что десятки огромных поселений, дешифрованных на аэрофотоснимках, не плод воображения, а неизвестная ранее страница древнейшей истории Европы.

Магнитная съемка показала: невозможного в выявлении трипольских протогородов нет. Требуется время, приборы, люди и деньги – причем денег в тысячи раз меньше, чем на раскопки. Можно снять любое заинтересовавшее вас поселение, и не одно, а два, три, десять – сколько нужно; найти наиболее перспективные участки и потратить несколько лет именно на их раскопки.

Вторым из числа поселений-гигантов, охваченных маг-

нитной съемкой, стали Тальянки. На Черкащине, между селами Легедзине и Тальянки, лежит ровное и большое поле. Всю его площадь – 4, кв. км – охватывал овал, свидетельствовавший о наличии тут древних укреплений. Поселение было частично разрушено при прокладке дороги и строительстве фермы, часть его занимало село. Но и то, что сохранилось, впечатляло: радиальные улицы в северной части, въезды, фланкированные постройками, ряды жилищ-укреплений. Здесь должно было быть не меньше 2700 зданий – почти вдвое больше, чем в Майданецком. Огромный поселок, город, построенный по единому плану, представлял собой целостную систему, величественную и совершенную.

После Тальянок геофизиками были сняты еще десятки трипольских поселений в Украине и Молдове. Около полусотни планов поселков разных периодов двухтысячелетней истории трипольской культуры теперь были доступны для изучения. Ни в одной из европейских стран археологи, занимающиеся культурами медного века, пока не располагают такими уникальными источниками!

Эти открытия, а также результаты многолетних археологических раскопок позволяют сегодня некоторым историкам говорить о трипольской культуре как о цивилизации. Многие специалисты в свое время решили, что археологическими признаками цивилизации следует считать наличие городов (поселений с числом жителей свыше 5 000), монументальной архитектуры и письменности. По крайней мере, од-

но из этих условий трипольцами соблюдено – ими были созданы огромные поселения с продуманной планировкой и населением более 5 000 человек.

Что мы знаем о трипольской культуре на сегодняшний день?

На юго-востоке Европы в V–IV тыс. до н. э. сложился крупный центр высокоразвитых земледельческо-скотоводческих культур. Этот центр охватывал Балканский полуострова и юг Апеннинского, Нижнее и Среднее Подунавье, территорию Трансильвании, Молдавии и Правобережной Украины. Основой для его возникновения были традиции раннеземледельческих культур с расписной керамикой. Вероятно, новые импульсы с Переднего Востока способствовали становлению на Балканах и в Подунавье культур, достигших более высоких ступеней развития. Это такие земледельческие культуры, как Сескло в Фессалии и Димини; на Балканах и в Карпатском регионе – высокоразвитая культура Винча; во Фракии – культура Караново III – Веселиново; в Нижнем Подунавье – культуры Дудешть и Хаманджия. В начале IV тыс. до н. э. этот центр охватил еще более значительные территории – почти весь Карпатский регион (культуры Лендьел, Петрешть, Тисаполгар), Нижнее Подунавье (Варна, Гумельница), Молдавию и часть Украины, где в это время складывается трипольско-кукутенская историко-культурная общность. Культуры, входившие в этот центр, называют энеолитическими, так как их представителям был известен металл

– медь и золото.

Представители культур юго-восточного центра сделали заметные успехи в области хозяйства. С полным основанием ученые предполагают, что в земледелии таких культур, как Гумельница и Триполье, применялись соха или примитивный плуг, а в качестве тягловой силы – волы. Был известен и бесколесный транспорт – сани, волокуши. Из меди и золота изготавливались украшения, кроме того, медь использовалась для отливки плоских и проушных топоров и тесел. Уже в IV тыс. до н. э. ткачество, кожевенное дело, изготовление керамики, вероятно, стали самостоятельными ремеслами наряду с металлургией и металлообработкой. Широкое развитие получили обмен и меновая торговля, в них участвовали в первую очередь металлы и изделия из них, предметы роскоши, престижа, ритуала, украшения, морские раковины, обсидиан и высококачественная керамика. По всей видимости, в руках верхушки трипольского общества уже были сосредоточены большие богатства, прежде всего золото. На это указывает и структура поселений, и наличие богатого инвентаря в погребениях.

Жителями энеолитического юго-востока Европы почитался целый пантеон земледельческих божеств. Их культы отправлялись в специально построенных святилищах и даже, возможно, храмах. Такие храмы раскопаны в Кэсчиоареле близ Бухареста (культура Боян). Стены одного из храмов были расписаны красными и зелеными спиральными

узорами, имелись глиняные столбы со сложной росписью. В верхних слоях Кэсчиоареле (культура Гумельница) открыта модель храма из четырех зданий на высоком подиуме. В энеолите Юго-Восточной Европы засвидетельствовано существование письменности в различных формах: это и так называемая протописьменность в виде миниатюрных глиняных изображений различных предметов, существ и символов чисел, и пиктографическое письмо, и знаки линейного письма, особенно часто встречающиеся на сосудах Винчи.

Конечно, эти земледельческие культуры имели и свои особенности, отличающие их друг от друга. В культуре Гумельница (Болгария) земледельцы в качестве пахотного орудия использовали соху из дерева и оленьего рога, а в качестве тягловой силы – быка или вола. Основной зерновой культурой Гумельницы в IV тыс. до н. э. была пшеница (однозернянка, эммер, спельта), известен многорядный ячмень. Из бобовых выращивались вика, чечевица, горох. Полагают, что на территории Болгарии существовало даже примитивное искусственное орошение, для которого использовались разливы рек, приносившие полям не только воду, но и плодородный ил. В местах разливов возводились дамбы, которые должны были направлять паводковые воды на поля. Важной отраслью хозяйства оставалась охота.

Особенностью земледелия культуры Винча было выращивание пшеницы при почти полном отсутствии ячменя. Сеяли быстро созревавшее просо, овес. Бобовые растения не иг-

рали существенной роли. Поголовье скота было еще небольшим, в нем преобладал крупный рогатый скот и свиньи. Охота велась на благородного оленя и кабана.

В культуре Лендьел в IV тыс. до н. э. важную роль приобрели пшеница-спельта и двурядный ячмень. Напротив, земледелие в культуре Тиса того же времени основывалось на древних пшеницах – эммере и однозернянке, но выращивали еще и многорядный голозерный ячмень. Большое значение имел посевной горох.

В Карпатском регионе крупный рогатый скот преобладал в составе стада во всех культурах IV тыс. до н. э., причем встречались и недавно одомашненные виды, и появившиеся в результате скрещивания дикого быка и домашнего скота, овец и коз стало меньше. Резко возрастает значение охоты. Частым явлением становится отлов молодых животных – зубра и кабана – для приручения и пополнения стад.

Трипольско-кукутенская культурно-историческая общность сложилась в начале IV тыс. до н. э. как земледельческо-скотоводческая. Археологи выделяют в развитии культуры три периода: ранний – 4000–3600 гг. до н. э.; средний – 3600–3150 гг. до н. э.; поздний – 3150–2350 гг. до н. э.

Основной зерновой культурой у трипольцев была пшеница, но часто высевали и ячмень. Сеяли также просо, возможно, овес. Из бобовых выращивали горох, вику, чечевицу, вику-эрвилию. Лен и конопля давали растительное масло. Есть свидетельства выращивания алычи, абрикосов, слив

и даже винограда, но их немного: видимо, садоводство и виноградарство, если и существовали, были в зачаточном состоянии. До сих пор многие считают, что трипольско-кукутенское земледелие было мотыжным. Но, учитывая общий уровень развития этой общности, размеры трипольских поселений и количество их обитателей, а также использование упряжек быков или волов и появление сохи или плуга в соседних культурах, можно предположить пахотный характер трипольского земледелия, хотя сам плуг (вероятно, деревянный) еще не найден.

Данные о скотоводстве и охоте трипольского населения очень многочисленны, но их полный анализ до сих пор не проведен. В подавляющем большинстве трипольских поселений скотоводство преобладало над охотой по количеству мяса, которое эти два занятия давали населению. Крупный рогатый скот был основным у трипольского населения на протяжении всей истории этой культуры. Лишь в некоторых поселениях свиней было больше, чем крупного рогатого скота, но значение свиноводства падало по мере уменьшения площади лесов, особенно на юге трипольского района. С появлением позднетрипольских поселений в причерноморских степях резко возросла роль мелкого рогатого скота. Кости овец и коз составляют на этих поселениях 4 % всего материала. Археологами не решен вопрос об одомашнивании лошади в трипольской культуре. Кости этого животного встречаются и в ранних трипольских поселениях, но в

небольшом количестве.

Основным объектом охоты трипольцев был благородный олень, а также кабан и косуля. Есть свидетельства пушной охоты (на рысь, лисицу, бобра, волка, выдру). Трипольцы занимались и рыболовством, ловили сомов, вырезуба, карпа, окуней. Очень популярным занятием было собирательство наземных и речных моллюсков, яблок-дичков, груш, черешни, вишни, боярышника, терна.

Поселения раннего этапа Триполья часто располагались в пойме реки или на первой террасе и лишь изредка – на коренном берегу реки, довольно высоко над водой. На среднем этапе, наоборот, они гораздо чаще размещались на высоких мысах, в местах, защищенных природой и пригодных для обороны. Именно на этом этапе увеличивается количество поселений, укрепленных рвом и валом, иногда двумя. Еще больше укрепленных поселений становится в III тыс. до н. э. Многие из них лежат на высоких, труднодоступных скалах. Рвами и валами с палисадами укрепляют теперь не все поселение, а лишь часть его – наиболее высокое место. Служили ли такие «акрополи» убежищами для всего населения в случае опасности или детинцами, отделенными от посада, сказать трудно.

Уже на раннем этапе Триполья поселения свидетельствуют об определенной иерархической структуре общества. Несколько небольших поселений группируется вокруг более крупного. В раннем Триполье поселения насчитывают до 10

домов размерами от 12 до 150 кв. м, где жили по 40–60 человек. Размеры малых поселений и количество их обитателей в среднем Триполье увеличиваются. Эти поселения имеют площади 2–3 га и 20–50 жилищ, расположенных концентрическими кругами. В поселении Владимировка 200 жилищ располагаются пятью кругами. Позднетрипольское поселение Коломийщина-1 имеет площадь около 3 га. Дома располагались по кругу, в центре круга – два дома. Возможно, был еще один, внешний, круг домов. Вероятно, центральные дома были заняты вождем общины или же предназначались для общинных ритуалов. Большинство домов были однокамерными, но некоторые разделены на два-четыре помещения, каждое – с печью. Всего в домах найдены 72 печи, что, возможно, свидетельствует о проживании тут 72 семей. Можно предполагать, что в раскопанной части поселения жило от 250 до 400 человек, а во всем поселении, вероятно, чуть ли не вдвое больше.

Иерархическая структура трипольской системы поселений гораздо более четко видна в среднем и позднем периодах. Поселения этого времени могут быть разделены на малые (2–3 га), средние (4–8 га) и крупные (более 10 га). В среднем Триполье площадь крупных поселений достигает даже 2 —60 га. В начале позднего этапа есть поселения площадью 250–300 и даже 400 га. В одном из таких поселений (у города Умань) прослежена застройка по четырем эллипсам и установлено одновременное существование более

1500 домов. Поселение в Доброводах имело площадь около 250 га. Дома в нем располагались по девяти-десяти кольцам. Население столь крупных поселков определяется в 10–20 тыс. человек. В ряде поселений позднего Триполья отмечается групповое расположение жилищ, хотя и сохраняется кольцевое. В Петренах (Молдова) обнаружено около 500 жилищ, расположенных кругами, с радиальными и кольцевыми улицами. Это, вероятно, один из административных центров позднетрипольской цивилизации.

К числу загадок трипольской культуры относятся отсутствие оружия в поселениях и отсутствие одной из наиболее информативных категорий археологических памятников – погребений – на раннем и среднем этапах развития.

* * *

V тысячелетие до н. э. в степной зоне ознаменовалось появлением первого металла – меди. Это послужило толчком к развитию новых технологий, организации производства, усовершенствованию методов изготовления и обработки орудий, а также к расширению их ассортимента. Естественно, медь из-за своей мягкости еще не могла вытеснить камень, но древние металлурги и кузнецы все же нашли способы ее укрепления при помощи упрочающей ковки. Вследствие этого появляется первое оружие из металла ударного действия. С этого же времени оружие становится не только

средством уничтожения, но и престижным предметом, символом власти, показателем социального и имущественного положения элиты общества и ее особой психологии. Оружие уже не столько обеспечивало пропитанием, сколько служило средством защиты племени, рода, семьи и их благосостояния, однако одновременно было и средством разрушения, грабежа, подчинения…

С V тысячелетия до н. э. на арену древней истории Украины выходят представители двух разных миров – мира земледельцев лесостепной зоны (культура Кукутени-Триполье) и мира скотоводов-пастухов причерноморских степей. В отношениях между этими группами многие ученые видят непримиримое противостояние, рисуя при этом ужасные картины разрушений земледельческих поселений воинственными кочевниками-всадниками, возводившими в степи монументальные культовые сооружения над погребениями соплеменников, известные в устной народной традиции как могилы и курганы.

Действительно, на степных просторах впервые появляется прообраз этих удивительных монументальных сооружений над могилами степной элиты, но как это ни удивительно, последние не содержат оружия. В могилах представлены ценные, престижные медные украшения, реже – каменные и высококачественные кремневые орудия (плоские тесла или топоры, длинные кремневые пластины, так называемые «треугольные» наконечники дротиков). Есть в них чудесные ка-

менные булавы и навершия-скипетры, которые, по мнению многих ученых, схематически или реалистически изображают лошадиную голову. Такой трактовке известных изделий этого типа способствовала находка в одном из погребений, исследованном у села Суворово близ Одессы, уникального навершия в виде лошадиной головы, выполненного с большим мастерством и реализмом. В погребениях присутствуют даже золотые изделия, аналогичные тем, что были найдены в известном могильнике, обнаруженном в городе Варна (Болгария). Но где же наборы оружия? Воины-кочевники, постоянная угроза для земледельческих поселений – и без оружия? Почему? Ведь в нашем представлении воинственная психология степняков, милитаризованная организация их общества должны отражаться в идеологии и ритуалах, в частности, в погребальных традициях прежде всего элиты этого общества.

Может быть, бескомпромиссность военного противостояния значительно преувеличена? Возможно, нужно говорить не о противостоянии, а, напротив, о сотрудничестве, взаимовыгодном обмене и, таким образом, о мирном сосуществовании народов? Иначе почему в многочисленных поселениях трипольцев до сих пор не обнаружены следы вражеских вторжений и их разрушительных последствий сродни тем, что имели место в шумерском Уре? Естественно, трудно отрицать сложный характер отношений между двумя мирами, предполагающий и их периодическое обострение, но нет га-

рантий и того, что подобные отношения не могли возникать и внутри каждого из этих миров.

Что касается погребений, то в раннем Триполье распространено единичное погребение в жилище; в позднем Триполье встречаются свидетельствующие о трупосожжении могильники с инвентарем. Среди вещей, сопровождающих умершего в потусторонний мир, – кремневые серпы, каменные боевые топоры-молоты, медные кинжалы, шилья, ножи, украшения – браслеты, пронизи, каменные бусы. Вероятно, изменение в обряде погребения означает какие-то этнические изменения, чье-то влияние?

Происхождение трипольской культуры до сих пор остается неясным. Некоторые исследователи в связи с этой проблемой затрагивают вопрос об арийском происхождении трипольцев. Ранняя история населения Евразии – одна из дискуссионных проблем в исторической науке. Особенно много споров вызывает вопрос о прародине индоевропейцев. Длительные исследования показали, что невозможно установить точное соответствие между археологической культурой, антропологическим типом и конкретным народом. Поэтому основным источником информации является лингвистический, то есть языковой материал. Исследователи разработали процедуру восстановления, реконструкции словарных единиц, которая позволила определить термины, общие для всех индоевропейских языков. Оказалось, что общая лексика касается прежде всего скотоводства, действий и орудий

по обработке земли, природных условий, названий животных – диких и домашних, транспорта – наземного и водного. Исходя из этих данных, историки сформулировали четыре основных гипотезы о прародине индоевропейцев: Балкано-Карпатский регион, евразийские степи, Передняя Азия и циркумпонтийская зона (проще говоря, территория вокруг Черного моря). У каждой из этих гипотез есть сторонники и противники, все они приводят более или менее убедительные доводы в подтверждение своих взглядов.

Начало распада индоевропейской общности обычно относят к рубежу IV–III тыс. до н. э. С этого времени индоевропейские племена расселяются в направлении на запад и юго-запад (на Балканы – греки, фракийцы), на юг (в Малую Азию – хетты) и восток (в Иран и Среднюю Азию – иранцы, а через Иран в Индию – индоарийцы).

В настоящее время почти всю Северную и частично Южную Индию населяют народности, говорящие на индоевропейских языках, в большей части Южной Индии говорят на дравидских языках, в центральной Индии – на языках мунда и в предгорьях Гималаев – на тибето-бирманских. Кроме того, в Южной Индии проживают малочисленные веддоидные племена (от названия одного из них – ведда; к «Ведам», религиозным книгам Древней Индии, оно не имеет отношения). Предки носителей этих языков переселились в Индию в разное время. В Иране в древнейшие времена в южной части нагорья жили эламиты, родственные по языку дравидам,

в северной и западной – видимо, племена, родственные по языку кавказцам, и др.

Относительно поздно в Индии и Иране появились так называемые индоиранские племена, язык которых принадлежал к индоевропейской семье. Судя по близости языков древних иранцев и индоарийцев, а также сходным явлениям в культуре и религии, около середины III тыс. до н. э. существовало индоиранское единство какого-то количества племен. Разделение произошло уже после середины II тыс. до н. э., когда одна часть племен осела в Иране, а другая продолжала продвижение в Индию.

Среди индоиранцев (и только среди них) был широко распространен термин «арья» – «благородный». Им называли себя, по-видимому, члены племен, занимавших руководящее положение в существовавших в то время племенных союзах. Поэтому индоиранские по языку племена в науке часто называются и арийскими. Оставшихся в Иране называют иранцами, а переселившихся в Индию – индоариями, или индоарийцами; а языки называют иранскими и индоарийскими соответственно. Таким образом, термин «арий» – скорее лингвистический, а совсем не расовый; никакой арийской расы никогда не существовало ни в Европе, ни вне ее. При передвижении племен происходило усвоение языков индоевропейской семьи местными племенами различных антропологических типов. Неизвестно даже, были ли антропологически однородными первые племена, говорив-

шие на праиндоевропейском языке.

Обе восточные группы индоевропейских племен – иранцы и индоарийцы, несомненно, прошли через Иранское нагорье, т. е. через территорию нынешних государств Иран и Афганистан. К сожалению, не установлено, ни откуда они двигались, ни какими путями они дошли до окраин нагорья; письменных свидетельств об этом нет, а данные памятников материальной культуры и лингвистические данные археологи и лингвисты все еще толкуют по-разному.

Считается, что индоиранцы были пастушеско-земледельческими племенами, причем не только овцеводами, но и коровьими пастухами. Они знали плуг или соху и колесную повозку на сплошных колесах, в которую запрягали, вероятно, главным образом волов. Им, безусловно, была известна и лошадь. Вопрос о том, была ли им известна легкая конная колесница, остается пока спорным, а верховая езда распространилась, по крайней мере, с середины II тыс. до н. э.

Можно ли определить дату переселения пастушеско-земледельческих племен по археологическим памятникам? Часто такие переселения не оставляли о себе никаких материальных данных, поэтому археология тут бессильна. Исключения составляют те переселения, которые сопровождались массовой резней и пожарами. Но чаще новые поселенцы быстро и безболезненно перенимали материальную культуру местного населения, приспособленную к местным условиям. В Иране все попытки определить на археологическом

материале дату появления племен арья оказывались напрасными. Вероятно, индоиранцы не внезапным нашествием, а отдельными передвижками, разделенными между собой поколениями, продвигались на юг.

При определении возможных путей их продвижения в Иран совершенно отпадают зоны тогдашних субтропических лесов, непригодных для прогона скота, – Черноморское побережье и южное побережье Каспийского моря, а также высокогорные перевалы, доступные легкому конному войску без обоза, но недоступные для тяжелых примитивных обозных повозок со скарбом, женщинами и детьми и для крупного рогатого скота, т. е. перевалы Большого Кавказа, Гиндукуша и Памира. Отпадают и те районы, где невозможен круглогодичный выпас скота и подсобное земледелие. Вероятно, основной линией проникновения на юг индоарийских и ираноязычных племен следует считать современные Туркмению и Афганистан.

Появление индоарийцев в Индии еще не так давно было принято излагать как завоевательное вторжение племен высшей расы, частично истребившей, а частично поработившей местное население, погрязшее в темноте и бескультурье. Открытие индской цивилизации в 20-х годах XX века доказало, что культура доарийского населения северо-запада страны была выше, чем у пришельцев, к разрушению же индской цивилизации арии, видимо, прямого отношения не имели.

Никаких данных, которые подтверждали бы факт едино-

временного и массового вторжения ариев в Индию с завоевательными целями, нет. По-видимому, не позже второй половины II тыс. до н. э. действительно началось просачивание индоарийских (по языку) племен в Индию, но оно было медленным и постепенным. Конечно, отношения пришельцев с местным населением (так же как и между собой) далеко не всегда были мирными, но в конце концов в результате этнических перемещений и взаимных контактов происходило поглощение пришельцев коренным населением Индии; в то же время пришельцы передавали этому населению свой язык.

В литературе можно встретить утверждение о том, что носителями арийского духа являются современные украинцы. Каким было арийское общество по мнению сторонников этой теории? Характерной его чертой был дух воинственности. Война рассматривалась как священное занятие. Общество имело трех-сословную структуру: жрецы-брахманы, обладавшие высшим знанием; из среды воинов выходили представители власти – князья, цари, их атрибутом были чубы-оселедцы на головах (они прежде всего означали презрение к смерти, так как тогда был распространен обычай скальпирования); общинники, которые обеспечивали жрецов и воинов всем необходимым. цветом арийских воинов был красный – цвет огня, крови, войны и смерти. Важнейшими элементами арийской военной культуры считают семейный принцип организации, равенство, побратимство, демократизм; высокий престиж ратного дела и низкий – мир-

ного труда. Особенное мужество, кодекс рыцарской чести, готовность к самопожертвованию, солдатский аскетизм (даже целибат), религиозность, почитание бога войны, оружия, коня, Солнца-колеса (то есть свастики) – все это называли и называют отличительными особенностями древних арийцев. Характерной чертой погребального обряда ариев считают курганные насыпи над могилами.

Впрочем, то, чем сейчас располагает наука, никак не подтверждает не только принадлежности трипольцев к ариям, но и обладания ариями какими-то особыми качествами. Трипольская культура до сих пор не раскрыла всех своих тайн, и, наверное, поэтому существует много теорий или даже мифов, целью которых является доказать непосредственную связь этой культуры с современными народами. Обаяние такой глубокой древности не оставляет равнодушными ни историков, ни писателей, ни политиков.

В науке утвердилось мнение, что трипольцы принадлежали к средиземноморскому антропологическому типу. Но это очень обижает сторонников прямого наследования современными украинцами «трипольско-арийского» наследия. «Праукраина» современных по читателей трипольцев лежала в границах современной Украины. Происхождение слова «Украина» поясняется так: это не окраинная земля и не степная область (от тюркского «кра» – степь). Название Украина имеет прочные духовные основания: было среди ариев многочисленное и влиятельное племя укров. Отго-

лосок этого названия остался в современных названиях австрийской и сербской Крайны. Праукраинцы, появляясь в других европейских регионах, оставляли там свои топонимы – например, прусский Уккермарк рядом с городом Бауценом на реке Укре. Название Украина, по версии сторонников его арийского происхождения, не что иное, как Ук-Ор-Ай-Ану, что в приблизительном переводе означает «Владение небесного бога солнцевиков-пахарей». Название это местное и возникло без чьего-либо влияния извне. Трипольская же культура стала мощной праисторической основой украинского народа. С тех пор верования, обычаи, песни, искусство, домашний быт, земледельческий образ жизни как общая ментальность стали для него объединяющим фактором. А вот принадлежность трипольцев к средиземноморскому антропологическому типу не нравится сторонникам этой теории. М. Г. Иванченко пишет: «И все-таки, какими были трипольцы? Малорослыми, «носолобыми», узколицыми? Конечно, были отклонения от вислянского антропологического типа светлочубых и светлооких, высоких и т. д. Но за тысячелетия резкие внешние отличия стирались. Рядом с Майданецким первогородом раскопан почти двухметровый костяк. Трипольцы стали основой украинской нации больше, чем кто-либо иной».

Создатель одной из теорий происхождения современной европейской цивилизации археолог и писатель Ю. Шилов располагает на территории Украины якобы созданные индо-

европейцами древнейшее в мире государство Аратта и протогосударство Ариан. В доказательство он приводит некие надписи, найденные на камнях в нижнем течении Днепра. Согласно теории, которую поддерживает Шилов, около 6200 г. до н. э. экспедиция жрецов-правителей малоазийского Шу-эден-на-ки-дуга («Руки-закона степи страны благой», так называлось тогда поселение праиндоевропейцев у современного Чатал-Гююка) якобы достигла святилищ приднепровского Шу-нуна («Руки-закона владычицы», современной Каменной Могилы). С плит святилища странники сняли копии пранадписей. Нашедший эти копии шумеролог А. Г. Кифишин расшифровал надписи так:

4. богиня Гатумдуг, владычица степи [окрестностей Шу-нуна], судит и сражает Ану [бога Небес];

39. по жребию богини Инанны, праматери благой земли и степи, гибнет (также) Сухур-алаль [предтеча Энлиля];

9/6. Месламтаэа [сын Ану] убивает Большую Птицу [Смерть], а семиголовая Ниндара-из-бездны [жена Ану] помогает судом своему мужу, который, обретя [за время пребывания в бездне Большой Птицы] разум Мыши, справляет праздник (своего воскресения) на Поселении;

29. бог-громовик Им или Ишкур – великий судья богини зерна Ашнан – судит богов в «праведные годы»;

10. богиня-медведица Аз, пользуясь лирой, освящает суд.

Так завершается первый календарно-мифологический сюжет. Далее приводятся перечни мифологических и леген-

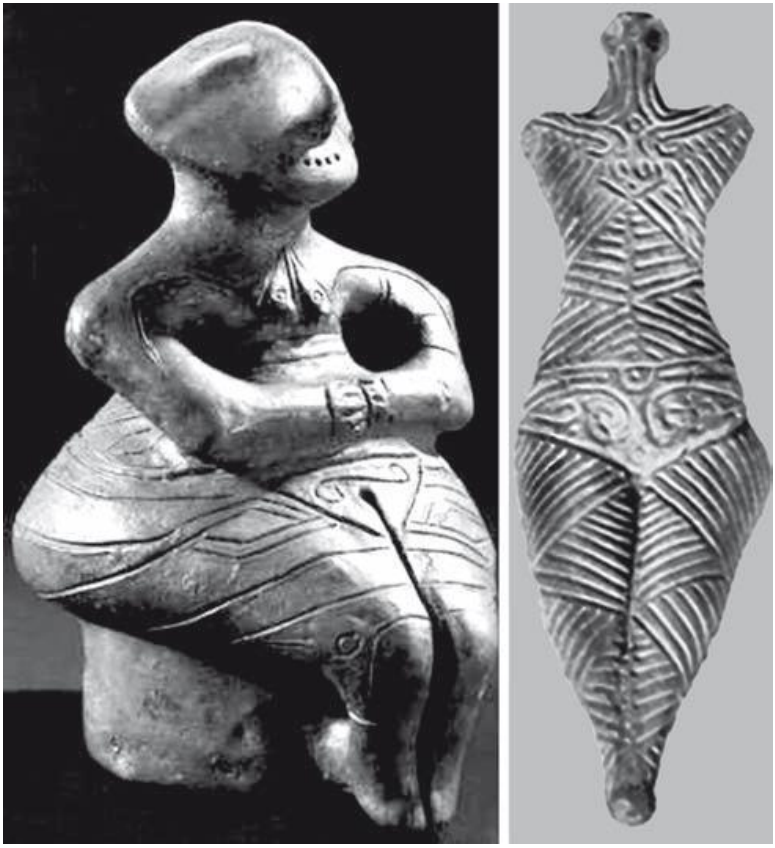
дарно-исторических правителей Благой Земли и Степи:

25 /А. Думузи, Сухур-алаль, Каскисим, Риалаль, Уту-паиль, Му-ги, Энлиль-паиль, Кисаль, Сальтуш (и еще правителей между Думузи и Сухур-алалем);

25 /В. А-энзу, Касшегбар, Намтар – «творец полей утугов (демонов)», Килим – «разливающая воду», Ибаз – «творец волокуши (?)», Ламар – «древом поразивший мудрецов», Уту – «творящий суд воды» (и еще 4 правителя между А-энзу и Касшегбаром).

Третья часть подобна первой своим календарно-мифологическим содержанием:

37/4—34/А. Бог Энлиль осужден за неправильное бракосочетание с Нинлиль и казнен. Однако позже (отыскав в потустороннем мире Нинлиль вместе с их сыном – богом луны Энзу) Энлиль воскресает.



Богини Триполья

Нужно сказать, что далеко не все исследователи согласны с таким переводом и не все видят в знаках Каменной могилы письменность. Однако, по мнению

Ю. Шилова, можно считать, что наличие двух «экземпляров» древнейшей в мире летописи (оригинала и копии) свидетельствует о заключении мирного договора, означавшего открытие циркумпонтийской зоны формирования индоевропейской общности. Этот древнейший в мире письменный договор ознаменовал собой начало всемирной цивилизации (государственности).

Сообщения о цивилизации Аратта действительно содержатся в шумерских поэмах. Сами шумеры помещали город Аратту на востоке, между Эламом и Индией. Поэма «Энмеркар и верховный жрец Аратты» записана на нескольких более или менее уцелевших глиняных табличках и состоит из 30 разделов. Энмеркар – имя верховного жреца шумерского города-государства Урука, главный храм которого является «домом Энлиля». Аратту же и ее главный храм основала Инанна, а опекает ее возлюбленный Думузи. Сообщается также, что выходцы из Аратты основали Урук, однако его жрец-правитель добивается теперь отвращения Инанны от метрополии и подчинения ее Уруку. В знак покорности жители Аратты должны предоставить для реконструкции его храмов металлы, каменья, строительные материалы, а также ремесленников; за невыполнение Энмеркар угрожает городу разрушением, населению – рабством, главному жрецу – убийством. Тот на угрозы отвечает так:

Я – верховный жрец, назначенный чистой рукою

(Инанны).
Скипетр небесного царя (Ану), владычица вселенной,
«Иннин» всех законов, светлая Инанна
в Аратту, страну чистых обрядов воистину меня
привела,
в горах пред нею поставила словно врата, —
то как же Аратта может покориться Уруку?
Гора(-Аратта) – это герой, напитанный мудростью,
она подобна вечерней заре, идущей к родимому дому
и прогоняющей мрак пред своим (лучезарным) лицом.
Она подобна луне, вздымающейся на небеса,
лик которой блеском исполнен.
Она подобна деревьям, окружающим горы.

Внявшая увещеваниям Энмеркара, Инанна отвернулась было от Аратты и перестала ее защищать… Гонец несколько раз носил грозные приказы из Урука в Аратту, а обратно – неопределенные ответы. Приказы, помимо требований и угроз, включали магические загадки и напоминания о тех временах, когда не только Шумер и прочие страны, а «все благочестивое человечество, вся вселенная общим наречием искренне восхваляли Энлиля», чей храм теперь – главный в Уруке. Ответы тоже апеллируют к истории и сетуют на то, что нынче «Аратта подобна отаре, которая разбрелась; пути ее – враждебная (араттам) земля»; взамен дани, которую вымогает Энмеркар, его коллега-антипод молит прислать зерна своим страждущим от засухи соотечественникам. Не сразу,

однако же, удовлетворяется эта просьба. А пока благодарные горожане собирают в ответ караван, нетерпеливый Энмеркар вновь присылает гонца – с новой головоломкой о скипетре, который надлежит принести в храм Энлиля. На это верховный жрец Аратты отвечает достойной загадкой. Такое дипломатическое общение вскоре настолько запутывается, что несчастный гонец уже не в состоянии запоминать поручения. Вот тогда-то Энмеркар будто бы изобретает письменность, которую его «неграмотный» коллега из Аратты почему-то без затруднений прочитывает. А пока обдумывает очередной ответ, Инанна, смилосердясь к родному городу, поливает его поля долгожданным дождем.

Теперь Аратта спасена от жажды и голода, защищена разливами рек! К тому же богиня устраивает здесь праздник в честь воскресающего Думузи… Ввиду таких неблагоприятных для себя перемен Энмеркар решает закончить спор миром – и отправляет в Аратту новую партию зерна, а также скот на предстоящее празднество. В ответ на это жители Аратты посылают-таки дары для храмов Урука… Конец поэмы почти не сохранился, но все же понятно, что некто на празднике поучает Энмеркара: дела следует улаживать не войною, а миром.

В VII тыс. до н. э. земледельцы и скотоводы малоазийского происхождения продвинулись в долины Дуная, Днестра, Буга, Нижнего Днепра, населенные аборигенами-охотниками и собирателями. Постепенно в циркумпонтийской

зоне начала формироваться общность племен, которая позднее получит название индоевропейской. Самая большая волна переселенцев из Малой Азии (культура Винча) тронулась на Балканы и в Подунавье во второй половине V тыс. до н. э. Новые пришельцы оттеснили предшественников дальше на север в Среднее Поднепровье. Здесь в IV тыс. до н. э. и расцвела земледельческая цивилизация, условно названная трипольской археологической культурой.

Если вооружиться теорией Шилова, можно сделать вывод, что за тысячелетие до цивилизаций Шумера и Египта трипольцы образовали государство, которое называли Аратта. Она должна была представлять собой содружество государственных образований полисного типа: крупные поселения с сельской округой – те самые, которые разыскали украинские археологи. Города достигали невиданных в Древнем мире размеров – до 500 га и численности населения – до 40 тысяч. Преимущественно деревянные одно– и двухэтажные дома с подвалами, хозяйственными помещениями и мастерскими строились для проживания больших семей, которые даже в условиях города держались своих родов (обычное число родственников, которые жили под одной крышей, достигало 0—60 человек). Города строились одновременно, по единому концентрическому плану – внешние стены домов крайней улицы соединялись и служили защитой, в центре находилась большая площадь, которая была одновременно загоном для скота. Некоторые постройки выполняли роль храмов (древ-

нейшие из святилищ обнаруживают схожесть со зданиями жреческого квартала Чатал-Гююка). Наконец, в каждом доме для отправления молитв отводилась отдельная комната, в которой возле костра находился глиняный алтарь со статуэтками богинь. Почти все статуэтки изображают стоящую женщину – Праматерь. Ее черепашья голова, змеевидная и прочая орнаментика позволяют некоторым специалистам отождествлять ее с шумерской богиней Гатумдуг; Инанне же более отвечают реалистические статуэтки второго этапа развития трипольской цивилизации. Живот и лоно Праматери орнаментировались преимущественно ромбическими символами плодоносящего поля (что усиливалось примесями муки и зерен в глине статуэток), а груди – змеевидными символами мужского начала. Последний образ был особенно характерен для предшествующей буго-днестровской культуры. В роли священника выступал, вероятно, патриарх рода.

Могильники раннего и среднего этапов Триполья до сих пор не обнаружены – их, вероятно, в виде привычных нам кладбищ и не было. Из этнографии различных индоевропейских народов известны захоронения на деревьях (древние черкесы и осетины), на столбах у дорог (славяне); трупосожжения (у индусов) доныне сочетаются с обычаями развеивать пепел над полями, а останки спускать по воде. Такой обычай доминировал, быть может, в Аратте; данным образом можно объяснить распространенность среди индоевропейских народов слов «навь», «наус» и т. п. со значениями не

только «судно», но также и «покойник», «смерть». На кремирование умерших указывают также редкие останки человеческих жертвоприношений, которые в виде черепов и отдельных костей по древней, еще ближневосточной традиции располагались в жилищах возле очагов. О сожжениях жертв свидетельствуют и такие надписи из подунайской Аратты:

40-е княжение (?). По велению бога Шауэ старейшина ритуально сожжен. Это 10(-я жертва); «женщина воинов» возвеличила [сожгла как жертвоприношение] воинов-стражей святилища Огня, не дав (им) выйти из (пылающего) святилища; «женщина воинов» (их) в степи возвеличила.

Сожжение, как видим, возвеличивает человека; добровольно-принудительное (узаконенное традицией и неприятием смертности души) самопожертвование является честью. Жрецы и жрицы господствуют в обществе. Воины, помимо защиты родины, прислуживают в храмах и время от времени приносятся в жертву – как и старейшины (вожди, достигающие преклонного возраста)… Так вот, в Аратте были заложены основы присущего индоевропейцам института Спасительства, снятия основного противоречия всех времен и народов – противоречия бытия-и-небытия, жизни-и-смерти. Вполне очевидно, что именно этот институт самопожертвования во имя общего блага являлся стержнем и авторитета, и власти «первобытной интеллигенции» – жрецов-правителей «Солнцеподобной страны».

Среди известных нам надписей Аратты единожды упоми-

нается раб (да и то в шумероведческом понимании соответствующего иероглифа). Сей «раб плуга страны» мог быть и жрецом, обязанным починать пахоту и прочие работы сельскохозяйственного цикла – пережитки чего сохранялись, например, на Руси и в царских обязанностях времен Иоанна Грозного…

II этап развития «трипольской» Аратты начался примерно в 3600 г. до н. э. – где-то за полтысячелетия до возникновения Шумера. На этом этапе хозяйство, быт, территория изменились немного, однако количество поселений и площади их значительно возросли; несколько племен или родов достигли Днепра выше Роси.

Трипольская модель храма

Итак, практически исчезли малые поселения, их площадь составляет теперь 3—40 га. Рядовая планировка сменяется концентрической с майданом – площадью посередине. Оборонительные рвы замещаются соединенными между собою домами внешнего круга. Защищались, по-видимому, не столько от врагов, сколько от хищников – волков, медведей и львов (которые встречались в Северном Причерноморье еще

в скифское время). Дома становятся большими и преимущественно двухэтажными; в них обитают, по-видимому, парные семьи трех поколений. В планировке поселений прослеживаются «концы», группирующиеся по ремесленно-профессиональным и, вероятно, родственным признакам. На алтарях нередко встречаются керамические модельки святилищ – в том числе и весьма архаического типа, восходящего к храмам малоазийского Шу-эден-на-ки-дуга.

Из ремесел наиболее развиваются обработки камня и металла (ковка и сварка медных изделий, простейшее бронзовое литье), а также гончарство. Последнее все еще обходилось без круга, но пользовалось горном. Наряду с традиционной «кухонной» посудой распространяется расписная «парадная». Гораздо разнообразнее становятся женские и др. статуэтки, иногда даже с портретными лицами. Хоть они почти исключительно культовые, однако позволяют судить о внешнем виде араттов.

По скульптурным изображениям Ю. Шилов восстанавливает внешний облик трипольских женщин. Они заплетали косы, но преобладала (во всяком случае, при отправлении ритуалов) длинная прическа с прямым пробором посередине; на спине концы волос прятались в сетчатые или сплошные футляры разнообразных форм. На головах носили колпаки, грибовидные шляпы и др. На шеях – монисто, гривны и подобия пекторалей; гривны иногда дополнялись лентами или подвесками. Носили рубахи разной длины и с различ-

ными вырезами, а также жилетки. Нижнее белье представлено набедренными повязками. Подпоясывались разнообразными поясами и перевязями – через оба или одно плечо. Лица раскрашивали, а может, и татуировали. Красная и другие краски на черепах «усатовского варианта поздней трипольской культуры» отражают следы не только причесок, но и кастовой принадлежности, аналоги которых доныне бытуют в Индии, а до недавнего времени встречались и в Украине (казачьи «оселедцы» и др.). Обувь в росписи рассматриваемых статуэток представлена сандалиями, черевиками и сапожками – нередко с меховыми отворотами.

Традиционно преобладают фигурки стоящей женщины – однако теперь уже не только Матери, но и Девы. На алтарях и в антропоморфных сосудах их нередко объединяли, как арийских Адити и Ушас или греческих Деметру и Персефону. Распространяется также образ женщины, восседающей на рогатом троне-Тельце. В. Н. Даниленко и Н. А. Чмыхов считали такие комплексы свидетельствами зарождения греческого мифа о Европе и Зевсе, но в рассматриваемой этноисторической обстановке надежнее ограничиться соответствием индоевропейским Притхиви и Дьяусу: матери-Земле и Небу-отцу, которые в гимнах аратто-арийской Ригведы предстают в обличьях людей или крупного рогатого скота.

Образ Притхиви – Дьяуса зародился еще в храмах Чатал-Гююка и Хаджилара, но его распространение было обусловлено, вероятно, появлением довольно специфиче-

ских святилищ-обсерваторий подунайской культуры Лендьел, сменившей в начале IV тыс. до н. э. предшествующую Винчу. Унаследовав круговую планировку поселений, они строились не у воды, а на удобных для календарно-астрономических наблюдений «лысых горах». Распространившись на протяжении IV – середины II тыс. до н. э. вдоль северной, лесостепной границы тогдашнего земледелия, эти сооружения достигли британского Стоунхенджа и зауральского Аркаима, оставшись для потомков наиболее очевидным свидетельством существовавшей Аратты, высочайшего интеллекта ее правителей и крепчайших общественных связей.

Письменность Кукутени-Триполья представлена «счетными фишками» (подобие наборной азбуки и арифметики, да только из керамических кубиков и т. п.), неясными пока еще знаками на сосудах и вышеуказанными прашумерскими табличками. Упоминаемые на них «близнецы Инанны» обнаруживаются, возможно, уже в барельефных изображениях чатал-гююкских храмов. Можно предположить, что с распространением указанных выше святилищ-обсерваторий эти близнецы перевоплотились в Аполлона и Артемиду (в персонификацию главных созвездий зодиака и зенита, т. е. в Тельца с его Плеядами и Медведиц с их Полярной звездой) – детей Дьяуса (-Дзеуса-Зевса или Дия) и Рато (-Лато-Латону), где последняя воплощала зодиак и закон (Рита аратто-арийской Ригведы).

Если признать ошибочными расшифрованные датировки

702–622 гг. до н. э., указанные в летописи приднепровского Шу-нуна, то завершение рассмотренного этапа «трипольской» Аратты можно соотнести с вышеприведенными строками о возникновении шумерского Ура.

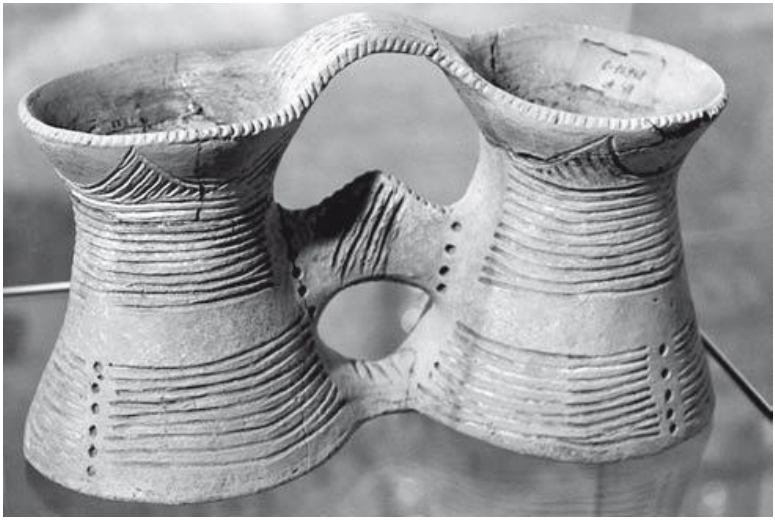
III этап охватил приблизительно 3000–2250 гг. до н. э. (от укоренения Шумера до возникновения Вавилонии). Уже в начале данного этапа центр «Солнцеподобной страны (земледельцев)» утвердился в почти замкнутом междуречье Буга («Бога» не с того ли этапа?), Соба, Роси, Синюхи и достиг здесь максимального за всю историю Аратты развития.

В 1960-х годах пилотом К. В. Шишкиным и археологом Н. М. Шмаглием были открыты грандиозные трипольские (т. е. араттские, как теперь выясняется) города площадью до 00 га. Обладая ранее сложившейся концентрической планировкой и проч., они окружались небольшими селами с преимущественно нерегулярной застройкой, а также святилищами-обсерваториями лендьельского типа. Очевидно, что каждый такой комплекс представлял собой довольно автономный район – подобный одновременным городам-государствам Шумера, последующим полисам Греции, еще более поздним Палуни и полянам, а также «городам и весям» Древней Руси.

Языковеды знают, что древнерусская весь – «вся» обжитая той или иной крестьянской общиной округа – соответствует вис(ш)ям Индии-Бхараты и соприкасается с почитаемым в ней «Всеобъемлющим» Вишну. Наиболее известный

атрибут этого бога – стопа третьего шага, с которым гигант в жертвенном пламени возносится на небеса. Такие представления хорошо согласуются и со стопообразными очертаниями наибольшего города приднепровской Аратты (у села Тальянки Тальновского р-на Черкасской обл.), и с удивительным обычаем периодического самосожжения «городов и весей» этого древнейшего в мире индоевропейского государства.

Данный обычай вытекал из переложной системы землепользования, несовершенства агротехники и, по-видимому, стремления жрецов-правителей «Солнцеподобной страны» предотвратить расслабление и деградацию народа. Во всяком случае, примерно через три поколения – когда почва окрестных полей истощалась – неподалеку поднималась целина, строились новые город и села, а старые приводились в ритуальный порядок и поджигались… Так были заложены основы учения о «дне Брахмы» – сохранившегося в Бхарате-Индии и вспоминаемого в Рахманском Велик-дне долины Артаплота и других районов Украины. Ритуальные самосожжения поселений Аратты были сопряжены с институтом Спасительства и сделали его основным инструментом государственных связей.



Трипольские биноклевидные сосуды

Выдающийся археолог В. Н. Даниленко впервые обратил внимание на «азово-черноморскую линию развития степного энеолита» и объяснил ее связями Триполья с ближневосточными цивилизациями. Этот путь начали торить если не чатал-гююкские, то уж, во всяком случае, буго-днестровские путешественники в необжитую тогда Месопотамию. Помимо отдельных находок, захоронений и смешанных пограничных культур, на Чонгарском полуострове (в преддверии Крыма) было обнаружено небольшое зимовье араттской экспедиции. С другой стороны, в районе Каменной Могилы (у с.

Надеждино) и даже в междуречье Днепра – Ингульца (в пос. Большая Александровка) обнаружены шумерские захоронения с надписью и зодиакальным изображением; в последнем случае – в паре с араттским захоронением.

Надписи приднепровского Шу-нуна (Каменной Могилы) свидетельствуют, что в 2782 г. до н. э. на нем побывала делегация из одноименного шумерского города на севере Месопотамии и сняла копии с вышеупомянутых надписей на плитах 2–7 для своей едва ли не древнейшей в Шумере библиотеки. По авторитетному мнению московского шумеролога А. Г. Кифишина, именно в данной связи мог сложиться известный шумерологам цикл из пяти поэм «Тайного Святилища», где праматерь Инанна и бог-воитель Нингирсу (один из сыновей бога-творца Энлиля) хранили 7 древнейших в мире кудурру – храмовых подобий так называемых чуринг (священных, чаще всего каменных продолговатых предметов). Кифишин считает, что их-то и нашел Даниленко в каменномогильском «Гроте чуринг», восходящем к XII тыс. до н. э.; они были изукрашены как изображениями мамонтов и т. п., так и шумерскими письменами.

2535 г. до н. э. завершается летопись потомков упоминавшегося выше каменномогильского «дома Имдугуда», который перед этим 10 лет воевал с родственным месопотамским «домом Барагеси». В 2530 г. до н. э. новая шумерская делегация оставила многочисленные надписи на плитах 1 и 52/А, а также обно вила некоторые из старых. Среди них значится

«владыка Эшнуна» – города, который именно с этого года 30 лет вместе с Уром, Уруком, Лагашем воевал против Киша.

В 2517 г. до н. э. случилось последнее, быть может, посещение, во время которого на плите 7 была оставлена надпись: «Шара, владыка Страны (Шумера) и Семи». Шарой именовался один из лунных богов, нижняя часть которого была смертной – людскою. Вероятно, эта делегация не только почтила пращурское святилище, но и оставила жертвенное захоронение у Надеждино. Оно содержало кости ног и таза взрослого человека и было перекрыто каменномогильской плитой с шумерской надписью «Шара».

Конец заключительного этапа «трипольской» Аратты отмечен несколькими знаменательными, взаимосвязанными событиями внутреннего и внешнего порядка. Прежде всего сказались геокосмические причины, сопряженные с известным историкам Огиговым потопом конца III тыс. до н. э. К этому времени Аратта уже имела на черноморском побережье (в районе между современными селами Усатово и Маяки на Одесщине) свой южный форпост. Особенности его металлургии неоспоримо свидетельствуют о развитых связях с малоазийской прародиной, которые осуществлялись, несомненно, преимущественно водным путем. Вследствие этого сухопутный путь захирел. Стали угасать и традиции матриархата: усатовско-маяцкие статуэтки преимущественно мужские, фаллические. Исчезают города с населением в 10–40 тысяч человек, распадаются полисы. Часть населения

уходит на север, в озерно-лесные низовья правобережной Припяти и левобережной Десны – притоков Днепра. Образованные этими переселенцами культуры связываются исследователями с началом этногенеза славян. Южная же часть населения – до вероятного морского переселения в район малоазийской Троады – все теснее сосуществует с арийскими племенами ямной археологической культуры. Последнее обстоятельство отчетливо отразилось в антропологии останков из кладбищ и курганов возле Усатово и Маяков.

Трипольские дома, алтари, скульптуры, посуда поражают своей эстетичностью; на всем лежит печать особой духовности. В связи с истощением окружающих угодий поселения периодически сжигались и каждый раз восстанавливались на новом месте. Так же в определенные промежутки времени, преследуя космические цели спасительства, сходили на ритуальный костер жрецы-правители. цивилизация Аратты была прежде всего земледельческой и занимала оптимальные для этого лесостепные пространства. Близлежащие степи заселяли скотоводческие племена, тоже индоевропейского происхождения. Ю. Шилов считает, что правители Аратты, проторяя новый путь на малоазийскую родину, повлияли на организацию полукочевой стихии соседей – носителей ямной культуры. Введенные в их общество жрецы-брахманы ускорили формирование специфической общности, известной в Истории под названием ариев. Эта подвижная общность – протогосударство Ариан – стала проводником ми-

грантов через Кавказ к Малой Азии и к верховьям Месопотамии, где был основан Шумер. Прокладка этого пути известна археологам как «азово-черноморская линия развития степного энеолита».

Установив связи с Шумером и укротив стихию полукочевых скотоводов, Аратта не только создала стрежень и катализатор формирования ариев, но и полюса их дальнейшего развития, причем она сама стала полюсом отталкивания, а рабовладельческий Шумер стал полюсом притягивания.

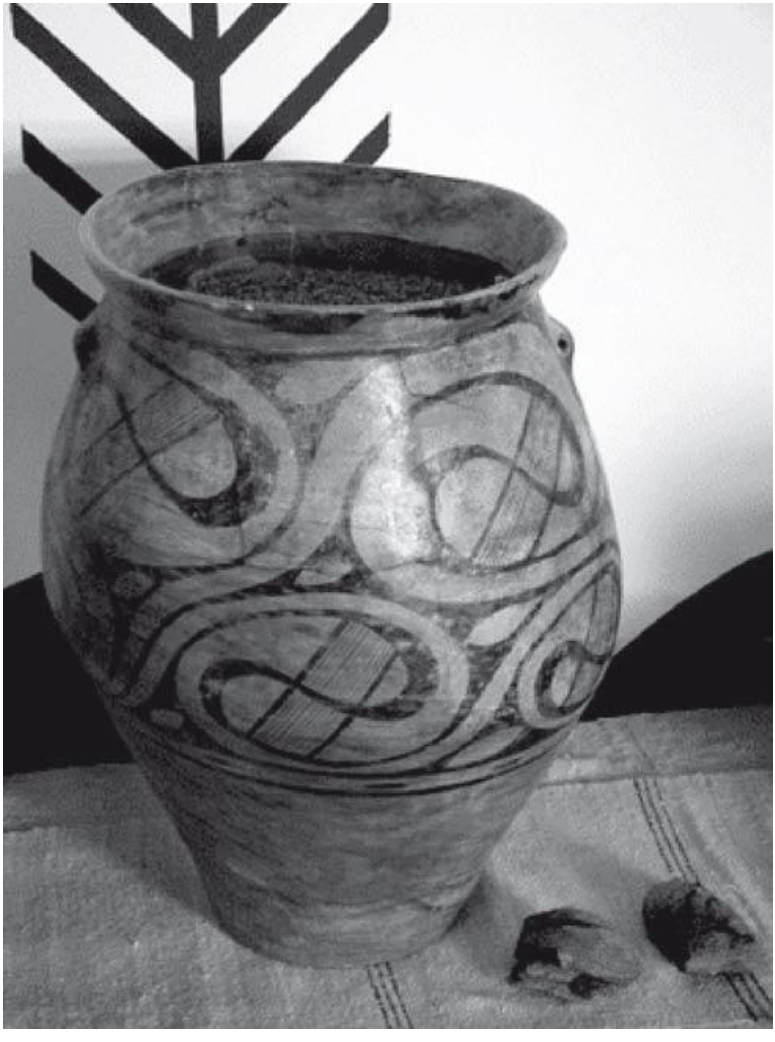
Принято полагать, что арии заложили основу индоевропейской цивилизации. Но это не так. Пять арийских племен, достигнувших Инда из долин Днепра, Дона, Кубани, Волги, Урала, нарекли свою новую родину Бхаратой – «Божественной Аратой»; есть в Индии и провинция Арата. Все это – в честь прекрасной страны, породившей также шумерскую Аратту, иранскую Аратту-Арту, этрусскую Артану, древнерусскую Арту-Арсанию, легендарный греческий Ортополис и доныне бытующую украинскую Артаплот. Это все воспреемники действительно древнейшей в мире цивилизации (государственности), традиция которой сохранилась в Бхарате-Индии.

Из доиндийских Аратт, «кочевавших» с конца VII тыс. до н. э. центров индоевропейского мира, лучше всего известна шумерская, сопоставленная недавно с городищем Шахри-Сотхе (на границе Ирана и Афганистана). Аратта в низовьях реки Хильмунд представляла собой уру (аналог буду-

щих древнегреческих полисов и древнерусских «городов и весей»). Некогда выходцы из этой Аратты основали известный шумерский Урук, верховный жрец которого Энмеркар попытался затем через своего коллегу из Аратты добиться подчинения былой метрополии. По мнению Ю. Шилова, есть основания полагать, что не только Урук, но и другие города-государства Шумера выводили себя из Аратты. На древнейшее ее местоположение указали глиняные таблички с протошумерскими письменами, более сотни которых найдено уже в Подунавье. Однако наибольшей историко-археологической сенсацией последних лет стало открытие московским шумерологом А. Г. Кифишиным надписей Каменной Могилы в пойме р. Молочной (у Мелитополя). Наряду с десятками строк древней шей в мире летописи, ученый обнаружил также своеобразные географические карты верхнепалеолитической и последующих эпох.

А. Г. Кифишин выдвинул следующую концепцию зарождения Аратты. Примерно к XII тыс. до н. э., еще во времена таяния ледника и существования мамонтов, была освоена благоприятнейшая для охотников территория от Крыма до Карпат, от Подолья до Подунавья. Этот квадрат, праобраз аратто-арийской Вары, был разграничен жрецами наподобие «мальтийского креста»: противолежащие концы поочередно становились то охотничьими угодьями, то заповедными зонами… С этого-то и началось становление «Солнцеподобной» Аратты. Из ее многочисленных святилищ вскоре вы-

делилась Каменная Могила – уникальное, подобное пчелиным сотам, геологическое образование: холм из песчаниковых плит, образующих бесчисленные пещерки, гроты, навесы. На протяжении XII–III тыс. до н. э., а местами и до середины I тыс. н. э., они были едва ли не сплошь покрыты довольно реалистичными изображениями, символами и примерно с середины VII тыс. до н. э. – письменами. А. Г. Кифишину удалось расшифровать календарное обозначение 11 582 г. до н. э., а также указания на мифологические даты начала XX тыс. до н. э.



Трипольская керамика

Между тем, с IX тыс. до н. э. на Ближнем Востоке, особенно на территории «полумесяца плодородных земель» вдоль восточного побережья Средиземного и южных побережий Черного, Каспийского, Аральского морей, началось становление нового хозяйственно-культурного типа. На смену присваивающему (охота и собирательство) все интенсивнее внедрялось производящее хозяйство (скотоводство и земледелие). Разворачивалась так называемая Великая неолитическая революция, породившая земную цивилизацию (государственность).

С начала VII тыс. до н. э. лидером становления древнейшей на Земле цивилизации становится западная оконечность «полумесяца плодородных земель», в особенности малоазийское поселение Шу-эден-на-ки-дуг («Руки-закона степи Земли Всеблагой», по расшифровке Кифишина, современный Чатал-Гююк). Английский археолог Дж. Мелларт раскопал здесь, на прародине индоевропейских племен, «жреческий квартал», где на протяжении тысячелетия было сооружено более 40 храмов. Они представляли собой довольно большие однокомнатные помещения с алтарями и настенными изображениями календарно-зодиакальных сцен; южная стена при этом уподоблялась белому экрану, который совместно с люком в потолке над нею служил для наблюде-

ний за кульминациями небесных светил.

Интенсивное земледелие в совокупности с примитивной мелиорацией привело к демографическому взрыву и засолонцеванию орошаемых полей. На данную катастрофу наложилась и геокосмическая, обусловленная перепадами солнечной активности и вулканическими извержениями в Средиземноморье… И вот, ввиду таких обстоятельств, жрецы-правители Шу-эден-на-ки-дуга около 6200 г. до н. э. совершают разведочную экспедицию вокруг Черного моря с целью выявления районов для расселения. Неизвестно, обошла ли экспедиция все побережья, побывала ли и в других регионах, однако факт посещения Каменной Могилы (Шунуна по А. Г. Кифишину) у Ю. Шилова не вызывает сомнений.

К данному открытию отечественные археологи подходили давно и с различных позиций. Еще в 1930-е годы В. Н. Даниленко начал раскопки не только полузасыпанных гротов Каменной Могилы, но и одновременного с ее святилищами многослойного поселения возле нее. Позже исследователь обратил внимание на то, что именно на этом поселении уже в VI тыс. до н. э. впервые в мире появился одомашненный крупный рогатый скот, а специфические каменные сосуды имеют аналоги лишь в Чатал-Гююке. Тогда же, в 1960—1970-х годах, Д. Я. Телегин в содружестве с антропологами показал сосуществование с VII тыс. до н. э. (если не раньше) в низовьях Днепра как европейских потомков охот-

ников за мамонтами, северными оленями (гипотетическая Аратта тех далеких времен), так и восточно-средиземноморских пришельцев. О. Н. Бадер предположил (и безрезультатно тогда попытался склонить к этой мысли А. Г. Кифишина), что среди сотен и тысяч рисунков и знаков Каменной Могилы немало подобий шумерским или же протошумерским письменам. Однако час открытия пробил лишь в 1994–1996 годах, когда Кифишин посетил этот «самый выдающийся памятник Древнего мира, неизмеримо превосходящий своим значением любой из доныне известных нам памятников времен становления земной цивилизации». Ибо здесь, обрамляя древнейшие в мире списки мифических и легендарных правителей Энлиля, Думузи и многих других, впервые рассказано о происхождении сущего…

Странствующие жрецы малоазийского Шу-эден-на-кидуга скопировали невиданные доселе письмена (здесь же, в приднепровском Шу-нуне, изобретенные) и, возвратившись на родину, запечатлели их на рельефе Праматери Сущего. Ее нынешняя радиокарбонная дата – 6200 г. до н. э. – может считаться, с известной долей условности, началом всемирной цивилизации-государственности. Ибо спустя короткое время в новом, уже не малоазийском, а придунайском центре расселяющихся индоевропейских племен возникает первая в мире держава, назвавшаяся Араттой. Возможно, в честь более ранней (еще не государства, а только страны, обжитой охотниками постледниковой эпохи), упомянутой вы-

ше.

Опираясь на письменность придунайской Аратты и археологические данные, можно судить, что государственность Аратты вырастала из периода не «военной», а «священной демократии», когда не воин, а священнослужитель («первобытный интеллигент») возглавлял своих соплеменников. Кроме того, это государство было не классовым и рабовладельческим, а общинно-иерархическим или же «первобытно-коммунистическим». Не вызывает сомнений, что в Аратте тоже были свои трудности и противоречия, однако же в фольклоре и священных книгах индоевропейских народов Аратта-Бхарата-Арта-Ортополис-Артаплот остается аналогом Золотого Века и Божественного Миропорядка.

Одновременно с возникновением придунайской «Солнцеподобной страны (земледельцев)» Аратты, гораздо более известной ныне под условным названием «археологическая культура Старчево-Кереш, до Шу-нуна (на левобережье низовьев Днепра) протянулись родственные «буго-днестровская», «сурско-днепровская» и «приазовская» археологические культуры. Это были пока еще безгосударственные, первобытно-общинные форпосты индоевропейской Аратты. С середины V тыс. до н. э. они стали базой для перемещения ее центра на правобережье Днепра, особенно на территорию между Бугом, Синюхой и Росью.

Из глиняных табличек подунайской Аратты известно, что в середине V тыс. до н. э. бог земных недр Кулла и боги-

ня степей Гатумдуг (имя которой открывает мифологическую летопись Каменной Могилы, или Шу-нуна, «Руки-закона владычицы») прекратили ссоры и объединились против нашествия с юго-востока «воинов богини Ишхары». Таким образом сменой господствующих археологических культур и засвидетельствован приток в Европу второй значительной волны индоевропейских племен с их малоазийской прародины. Пришельцы утвердились в Подунавье и прилегающих областях, породив культуры Винча – Лендьел, тогда как родственные им предшественники сместились ближе к Поднепровью, породив культуру Кукутени – Триполье, как уже говорилось, по названиям современных населенных пунктов, где впервые были обнаружены археологические памятники соответствующих типов.

Сместившись к Днепру, центр государства Аратты достиг в IV тыс. до н. э. апогея своего развития. Укрепилась система уру-полисов, автономных городов, окруженных полями, угодьями, селами. Площадь этих городов достигала 300–00 га, они имели по нескольку тысяч одно-трехэтажных домов с хозяйственными пристройками и помещениями, до 20–40 тысяч жителей. В центре находилась большая площадь-майдан, окруженная обычно тремя улицами (причем внешний ряд домов соприкасался и образовывал подобие крепостной стены) и менее регулярными застройками; строения были каркасные, в основном деревянные, обмазанные и раскрашенные в белые и красноватые тона. Каждое жили-

ще имело алтарь – глиняное возвышение округлой, крестообразной или человекоподобной формы, уставлявшееся разнообразной посудой, моделями святилищ чатал-гююкского и других типов, а также статуэтками различных богинь. Судя по надписям, особенно почитались Инанна и некие ее близнецы (предтечи Артемиды и Аполлона?). В аэрофотоснимках и геомагнитных планах некоторых поселений угадываются символы Солнца, Змия-вседержителя и «стопы Вишну». Одесским археологом К. В. Зиньковским выявлен поразительный обычай, о котором уже упоминалось, периодического (очевидно, после истощения окрестных полей и перенесения полиса в иной, более обжитый район) самосожжения араттских городов и сел. Данный мифоритуал был изначально связан с институтом спасительства (ритуального, прилюдного самоубийства престарелых вождей, становившихся таким образом «посланниками к богам» и снимавшими общественные противоречия между бытием-и-небытием), заложив затем основы учения о «дне Брахмы», вселенских циклах самозарождения сущего из «золотого (огненного) зародыша», прохождения через четыре больших периода-юги и сгорания-обновления во имя следующего витка развития.

Надписи приднепровского Шу-нуна и его северомесопотамского тезки засвидетельствовали генетическую связь Аратты и Шумера. Первая из них примерно в то же время, в середине IV тыс. до н. э., стимулировала формирование ари-

ана – общности степных скотоводов-кочевников, через земли которых пролегал путь из «Солнцеподобной» в «Страну», а также на малоазийскую прародину всех этих индоевропейских народов.

Был и другой путь – морской, связующий причерноморскую часть Аратты («усатовская археологическая культура позднего Триполья» современной Одесщины) с Малой Азией. Очевидно, что Огигов потоп конца III тыс. до н. э. стимулировал переселение многих «усатовцев» в малоазийскую Троаду, письменные источники которых засвидетельствовали затем племена лелегов-пеласгов-венедов и других, до и после Троянской войны переселявшихся оттуда в Италию и далее в Прибалтику и Поднепровье. С тех же времен и, быть может, событий сохранились в Украине специфические имена и фамилии, аналоги которым известны лишь в Пеласгии: Палажка, Лелека, Гайман, Гамалия и др. Сохранилась и приуроченная к рахманскому Великдню (от ведического Дня Брахмы) легенда о переселении рахманов «за Синее море». Ежегодную весточку посылают им тем, что бросают скорлупу от великденьских крашенок-писанок в реки, текущие в Черное море, – заморские рахманы собирают, мол, ту скорлупу и ежегодно же воссоздают из нее Праяйцо…

Связь этого уникальнейшего мифоритуала с описываемыми событиями подтверждается, с одной стороны, аратто-«трипольскими», а с другой – крито-микенскими изобразительными аналогами украинских писанок. По народ-

ной традиции, изображенные на них свастики, бегущие волны, меандры и проч. называются сваргами, бесконечниками, круторогами; есть здесь и соответствующие теме нашего разговора «черное море», «черногузы» (те же лелеки), «ветрячки», «берегини».

На морской характер этих связей указывают, по мнению Ю. Шилова, изображения парусных кораблей в святилищах Каменной Могилы. Изучивший эти изображения Б. Д. Михайлов указал на критские аналоги 3000–1400 гг. до н. э. Он же допускает наличие здесь соответствующих надписей и мифоритуальных соответствий тем, которые описаны в «Илиаде» Гомера. Исследователь обращает внимание на схождения главного святилища гомеровской Трои с обустройством вершины приднепровского Шу-нуна (по А. Г. Кифишину), на «поразительную согласованность топографии» этой исконной «Руки-закона владычицы» с древнегреческими храмами Деметры и Афродиты, на аналоги среди ее изображений известным древу Диониса и Зевса и двулезвийной секире последнего… Сюда же следует присовокупить жреческие воплощения Зевса Талейского (специфически критского), Аполлона Таргелия (гиперборейского) и Диониса, обнаруживаемые в упоминавшихся уже погребениях ингульской (по наименованию реки между Днепром и Бугом) археологической культуры, производной от усатовской и родственной также среднеднепровской. Но это аналоги уже постараттского времени, XVIII–XVII вв. до н. э. Что же ка-

сается отмеченного выше схождения святилищ, то специфические соответствия троянским имеются и в древнеславянской культуре.

Так, в руинах Трои открывший ее Г. Шлиман нашел «клад L», состоявший из янтарной бусины гиперборейского происхождения, шести хрустальных наверший кинжалов, более сорока разнообразных линз из такого же камня, четырех ритуальных топоров из различных пород лазурита и жадеита, а также двух металлических фигурок… А вот свидетельство одного из авторов гораздо более позднего времени и никак с Троадой не связанного: «Были в земле Славянской священные строения. Одно из них находилось на горе – одной из наивысших, как утверждают философы. То строение славно своею архитектурой, каменьями разных пород и цветов, отверстиями вверху надстроек, сделанными в них для наблюдений точек восхода солнца; драгоценными камнями, что в них хранятся; знаками, на нем изображенными, показывающими грядущие дела, напророчествованные теми драгоценными камнями до их свершения…» Ну, как тут не вспомнить Кассандру, предрекшую падение Трои!..

Хотя бы частичному переселению приморских араттов в Троаду несомненно содействовали геокосмические катастрофы, сотрясавшие побережья Черного и Средиземного морей. Установлено, что накануне, а может, и в период Огигова потопа Троя-II была разрушена страшным землетрясением и около полувека пролежала в руинах. Ее восстановле-

ние и заселение в начале XXIV в. до н. э. вполне могло осуществляться исчезавшими в то же самое время из Северного Причерноморья араттами.

Заселившие Троаду племена назывались, как уже указывалось, лелегами – «(перелетными) аистами» («лелеками» по-украински). Греки («грачи»; «граки» по-украински) перевели данный этноним на свое наречие как пеласги – и указывали на их (очевидно, привычное) расселение на побережьях и островах, есть и фольклорная параллель женоподобным изображениям среди «уточек», «деревцев» и проч.:

За ворітьми, за приворітьми,
Там стоїть сосна, від срібла ясна,
Від злота красна, —
А в тії сосні корабель пливе,
А в тім кораблі гречна панна…

Троя, конечно, постоянно напоминает об «Илиаде» Гомера. Своим названием «Солнечный» Илион обязан Иллою, которого греки-эллины называли Аполлоном и не зря считали покровителем Трои. Указанное же имя было сугубо лелегским; оно сохранялось затем их италийскими потомками – этрусками, посвятительные надписи которых, вроде «это дето ази Иллояс» («это дано богу Иллою»), указывают и на праславянскую принадлежность данного божества. Действительно, ему родственны не только Ильи древнерусских былин и поверий, но также описанный Геродотом загадоч-

ный город Гелон, в котором особо почитали младшего брата Аполлона – Диониса. Археологи отождествляют этот город с гигантским – наибольшим в тогдашней Европе – городищем у современного Вельска над долиной Ворсклы. Возник он уже после падения Трои, в скифское время, но (если верить «Велесовой книге» и ее предложенной выше трактовке) в связи со скитаниями переселившихся в Италию потомков Энея и Антенора («анта Ора»?)… Что же касается творца «Илиады», то исследователи все более склоняются к выводам о его лелегско-пеласгийском происхождении и собирательности этого образа из плеяды омиров (как, кстати, и называют древние авторы уже привычного просвещенному миру Гомера). Омирами лелеги называли сказителей, обычно к иным делам не способных, – как тот же слепец Гомер или слепые лирники и т. п. украинцев.

Здесь следует указать и на другие довольно специфические для троянцев (илионов) особенности, обнаруживающие аналоги в славянской культуре. Сведения об этих особенностях сохранили римляне, долгое время соседствовавшие с такими городами переселенцев из Троады, как Медула, Трикрины, Калатия, Волы, Турана, Конина и др. От них соседи переняли, в частности, такие браки («браки» от брать, вспомним характерное для Руси дохристианских времен «умыкание жен»), которые вошли в историю как «похищение сабинянок». При этом этруски осуждали майские браки и одобряли июньские («…а то будете маяться. Дожди-

тесь Купалы!» – доныне поучают нетерпеливую молодежь на Руси). Перенятые у тех же этрусков особые воинские игры традиционно назывались римлянами троянскилиду («троянские люди»). Другой танец назывался трипадурэ и, судя по описаниям, напоминал украинско-казачьи трепак и гопак. Якобы изобретшие этот воинственный танец этрусские жрецы куреты включаются исследователями в семантический комплекс таких культурных проявлений, как Курес и Кера («городки» недалеко от Артаны), а также куры (из-за причесок в виде «петушиных гребней»); правомернее бы сопоставлять куритов с куренями и характерниками тех же казаков. Тем более что этрусская Артана сродни и древней Аратте, и доныне существующему украинскому Артаплоту (реке и долине на Полтавщине)…

Настал момент указать и на родство названий Триполье и Троя – возможно, действительно породнившихся во времена странствий героев «Велесовой книги» и формирования той воинской касты «веков Трояних», о которых с тоской вспоминает автор «Слова о полку Игореве».

Народная, а за ней и научная этимология ищет в Триполье «Три поля». Однако при взгляде на карту мы видим три «Змиевых вала», расходящиеся от городка и Днепра; кроме того, у Днепра же, на равном расстоянии от основы этого тризуба, расположены кольцевые валы славянских городищ у Зарубинцев и Трахтемрова. Так что куда правомернее сопоставлять Триполье с Артаплотом, Аполлоном и Гопала-

ном, Купалою и полянами, а также Палунью. Во всех этих случаях имеем дело с «городами-защитами» – о чем выше уже говорилось. К тому же в молдавском наречии фракийцев троян – это «вал». Ю. Шилов ссылается на упоминаемых возле Альп этрусках-триполянах, обитавших в долине Валь Тримпия… У истоков этрусско-римских календ и календаря стоят пеласгийский титан Коя и славянские Коло – «Солнце» и «солнечный Год»; календарь произошел, очевидно, от Кола дара. При этом «Велесова книга» сохраняет традицию аратто-лелег-ских времен:

«И те свята – первое Колядь (зимний солнцеворот), Рождество и второе – Ярь (весеннее равноденствие) и Красна гора, и Овсяна (Езмень, Ясень – осеннее равноденствие) Великая и Малая…» «А Богов купальте («оберегайте») и Даждя чтите (Солнце летнего, Купальского солнцеворота)». Здесь отражен весьма архаический, еще индоевропейский календарь: трехсезонный, с равноденствиями и солнцестояниями. Такой комплекс признаков характерен для эпохи Тельца 4400–1700 гг. до н. э. Затем последует 8-частный солнечно-зодиакальный календарь эпохи Овна – с акцентированием Риздва, Колодия, Великдня (Пасхи), Русалки (Троицы, Зольника), Купалы, Спаса, Врожая, Макоши (разделением лета между весною и осенью; наметившееся четырехсезонье приурочивается к Колиты). Ю. Шилов приводит список некоторых этрусско-русских языковых соответствий: мак – мак, паин – господин (*укр*. пан), погани – плохой (*укр*. пога-

ный), пикун – пекти, пелянос – каравай (*укр.* паляница), перома – паром, патакс – птица (*укр.* птах), ртеле – тщательно (*укр.* ретельно), секурис – секира, скрипиум – сундук (*укр.* скрыня), сопил – сопилка, спака – собака, сутина – полумрак (*укр.* сутинки), скатера – скатерть, талан – судьба (*укр.* талан), теремнон – терем, цена – цена.

Разнообразие и частота схождений указывают на несомненное родство лелегско-венедско-этрусского и славянско-украинско-русского языков. При этом наибольшая близость именно украинского подтверждает выдвигаемую концепцию морского переселения из причерноморской (район Одессы) Аратты в Троаду, а оттуда – в Этрурию. На это же указывают и вышеприведенные этнографические данные, также, по большей мере, сконцентрированные в Украине.

Что касается шумерской ветви Аратты, то она была в значительной мере семитизирована и трансформировалась в Вавилонию. А вот арийская (индоиранская, как условно называют ее ученые) ветвь укоренилась на протяжении II тыс. до н. э. в Иране и в Индии, сохранив там доныне пиетет перед дунайско-днепровско-хильмундской Араттой; в Бхарате-Индии она существует поныне.

Ю. Шилов выделяет наиболее очевидные, по его мнению, свидетельства сохранения араттской традиции в восточнославянской культуре.

Итак, потомки араттов (лелеги, известные здесь позже – по Геродоту – как «гиперборейцы», гелоны, сколоты, бо-

рисфениты и проч.) отчасти продолжали обитать на своей территории между Днепром и Дунаем, а частично (с конца III тыс. до н. э.; пеласги, илионы, лиды, венеды, этруски, русы и др.) расселились по свету, чтобы затем (в IX в. н. э.) сойтись, в значительной мере, на своей исконной родине под новым именем Русь.

За прошедшие века с кем только не сводила судьба то или иное пра– или славянское племя, чего не набрались и чего не утратили! Однако без рахманов, характерников, волхвов и подобных им мудрецов не обходился никто, а они уж умели постоять за традиции!.. Вот так и хранили веками язык и заветы.

Если уж оседло-земледельческая Аратта (в III тыс. до н. э. с центром на Правобережье Днепра) оказалась в потоке перемещавшихся стран и народов, то скотоводческо-кочевому Ариану (соседу Аратты) и бог велел!.. Однако даже и в скифские времена в низовьях Днепра наряду с «царскими скифами» продолжали обитать дандарии – «жезлоносные арии»; так что традиция арийской прародины не прерывалась. Наряду с этой «старой Синдикой» где-то в середине II тыс. до н. э., в процессе частичного переселения в Индию, в низовьях Кубани сложилась и «новая Синдика». Именно к последней – через армянскую хронику VII в. (а много ранее и через кавказских энетов в районе озера Ван, а также этрусские ассоциации «Велесовой книги») – тянутся нити аратто-арийско-индийско-славянского родства. Нити уже вполне

очевидные, но почти не исследованные.

Отдельные роды днепро-кубанских ариев – очевидно, из племен дандариев, чангар, синдов – переселились в Индию в середине II тыс. до н. э.; другие роды тех же и прочих племен остались на месте или были втянуты в иные миграции «народов моря» и киммерийцев. Арийская принадлежность последних, тяготеющая к пеласго-фракийско-индийской ветви, стала довольно определенно проступать после обнаружения в их могильнике у села Кайры, недалеко от Каховки, аналогов основному мифу Ригведы. В ту часть потока, которая оказалась причастной к Троянской войне, попали пращуры создателей «Велесовой книги», начинающей изложение исторических преданий уже после переселения разбитых троянцев в Этрурию. Указания на прапредков Богумира и Ора можно рассматривать как отражение изначального лелегско-арийского союза родов, ославянившегося в период освоения Энеем и Антенором Италии.

Потомки Ора – Кий, Щек и Хоров – побывали в Голуни (Гелоне, производном от Илиона и основанном родом, вернувшимся на прародину из разгромленной Трои?) и близ расположенном Киеве (будущей столице Руси); могли побывать они в IX–VIII вв. до н. э. и на Синдике, что напротив столь чтимого ими Сурожа. Ее Тмутаракань мог основать Лебедян (он же Славер), воспреемник умершего Кия; тогда же, возможно, появились возле озера Ван энеты… То, что эти предания восприняло индусское племя, которое на вре-

мя переселилось в Армению, свидетельство традиции арийских этноисторических связей, хранимых вплоть до возвращения в Европу из Индии части чангар-чингян-цыган. То, что эти же предания «Велесовой книги» были использованы киевским летописцем Нестором в XII в., свидетельство сохранения славянских этноисторических связей, но уже подгоняемое под хронологию христианства. Воистину «греки стремятся и нас окрестить, чтобы мы забыли богов наших».

Таким образом, историческая связь древнейших славян с ариями времен переселения тех в Индию у Ю. Шилова уже не вызывает сомнений. Не должна вызывать сомнения и гораздо более древняя связь (со времен расцвета приднепровской Аратты и зарождения Ариана), ибо откуда же взяться и Рахманскому Великдню украинцев, и подчеркиваемым Б. А. Рыбаковым славянско-ведически-индийским связям? Остановимся на нескольких примерах последних.

Прежде всего – о кургане Савурюга над Конкой, меж селами Григорьевкою и Юльевкою на Запорожье. Его название родственно ведическому Суварюга – «Золотому веку»; сопоставление подтверждается сходным названием речки – Канка, «Священная река» или «Река празднеств». По ведической традиции, Золотой век завершился в ночь с 17 на 18 февраля 3102 г. до н. э. Случилась тогда катастрофа или сменились календари – курган в честь подобного события насыпать могли; могли и приурочить его к соответствующей махаюге «дня Брахмы». К тому же Сварог, высшее божество

древнейших славян, мог произойти не только от Сварги, но и от ведического же С(у)вар-аг(ни) – «Золотого (Солнечного) огня»…

С Савурюгою, или Савур-могилой, и Конкой связаны легенды о Первопредке-всаднике, мудром пращуре Савуре, Казаке-характернике, Золотом коне… Рассказывают о брате-Первопредке, казнившем вероломную сестру за сговор со Змием, – и проступает время формирования ариев-всадников, утверждающих патриархат. Рассказывают о предтечах Казака Мамая (мамаями на Украине называли каменных идолов на курганах-могилах) – и проступает образ арийского Спасителя Гандхарвы. Рассказывают о Городище на месте кургана, о спасшем горожан от нашествия мудром патриархе Савуре – и проступает образ приморской Аратты лелегских времен.

Особую научную ценность имеют сопоставления местных, давно уж опубликованных легенд и преданий, с реалиями недавно раскопанных археологами курганов, фигурирующих в этом фольклоре. Такие исследования были произведены в устье Псела и долине Белозерки, на полуострове Чонгар, над Новосельской переправой через Нижний Дунай. Так возникла гипотеза о сохранении традиций не только изустно и т. п., но также посредством биополей («душ предков»), хранимых энергетикой людей и природы… Вывод, конечно, за пределами «академической науки» и «здравого смысла», однако некоторые из сопряженных с ним фактов столь оче-

видны, что заставляют работать и в этом направлении тоже. А то ведь как разберешься с истоками йоги и прочими чудесами, сохраненными аратто-арийскими брахманами Индии и угасшими на нашей арийской прародине вместе с рахманами и их воспреемниками…

Княжество Арта-Арсания сохранялось в составе Руси до монгольского нашествия, а Артаплот существует и поныне. Во времена древнегреческого «отца истории» Геродота и запечатленных им преданий середины II–I тыс. до н. э. образ этого государства проступает в именах родоначальников племен Поднепровья: Колаксай (иранский Сколахшайя) и Арпоксай – цари сколотов, Гелон – основоположник одноименного города; отцы первых двух – Таргитай и третьего – Геракл. Колаксай – это «Солнце-царь»; Арпоксай, возможно, несколько искаженное «царь Арты»; Гелон род-ственен Илиону (Трое) – Солнцу. Так что здесь вполне вероятны праславянские и другие кальки с «солнцеподобной» Аратты. Почитание Таргитая (скиф.) и родственных ему Таргелия, пеласгийско-греческий эпитет Иллояса-Аполлона, родственника славянского Купалы, Тарха-Тараховича (рус.) и многих других было широко распространено в индоевропейском мире. То же можно сказать о пеласгийско-греческом Геракле – «Герой прославленный», или же Ярославе. Богиня Гера родственна германскому «Году» – йару, а также славянскому Яриле; особенно близка ей белорусская Ярила, представлявшаяся белой девушкой на белом коне, со снопом и

человеческой головой в руках… Все это имеет соответствия в восточнославянской этнографии. В том числе и упомянутые выше лелеги-пеласги. Оба этнонима – само название и греческий перевод – означают «аисты» или «лелеки» (по-украински). А эллины (по имени легендарного родоначальника), отпочковавшиеся все от тех же араттов-лелегов-пеласгов, как уже говорилось, получили от последних прозвище «греков» («гракив», по-украински «грачей») за преобладающий цвет волос. То обстоятельство, что греки считали родоначальника Пеласга гиперборейцем, указывает на тождество легендарной «сверхсеверной» Гипербореи с приднепровской Араттой.

Ю. Шилов, таким образом, ставит вопрос об общем корне Аратты, а также славянской, греческой и скифской (поздней арийской) культур; о наибольшей сохранности этого корня именно в славянской культуре. Тем более что в ее Леле и Ляле с их Красной Горкой хранится живая память о доиндоевропейских Энлиле и Нинлиле, первого из которых шумеры потом называли Кургалем, «Горой великой», предтечей наших курганов, на которых преимущественно и празднуется Красная Горка. К ее, а также Велик-дня атрибутам относятся крашеные и расписные яйца, в орнаментике которых в Украине сохраняется множество специфических композиций, восходящих к Триполью – Аратте.

Помимо обычного Великдня, в Украине сохранились и другие, заведомо дохристианские праздники: навский, или

мрецкий, а также упоминаемый выше рахманский Великдень, созвучный аратто-арийскому «дню Брахмы». При этом предания о лучших из пращуров и людей вообще рахманах соответствует брахманам, а «велик» следует понимать не столько как великий, сколько как Белесое (производный от аратто-арийского Валы). Согласно легендам, «рахманы ушли с Украины за Синее море» (скорее, с частью араттов в малоазийскую Троаду, нежели с частью ариев в индийскую Бхарату); поэтому скорлупу крашенок-писанок надлежит бросать в реки, стекающие в Черное море, чтобы заморские брахманы, увидав плывущую по волнам скорлупу, знали о наступлении Великдня на оставленной родине и могли слепить из этой скорлупы одно гигантское яйцо, праобраз «Золотого зародыша мироздания».

Специфической деталью Рахманского Великдня украинцев является блюдо с моделью кургана: земляной холмик загодя засевают овсом или житом, а затем обкладывают красными яйцами по числу поминаемых умерших. Такая модель отвечает именно арийским курганам, покойников которых окрашивали охрой и называли Мартандой – «Мертвым яйцом». Засвидетельствован также обычай (в с. Обиточном на берегу Азовского моря) выхода населения в степь «бить гадюк, за каждую из которых Бог прощает по сорок грехов». В арийские времена, по-видимому, это расценивалось как помощь змиеборцу Индре в его битве с демоном Вритрой за освобождение зародыша мироздания Валу. Известно, что от

этих образов произошли славянские Волох (Велес) и Воротар, доныне изображаемые на писанках-яйцах и упоминаемые в фольклоре…

Ярчайшим признаком арийской культуры есть конь: впервые здесь его приручили, впервые создали конницу, всадник Гандхарва стал здесь арийским Спасителем. Случайно ли на украинской прародине ариев конь, по авторитетному заключению фольклористов-этнографов, доныне остается самым любимым и священным животным? (За ним следует корова, а дальше – вол и собака.) При этом почитание коней обнаруживает специфически арийские связи с вершинами (вспомним Валу и птицеподобность Гандхарвы), трехчастным делением мира; иногда даже с голубем – как символом загробного мира (в то время как ворон обнаруживает свою связь с солнцеподобным Аполлоном).

Із-за гори крем'яної голуби літають —
Не зазнала розкошоньки, вже й літа минають.
Запрягайте коні в шори, коні воронії,
Та й поїдем здогоняти літа молодії…

По мнению Ю. Шилова, лексика ведического санскрита соответствует некоторым из наших доныне часто употребляемых слов: кара – кара, карб – заметка (*укр.* карб), крин – корень (хрен), кшатрий – военачальник (*укр.* кошовый), лата – латка, любгьяти – любить, Мара – Мара, матар – матерь, мриты – умирать, мира – мера, мур – кладка (каменная, *укр.*

мур), нана – мама (*укр*. неня), пан – господин (*укр*. пан), плавана – плавание, потджати – мощный (*укр*. потужный), прия-та – приятель.

Есть еще одно объяснение происхождения термина «арии».

Древние тексты позволяют предположить, что название «арийцы», видимо, произошло не от глагола «орати» (пахать), поскольку это более позднее занятие – первоначально они были скотоводами, – а по названию места обитания «о Раі» (на Ра), так как они жили на Рай-реке (Волге) и потому именовались «раями», «райцами» или «орайцами», то есть «арийцами». Отсюда и имя вождя-предводителя славян Орей (первоначально, видимо, Орай).

РА(й) – река – самая главная из всех, впадающих в Каспийское (Фасистое) море. Прикаспийская низменность – действительно зеленый к-РАй, обильные благодатные угодья, места, куда на зимовье прилетают птицы. Для наших предков РА была священной рекой, протекающий по земле и по небу, разделяя Сваргу и Явь, которые мостом связывает семицветная РАй-дуга. Вот почему название Священной реки отражается во многих связанных с ней наименованиях других рек, гор, городов: У-РА-л (горы, находящиеся у РА), Сама-РА, А-РА-л, А-РА-кс, Ку-РА, Су-РА и др.

При впадении Ра-Волга образует огромную дельту, разветвляясь на множество притоков, основных из которых насчитывается семь – священное Семиречье наших предков.

Придя в Индию и обнаружив там Семиречье (Пятиречье) Инда, славяно-арии посчитали это священным знаком богов, осели в этих местах и открыли индусам Веды. И не случайно, видимо, главный бог индо-ариев соединил в себе названия двух величайших и священных рек ИНД-РА.

В священном Семиречье («Пенже») пребывало и семейство Богумира, имевшего жену Славуню, трех дочерей – Скреву, Древу, Полеву и двух сыновей – Севу и Руса, от которых произошли племена кривичей, древлян, полян, северян и русов. «Создались те роды в Семиречье, где мы обитали за морем в Краю Зеленом и где водили скот еще прежде исхода к Карпенским горам».

По данным археологов, обнаруженный в раскопках единый стиль арийской «воротничковой керамики», сходной по форме и орнаменту, встречается в районах Прикаспия, Южного Приуралья, Оренбуржья и Нижнего Поволжья и датируется IV–III тыс. до н. э.

Таким образом прослеживается мощная волна движения протоариев с Подунавья (VIII–VI тыс. до н. э., винчанская и лендьельская культуры), к Днестро-Днепровскому региону (VI–IV тыс. до н. э., кукутень-трипольская культура), затем к Волге (IV–III тыс. до н. э.) и в Индию (II тыс. до н. э.).

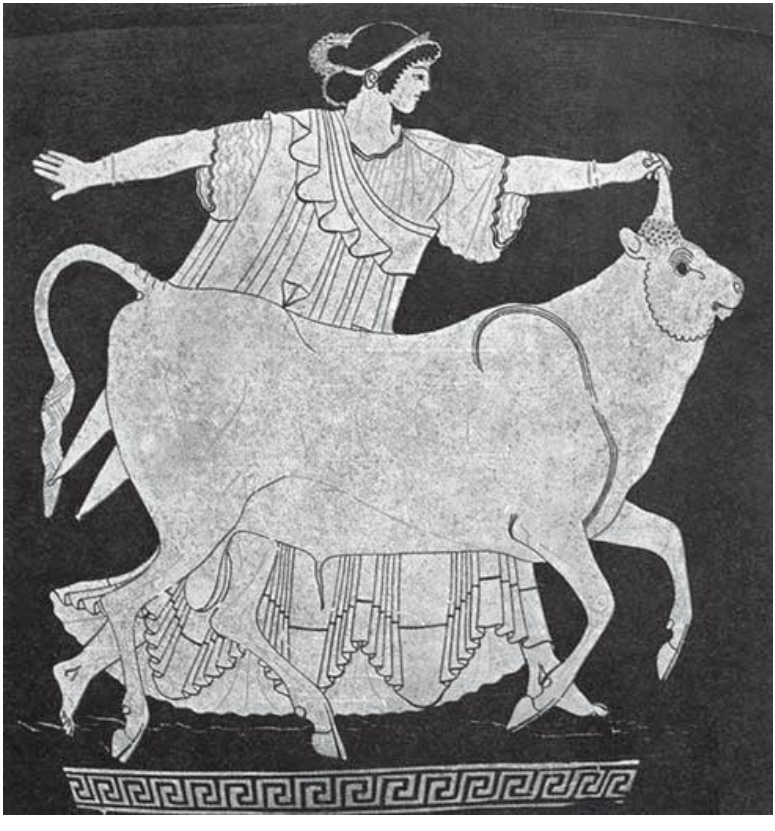
Затем началось обратное движение ариев к Волге, в Переднюю Азию – Загрос (Иран), Двуречье (Ирак), Сирию, расселение на Кавказе, движение вновь к Днепру и Дунаю, вплоть до Балтики.

Кому-то эти теории, возможно, и покажутся стройными…

Защищенные морем

Древнейшее прошлое настолько слилось в памяти греков с мифической историей богов и героев, что фактически было забыто, превратившись в легенду… Из богов первым правителем мира был Уран. Он был побежден и свергнут собственным сыном Кроном. Крон, опасаясь быть также свергнутым одним из собственных сыновей, стал пожирать подряд одного за другим всех рождавшихся у него детей. Когда очередь дошла до шестого из них, Зевса, его мать Рея поднесла мужу вместо новорожденного сына завернутый в пеленки камень, который и был проглочен не подозревавшим обмана Кроном.

Зевс, появившийся на свет в одной из горных пещер на Крите, был вскормлен здесь молоком козы Амалтеи (сломанный рог Амалтеи, он же «рог изобилия», способный дать все, что ни пожелаешь, вошел в поговорку), воспитан местными нимфами и жрецами-куретами. Если младенец начинал плакать в своем тайном убежище, жрецы, постоянно охранявшие вход в пещеру, чтобы заглушить его плач, ударяли копьями в щиты. Когда Зевс вырос, он одолел в упорной борьбе своего жестокого отца и, став царем богов, поделил с братьями мир: ему самому вместе с верховной властью досталось небо, Посейдону – море, Аиду – подземное царство.



Европа и Зевс в образе быка

Из всех историй, связанных с Зевсом и другими легендарными героями и богами, нас интересуют те, что непосредственно относятся к острову Крит – одному из крупнейших в Средиземном море. Полюбив финикийскую царевну Ев-

ропу (древняя страна Финикия располагалась на восточном побережье Средиземного моря, в основном на территории нынешнего Ливана), Зевс явился к ней в образе прекрасного быка, когда она пришла с подругами на берег моря. Прельстившись красотой и кротким нравом животного, мирно улегшегося у ее ног, царевна доверчиво села ему на спину. Вдруг бык вскочил на ноги и, стремглав бросившись в море, быстро поплыл от берегов Финикии на запад. Вскоре они достигли острова Крит. Здесь Европа родила от Зевса трех сыновей – Миноса, Сарпедона и Радаманта, которых воспитал как собственных детей повелитель критян Астерий (в действительности «астериос», что по-гречески значит «звездный», – это эпитет того же Зевса на Крите). По имени же Европы, ставшей критской царицей, была названа одна из трех частей света, известных древним грекам, в которой жили они сами и которая лежала к западу от Азии и к северу от Африки.

Когда братья выросли и возмужали, возникшее между ними соперничество переросло в открытую войну. В этой борьбе победителем вышел Минос, а побежденные Сарпедон и Радамант были изгнаны с острова. После смерти царя Астерия Минос стал правителем Крита. Получить власть над критянами ему помогло утверждение, будто боги могут выполнить любую его просьбу. Желая доказать это, он стал молить владыку моря Посейдона выслать из пучины вод быка, обещая принести затем быка ему в жертву. Но когда бык по-

явился, Миносу стало жаль расставаться с ним, и он подменил его при жертвоприношении другим животным. За это разгневанный Посейдон наслал на своего быка бешенство. Позднее огнедышащего критского быка сумел одолеть величайший герой древнегреческой мифологии Геракл (седьмой из его двенадцати знаменитых подвигов).

Минос не только захватил власть на Крите. Он установил морское господство над всем Восточным Средиземноморьем. Ему подчинились почти все острова Эгейского моря. Со своим флотом он осадил город Мегары на восточном побережье Средней Греции. Правившему там царю Нису было предсказано, что он погибнет тогда, когда будет вырван растущий у него на макушке пурпурный волос. Дочь Ниса, Скилла, воспылав любовной страстью к Миносу, вырвала у отца из головы заветный волос и тем самым погубила его. Захватив Мегары, Минос приказал стены города разрушить, а предательницу Скиллу утопить в море.

После этого критский флот направился к берегам близлежащей области – Аттики, и Минос принялся осаждать ее главный город Афины, мстя его царю Эгею за вероломное убийство своего сына Андрогея (в другом варианте – Аристея, который погиб во время Панафинейских игр). Побежденный афинский царь был вынужден, подобно Мегарам, подчиниться могучему владыке Крита и согласился регулярно выплачивать ему тяжелую дань.

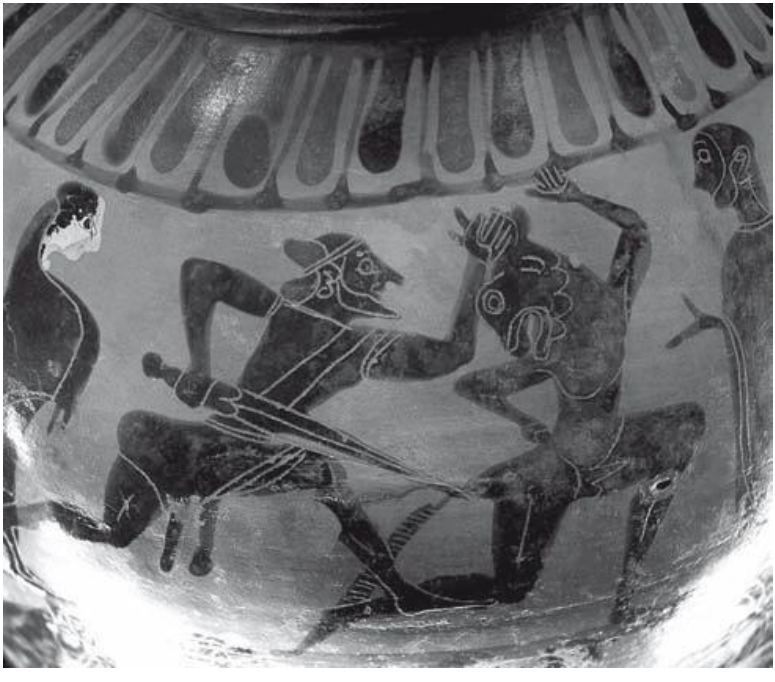
Прославился Минос не только своими успешными мор-

скими походами, но и государственной мудростью и справедливостью. Миносу и Радаманту приписывалось создание первых законов для жителей Крита (именно поэтому, как справедливейшие из людей, они, по представлениям древних греков, стали после смерти судьями в подземном царстве Аида).

В царствование Миноса ни один чужеземный корабль не мог беспрепятственно приблизиться к побережью Крита. Медный гигант Талос каждый день трижды обегал кругом весь остров. Замечая подплывающий к берегу корабль, он бросал огромные камни в непрошеных гостей, а если кто-либо из них осмеливался высадиться на сушу, Талос сначала раскалялся на огне, а потом заключал пришельцев в свои губительные объятия. Среди прочих диковин Миносу принадлежали неутомимый в погоне охотничий пес и не знающее промаха копье.

При Миносе на Крите жил и трудился замечательный изобретатель, искусный зодчий и прославленный скульптор Дедал, который первым ввел в употребление множество полезных инструментов и других ремесленных новшеств, создал искусство ваяния, построил в столице Миноса, городе Кноссе, знаменитый Лабиринт. Это было грандиозное здание с массой запутанных ходов, откуда не мог выбраться никто из вошедших внутрь.

Минотавр



Сражение Тесея с Минотавром

В центре Лабиринта жил Минотавр (буквально – бык Миноса), питавшийся человеческим мясом. Это чудовище было плодом греха, совершенного Пасифаей, женой Миноса. Она отличалась неслыханным сластолюбием. Зная это, бог морей Посейдон подослал к Пасифае белоснежного быка, от которого она и родила Минотавра. К нему попадали на съедение юноши и девушки, определенное число которых при-

сылалось критскому владыке в качестве дани из покоренных им городов материковой Греции, в частности, из Афин и Мегар. Желая освободить свой город от столь страшной и позорной дани, сын афинского царя Эгея, Тесей, добровольно отправился на Крит. Здесь его полюбила дочь Миноса, Ариадна. Чтобы спасти Тесея от неминуемой гибели, она по совету Дедала дала ему клубок ниток. Пробираясь по закоулкам Лабиринта, Тесей разматывал нить, а когда нашел и убил Минотавра, с ее помощью легко отыскал обратную дорогу. Однако, плывя домой в Афины, он забыл заменить черные паруса корабля на белые, как у него было заранее условлено с отцом на случай благополучного возвращения. Увидев корабль сына под черными парусами, старик Эгей в отчаянии бросился в море, которое с тех пор стало называться Эгейским. После него афинским царем стал Тесей, позднее женившийся на другой дочери Миноса, Федре.

Разгневавшись на Дедала за помощь Тесею, Минос заточил его вместе с юным сыном Икаром в Лабиринте. Тогда Дедал смастерил из перьев и воска крылья для себя и для сына, чтобы улететь с Крита. Во время полета Икар неосторожно поднялся слишком высоко, и воск, скреплявший перья, растаял на солнце. Крылья юноши рассыпались, он упал вниз и утонул в волнах моря, получившего название Икарийского (юго-восточная часть нынешнего Эгейского моря). Дедал же сумел добраться до острова Сицилия, где его радушно принял местный царь по имени Кокал.

С целью узнать местопребывание Дедала Минос пошел на хитрость. Он пообещал богатую награду тому, кто сумеет пропустить тонкую нитку через спиральный внутренний ход морской раковины, будучи совершенно уверен, что сделать это будет по силам только Дедалу. Последний по просьбе Кокала без труда решил эту задачу, заставив муравья с привязанной к нему ниткой проползти через раковину насквозь. Таким образом Миносу удалось наконец выяснить, где скрывается разыскиваемый им беглец, и вскоре многочисленный критский флот подошел к сицилийскому городу Камику – столице Кокала. Испуганный Кокал не посмел отказать могущественному владыке Крита в выдаче Дедала. Он принял Миноса как самого дорогого гостя, но во время купания Минос был коварно умерщвлен дочерями Кокала, налившими в ванную с находившимся в ней критским царем крутой кипяток. Флот же критян неожиданно уничтожила сильная буря.

На Крите Миносу наследовал его старший сын Катрей, которому было предсказано, что он будет убит собственным сыном. Единственный сын Катрея, Алтемен, узнав об ужасном предсказании и надеясь избежать такого несчастья, переселился с Крита на остров Родос (у юго-западного побережья полуострова

Малая Азия). Со временем состарившийся Катрей захотел передать царскую власть Алтемену и приплыл за ним с Крита на корабле. Но жители Родоса по ошибке приняли прибывших критян за пиратов и напали на них. В завязав-

шейся схватке брошенное рукой сына копье поразило Катрея насмерть. Узнав о совершенном им против воли отцеубийстве, Алтемен умолил богов, и его поглотила расступившаяся земля.

После этого власть над Критом перешла ко второму сыну Миноса, Девкалиону, а затем к сыну Девкалиона, Идоменею. Прославившийся во время Троянской войны как храбрый и искусный военачальник, Идоменей вместе со своим племянником Мерионом (сыном Мола, внуком Девкалиона) был одним из главных вождей греческого войска под стенами Трои, после взятия которой он благополучно вернулся на Крит с богатой добычей.

Античные авторы, как и не имеющие авторов мифы, сохранили сведения о могучей критской державе царя Миноса, силе ее флота, когда-то безраздельно господствовавшего в водах Восточного Средиземноморья, о мудром законодательстве критян, послужившем образцом для законодательства одного из самых известных государств Древней Греции – прославленной Спарты.

По словам «отца истории» Геродота, Минос, установив владычество на Эгейском море, подчинил своей власти его многочисленные острова, покоренные жители которых принуждены были служить гребцами на быстроходных критских кораблях, и затем совершил поход в далекую Сицилию. Величайший древнегреческий историк Фукидид сообщает, что на многих из завоеванных Миносом островах были осно-

ваны колонии критян. Управление ими было поручено царским сыновьям, а для обеспечения безопасности морских торговых путей велась активная борьба с процветавшим до того пиратством.

Глубоко врезавшиеся в память эллинов представления о могуществе владык Крита и отдельные эпизоды сложных и разнообразных взаимоотношений их с обитателями греческого материка, иногда дружественных или родственных, а иногда и резко враждебных, отразились во многих передававшихся из поколения в поколение исторических преданиях и стихотворных эпических сказаниях. Вот, например, строки, которые посвятил Криту в «Одиссее» гениальный Гомер:

Остров есть Крит посреди виноцветного моря,
прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян,
С первоплеменной породой воинственных критян;
кидоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих. Минос управлял им
в то время,
В девятилетие раз общаясь с великим Зевесом…

В другой бессмертной гомеровской поэме – «Илиаде» –

о внуке легендарного Миноса, предводительствовавшем во время знаменитой Троянской войны 80-ю кораблями с Крита, говорится:

> Там, среди критских дружин, возвышается, богу п
> одобный
> Идоменей, и при нем предводители критян толпятся…
> Критян же Идоменей предводил, знаменитый копейщик;
> В Кноссе живущих мужей, в укрепленной стенами
> Гортине,
> Ликт населявших, Милет, и град белокаменный Ликаст,
> Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные грады,
> И других, населяющих Крита стоградного земли,
> Был предводителем Идоменей, знаменитый копейщик.

Все эти замечательные образы так и остались бы легендой, если бы на Крит однажды не приехал Артур Эванс.

Остров привлекал внимание и раньше. Уже с XV столетия образованные европейские путешественники, посещавшие Крит, интересовались остатками древних сооружений, которые встречались в разных частях острова. Но первые археологические исследования были проведены здесь лишь в 1876 году. Местный житель, тезка легендарного критского царя Минос Калокеринос, исполнявший обязанности испанского консула, раскопал неподалеку от города Гераклиона часть огромного здания. Спустя пять лет американский ученый Уильям Стилмен «опознал» в этом здании знаменитый

кносский Лабиринт.

Раскопками на Крите собирался заняться сам Генрих Шлиман. Он даже почти купил заинтересовавший его участок, но в последний момент разорвал договор о покупке, так как обнаружил, что недобросовестный продавец попытался его обмануть – вместо оговоренных 2500 оливковых деревьев на участке оказалось всего 888. Коммерсант в Шлимане победил. Из-за 1612 оливковых деревьев он лишил себя звания первооткрывателя новой, ранее неизвестной цивилизации. Причем в ее существовании он не сомневался.

С 1884 года на южном побережье Крита начала работать экспедиция итальянских археологов. Ее участники сделали немало важных открытий в Гортине. Здесь была обнаружена надпись, содержащая самый ранний из известных древнегреческих сводов законов. В Фесте и соседней Агиа Триаде были раскопаны дворцы фестских владык. Но все это были единичные находки, пусть даже и замечательные. Они мало что говорили о грозной морской державе греческих мифов. Настоящим первооткрывателем критской цивилизации стал Артур Эванс, сын сэра Джона Эванса, известного своими работами в области первобытной археологии.

Артур Эванс учился в Хэрроу, Оксфорде и Геттингене. В 1884 году он стал хранителем Эшмолейского музея в Оксфорде. Его интересовали монеты, печати и иероглифы. Однажды, всматриваясь в печати (у него была близорукость), привезенные из Микен, он обратил внимание на схожесть

знаков на печатях из Греции и с Крита.

Эванс купил участок на Крите, на который когда-то претендовал Шлиман, и 24 марта 1900 года приступил к раскопкам. Он и не предполагал, что они растянутся на десятилетия: вначале Эванс рассчитывал задержаться на острове на пару лет.

Первые же дни принесли впечатляющие результаты. Археологи обнаружили остатки строения площадью в два с половиной гектара. Спустя несколько лет Эванс заявил, что найден Лабиринт – дворец Минотавра, а открытую цивилизацию назвал по имени ее мифического правителя минойской: «Я поверил в Ариаднину нить истории – в мифы».

Критский дворец оказался самым прекрасным сооружением всего Эгейского мира. За годы раскопок были открыты тысячи и тысячи квадратных метров площади: сложные системы комнат, залов, внутренних двориков, световых колодцев, кладовых, водоотводных каналов, банные помещения. Все это складывалось в сложнейшую, тщательно продуманную архитектурную композицию, которая, казалось, отражала саму бесконечность времени.

Центром дворца был Тронный зал. С трех сторон в этой комнате у стен стояли каменные лавки, а возле обращенной на север стены находился высокий алебастровый трон – трон правителя Крита. Трон опирался на высеченные из камня стебли какого-то растения, связанные в узел и образующие дугу. На стене по бокам трона – изображения гри-

фонов, между ними – гибкие стебли и цветы папируса.

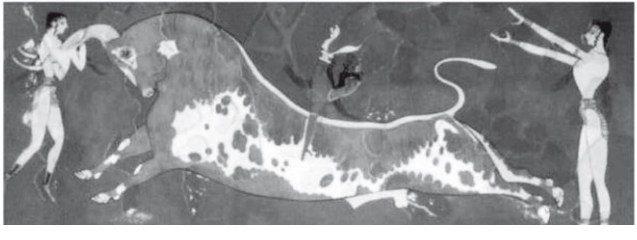
Главным украшением покоев была живопись. Стены залов покрывали фрески, краски которых не поблекли и через тысячелетия. Некоторые изображали сцены из жизни природы: растения, птиц, морских животных. На других запечатлены сами обитатели дворца: стройные загорелые мужчины с длинными черными волосами, уложенными прихотливыми вьющимися локонами, с тонкой, «осиной» талией и широкими плечами; их одежда очень проста, чаще всего это лишь набедренные повязки, зато на головах – великолепные уборы из перьев, на шеях и запястьях – ожерелья и браслеты. Дамы – в пышных колоколообразных юбках с множеством оборок и в туго затянутых корсажах, оставляющих грудь совершенно открытой. Все эти люди участвуют в каких-то сложных ритуалах и церемониях. Одни чинно шествуют, неся на вытянутых руках священные сосуды, другие плавно кружатся в танце вокруг дерева, третьи наблюдают за каким-то обрядом или представлением, расположившись на ступеньках «театральной площадки».

Но самые великолепные фрески изображают «игры с быками». Стремительно несется бык, а хрупкий акробат прямо у него на рогах и спине проделывает серию невероятных сальто. Перед быком и позади него стоят девушки в набедренных повязках. Кто они и зачем участвуют в этом смертельно опасном «спорте», мы уже, наверное, никогда не узнаем. Эта сцена – самая тревожная нота в минойской живопи-

си. В ней нет жестоких кровавых сцен войны и охоты, которыми насыщено искусство стран Ближнего Востока и материковой Греции. Судя по фрескам, жизнь обитателей дворцов протекала в радостной атмосфере празднеств и спектаклей. Волны Средиземного моря надежно защищали островных жителей от враждебного внешнего мира. Но не все так ясно и понятно в этой безмятежной жизни.

Артур Эванс восстановил первоначальный образ некоторых кносских предметов и сооружений, разрушенных временем. Сейчас многие ученые не согласны с реконструкциями авторитетного археолога, а в те времена мало кто сомневался в правоте Эванса, особенно многочисленные туристы, хлынувшие на остров. Правда, некоторые коллеги англичанина уже тогда высказывали свое несогласие. Вот что писал австрийский археолог Прашникер: «Недавно мне представилась возможность вновь посетить дворец Миноса, и я должен признать, что самые мои худшие предчувствия оправдались. Столько всего понастроено заново, что старых камней уже и не увидишь. Мы шагаем сквозь гипотезу, построенную из железобетона». Трудно поверить в то, что такой великий ученый и скрупулезный исследователь, как Эванс, превратил реконструкцию в фантазию, но сохранился портрет Эванса на фоне знаменитой фрески «Принц в поле лилий». Оказывается, от подлинной фрески сохранились лишь торс и правая рука, а также деталь левой ноги. Все остальное по просьбе Эванса и под его руководством дорисовал художник Жи-

лерио. Вот тут-то и возникает вопрос о достоверности наших знаний о древности. Но, конечно, так удачно «реконструированы» не все критские древности.



Фрески Критского дворца

Размышления над сюжетами удивительных минойских фресок позволяют сделать весьма интересные выводы. Исследователи критской цивилизации уже давно обратили внимание на характерное для нее смещение «центра тяжести» общества в сторону обычно бесправных и униженных жен-

щин. А. Эванс, изучая открытые им произведения критского искусства, пришел к выводу, что женщины занимали в минойском обществе особое, можно сказать, привилегированное положение. На эту мысль его натолкнули, прежде всего, поражающие своей живой экспрессией изображения «придворных дам» (Эванс называл их «парижанками») на миниатюрных фресках из Кносского дворца. Для них трудно подыскать сколько-нибудь близкие аналогии в искусстве стран Древнего Востока и среди художественных шедевров классической Греции. Многое в этих фресках кажется необычным, не укладывается в привычные представления об отношениях двух противоположных полов. Необычны уже сами по себе большие скопления представительниц «прекрасного пола», изображенных не в замкнутом пространстве дворцового гарема, как на некоторых египетских росписях, а под открытым небом среди возбужденной толпы оживленно переговаривающихся и жестикулирующих участников какого-то празднества. Удивительны свобода и раскованность поведения этих «дам», прекрасно переданные запечатлевшими эти сцены живописцами. На одной из фресок сразу же обращают на себя внимание две группы женщин, по всей видимости, жриц, восседающих в каком-то подобии почетной ложи по обе стороны от небольшого святилища. Другие, видимо, более молодые женщины стоят в проходах на лестничных ступенях. Интересно, что среди этих выписанных с особой тщательностью «почетных гостей» нет ни одного мужчи-

ны. Длинные ряды мужских голов, раскрашенные согласно принятому в минойском искусстве канону в кирпично-красный цвет, виднеются перед ложей жриц и позади нее, очевидно, заполняя места, отведенные для публики попроще.

Также и на другой фреске, изображающей ритуальный танец жриц в священной роще, мы видим большую толпу зрителей, наблюдающих за этой красочной церемонией. И здесь женщины расположились в центре, заняв самые лучшие, почетные места, в то время как мужчины, почтительно соблюдая дистанцию, толпятся у них за спиной и по сторонам. В науке давно уже признано, что сцены такого рода изображают не просто увеселения для народа наподобие современных театральных или спортивных представлений. Скорее всего, это важные религиозные обряды, входившие в число календарных празднеств в честь главных божеств минойского пантеона. То, что мы видим на фресках, нельзя расценивать как отражение придворного этикета, следуя которому минойцы-мужчины должны были оказывать знаки внимания своим «дамам» как представительницам «слабого» и одновременно «прекрасного пола». Гораздо более вероятно, что женщина пользовалась в минойском обществе особым почетом и уважением как существо, по самой своей природе тесно связанное с таинственной и священной сферой бытия. Не случайно, что в многочисленных ритуальных сценах, запечатленных в критской фресковой живописи, женщины, жрицы или богини ведут себя намного более активно, чем сопут-

ствующие им мужчины. На долю мужчин обычно достаются лишь второстепенные функции. Наверное, соотношение сил в религиозной сфере жизни минойского общества складывалось явно не в пользу «сильного пола». Женщины занимали здесь все наиболее важные, командные позиции. Естественно, что только из их числа могли избираться жрицы так называемой великой богини и других женских божеств. А поскольку именно великая богиня в ее многообразных воплощениях была центральной фигурой минойского пантеона, постольку и ее служительницы должны были пользоваться совершенно исключительным влиянием и могуществом.

Это можно объяснить следующим образом. Испытывая благоговейный ужас перед землей, которой они поклонялись в образе великого женского божества – дарительницы жизни и в то же время ее губительницы, минойцы какую-то часть этого смешанного со страхом уважения переносили на женщин – своих матерей, сестер и жен. Самой природой женщины были поставлены в положение своего рода «полномочных представительниц» великой богини и всех женских божеств. В них видели как бы смертных дублерш божества, частицы той благодетельной и одновременно смертельно опасной, враждебной человеку силы, присутствие которой минойцы постоянно ощущали в своей повседневной жизни. Рядом с этими загадочными существами миноец-мужчина должен был особенно остро осознавать свою слабость, и этот комплекс неполноценности ставил его в определенную зави-

симость от женщины, превращая как бы в большого ребенка, всю жизнь остающегося на попечении и под присмотром заботливых, но строгих мамушек и нянюшек.

Конечно, как и в любом другом древнем обществе, мужчины на Крите всегда оставались наиболее активной и предприимчивой его частью. От них зависело развитие минойской цивилизации. Именно они предпринимали далекие морские экспедиции к берегам Сирии и Египта, проектировали и строили дворцовые комплексы, непрерывно экспериментировали, разрабатывая новые, более совершенные технологии в металлургии и других отраслях ремесленного производства. И конечно, мужчинами были созданы все наиболее известные шедевры минойского искусства. Тем не менее, именно женщины, оставаясь все время на месте – у своих очагов, держали в своих руках наиболее важную, с точки зрения самих минойцев, часть системы их жизнеобеспечения – контакты с потусторонним миром и с населяющими его бесчисленными божествами и духами. Именно они были тем неподвижным центром, вокруг которого вращался весь минойский мир.

Можно сказать, что вся минойская культура несет на себе печать феминизма, т. е. типично женских вкусов и склонностей. Минойский художественный вкус несет отпечаток женственности: скульпторы и художники предпочитают миниатюрные формы, мелкие детали, пренебрегают чрезмерно строгими канонами и вообще слишком жесткой дисци-

плиной художественного творчества, часто используют плавные, льющиеся линии, избегают резко очерченных, угловатых контуров фигур и предметов, любят яркие, даже пестрые тона в настенной и вазовой живописи.

Занимая столь высокое положение в обществе, женщины, по всей видимости, вполне могли заставить считаться со своими вкусами мастеров изобразительного и прикладного искусства. Действуя как своеобразный камертон творческой активности мужчин, эта «женская цензура» могла усиливать или, наоборот, ослаблять, иногда даже полностью пресекать свойственные представителям «сильного пола» склонности к определенного рода сюжетам или мотивам. Может быть, этим объясняется удивительное равнодушие минойских художников к трем самым популярным в искусстве народов Древнего мира темам – войне, охоте, эротике.

Создается впечатление, что какая-то странная, совершенно не характерная для тех времен щепетильность заставляла минойских мастеров избегать в своем творчестве чересчур грубых и непристойных сцен, изображений полностью обнаженного человеческого тела, как мужского, так и женского, фаллических символов и других проявлений откровенного эротизма. Можно подумать, что минойцы то ли совершенно не знали радостей плотской любви, то ли тщательно их скрывали от посторонних глаз. Ведь даже столь распространенный в искусстве стран Восточного Средиземноморья и Передней Азии сюжет «священного брака» вели-

кой богини в критском искусстве практически неизвестен. Некоторые исследователи склонны видеть в этом проявление вообще свойственной женщинам стыдливости. Возможно, запрет эротических изображений и символов в минойском искусстве был связан с дискриминацией мужского пола, умаления его значимости. Из искусства было устранено все то, что могло напоминать об основной биологической функции мужчины как производителя, отца и супруга. Его роль сексуального партнера женщины и одного из двух главных участников в процессе детопроизводства была то ли сведена к ничтожному минимуму, то ли вообще поставлена под сомнение. Возможно, с этим связана и символика минойского костюма, как мужского, так и женского. В то время как мужчины тщательно скрывали наиболее важные признаки своего пола под плотно обтягивающим верхнюю часть бедер передником, женщины, как молодые, так и пожилые, демонстративно выставляли на всеобщее обозрение обнаженную грудь. Они будто подчеркивали свое превосходство над представителями противоположного пола, по своей природе не способными ни к рождению, ни к вскармливанию детей.

Мужчины, изображенные на фресках и в других произведениях минойского искусства, имеют довольно-таки женственный вид. В большинстве своем они тщательно выбриты. Их волосы уложены длинными прихотливо вьющимися локонами. У них такие же тонкие талии, как и у женщин. Они почти столь же кокетливы и так же любят украшения.

Там, где представители обоих полов оказываются в близком соседстве друг с другом, их можно различить только по расцветке лиц.

Вполне вероятно, что природная мужская драчливость и любовь к авантюрам в минойском обществе искусственно сдерживались. Существовали лишь две возможности демонстрации удали и молодечества – кулачные бои и так называемые игры с быками – тавромахия. Оба эти весьма популярных на Крите и на всей территории, охваченной влиянием минойской цивилизации, вида атлетических состязаний заключали в себе какой-то не доступный нашему пониманию магический «подтекст» и входили в обязательную программу наиболее важных религиозных празднеств. Поэтому их изображения, в особенности сцены тавромахии, представлены почти во всех жанрах минойского искусства. Насколько позволяют судить эти изображения, игры с быками в их минойском варианте были сопряжены со смертельным риском для их участников и едва ли обходились без серьезных человеческих жертв. Вполне вероятно, что их конечной целью было умилостивление божества, которому в процессе состязания предоставлялась возможность выбора угодной ему кровавой жертвы. Тем не менее, трагический исход такого рода представлений, как правило, остается скрытым от нас.

Женщины явно не хотели уступать пальму первенства представителям «сильного пола» даже и в этих своеобраз-

ных «корридах», требовавших от их участников огромной физической выносливости, силы, ловкости и отваги. На известной «фреске тореадора» из Кносского дворца мы кроме мужчины-акробата, совершающего рискованный прыжок через быка, видим также двух девушек, одетых по мужской моде в короткие передники с туго стянутыми на талии поясами и легкие полусапожки. Одна из них ухватилась руками за направленные прямо на нее бычьи рога с явным намерением последовать за своим партнером, повторив тот же «смертельный номер». Другая, похоже, уже приземлилась сзади от быка после удачно выполненного сальто и теперь в радостном возбуждении наблюдает за действиями своих товарищей по «команде». Кносская фреска ясно показывает, что в минойской тавромахии женщины отнюдь не довольствовались исполнением чисто вспомогательных функций наподобие ассистентов матадора в испанской корриде. Они отважно вступали в смертельно опасную схватку с разъяренным животным наравне с мужчинами. Уже само по себе это свидетельствует о необычайно высоком, даже непозволительном, по понятиям почти всех древних народов, уровне активности критских женщин, их чрезвычайной уверенности в себе и обостренном чувстве собственного достоинства. Первооткрыватель Кносса А. Эванс не сомневался: «Прыжок через быка олицетворяет неистовый экстаз, характерный именно для религий, где почитают материнские божества».

Однако было бы ошибкой полагать, что единственным

стимулом, который заставлял их выходить на арену, было обычное честолюбие или жажда самоутверждения. Поскольку тавромахия представляла собой своего рода священнодействие, было бы логично предположить, что женщины просто не хотели уступать мужчинам это важное средство общения с потусторонним миром.

Платон и Плутарх утверждали, будто критяне называли свою страну не отечеством, землей отцов, а землей матерей. А немецкий историк культуры Э. Корнеман писал: «Кто однажды стоял перед настенными росписями критских дворцов с изображениями массовых сцен, где женщина показана в различных ситуациях на равных правах с мужчиной и, больше того, можно увидеть, как женщины сами в мужской одежде, с одним передником на бедрах активно участвуют в религиозных играх с быком или каких-то гимнастических празднествах, тому уже давно ясно, что здесь жил своей жизнью мир, отличный от тех поздних времен греческой классики, когда женщине под страхом смерти запрещалось смотреть на состязания обнаженных мужчин в Олимпии».

Так, может быть, действительно можно говорить о «минойском» матриархате? Сторонники такого взгляда на особенности критской цивилизации относят ее к категории «несостоявшихся цивилизаций» или к большой древнеевропейской «цивилизации богини».

«Минойский матриархат» может быть понят как защитная реакция древнего общества на слишком быстрые для

него перемены. Оно нуждалось в тормозе, который мог бы хоть сколько-нибудь замедлить это движение. Эту потребность могли еще более усилить стихийные катаклизмы вроде великого землетрясения рубежа XVIII–XVII вв. до н. э., обратившего в развалины чуть ли не все критские дворцы и поселения. Такие события обращали вспять, к своим истокам, и без того уже травмированное сознание минойцев, вынуждали его к отказу от сомнительного и опасного будущего во имя надежного, не раз проверенного прошлого.

В этой обстановке женщины, как наиболее консервативная и традиционно мыслящая часть общества, и смогли выдвинуться на первый план жизни. Привязанные к своим домашним очагам и детям, да и чисто физиологически ограниченные в своей деятельности, они пользовались огромным авторитетом как главные блюстительницы культов земных божеств, которые, по понятиям древних, несли основную ответственность за землетрясения и другие стихийные бедствия. Это давало им возможность контролировать поведение своих мужей и братьев, сдерживать их чрезмерный азарт, жажду нового и склонность к авантюрам и тем самым тормозить слишком быстрое движение общества по пути исторического прогресса. Может быть, в этом следует видеть одну из основных причин недоразвитости или неполноценности самой минойской цивилизации. Минойские женщины, стремясь сохранить привычный уклад жизни, сознательно культивировали в обществе инфантильность мужчины.

Впрочем, едва ли стоит порицать за это минойских женщин. Ведь именно их мудрой опеке над представителями противоположного пола обязаны мы тем, что созданная ими культура стала едва ли не самым прекрасным из побегов на древе истории древнего Средиземноморья.

Еще об одной особенности минойского искусства следует упомянуть в связи с положением женщины в критском обществе. Минойское искусство знало только один вид движения – движение в пространстве, но почти совершенно не знало движения во времени. Минойские художники почти не замечали или не хотели замечать даже простого чередования событий. Создается впечатление, что ощущение исторического времени было вообще им незнакомо, оставаясь где-то за пределами их жизненного опыта. Если в искусстве стран Древнего Востока фиксирование исторических событий было важнейшей задачей, источником образов и вдохновителем творческого процесса начиная уже с древнейших времен, то в искусстве Крита не встречаем произведений на исторические сюжеты.

Среди фресок Кносского дворца трудно найти хотя бы одну композицию, запечатлевшую какой-нибудь важный или второстепенный эпизод из истории правящей династии и всего государства. По существу, здесь нет ни исторических событий, ни исторических личностей. Изображенные на фресках сцены из так называемой придворной жизни едва ли могут быть привязаны к какому-то определенному хро-

нологическому моменту или периоду. Участвующие в них персонажи («дамы» и «кавалеры») настолько похожи друг на друга, что едва ли могут быть названы по именам. Все происходящее в этих сценах существует как бы вне времени, т. е. вечно и неизменно повторяясь в годичных циклах религиозных празднеств. Здесь явно господствует восприятие времени как замкнутого круга, в котором все постоянно возвращается к исходной точке, прошлое и настоящее как бы слиты в одно застывшее целое, а будущего вообще нет. Очень трудно найти хотя бы намек на какие-то конкретные исторические события также и в других дошедших до нас произведениях минойского искусства. Столь обычные в древневосточном – египетском, шумеро-вавилонском и ассирийском – искусстве сцены битв, осады крепостей, морских экспедиций, царской охоты, прибытия иноземных послов, строительства храмов, транспортировки огромных статуй и т. д. в искусстве Крита практически неизвестны. Исключение составляют только изображения военных и охотничьих эпизодов на вещах, изготовленных минойскими мастерами явно по заказу ахейских правителей Пелопоннеса; найдены они в шахтовых могилах в Микенах.

В связи с этим возникает вопрос о роли царя, монарха, в критском государстве. Минойская монархия остается на удивление безликой. Как бы ее ни представлять: как свирепую и безжалостную тиранию легендарного царя Миноса или же как справедливую и благодетельную власть кносского

«царя-жреца», некогда возникшую в воображении А. Эванса, оба этих взгляда при отсутствии по-настоящему «читабельных» письменных источников пока не удается подтвердить с помощью имеющихся археологических данных.

Конечно, известные сейчас дворцы-храмы Кносса, Феста и других минойских центров вполне могли выполнять функцию парадных резиденций «священного царя» или, может быть, нескольких таких царей (если предположить, что Крит еще не успел стать вполне централизованным государством). Выделение так называемых жилых покоев царя и царицы в восточном крыле дворца все еще остается не доказанным реальным фактом. Но ни размеры дворцов, ни величие их архитектуры, ни богатство и великолепие их внутреннего убранства сами по себе еще не могут служить прямым подтверждением дошедших до нас в античной мифологии сведений об исключительном могуществе критского Миноса или Миносов. В действительности мы не знаем, кем был главный обитатель даже самого большого Кносского дворца: самодержавным деспотом наподобие египетских фараонов, «конституционным монархом» вроде царей Угарита или же просто безвольной и безвластной марионеткой в руках клики придворной знати, как японские императоры эпохи сёгуната. Мы все еще не можем с уверенностью сказать, кому на самом деле принадлежали «царские знаки» вроде уникальных образцов парадного оружия, открытых при раскопках дворца в Маллии, кто восседал на алебастровом «троне Ми-

носа» в тронном зале Кносского дворца и кто был похоронен в так называемой храмовой усыпальнице близ Кносса. До нас не дошло ни одного надежного изображения «царствующей особы». По разным причинам переоценке подверглись практически все те произведения искусства, в которых Эванс и другие ученые его поколения склонны были видеть если не настоящие портреты неведомых нам критских царей, то, по крайней мере, их условно обобщенные изображения.

Конечно, трудно смириться с мыслью, что цари Крита были настолько слабы и ничтожны, что даже их придворные художники совершенно ими не интересовались и не пожелали запечатлеть для потомства их облик. К тому же то, что изображения царей в минойском искусстве отсутствуют, можно истолковать и так: особа царя почиталась настолько священной, что простые смертные были лишены возможности ее лицезрения даже в виде картин или статуй. Эта последняя догадка позволяет понять, почему фигура царя не находит места в произведениях фресковой живописи, украшавших дворцовые залы или парадные покои домов богатых горожан и открытых для публичного обозрения. Может быть, такие изображения встречаются на вещах, которые использовал сам царь или близкие ему люди?

Одним из таких предметов может считаться стеатитовый сосуд из «царской виллы» в Айя Триаде, известный в науке под условным обозначением «кубок принца» или – в другом варианте – «кубок вождя». Стенки сосуда украшает ре-

льефная композиция, состоящая из двух сюжетно связанных между собой сцен. Их общий смысл разными авторами объясняется по-разному. Артур Эванс был убежден, что мужская фигура с длинными волосами и жезлом или, может быть, копьем в повелительно вытянутой вперед руке изображает «юного минойского принца», который, стоя перед воротами своей резиденции, отдает распоряжения «офицеру своей гвардии». Почтительно вытянувшийся перед своим повелителем «офицер» держит в одной руке меч, а в другой загадочный предмет, который Эванс квалифицировал как «очистительное кропило». В его понимании меч и кропило были на Крите двумя главными атрибутами и символами верховной власти царя-жреца, одновременно светской и духовной. Эту мысль Эванс удачно подкрепил ссылкой на одну из своих находок – цилиндрическую печать из Кносса. На ней изображена женщина, по всей видимости богиня. В одной руке она держит типично минойский меч в виде рапиры, а в другой – тот же самый предмет, что и в левой руке «офицера» на кубке из Айя Триады, т. е. «кропило». Странное только на первый взгляд присвоение богиней царских регалий, по мысли Эванса, становится вполне объяснимым, если предположить, что она почиталась на Крите как небесная или, может быть, подземная покровительница царя-жреца, а он – как ее представитель на земле.

К сожалению, замечательный английский археолог не счел нужным расставить все точки над «i» и смысл сцены,

представленной на сосуде из Айя Триады, остался нераскрытым. Не объяснил он и второй части рельефной композиции, находящейся на другой стороне сосуда и изображающей трех мужчин, облаченных в странные широкие одеяния вроде кавказских бурок. Эванс предположил в свойственной ему экстравагантной манере, что одеяния эти представляют собой не что иное, как шкуры африканских слонов, доставленные юными охотниками на Крит и, видимо, преподнесенные в дар царю.

Есть и другие объяснения сюжетов рельефов кубка из Айя Триады: по мнению некоторых исследователей, они изображают кульминационный момент торжественного жертвоприношения во дворце. Слуги преподносят царю только что содранные шкуры жертвенных быков, причитающиеся ему как персоне, то ли воплощающей в себе божество, то ли являющейся его главным представителем на земле. Бык почитался на Крите как священное животное, может быть, как воплощение одного из главных божеств минойского пантеона, и поэтому его участие в изображенной на кубке сцене, хотя бы только в виде свежесодранной шкуры, наполняет всю композицию особым смыслом. Кроме того, определенным образом обработанные бычьи шкуры использовались для изготовления больших щитов в виде восьмерки. Щиты эти ценились не только сами по себе как важнейшие элементы защитного вооружения минойских воинов, но еще и как очень значимые для набожного критянина священные символы. В

минойском искусстве они постоянно сочетаются с двойными топорами-лабрисами, так называемыми рогами посвящения и другими культовыми элементами. Учитывая все это, нетрудно догадаться, что царь в этой сцене выступает одновременно в двух главных своих ипостасях: верховного жреца, выполняющего ключевые роли в общегосударственных религиозных церемониях, и верховного главнокомандующего критской армии, осуществляющего высший надзор над экипировкой своих воинов.

Некоторые из трактовок изображений на кубке просто удивляют. Так, известный греческий археолог Спиридон Маринатос предположил, что изготовивший этот маленький пластический шедевр камнерез имел в виду всего-навсего детскую игру в войну. На эту мысль его натолкнули будто бы отрочески свежие лица изображенных на кубке персонажей. Еще одна интересная гипотеза: сцена, представленная на кубке из Айя Триады, в обеих своих частях изображает церемонию инициации или посвятительный обряд, совершаемый над мальчиками-подростками их предводителем-юношей или молодым мужчиной, старшим и по возрасту, и по статусу. Страбон в «Географии» рассказывает о воспитании подрастающего поколения у критских дорийцев, о жизни мальчиков в так называемых агелах, о курьезном обычае умыкания мальчиков их уже взрослыми возлюбленными. После продолжавшегося около двух месяцев сожительства где-нибудь в лесу за городом похититель должен был

подарить похищенному воинское одеяние, чашу и быка. Обряд посвящения, таким образом, состоит в одаривании похищенного мальчика (так называемого офицера) его возлюбленным – молодым аристократом (так называемым принцем). В сцене на кубке такими дарами могут считаться меч и предмет, напоминавший Эвансу кропило, в руках у «офицера», а также шкуры трех, очевидно, уже принесенных в жертву быков, которые несут на своих плечах юноши, изображенные на том же сосуде, но с другой стороны.

На этом эпизоде Страбона построена и вторая версия, более правдоподобная: две фигуры, противостоящие друг другу в основной сцене, изображают, соответственно, юношу – предводителя агелы («офицера») и его непосредственного начальника («принца»), отдающего распоряжения относительно только что принятых в агелу неофитов (фигуры, закутанные в бычьи шкуры, в другой части той же композиции).

Однако искусству минойского Крита изображение бытовых сцен вообще неизвестно. Сюжеты большинства произведений минойского искусства относятся, скорее, к разряду священных или мифологических. В центре внимания художника, как правило, находятся события общегосударственного масштаба, иногда происходящие на земле, иногда в мире богов, но не эпизоды из чьей-то частной жизни. Тем более, «кубок принца» был найден на территории так называемой царской виллы в Айя Триаде, то есть в здании официального характера, как и дворцы Феста или Кносса. Само место на-

ходки дает основание предполагать, что мастер, изготовивший кубок, имел в виду нечто более значительное, чем прием новых подростков в компанию «скаутов» или же куртуазную сцену из жизни молодых аристократов.

Это допущение подтверждают два важных момента: во-первых, это характерная поза «принца» и, во-вторых, предметы, которые держит в обеих руках стоящий перед ним «офицер». «Принц» стоит в очень характерной позе: повелительно вытянутая вперед правая рука с жезлом или копьем, согнутая в локте левая рука, фронтально развернутое туловище при показанных в профиль голове и ногах, длинные ниспадающие на спину волосы. Эта поза точно соответствует канону изображения божества или же человека, приравненного к божеству. Предметы в руке «офицера» не могут быть не чем иным, кроме как атрибутами царской власти. Странный предмет в левой руке «офицера», принятый Артуром Эвансом за «очистительное кропило», в действительности может быть истолкован и по-другому: либо как бич, либо как крюкообразный жезл. Оба эти символа власти присутствуют на портретных изображениях египетских фараонов начиная уже с эпохи Древнего царства. Странно, что Артур Эванс, всегда настойчиво искавший и находивший в минойской культуре элементы египетского происхождения, не обратил внимания на это сходство. Ведь ссылка на него могла бы стать гораздо более весомым аргументом в поддержку его египетской гипотезы. Крюкообразный царский жезл

(так называемый калмус) был известен также и у хеттов. Он фигурирует в описаниях различных религиозных обрядов в хеттских священных текстах. На хеттских барельефах царь почти всегда изображается с калмусом в руке. Известно, что минойский Крит имел достаточно тесные, хорошо налаженные контакты как с Египтом, так и с царством хеттов, и, следовательно, минойцы могли заимствовать свою религиозную и государственную символику как в той, так и в другой стране. Египетский вариант в данном случае кажется более предпочтительным, так как загадочный предмет в левой руке «офицера», пожалуй, больше напоминает эластичный кожаный бич, чем твердый деревянный или металлический жезл. На уже упоминавшейся цилиндрической печати из Кносса с изображением богини, вооруженной мечом и, по всей видимости, тем же самым «кропилом», его сходство с бичом не вызывает никаких сомнений.

Человек с прямым жезлом в руке должен быть признан царем, хотя совсем не обязательно видеть в нем самого легендарного Миноса. Человек, застывший перед царем в позе, выражающей беспрекословное повиновение, может считаться одним из его приближенных, например придворным сановником. Но почему в таком случае этот персонаж держит в руках два главных атрибута царской власти – меч и бич, находясь не позади царя, что было бы более или менее понятно? Слуга должен нести за своим повелителем принадлежащие ему регалии, либо чтобы просто избавить его от лиш-

ней тяжести, либо чтобы освободить его руки для каких-то важных манипуляций. Почему же он стоит прямо перед царем? Объяснение, вероятно, может быть только одно: в следующий момент сановник должен вручить своему монарху его священные знаки, и это будет означать, что именно теперь он становится царем в самом прямом и точном значении этого слова. Иными словами, перед нами – не просто выхваченный наугад эпизод придворной жизни, а сцена вступления на престол нового царя.

В эту схему хорошо вписываются также и бычьи шкуры, изображенные на противоположной стороне кубка. Судя по тому, что группа юношей, несущих эти шкуры на своих плечах, помещена художником на заднем плане, как бы за кулисами этого маленького спектакля, им еще предстоит сыграть некую важную роль в его следующем акте, после вручения царю символов его власти.

В древности было распространенным представление о том, что перед вступлением на престол царь должен прежде всего очиститься от всей накопившейся в нем скверны. В самой церемонии очищения у многих древних народов часто использовались шкуры жертвенных животных – быков или баранов, как правило, только что содранные. Человек, нуждающийся в очищении, должен был встать на шкуры босыми ногами или опять-таки босиком пройти по полу святилища, устланному шкурами. Считалось, что шкуры при этом впитывают в себя скверну, как грязь или влагу.

В 1983 году в Хании (западный Крит) была сделана сенсационная находка. Здесь среди руин минойского поселения, погибшего в огне пожара, был открыт совершенно уникальный слепок с печати с изображением города или, быть может, дворца. На его кровле среди «рогов посвящения» гордо высится монументальная мужская фигура, своей позой и характерным жестом вытянутой вперед руки со сжатым в ней длинным жезлом напоминающая фигуру юного царя на «кубке принца». Мнения ученых, впервые увидевших этот слепок, сразу же резко разделились. Одни готовы были видеть в изображенной на нем загадочной фигуре царя, другие полагали, что это может быть только божество. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что это «Владыка города». Простирая вперед руку с жезлом, «Владыка» как бы принимает под свое державное покровительство и опеку лежащий у его ног город, но и сам при этом утверждается в своем праве на высшую власть. Неведомый нам критский резчик сумел на таком ограниченном пространстве впечатляюще передать всю торжественность момента царского апофеоза. Исполненная грозного сверхчеловеческого величия фигура «Владыки города» невольно вызывает в памяти зловещий и трагический образ легендарного Миноса.

Конечно, было бы преждевременно пытаться сделать на основании этой находки сколько-нибудь далеко идущие выводы относительно царской власти на Крите. Трудно удержаться от мысли, что наши представления о ней ограниче-

ны крайней скудостью имеющейся в нашем распоряжении информации. Вероятно, не все критские цари были ничего не значащими марионетками, послушно выполнявшими все прихоти и капризы правящей клики придворных жриц. Возможно, и среди них время от времени появлялись люди, наделенные сильным героическим или тираническим темпераментом, сумевшие проявить себя как доблестные воители или как мудрые законодатели. Недаром главными атрибутами царствующей особы на Крите считались меч воина и бич пастуха.

Но нельзя сбрасывать со счета странную анонимность царской власти. Если справедливо предположение о сознательном запрете на изображения царской персоны, то это свидетельствует об осознании минойцами огромной священной значимости личности царя как представителя Великой богини или, по меньшей мере, ее верховного жреца и главного посредника между миром богов и миром людей. Стремление как можно более надежно застраховать этого гаранта всенародного процветания и благоденствия от каких бы то ни было вредоносных влияний могло натолкнуть на мысль о необходимости сокрытия его священной особы от праздного любопытства толпы, что и привело к изъятию этой темы из репертуара минойских художников. В Египте и в некоторых других странах Древнего Востока развитие идеи привело к прямо противоположному результату, т. е. к публичной демонстрации царского величия, в том числе и средствами

«монументальной пропаганды». Но на Крите этого не произошло. Почему?

Возможно, будь в нашем распоряжении письменные источники, мы смогли бы ответить и на этот вопрос, и на многие другие. Но без них самые поразительные вещественные памятники безмолвны.

Критская письменность – еще одна загадочная страница истории великой цивилизации.

…Казалось, ничто не предвещало того, что этот день станет столь важной датой в истории изучения прошлого народа, стоявшего у колыбели европейской цивилизации. В летний сезон 1908 года итальянская археологическая экспедиция, с середины 80-х годов XIX столетия работавшая в южной части острова Крит, вела раскопки царского дворца на акрополе древнего города Феста. И вот вечером 3 июля Луиджи Пернье, исследуя культурный слой в одном из подсобных дворцовых помещений, обнаружил вместе с табличкой, исписанной известным уже тогда критским линейным письмом, памятник дотоле неизвестной письменности. Это был небольшой по размерам диск из хорошо обожженной глины, имевший диаметр 1,8—16, см и толщину 1,6–2,1 см. Сформованный вручную без помощи гончарного круга, он имел не совсем правильную геометрическую форму. С обеих сторон подобно причудливому узору его покрывала спирально идущая надпись. Она была составлена из множества аккуратно нанесенных на керамическую поверхность рисуноч-

ных знаков. Знаки эти объединялись в группы, выделенные прямоугольными рамками или, точнее, заключенные в отдельные ячейки. Под последними знаками в некоторых группах имелась странная косая черта, напоминавшая вираму – особый значок индийского слогового письма. Богатая древностями земля Крита подарила исследователям новый уникальный памятник и одновременно загадала им очередную загадку, причем пока самую трудную.

Фестский диск сразу породил массу вопросов. И первым был, конечно, вопрос о его происхождении. Специалисты ломали головы над тем, где следует искать место изготовления таинственного диска: на самом острове или за его пределами? Ясно было только одно: исходя из имевшихся к моменту его обнаружения в распоряжении ученых данных, не приходилось сомневаться в том, что этот памятник вполне мог появиться на Крите.

Наибольшее количество критских надписей записано на глиняных табличках так называемым линейным письмом Б. Расшифровать его пытались более сорока лет. Главную трудность в расшифровке создал не кто иной, как сам Артур Эванс. Он сделал очень многое для разгадки минойской письменности: определил слоговой характер некоторых знаков письма Б, распознал в исписанных табличках хозяйственные документы, расшифровал цифровые обозначения на этих табличках, указал на связь критской письменности с другими письменными системами Средиземноморья. Но

Эванс предпочитал работать самостоятельно, на правах первооткрывателя задержал публикацию материалов и, таким образом, сделал их недоступными для других ученых. Кроме того, ученый полностью исключал возможность того, что язык надписей линейного письма Б окажется греческим, каковым он на самом деле и был. Авторитет Эванса был так велик, что никто не осмеливался оспорить его мнение. Даже тогда, когда в Пилосе (юго-запад Пелопоннесского полуострова), легендарной столице мудрого старца Нестора, участника Троянской войны, американский археолог Карл Блеген нашел сразу 600 табличек, написанных письмом Б, ученые сочли их привезенными с Крита.

Неудивительно поэтому то, что решение проблемы критской письменности стало возможным, к сожалению, уже после смерти сэра Артура Эванса. Он умер на Крите в 1941 году, накануне немецкой оккупации острова. В 1951 году профессор Беннет опубликовал пилосские таблички, и уже через год молодой английский ученый Майкл Вентрис, архитектор по образованию, дешифровал линейное письмо Б.

Вентрис занимался этой проблемой больше десяти лет. Долгое время он был уверен, что языком этих табличек был этрусский язык. Во всяком случае, он и мысли не допускал (авторитет Эванса!), что им может оказаться греческий. Но этрусский язык никак не хотел вписываться в «сетку» изменяющихся окончаний слов, которую составил Вентрис. И тогда ученый решил посмотреть, как в эту «сетку» впишется

греческий. Результат оказался невероятным: греческий язык подошел как нельзя лучше!

Майкл Вентрис погиб в 19 6 году в автомобильной катастрофе в возрасте 34 лет. Его колоссальный труд завершил один из лучших знатоков древнейших греческих диалектов, доктор Кембриджского университета Джон Чэдуик.

Благодаря дешифровке линейного письма Б, многие знаки которого почти или полностью совпадают по начертанию со знаками линейного письма А, удалось прочитать подавляющее большинство надписей последнего. Но понять при этом прочитанные тексты не удается, так как невозможно установить родство языка минойцев ни с одним из известных древних или современных языков. А следовательно, невозможно найти близкие по смыслу и звучанию слова. Кроме того, надписей на языке линейного А мало, в несколько десятков раз меньше, чем на языке линейного Б, а имеющиеся – очень краткие.

На фестском диске представлен третий вариант критской письменности. Десятилетия упорной работы исследователей, трудившихся над его дешифровкой, не пропали даром. Хотя они и не увенчались решающим успехом, но все же позволили значительно продвинуться вперед в изучении этого уникального памятника.

Прежде всего удалось наконец установить истинное происхождение диска и его письменности. Этому особенно помогли две важнейшие находки археологов. Проводивший в

1934—193 годах раскопки пещерного святилища в Аркалохори (центральный Крит) выдающийся греческий ученый Спирос Маринатос нашел здесь медную литую секиру с выгравированной на ней надписью, содержащей знаки, полностью идентичные тем, что встречаются на фестском диске. В 1970 году был опубликован происходящий из Феста оттиск на глине знака, тождественного знаку 21 (по нумерации, принятой учеными) письменности диска.

Постепенное накопление новых археологических материалов дало возможность утверждать: неразгаданная письменность фестского диска имеет местные критские корни, причем даже те знаки, которые раньше рассматривались как свидетельства иноземного происхождения диска. Например, знак 02 – «голова, украшенная перьями». Артур Эванс сравнивал его с изображениями корон из перьев на шлемах воинов-филистимлян с древнеегипетских рельефов, которые на несколько столетий моложе фестского диска. Но при раскопках одного из горных святилищ на востоке Крита были найдены глиняные головы подобной формы. Кроме того, имеются изображения фантастических полулюдей-полуживотных, связанных, по-види мому, с солнечным культом, с такими же зубчатыми гребнями и клювообразными носами, как и у знака 02. Все это дало возможность сделать вывод о том, что знак «голова, украшенная перьями», есть не что иное, как смешанный образ человека и петуха – священного животного на Крите, бывшего атрибутом верховного божества.

Знак 24 («пагодообразное здание») одно время сопоставляли с деревянными домами жителей Ликии, страны на юго-западе Малой Азии. Однако куда большее сходство с этим знаком обнаруживают критские многоэтажные здания, изображение которых имеется на оттиске печати из Закроса (Восточный Крит).

О знаке 06 («женщина») А. Эванс отзывался, как о резко контрастирующем с обычным обликом минойских придворных дам. Но выяснилось, что знак 06 изображает вовсе не человеческое существо, а богиню-бе-гемотиху Таурт (греческая Тоэрис), почитание которой было заимствовано из Египта и существовало на Крите задолго до создания фестского диска, причем богиня на этом рисунке изображена в характерной критской женской одежде.

Так разрешилась проблема знаков письменности диска, считавшихся ранее некритскими по происхождению. Теперь практически для всех знаков, встречающихся на диске, могут быть подобраны прототипы, принадлежащие целиком к несомненно минойским сюжетам. Само спиральное расположение надписи не чуждо и критскому линейному письму А, и напоминает об излюбленном орнаментальном мотиве в искусстве древних критян.

Вопрос о том, в каком направлении следует читать надпись на диске, справа налево или слева направо, т. е. от края к центру или наоборот, также можно считать решенным окончательно. Уже один из первых исследователей фестско-

го диска, Алессандро делла Сета, указал на то, что развертывание надписи, как нескончаемой череды рисуночных знаков, идет против часовой стрелки: сначала по краю диска, затем лента надписи в конце первого витка спирали «натыкается» на его начало и резко «перепрыгивает» во второй ряд, начиная следующий виток. К тому же на обеих сторонах диска перед крайней ячейкой с внешнего конца спиральной ленты нанесено по пять крупных точек, которые могут быть истолкованы как указывающие на слова, стоящие в начале строки.

Последним и самым убедительным аргументом в пользу чтения надписи справа налево явились рассуждения о том, как чисто технически выполнялось нанесение отдельных знаков на диск. Выяснилось, что когда миниатюрные матрицы накладывались на поверхность сырой глины не совсем ровно, то их оттиски получались более глубокими с левой стороны. Следовательно, древнекритский художник-«печатник», штампуя надпись, действовал левой рукой. А работать таким способом было удобно, и даже единственно возможно, только в том случае, если знаки последовательно наносились справа налево. При обратном его направлении мастер, печатавший текст, неизбежно сам создавал бы себе практически непреодолимые трудности в своей тонкой работе. Левой рукой, державшей штамп, он совершенно заслонял бы предыдущие, уже нанесенные на глину знаки и терял бы всякую возможность аккуратно и в правильном порядке

ставить новые оттиски в туго скрученную для большей компактности спиральную надпись. А раз написание текста производилось справа налево, то таковым должно было быть и его чтение (иначе пришлось бы допустить, что вопреки всякому здравому смыслу и в пику прочим наборщикам всех времен и народов критский мастер имел обыкновение начинать набор текста с последнего печатного знака).

За годы исследований было предложено множество вариантов прочтения текста фестского диска, но ни один из них не был признан всеми специалистами. Вот один из наиболее аргументированных вариантов: «Сакавипи правитель, в Кноссе царь, собрал? (освятил власть?): Са…нор(а) правителя, в Амнисе а-…-dI (наименование сана); Саяпис(и), правителя Тилисса; Са… – нас(и), правителя Ви…нон(и); Сатетот(а), правителя По…; Апафатоп (и), правителя Дав(и); Сатур(и) правителя, сына Сааси… правителя, [правителя] Лато; Сатур(и) правителя, сына Апафатоп(и) правителя, [правителя] Дав(и); Сатур(и) правителя, сына Саа…тепи(а) правителя, ja-pri-so-na (наименование сана) в Тилиссе; Сакав(и) правителя, to-na-sI (наименование сана) в Фесте; Сааси…правителя, прорицателя в Фесте; Саунон(и), правителя Амниса; тот(и) правителя, u-pra-a (наименование сана) в Р/Лако…се…»

Толкование этого текста таково: это самая древняя в Европе надпись, посвященная историческим событиям. Содержание ее составляет, скорее всего, священный договор, в ос-

нове которого помещен список правителей отдельных городов Крита. Форма диска напоминает солнечный символ, что заставляет вспомнить о происхождении критских царей от бога Солнца. Видимо, каждый участник договора получил свой экземпляр, это объясняет применение метода штамповки надписи. Что же касается письменности, то высказывается предположение, что это специально введенная письменность сакрального, т. е. священного, характера. Конечно, это всего лишь одна из теорий.

* * *

За свою историю Криту пришлось неоднократно испытать разрушительные землетрясения. Главными их результатами поначалу стало строительство на развалинах Старых дворцов еще более грандиозных и величественных – Новых. Как это ни странно, пережитые критянами стихийные бедствия как будто не только не помешали, но и по-своему способствовали дальнейшему расцвету минойской культуры.

Единое Критское государство с центром в Кноссе окончательно сложилось в 1580–1450 гг. до н. э. Именно тогда всю заселенную территорию острова охватывает густая сеть дорог, безопасность которых охраняли устроенные через определенные интервалы сторожевые посты. централизация власти достигает своего максимума. В обширных кладовых Кносского дворца скапливаются колоссальные продо-

вольственные запасы и огромное количество всевозможных ремесленных изделий, которые в виде собираемых с населения натуральных податей поступают сюда из разных уголков острова. Все поступления в царскую казну, по-видимому, строжайшим образом учитывались с помощью большого штата специальных чиновников.

В других крупных критских городах дворцовые кладовые также были наполнены заготовленными впрок съестными припасами и изделиями ремесла. Критяне выращивали пшеницу, просо, ячмень, чечевицу и горох, виноград и оливки, пряности, лен и шафран (из него делали высококачественные красители), занимались садоводством и огородничеством, разводили крупный рогатый скот, овец и коз (лошадь впервые появляется на острове не ранее середины XVI в. до н. э.). Занимались и древнейшими промыслами – рыболовством и охотой, бортничеством.

Подвластные Криту заморские земли, в первую очередь острова Эгейского моря, тоже вносили свою лепту в укрепление могущества гегемона. Значительная часть ценностей поступала в кладовые критских дворцов, вероятно, в качестве дани. Как раз в это время устанавливается знаменитая «талассократия Миноса» – полное господство критского флота в Восточном Средиземноморье, сделавшее Крит мировой державой. Во времена могущественного фараона-завоевателя Тутмоса III (152 —1473 гг. до н. э.) критяне, в отличие от многих других народов, на равных общаются с египтяна-

ми, поддерживают с ними регулярные дипломатические отношения.

Очистив воды прилегающих морей от пиратов, кносские владыки открыли своим торговым кораблям свободный путь во все стороны света. Великолепные изделия критских ремесленников проникали на восток до Месопотамии (на территорию нынешнего Ирака), на запад – до Пиренейского полуострова. Они часто встречаются при раскопках на севере Балкан и в Египте. В обращении появились первые примитивные деньги – медные слитки определенного веса в виде бычьей шкуры. Архитектура и изобразительное искусство на Крите достигают наивысшего расцвета.

Кносская держава находилась на вершине своего могущества, когда стихийное бедствие нанесло минойской цивилизации жестокий удар.

Весь густо населенный мифологический мир богов и героев Эллады имел для греков вполне определенные точки отсчета – грандиозные катаклизмы. Первым из них считался потоп, который относили ко времени сына Посейдона Огига, царствовавшего над древнейшими народами Беотии в Фивах еще до появления там легендарного Кадма. После Огигова потопа новое расселение людей началось с Аргоса – города на полуострове Пелопоннес. Постепенно земли, ставшие впоследствии эллинскими, заняли потомки Форонея, сына реки Инаки – «первого человека, владевшего Пелопоннесом». царившие затем потомки Форонея и их подданные

были уничтожены, по мнению греков, следующим, Девкалионовым, потопом, названным так по имени сына Прометея Девкалиона. Огигов потоп мало интересовал греческих мифографов и историков, поскольку это была история древнейшего, догреческого населения. Некоторые авторы даже и не узнали об этом потопе, а полагали, что управляемый Огигом народ вымер от чумы. Комментатор Платона, излагая платоновскую теорию повторяющихся катастроф, упоминает об Огиговом потопе как о первой на памяти греков гибели человечества. Никаких подробностей при этом он не приводит. Подробности, хотя и незначительные, мы находим в труде римского антиквара I в. до н. э. Варрона «О римском народе». Передавая содержание этого несохранившегося произведения, христианский автор Августин сообщал, что при Огиге изменила свои размеры, цвет и путь Вечерняя звезда (Венера), видимая в дневное время. Другой христианский автор, Евсевий, располагавший не дошедшим до нас хронографическим сочинением Кастора, датировал Огигов потоп временем за 260 лет до Девкалионова. Вот и все, что донесла до нас греко-римская традиция.

Девкалионов потоп, напротив, вызывал самый живой интерес. Согласно мифу, впервые изложенному Геллаником в сочинении «Девкалиония», весь мир – от долин до горных хребтов – был залит потоками воды, и лишь сына Прометея фессалийца Девкалиона и его жену Пирру пощадили боги, чтобы не прекратилась жизнь на земле и не перестали небо-

жители получать от людей положенные им жертвы. Девять дней и ночей носило по морю плот с этой единственно уцелевшей парой, пока не прибило к одной из горных вершин Средней Греции – Парнасу. Так рассказывали большинство древних, и лишь сицилийские авторы уверяли, что плот пристал к сицилийской Этне.

После того как Девкалион и Пирра принесли благодарственные жертвы (одни утверждали – Зевсу, другие – Фемиде, чей храм уцелел у подножия Парнаса), боги дают им совет, как возродить человеческий род, и, следуя ему, они бросают через голову камни – «кости» матери-земли. Из камней, брошенных рукой Девкалиона, «родилось» новое поколение мужчин, рукой Пирры – женщин.

> «То-то и твердый мы род, во всяком труде закаленный,
> И доказуем собой, каково было наше начало».

Девкалион и Пирра оставили на земле потомство: дочь Протогенею, о которой греки ничего рассказать не могли, и двоих сыновей – Амфиктиона и Эллина. Амфиктион правил сначала Фермопилами, затем, вступив в брак с дочерью афинского царя Кадма и изгнав его, захватил власть в Афинах, объединил их с Фермопилами и царствовал в течение восьми лет, пока не был свергнут сыном Гефеста и Геи Эрихтонием. После этого греки потеряли его след. Зато Эллина считали родоначальником всех греческих племен, ибо сыно-

вьями его были Эол, от которого пошли эолийцы, Дор, прародитель дорийцев, и Ксуф, чьи сыновья Ион и Ахей дали имя ионийцам и ахейцам.

Греки даже вычислили дату потопа, и в хронике, запечатлевшей знаменательные события с древнейших времен до времени ее составления (так называемой Паросской надписи), он отнесен в переводе на наше летосчисление к 1530 г. до н. э. С этой даты начинается, в представлении греков, не просто новое поколение людей – начинается греческая история с ее многочисленными героями, поставленными у истоков знатнейших аристократических родов. До того мир принадлежал богам, и титанам, и их бессмертному или полубессмертному потомству. Смертные же – все без исключения – «безвестными уходили в мир Аида». Отныне в жизнь вступили поколения, рождавшие героев, соперничавших славой с самими богами. До того на земле с копошившимися на ней ничтожными людьми не совершалось великих событий (разве только в Афинах первому царю Аттики Кекропу довелось стать судьей в известном всем грекам споре между Афиной и Посейдоном за владычество над Аттикой). Отныне же земля превратилась в арену напряженного драматического действия, героями которого были не только и не столько боги, сколько люди, совершавшие совместные походы и индивидуальные подвиги, вступавшие в братские союзы и столкновения друг с другом, с чудовищами и даже с богами.

Опыт Шлимана уже доказал возможность соответствия

между мифом и археологическим материалом. Однако трудно было рассчитывать на археологическое подтверждение исторической основы мифа о Девкалионовом потопе, особенно после того, как в 1930-х годах раскопками в долине Евфрата на огромном пространстве (по крайней мере, 150× 00 км) был выявлен пласт песка и глины, разделивший «допотопный» и «послепотопный» слои близ устья реки несколькими метрами. Это был реальный след гигантского наводнения, породившего шумерский миф об Утнапиштиме, впоследствии заимствованный библейскими авторами и переработанный ими в легенду о Всемирном потопе и спасшемся от него Ное. Хотя значительное отличие греческого мифа и от шумерского, и от библейского ни у кого не вызывало сомнения, исследователи усматривали в нем сильно преобразованный вариант «бродячего» древнешумерского сюжета.

Молодой греческий археолог Спирос Маринатос вряд ли задумывался над этой проблемой, когда в 1932 году начинал раскопки километрах в шести к северу от знаменитого Кносса. Пологий холм, спускающийся к самому морю, привлек внимание тогда еще никому не известного ученого, надеявшегося найти памятники, подобные тем, которые обнаружил в Кноссе Эванс: ведь, по сообщению греческого географа Страбона, именно здесь, у моря, находился Амнисс – порт могущественного владыки Крита Миноса, чья столица Кносс располагалась в глубине острова.

Раскопки оказались успешными: и на вершине холма, и на его склонах стали находить остатки стен, домов, алтарей, расписные глиняные сосуды. Полностью раскопав виллу, украшенную тончайшей работы фресками с изображениями лилий, приступили к работам на северной стороне холма. Начали освобождать от земли обнаруженную у самого моря довольно значительную постройку, относившуюся к концу XVI в. до н. э. Короче говоря, вырисовывался еще один центр времен морского могущества Крита, реальность которого уже доказали блестящие открытия Эванса в Кноссе. Такое открытие само по себе было большой удачей для начинающего археолога. Но если бы Спирос ею и ограничился, его имя затерялось бы в тени славы первооткрывателя критской цивилизации, подобно именам многих других археологов, работавших вместе с Эвансом и после него. Этому помешала находка, связавшая всю дальнейшую судьбу археолога с небольшим островком Фера, лежавшим в 120 кило метрах к северо-востоку от Крита. Открытия на этом островке принесли Маринатосу в конце жизни не менее громкую славу, чем Эвансу раскопки на Крите.

На первый взгляд это даже нельзя было назвать археологической находкой: всего лишь осыпь камней в одном из обращенных к морю помещений северной постройки. Археологи ищут следы деятельности людей, а здесь свой след оставила природа. Камни, не тронутые человеком, обычно сбрасывают в отвал. Так, видимо, и поступил бы рядовой архео-

лог. Но в руках Маринатоса кусок пемзы оказался ключом к одному из самых крупных открытий века.

Пемза – вулканическая порода, а на Крите и в непосредственной близости от него нет ни одного не только действующего, но и потухшего вулкана. Как же попала эта груда камней на северное побережье острова? Если открытия Артура Эванса показали, что в основе мифов о Миносе лежало воспоминание о прошлом могуществе Крита, то почему бы, рассуждал Маринатос, не обрести реальность и мифу о Девкалионовом потопе. Ведь древние относили его как раз к концу того XVI в. до н. э., в слое которого и была сделана необычная находка.

Ближайший вулкан удален от Крита более чем на сто километров. И если воздушная волна могла перенести выброшенную вулканом породу на такое расстояние, какова же была мощь извержения?! Какова была сила землетрясения и величина поднятого им вала, обрушившегося на острова и побережья Эгеиды?!

Когда на небольшом островке Кракатау, лежащем в Тихом океане между Явой и Суматрой, в августе 1883 года произошло извержение, о нем долго писали газеты и журналы всего мира как о самой крупной катастрофе века. Пар, образованный хлынувшей в кратер водой, разорвал остров и взметнул 50 тысяч кубометров раскаленных каменных обломков и песка на тридцатикилометровую высоту. Остатки острова разбросало на расстояние до 2 тыс. км. Земля и море на

многие километры покрылись метровым слоем пепла и были окутаны мраком, а гигантская волна-цунами докатилась до Южной Америки, принеся гибель почти 40 тысячам человек. От Кракатау до Америки несколько тысяч километров. Что же должно было твориться на островках Эгейского моря, когда похожим образом пробудился вулкан Феры! Ведь до самого дальнего из островов Эгеиды, Крита, было всего 420 километров, а до Фессалии, которую мифы связывали с именем Девкалиона, немногим менее двухсот.

В 1934 году, через два года после находки на критском побережье пемзовых камней, Спирос Маринатос впервые высказал идею, что катастрофу, в результате которой в конце XVI в. до н. э. погибли критские

дворцы, вызвало извержение вулкана на Фере. Пока это была только гипотеза. Чтобы проверить ее правильность и убедить других, ему следовало, временно переквалифицировавшись в геолога, изучить вулканическую деятельность Кракатау и сопоставить ее с геологическими условиями Феры. К тому же нужно было доказать, что жизнь на Фере прервалась именно в конце XVI в. до н. э., то есть одновременно с разрушениями на Крите, известными по раскопкам А. Эванса. Следы этой жизни в конце прошлого века обнаружили французские, а затем и немецкие археологи, но не сумели датировать случайно открывшийся слой – они отнесли его к значительно более позднему времени. Находки французов и немцев не вызвали интереса в научном мире. Даже точное

место французских раскопок было забыто. Все пришлось бы начинать сначала… Но для этого С. Маринатос должен был выбить средства, убедить научный мир, спонсоров, власти в том, что раскопки на безвестном вулканическом островке важны и могут пролить свет на древнейшую историю знаменитого Крита.

Греческое правительство охотно выделяло средства для работ на Балканском полуострове, Крите или на островах Эгейского моря, считавшихся перспективными. Но оно совсем не стремилось поощрять «фантазии» начинающего археолога. Однако Маринатос не сдавался. Он тщательно изучил еще несколько вулканов, напоминавших ферский, что позволило ему с большей уверенностью сопоставлять последствия извержения на Кракатау и на Фере. Он детально ознакомился со всеми археологическими отчетами, связанными с раскопками на Крите и Фере, после чего счел себя вправе опубликовать в 1939 году в одном из ведущих научных журналов Англии статью «Вулканическое разрушение минойского Крита», в которой обобщил археологический и геологический материал, касавшийся гибели критских дворцов в конце XVI в. до н. э. Маринатос доказывал прямую связь между извержением вулкана на Фере и критской катастрофой.

Ученому удалось не только рассчитать, что мощь извержения на Фере вчетверо превышала мощь извержения на Кракатау, но, главное, восстановить геологическую картину

катастрофы. Дополненная и уточненная впоследствии греко-американскими геологическими изысканиями, она такова.

Когда началось извержение и раскалившийся кратер вулкана заполнился водой, взрывом пара выбросило чуть ли не втрое больше камней и пепла, чем это было на Кракатау. На месте горного массива с вулканом, на 2 километра возвышавшимся над уровнем моря, осталась плоская коса протяженностью 11 километров. Бóльшая часть острова превратилась в кратер гигантских размеров. И этот кратер, и то, что осталось от острова после катастрофы, покрылись многометровым слоем белой пемзы и красноватого пепла. Удушливые газы, пепел и пожары почти полностью уничтожили жизнь, по крайней мере, в радиусе до 170 километров. Взрыв острова сопровождался к тому же двадцати-тридцатиметровой волной-цунами, которая, довершив разрушения, смела крупные города восточной и северной части Крита, не говоря уже о мелких портовых городках Кикладских островов.

Было невероятной смелостью выступать на родине Эванса с гипотезой, по-новому осветившей одну из самых загадочных страниц критской истории. Первооткрыватель критской цивилизации, чей авторитет для англичан был незыблем, ревниво относился ко всем публикациям о Крите. Может быть, поэтому редактор счел необходимым предварить статью С. Маринатоса комментарием, в котором подчеркивалось, что редакция не разделяет точки зрения ее автора,

идущей вразрез с мнением Эванса.

Археологи и историки встретили статью о гибели Феры с равнодушным недоверием. Зато геологи проявили к ней живой интерес. Действительно, на вулканическую деятельность Феры никогда не обращали особого внимания, тогда как несравнимо менее мощные вулканы Везувия, Этны и даже крошечного островка Стромболи близ берегов Сицилии были изучены тщательнейшим образом. Возможно, так случилось потому, что кратер древнего вулкана с поднимающимися из моря отвесными краями ни формой, ни размером не был похож на кратер: диаметр этой огромной чаши достигал 11 километров (между тем вулкан Кракатау, считавшийся до тех пор одним из наиболее грандиозных в мире, имел пятикилометровый кратер).

Греческие, американские, шведские геологи подхватили идею Маринатоса. Исследования, прерванные Второй мировой войной, возобновились сразу же после ее окончания. В 1946–1947 годах шведская подводная экспедиция обнаружила на дне моря у северного берега Крита мощный слой пепла. Химический анализ показал, что он аналогичен пеплу вулкана Феры.

Теперь уже и многим историкам мысль о связи извержения вулкана Феры с критскими разрушениями перестала казаться фантастической. Они внимательнее присмотрелись к руинам критских дворцов и поселений. Под новым углом зрения было исследовано несколько близлежащих островков

Эгейского моря. В результате обнаружилось, что одновременно на Крите и островах Эгейского моря угасло более сорока очагов жизни. Эта серия катастроф, казавшихся раньше изолированными, совпадала по времени с катастрофой на Фере.

Когда в 1967 году Маринатос приступил наконец к раскопкам Феры, от них уже ждали успеха. Ученый высадился на острове до начала археологического сезона, чтобы наметить место для предстоящих работ. Предстояло решить, где искать столицу этого небольшого островка. На мысу Акротири, близ крошечной современной деревушки Феры, где вяло и безрезультатно вели раньше раскопки французские археологи, или восточнее, где немецкая экспедиция открыла руины какого-то дома? До прибытия на остров, готовя план экспедиции, Маринатос склонялся ко второму варианту. Однако после тщательного исследования острова его мнение изменилось, и он решил начинать с Акротири. «Непосредственное изучение местности, когда красноречиво говорит сама природа, гораздо полезнее и надежнее, чем “археология письменного стола”», – писал он много лет спустя в дневнике. Интуиция археолога подсказала ему, что главный город острова должен лежать на южном побережье.

Раскопки начались в мае 1967 года, а уже через два года было ясно, что Фера может стать эгейскими Помпеями. Маринатос организовал на острове международный конгресс, посвященный вулкану, и вынес свое открытие на суд археo-

логов, историков и геологов. Из-под двойного слоя пемзы и пепла на глубине от трех до семи метров перед глазами участников конгресса показался город, жизнь в котором оборвалась около 1520 г. до н. э.

На пятый год раскопок перед археологами уже лежал город эпохи бронзы, современный минойскому Кноссу, Маллии, Фесту. И хотя город был небольшой, его постройки оказались в основном двух– и даже трехэтажные. Самая значительная из них, скорее всего святилище, состояла из ряда помещений разной величины, некоторые из них были сплошь заполнены культовыми предметами – жертвенными расписными столиками исключительно тонкой работы, сосудами, амулетами. Открылись и великолепные фрески.

В домах раскопанного города обнаружено большое количество сосудов, в основном местного производства, реже критских. По художественному уровню местная керамика не уступает критской. Так же, как критяне, жители Феры украшали свои сосуды растительным орнаментом, но был у них и собственный излюбленный сюжет – ласточка, приносящая на своих крыльях весну. Найдены в городе и предметы домашнего обихода, вернее, пустоты, образовавшиеся в пепле на месте истлевшего дерева, которые после заливки их гипсом дают точные слепки кроватей, табуретов и другой мебели, служившей жителям острова до дня катастрофы.

С самого начала раскопок археологи стремились оставить после себя музей, а не разграбленные руины. Все сохраняли

по возможности на местах, чтобы создать впечатление живого города. А между тем условия работы связывали ученых дополнительными трудностями. Город нельзя было раскапывать, как обычно: сверху можно было расчищать лишь те здания, которые сохранились до двух-трех этажей и находились на глубине не более трех метров. Остальная часть города лежала на глубине 9—11 метров. Метра на два ее покрывал слой пемзы, а затем на 7–9 метров шла масса вулканического пепла. В этом пепле, очень эластичном и прочном, археологи прокладывали шахты и тоннели и таким образом находили улицы, переулки, дома. В шахты, окружавшие раскапываемые строения, вставляли металлические опоры, на которых закрепляли крышу. Частично секции такого рода крыш делались прозрачными. Поскольку к концу каждого сезона раскопанная часть города оказывалась под крышей, это обеспечивало сохранность фресок – их можно было оставлять на месте. Фрески этого здания ничуть не менее выразительны, чем во дворцах Крита, и даже более разнообразны по сюжетам. Здесь и стадо голубых обезьян, карабкающихся в гору, и испуганно озирающиеся антилопы, и панорама весны с парящими в воздухе ласточками, и торжественное шествие празднично одетых женщин с дарами в вытянутых руках, и дети, занятые кулачным боем. Удивительны росписи так называемого Западного дома, особенно поражает техника фрески-миниатюры. На шестиметровой полосе развернуто целое действие. Перед нами три города – один из них

критский, судя по типичным для критских дворцов рогам. Здесь же изображены две реки и флотилия из множества кораблей, украшенных гирляндами, видимо, в знак победы. Флотилия входит в гавань. Женщины и дети с балконов и крыш домов приветствуют корабли высоко поднятыми руками.

С техникой фрески-миниатюры археологи встречались и раньше, в критских дворцах, но та, что найдена на Фере, не только самая крупная из всех нам известных, но, может быть, и самая совершенная. Особенной тонкостью и точностью отличалась рука одного из мастеров, трудившихся над ее созданием, ведь некоторые рисунки имеют линии толщиной с волос. А по углам комнаты, украшенной этой фреской, почти в натуральную величину изображены два рыбака. Один из них сохранился полностью. Это юноша с тонкой, как на критских изображениях, талией и с широкими, повернутыми в фас плечами, с некоторым удивлением рассматривающий свой улов.

К 1972 году стало ясно, что на некогда процветающий центр в течение полувека обрушились две катастрофы. В середине XVI в. до н. э. город пострадал от сильнейшего землетрясения и превратился в руины, его отстраивали заново. Во многих домах к старым полуразрушенным стенам были пристроены новые, намного более тонкие; иногда новую стену возводили рядом со старой.

Разрушенный город быстро возрождался. По тому, как

много его обитатели построили добротных домов сразу после землетрясения, можно судить о процветании острова. Большой военный флот тоже говорит о его могуществе. В случае необходимости корабли использовались в торговых целях – недаром археологи находят вместительные сосуды, какие обычно размещали на палубах торговых судов. Флот этот представлен не только на упоминавшейся уже фреске-миниатюре. На одной из фресок из того же Западного дома изображен большой военный корабль с шестью каютами. Над их люками высятся шесты, поддерживающие шлемы, украшенные бычьими рогами. Художник тщательно выписал фигуру кормчего с огромным веслом в руках, гребцов, капитана, выглядывающего из каюты, над которой поднято вместо одного два шлема. Судя по размерам корабля, он совершал дальние плавания. Фрески дают представление о маршрутах таких плаваний. Среди городов, изображенных на фреске-миниатюре, есть критский (археологи узнали его по характерному украшению архитектуры – двойным бычьим рогам) и африканский (с пальмами возле домов). О тесных контактах с городами дельты Нила говорят изображенные на обеих фресках шесты с символами египетской богини Буто – пучками переплетенных лилий. Такой же символ – и над каютой капитана на фреске с кораблем. Идет ли речь о каком-то политическом союзе Феры с Египтом или только об определенном религиозном влиянии, сказать трудно. Непонятно и то, почему предпочтение отдано символике Египта,

а не Крита, с которым Фера была связана намного теснее.

Итак, жизнь Феры только вошла в обычную колею, как вновь проснулся вулкан. После новой катастрофы уже некому было возрождать город. Да это было бы и невозможно: многометровый слой пемзы полностью скрыл следы жизни.

После землетрясения, которое можно было бы датировать примерно 1580 г. до н. э., и после обрушившейся на Феру катастрофы (около 1520 г. до н. э.), основные критские центры с их великолепными дворцами возродились. Полное запустение Закры, Маллии, Феста, Кносса произошло не одновременно, а приблизительно полстолетия спустя после извержения вулкана на Фере и гибели ее населения – между 1470 и 1450 гг. до н. э. Именно тогда все города северного и восточного Крита оказались разрушенными настолько, что подняться из руин смог только Кносс. Остальные же центры, покинутые жителями, впоследствии превратились в платформы для новых поселений, где обитали уже другие народы.

Сначала такое несовпадение было воспринято большинством исследователей как противоречие, разрушающее теорию Маринатоса. Однако после внимательного изучения пепла на Фере выяснилось, что он покрывает остров двумя одинаковыми по химическому составу слоями. На нижнем слое успела появиться эрозия. Значит, между двумя событиями – прекращением жизни на острове и последним пробуждением вулкана – прошло не менее полувека. Правда, многие

исследователи не были убеждены этим доводом и обращали внимание на то, что в руинах критских городов никакого пепла не оказалось. Но это легко объяснить, если учесть, что раскопки велись главным образом в то время, когда никому не приходило в голову связывать критское разрушение с извержением далекого вулкана Феры. Зато «молчание» критских руин полностью компенсировали многочисленные пробы вулканического пепла, поднятые со дна моря в ходе морских геологических экспедиций. Экспедиции обследовали морское дно в радиусе примерно 150 км к северу, западу и югу от Феры и по крайней мере на расстоянии 600 км к востоку от нее. Ни к северу, ни к западу, ни к югу от острова ни один лот не поднял пепла, зато к востоку результаты превзошли самые смелые ожидания. Наиболее мощный слой залегания пепла (212 сантиметров!) был обнаружен в 150 км к востоку от Феры, на расстоянии 50 км от Родоса. И почти на той же долготе, в 50 км от восточной оконечности Крита, толщина пепельного слоя уменьшилась до 78 см, а на расстоянии 100 км к югу, по другую сторону от Крита, слой пепла, став тоньше почти в 20 раз по сравнению с максимальным залеганием, составил всего лишь 4 см.

Вероятнее всего, пепельный ураган несся на восток. Только этим можно объяснить то, что в 500 километрах восточнее Феры слой пепла достигал 4,5 сантиметра и лишь в 600 километрах уменьшился до 0,5 сантиметра.

Радиокарбонным методом установлено, что пепел, кото-

рый залегал возле Крита и Родоса, и тот, что на 600 км был удален от места катастрофы, образовался в одно и то же время – около 1390 (с погрешностью в 60 лет) года до н. э. Значит, относить его следует не к первому, гибельному для Феры, а ко второму извержению, сопровождавшемуся более разрушительным уже для более крупного Крита землетрясением. Тем же временем была датирована пемза, обнаруженная в послевоенные годы на островах Эгейского моря, на побережье Малой Азии и даже на территории Македонии. Более того, выяснилось, что пемзу, найденную Маринатосом в 1932 году в Амниссе, следует отнести к первой половине XV в. до н. э.

Эти три катастрофы, произошедшие с интервалом в 50 лет – около 1580, около 1520, около 1460 гг. до н. э., – для греков Балкан должны были слиться в единое воспоминание. А может быть, в Балканской Греции действительно катастрофические последствия имела лишь одна из них.

В созданной греками картине Девкалионова потопа навстречу обрушившемуся с неба ливню устремились вышедшие из берегов потоки. Видимо, тридцатиметровая, как подсчитал Маринатос, волна, сопровождавшая извержение вулкана около 1520 г. до н. э., двигалась в сторону Балканского полуострова – цунами обычно имеет одно направление. Будь это направление «критским», небольшой остров был бы сметен.

К тому же волна была неизмеримо ниже, чем во время

гибели Феры, и не могла вызвать ощущения глобальной катастрофы ни у населения Крита, ни тем более у населения Балкан. Зато более сильным был пепельный ураган. Но туча вулканического пепла неслась не в сторону Греции, а на восток, задевая краем египетское побережье. Поэтому не случайно исследователи стали усматривать в библейском предании о «тьме», окутавшей землю, отголосок реальных последствий ферской катастрофы. Это та самая «тьма египетская», которую библейские авторы связывали с так называемым исходом евреев из Египта. «Осязаемая тьма», «густая тьма», в которой «не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня», – подобная картина, рисуемая библейским автором, не могла быть вызвана солнечным затмением, зато она живо напоминает описание очевидцем намного более слабого извержения Везувия, погубившего в августе 79 г. н. э. близлежащие Геркуланум, Помпеи и Стабии. Очевидец – Плиний Младший, известный писатель и политический деятель Рима, друг знаменитого историка Тацита.

Семнадцатилетним юношей он пережил катастрофу, находясь километрах в тридцати от вулкана, в небольшом городке Мизен, расположенном на мысу близ Неаполя. В зрелые годы он по просьбе Тацита в письме к нему описал свои впечатления. Сначала, по его словам, над Везувием нависла огромная черная туча, прорезаемая гигантскими зигзагами и лентами пламени. Опустившись на землю, она окутала море и скрыла от глаз перепуганных жителей Мизена сосед-

ний остров Капри и сам мизенский мыс. Людей, пытавшихся покинуть сотрясаемый подземными толчками город, настигал густой мрак, разливавшийся по земле подобно потоку. «Наступила темнота, не такая, как в безлунную или облачную ночь, а какая бывает в закры том помещении, когда огни потушены… Пепел сыпался частым, тяжелым дождем. Мы все время вставали и стряхивали его, иначе нас засыпало бы и раздавило под его тяжестью». Когда мрак начал понемногу рассеиваться, «превращаясь как бы в дым и туман», «все предстало изменившимся глазам еще трепетавших людей. Все было засыпано, словно снегом, глубоким пеплом». И от этой огромной массы пепла, покрывшего в Помпеях слой обрушившихся на город пемзовых камней двухметровой пеленой, на дне Неаполитанского залива нет и следа. В Мизене же пепел не обнаружен не только на морском дне, но и в земле. Значит, пепельный ураган, вызванный извержением на Фере, был неизмеримо сильнее даже на расстоянии сотен километров от вулкана.

Во время извержения Везувия тучи смешанного с пылью пепла носились в Риме, застилая солнце, и достигли берегов Африки. Можно себе представить, какими для Египта были последствия катастрофы на Фере! Впрочем, коснулись они, скорее всего, только дельты Нила. К тому же пепельный дождь был устрашающим, но отнюдь не гибельным. Даже Крит, лежащий гораздо ближе к вулкану, чем Египет, пострадал в основном от землетрясений и пожаров, вызванных

долетавшими с Феры раскаленными камнями. Похоже, что лишь на северном берегу, в Амниссе, здания были не только разрушены подземными толчками, но и раздавлены тяжестью навалившихся на них пемзовых камней и пепла.

Именно после этого последнего разрушения происходит на Крите смена населения. Данные археологических исследований на островах Эгейского моря говорят о том, что XVI–XV вв. до н. э. были временем, когда ахейские племена Балканского полуострова пришли в движение. Они постепенно расселяются – сначала на северную часть Кикладских островов, затем до самого Кипра; центры ахейской культуры обнаружены на Делосе, Кеосе, Паросе, Наксосе, Мелосе.

Бедствие, обрушившееся на Крит, благоприятствовало проникновению туда ахейцев, поскольку ослабило население острова, сделав его неспособным к активному сопротивлению. Уничтожение критской державы с ее могущественным флотом образовало вакуум, который вскоре заполнили обитатели юга Балканского полуострова, значительно менее пострадавшие от бедствия. Они переправились на Крит и заняли его разрушенные и опустевшие города и дворцы. Об изменении состава населения на Крите мы знаем из предания, которое записано Геродотом со слов пресиев, считавших себя потомками первых обитателей острова и бывших свидетелями переселения новых народов, главным образом эллинских. Геродот также сообщает, что Крит дважды опустошался катастрофами и долгое время оставался безлюдным.

При ахейцах дворцовые комплексы Феста и Маллии превратились в сельские поселения. Обширные залы кносского дворца с помощью внутренних перегородок были превращены в небольшие комнаты, а двери замурованы. Значительно примитивнее стала керамика. На смену линейному письму А, которым пользовались минойцы, пришло линейное письмо Б, передавшее древнейший диалект греческого ахейского языка. Изменился погребальный обряд: вместо захоронений в глиняных саркофагах появились скальные гробницы.

Те же перемены, судя по историческим преданиям, коснулись и другого острова Эгеиды – Родоса. Диодор Сицилийский, использовавший родосскую легендарную традицию, сообщает о трех периодах в истории острова. До первого катастрофического наводнения Родос был заселен «детьми моря» тельхинами, прославившимися многими полезными изобретениями, ревностным почитанием статуй богов и умением предугадывать природные бедствия. Предвидя катаклизм, тельхины заблаговременно покинули остров и поселились в Малой Азии. Остальное население погибло, ибо Родос был полностью покрыт водой. Когда вода отступила, обнажились горы, а низменная часть острова превратилась в сплошное болото. Тем временем Гелиос, совершавший по небу свой каждодневный путь, направил на Родос свой пылающий взгляд. Болото высохло, и возродилась жизнь. Наряду с птицами и животными появились семеро юношей и их сестра Электриона. Это были гелиады, «дети солнца», вто-

рое, «послепотопное» население Родоса. С них на острове началось почитание отца всего живого Гелиоса. «Дети солнца», согласно Диодору, превзошли «детей моря» в познании тайн природы – они постигли звездное небо, а кроме того, разделили сутки на часы, усовершенствовали мореплавание, открыли письменность. Всему этому, в отличие от тельхинов, скрывавших свои знания, гелиады научили людей. Но и эта культура была уничтожена гигантским наводнением, случившимся после непрерывных дождей. И вновь пришлось начинать все сначала. Греки даже забыли, что при «детях солнца» владели письмом, и были уверены, что грамотой они обязаны финикийцу Кадму.

Взгляды современных ученых совпадают с картиной, которую рисуют мифы в обработке авторов эллинистической эпохи. Некоторые удивительные совпадения археологических данных с мифами говорят о том, что в античности знали о крито-микенской культуре больше, чем это принято думать. Например, постоянные «морские» мотивы, характерные для росписей сосудов минойской эпохи, отражающие роль моря в жизни обитателей доахейского Крита, могут служить иллюстрацией к рассказу о «детях моря», а письменность «детей солнца», впоследствии забытая греками, предвосхищает открытие документов линейного письма в Кноссе.

Конечно, античным авторам, пользовавшимся мифами как историческим источником, минойская эпоха представ-

лялась лишь в общих чертах. Но благодаря подвижникам археологии древнейшая история эгейского мира предстала перед нами в той полноте, о какой не смели и мечтать древние мифографы.

Катастрофа, уничтожившая минойскую цивилизацию, давно перестала быть легендой. А что случилось с населением острова? Погибло ли оно или уступило место новым хозяевам Кносского дворца? А может быть, кто-то успел спастись и начал новую жизнь на одном из бесчисленных островов Эгейского моря? Из тумана веков появляется другой большой остров – не в Эгейском, а в Тирренском море, Сицилия.

С Сицилией связано несколько легенд, свидетельствовавших о контактах ее древнейших жителей с населением Восточного Средиземноморья: бегство с Крита в Сицилию Дедала и преследование его Миносом, погибающим в выстроенном Дедалом неприступном Камике; путь Геракла из далекой Иберии с быками Гериона; высадка на крайнем западном берегу Сицилии беглецов из Трои. Часть из них, смешавшись с местными жителями, сиканами, положила начало народу элимов, другая – во главе с Энеем, пройдя через Сицилию, осела в Италии. Одиссей плавал в омывающих Сицилию морях, побывал в стране лестригонов и на островах циклопов, Кирки, Каллипсо, Эола.

Первая из этих легенд, связывающая Крит с Сицилией, стоит особняком среди преданий, созданных греческой фан-

тазией о Крите. Ведь в большинстве легенд критского цикла мы видим отражение самой блестящей поры в древнейшей истории острова. А к тому времени, о котором начинает повествовать история Дедала, Крит уже стал малопримечательным регионом эллинского мира.

Миф о Тесее – первый намек на приближающийся закат критского морского владычества. К нему примыкают и другие предания о критских неудачах. Геракл по пути в страну амазонок побеждает на Паросе правящих там сыновей Миноса и забирает двух его внуков взамен двух своих спутников, убитых на этом острове. Примерно тогда же аргонавты, проплывая мимо Крита, уничтожают медного великана Талоса, забрасывавшего камнями всех, кто приближался к острову с враждебными намерениями. Один из малоизвестных вариантов мифа, трактующий сюжет освобождения Афин от власти Миноса, прямо связывал конец критского морского могущества с созданием флота в Афинах. Согласно этой версии, которую Плутарх взял у какого-то более раннего автора, в Афины с Крита бежал на корабле Дедал, и Минос пустился за ним в погоню на больших кораблях. Но буря занесла Миноса в Сицилию, где он и закончил свои дни, а его сын потребовал от афинян выдачи Дедала, грозя умертвить взятых отцом афинских заложников. Правивший тогда Афинами Тесей пошел на хитрость. Вступив в переговоры с новым царем Крита, он построил, между тем, флот и двинул его к берегам острова. Критяне, не подозревавшие о существовании

кораблей у соперников, приняли их за дружественный флот и не препятствовали высадке. Заняв гавань, Тесей устремился к критской столице Кноссу и там, у ворот Лабиринта, убил в сражении царя и его телохранителей. Власть перешла в руки Ариадны, и Тесей, заключив с ней мир и вечный союз, освободил находившихся на Крите сограждан.

Согласно общепринятому варианту мифа, в период правления Миноса держава его, несмотря на отдельные неудачи, не утратила своей мощи. Не случайно художник и строитель Дедал, которого насильственно удерживал Минос, не мог покинуть остров, и лишь воздух – единственная неподвластная людям стихия – открыл ему путь к свободе. Это было последнее свидетельство о силе Миноса. А дальше наступает конец могущества Крита. О нем повествует предание о походе Миноса в Сицилию вслед за непокорным художником и его гибели в неприступном Камике, возведенном Дедалом для местного царя Кокала.

Первый дошедший до нас пересказ этой легенды сохранился в труде Геродота в неожиданной связи с Саламинским сражением: афиняне обратились к критянам с призывом к участию в общеэллинской борьбе с персами; те, прежде чем дать ответ, отправили послов в Дельфы, и пифия напомнила жителям острова, что эллины в свое время не помогли отомстить им, за смерть их царя Миноса на Сицилии. Приведя ответ оракула, историк комментирует его рассказом о сицилийской истории критского царя. Минос достигает в поисках

Дедала Сицилии (носившей тогда еще название Сикания по населявшему ее народу сиканов), а через некоторое время за ним в ту же Сиканию отправляются почти все критяне, кроме полихнитов и пресиев, и осаждают Камик. Не сумев, несмотря на пятилетнюю осаду, взять город, критяне покидают остров. Смерть Миноса, подробности которой Геродот не сообщает, он датирует третьим поколением до Троянской войны. Продолжая рассказ о дальнейшей судьбе попавших на Сицилию критян, историк пишет, что критские корабли были уничтожены бурей и вместо родины уцелевшие участники похода оказались в Южной Италии, где дали начало роду мессапиев.

Фукидид, считавший критскую талассократию Миноса реальным историческим фактом, ничего не сообщает о Миносе в Сикании, как и о Дедале и Кокале. Это не означает, что Фукидид не знал предания. При нем постановка на афинской сцене трагедии Софокла «Камикейцы», вызывавшая самые живые ассоциации с катастрофической неудачей сицилийского похода самих афинян, сделала сюжет популярным. Поэтому игнорирование его афинским историком показывает, что он не считал поход Миноса реальностью.

Другие греческие авторы отнеслись к мифу с бóльшим доверием. О прибытии Дедала к царю сиканов Кокалу рассказывают Филист и Эфор. Гераклид Понтийский в своей «Минойской политии» связывает изменение старого названия сицилийского города Мака на новое – Миноя с тем, что в

этом городе высадился Минос и побежденные варвары приняли здесь критские законы. Аристотель, разбирая критское государственное устройство, сообщает о нападении Миноса на Сицилию и о его гибели в Камике. Филостефан, а также Каллимах в «Причинах» повествуют о том, что Дедал, прибыв в Камик, ожидал сына у дочерей Кокала, которые и убили с помощью кипятка явившегося туда в погоне за Дедалом Миноса.

В I в. до н. э. к этому сюжету обращается Диодор в посвященных Сицилии главах своего труда. Он рассказывает о бегстве Дедала с Крита, о его деятельности в земле сиканов и о гибели настигшего его там Миноса, перечисляет приписываемые гению Дедала островные сооружения. Среди них – возведенный для Кокала неприступный город Камик, узкий и извилистый вход в который могли охранять три-четыре воина; туда, в царский дворец, Кокал смог перенести свои богатства. Из остальных творений, сохранившихся, по словам Диодора, до его дней, он называет бассейн в окрестностях города Мегары, через который несла свои воды в море река Алабон; пещеру в области Селинунта, куда отводились пары горячих подземных источников, дававших целебное тепло; изваяние барана из золота, посвященное Афродите Эрицинской, а также, добавляет историк, «много… других искусных сооружений в Сицилии, которые разрушились за давностью лет». Минос же, по словам Диодора, узнав, что Дедал находится в Сицилии, двинулся туда со значительным вой-

ском и, причалив в районе Акраганта, потребовал выдачи мастера. Кокал, пригласив Миноса, обещал выполнить это требование, но во время разговора с гостем вылил на него кипяток, после чего передал тело критянам, объяснив смерть несчастным случаем. Воины торжественно погребли своего царя, которому была воздвигнута монументальная гробница, соединенная с храмом Афродиты, где многими поколениями ему воздавались почести, пока при расширении Акраганта в V в. до н. э. ее не разрушил Ферон, отдавший затем критянам обнаруженные внутри останки.

Излагает историк и судьбу оставшегося без предводителя критского войска: поскольку служившими у Кокала сиканами были сожжены критские корабли, критяне, лишенные надежды вернуться на родину, остались на Сицилии. Часть из них осела в городе, названном по имени царя Миноей, часть, продвинувшись в глубь острова, заняла укрепленное место, основав там город Энгий, в дальнейшем прославившийся храмом Матерей, культ которых напоминал критский. Правда, другие греческие авторы столицу Кокала называют не Камиком, а Иником.

При всех отличиях деталей мифа в изложении сохраняется костяк, сводящийся к простому сюжету: Дедал бежит от Миноса и прибывает в царство Кокала; Минос, настигнув беглеца в столице Кокала Камике (или Инике), погибает. Кроме того, Геродотом и Диодором к этому сюжету добавлен рассказ о судьбе критского войска, прибывшего на

Сицилию вслед за критским царем (согласно Геродоту) или вместе с ним (согласно Диодору) и вынужденного остаться в западных землях (в Южной Италии – по Геродоту, в Сицилии – по Диодору) из-за гибели кораблей (по версии Геродота, уничтоженных бурей, по версии Диодора – местными жителями).

Что касается судьбы Крита после гибели Миноса, то о ней сообщает Геродот, излагая предание, услышанное им от потомков тех самых пресиев, которые не участвовали в сицилийском походе: на опустевший остров переселились другие народы, главным образом эллины. И датирует он это событие временем за три поколения до Троянской войны. Близкую хронологию дают и другие легенды, единодушно связывая конец критской талассократии с концом жизни Миноса, отодвинутой от Троянской войны на те же три поколения (Приам и Нестор, бывшие совсем юными в момент победы Геракла над сыновьями Миноса, стали глубокими старцами ко времени Троянской войны; современники старости Миноса – отцы или деды участников сражений под стенами Трои).

После возвращения критян, бывших союзниками Менелая, утверждает Геродот, остров вторично опустел из-за начавшегося там мора, и современное Геродоту население Крита, по его мнению, – это уже третий поток переселенцев, объединившийся с остатками прежних обитателей острова. Они ничем не напоминали сподвижников Миноса или героев Троянской войны и были известны как жители острова,

ничем не при мечательного, кроме разве что некоторой отсталости по сравнению с остальным эллинским миром.

Когда в ходе раскопок Артура Эванса далекое прошлое Крита начало «возвращаться» из легенды в реальную историю, связанные с ним мифы, вписавшись в общую картину крито-микенской эпохи, прекрасно дополнили археологический материал. Это позволило в самих этих мифах увидеть своеобразный исторический источник, хотя и нелегкий для понимания. И общая картина, воссозданная творцами мифов, и отдельные вплетающиеся в нее предания оказались стоящими на твердой почве фактов.

Итак, Сицилия дала приют осколку того, что осталось от критского могущества. Это могло быть в начале XIV в. до н. э., когда Крит вступил в новую фазу своего существования – фазу ахейскую; и вместе с остальными ахейцами, как повествует предание, три поколения спустя новое критское население участвовало в грандиозном по тем временам совместном предприятии греков – Троянской войне, которую аэды украсили столькими невероятными подробностями.

Основным условием благополучного развития цивилизации на Крите было его островное положение. Именно оно обеспечило минойцам долгие годы спокойствия – Крит не подвергался вторжениям извне. Египтяне, возможно, были слишком заняты; с севера долгое время вероятность вторжения была исключена. Но все изменилось в смутные времена окончания бронзового века. На материке пришли в дви-

жение индоевропейские племена. Некоторые из них проникли на Крит уже после упадка Кносса; они оказались прилежными поселенцами и занялись земледелием в долинах, а коренных жителей загнали в небольшие одиночные поселения, где они со временем навсегда покинули подмостки мировой истории. Ирония судьбы – лишь за два или три столетия до этого культура Крита оказывала огромное влияние на греческую, и остров навсегда остался в представлении греков таинственным затерянным золотым краем. Сведения о минойской культуре проникли на материковую Грецию вместе с ахейцами, которые вторглись в XVIII–XVII вв. до н. э. на территорию Аттики и Пелопоннеса и основали там селения и города. До наших времен сохранились материальные символы критского влияния на ахейскую культуру – укрепления на возвышенных частях городов (акрополи). По уровню своего развития ахейцы изначально были намного ниже покоренных ими народов, хотя у них и были боевые колесницы. На собственном опыте познавшие насилие и войны, в отличие от жителей острова (в частности и потому, что они не были защищены морем и испытали притеснение со стороны других племен на своей родине, откуда пришли), ахейцы надежно укрепили города и возвели своеобразные замки. Это была военизированная цивилизация. Время от времени пришельцы выбирали места для городов, которые спустя много лет превратились в центры греческих городов-государств. Среди них были Афины и Пилос. Это были небольшие горо-

да, самые крупные из них насчитывали не более нескольких тысяч жителей. Один из самых могущественных центров – Микены – дал имя цивилизации, которая в конечном счете продолжила свое существование в середине II тыс. до н. э. в бронзовом веке.

Микенская цивилизация оставила после себя великолепные золотые реликвии. Записи на кносских и других табличках, найденных в Пилосе на западе Пелопоннеса и датируемых 1200 г. до н. э., наводят на мысль об очень сильном критском влиянии. Но, хотя многое в ахейской Греции и напоминало Крит, это был совсем другой мир. Микенская цивилизация была патриархальной, что характерно для многих индоевропейских племен. Каждый сколько-нибудь значительный город имел царя. Один из них царствовал в Микенах, правя обществом воинов-землевладельцев, в подчинении которых находились арендаторы земель и рабы из числа автохтонного населения. Возможно, он возглавлял своего рода федерацию царей. На эту мысль наводят сведения, полученные из дипломатических записей Хеттского царства, в которых есть указания на существование в микенской Греции подобия политического объединения.

Кроме сведений о царях пилосские таблички содержат материал, позволяющий говорить о существовании жесткого надзора центрального управления над общинной жизнью, а также о наличии четкой иерархии официальных должностных лиц. Не вызывает сомнения, что имелись различия меж-

ду положением рабов и свободных общинников. Нам только не дано узнать, как эти различия проявлялись в повседневной жизни. Не очень много мы знаем и об экономической жизни, которая своими корнями уходит в микенскую культуру, традиционно ориентированную на полное подчинение всей экономики царскому «дворцу», как это было на Крите.

К 1400 г. до н. э. влияние Микен было очень заметно и в материковой Греции, и на островах. Можно даже говорить о единой культуре, хотя существовали языковые различия в виде племенных диалектов, сохранившихся вплоть до времен классической Греции. Микены сменили Крит, утвердив свое торговое превосходство в Средиземноморье. Они основали торговые центры в Восточном Средиземноморье, и с ними считались хеттские правители. Со временем микенские керамические изделия вытеснили критскую керамику, а основанные критянами фактории отошли к микенцам. Микенская империя достигла вершины своего расцвета в XV и XIV вв. до н. э. Кроме всего прочего, этому благоприятствовали ослабление Египта и крушение Хеттского царства. На берегах Малой Азии были основаны колонии Микен, процветала торговля с азиатскими городами, особенно с Троей. Примерно с 1300 г. до н. э. начало нарастать напряжение между последней и греческими городами, и единственным выходом из этого состояния могла быть война. Ахейцы составили основную ударную силу коалиции племен, вторгшихся в Египет в конце столетия, и, по-видимому, это гран-

диозное вторжение завершилось примерно в 1200 г. до н. э., навеки оставшись в памяти как осада Трои.

То, что обозначается термином «смутные времена Эгейского мира», закрыто от нас и так же неясно, как и то, что происходило приблизительно в этот же период на Ближнем Востоке. Когда Троя пала, в материковую Грецию уже началось вторжение новых племен варваров. В конце XIII в. до н. э. крупные центры микенской цивилизации были, по-видимому, разрушены в результате землетрясения, и греков разбросало по разным местам. Так наступил конец микенской цивилизации, хотя и не все ее центры были уничтожены. Но их существование продолжилось уже на гораздо более низком уровне развития. Исчезли царские сокровища, дворцы так и остались не восстановленными. В уцелевших городах обосновались тогда еще менее цивилизованные племена, которые успешно просуществовали тут еще целые столетия; в некоторых местностях коренные жители были изгнаны или превратились в рабов новых завоевателей, индоевропейских племен с севера, продвижение которых началось примерно за столетие до падения Трои. Это нашествие совершенно не походило на прежние, когда завоеватели просто заселяли опустошенные ими земли; на этот раз они принесли с собой уже существующие у них порядки, никак не связанные с микенцами. Эгейский мир распадался, наступал период хаоса. Только перед самым наступлением 1000 г. до н. э. стали вырисовываться смутные очертания нового высо-

кокультурного образования – классической Греции.

Этрусские химеры

История на многих примерах показывает, что развитие каждого народа, каждой культуры идет в соответствии с определенными законами. Почему так получается, пытались объяснить многие, но безуспешно.

Одно из проявлений этой тайны – история древней Этрурии – цивилизации, что расцвела в северной Италии в начале I тыс. до н. э.

Открытие Этрурии, как и многих других государств, произошло совершенно случайно. Весной 1828 года тосканский крестьянин вышел пахать землю. Неожиданно бык, тянувший плуг, провалился в глубокую яму. Вытаскивая быка, крестьянин обратил внимание на то, что провал был чрезвычайно глубоким и расходился куда-то в стороны. Заинтересовавшись, крестьянин взялся за лопату. К вечеру в его руках была целая гора драгоценностей: золотые вазы, кубки, массивные серьги, кольца, браслеты. Яма оказалась древним захоронением. В Тоскане и раньше случались подобные находки, хотя захоронения, как правило, оказывались разграбленными еще в древности.

Находка послужила толчком к вспышке настоящей «золотой лихорадки». Открытием заинтересовался сам Люсьен Бонапарт, князь Канино, родной брата Наполеона Бонапарта. Он разогнал кладоискателей и взял дело в свои руки. Из

нескольких сотен гробниц извлекли около двух тысяч античных ваз, сотни золотых украшений, статуэток, сосудов, кубков, браслетов. Раскопки в Тоскане вызвали интерес не только при европейских дворах, но и в среде ученых. Люсьен Бонапарт продал часть своей коллекции ряду музеев Франции, Англии, Германии, Италии. С этого, по сути, началось научное изучение древностей этрусков – народа, чья культура во многом стала предшественницей культуры Древнего Рима.

Первым был найден некрополь Вульчи, одного из самых богатых и значительных городов древней Этрурии. В последующие годы были открыты другие центры этрусской цивилизации – Тарквинии, Черветери, Кьюзи. Позднее археологи отыскали знаменитые гробницы Барберини и Бернардини в Пренесте, потрясшие мир роскошью найденных здесь золотых изделий и тончайших украшений из слоновой кости. Французский археолог Ноэль де Вержер так описывал открытие одной из гробниц: «С последним ударом кирки камень, закрывавший вход в склеп, разлетелся на куски, и при свете наших факелов мы увидели уходящие вглубь своды, чей покой на протяжении двадцати веков не был никем потревожен. Все здесь находилось еще в том самом виде, как в тот давний день, когда склеп был замурован. Античная Этрурия предстала перед нами такой, какой она была во времена своего величия. На погребальных ложах воины в доспехах, казалось, отдыхали от боев, участниками которых им пришло быть – против римлян или наших предков галлов. Очер-

тания тел, одежды, материи, краски были видны несколько минут, затем все исчезло по мере того, как свежий воздух проникал в склеп, где наши мерцающие факелы едва не погасли из-за отсутствия кислорода. Прошлое восстало перед нами и тут же исчезло, подобно сновидению, исчезло, словно для того, чтобы наказать нас за наше дерзкое любопытство… По мере того как эти хрупкие останки превращались в прах, воздух становился более прозрачным. И тогда мы увидели себя в компании других воинов, на этот раз детищ художников Этрурии. Казалось, в колеблющемся свете наших факелов ожили на всех четырех стенах огромные фрески, украшавшие склеп. Они вскоре привлекли все мое внимание, ибо показались мне самым значительным в нашем открытии…»

Об этрусках сохранились очень скудные сведения. Разные причины привели к тому. Многое из того, что писали древние греки и римляне, погибло. Этрусский язык до сих пор остается «тайной за семью печатями», и о содержании тех немногих этрусских текстов, что чудом сохранились, приходится только догадываться. И главное, этрусская цивилизация, которая постепенно раскрывается перед учеными, оказывается настолько непохожей на другие, уже известные, что не приходится удивляться ни множеству ошибок, допущенных при ее описании греками и римлянами, современниками этрусков, ни нашему нынешнему, чрезвычайно замедленному проникновению в этрусские тайны.

Об этрусках упоминали античные и средневековые авто-

ры. Римский император Клавдий написал историю этого народа. В XV веке монах-доминиканец Аннио де Виттербе создал «Историю этрусских древностей», в XVI – ирландец Томас Демпстер выпустил в свет фундаментальный труд, содержащий свод всех сохранившихся от античности сведений об этрусках, перечень и описание известных в то время этрусских древностей. Об этрусках писали ученые XVIII века. Но только после открытий в Тоскане этрусская цивилизация стала объектом серьезных исследований. И все же, несмотря на десятки лет изучения городов и некрополей, сотни научных работ, история этого народа во многом остается загадочной и непонятной.

Вопрос о происхождении этрусков интересовал еще античных авторов. В V в. до н. э., когда слава этрусков еще не закатилась, греческий историк Геродот, которого называют «отцом истории», записал интересные сведения. В одном из произведений он, описывая главным образом столкновения между греками и персами в первой половине V в. до н. э., сообщил много ценных данных о жизни других современных ему народов, и в том числе о малоазийских лидийцах: «… в царствование Атиса, сына Манея, была большая нужда в хлебе по всей Лидии. Вначале лидийцы терпеливо

сносили голод; потом, когда голод не прекращался, они стали измышлять средства против него, причем каждый придумывал свое особое. Тогда-то, говорят они, и были изобретены игры в кубы, в кости, в мяч и другие, кроме шахматной

игры; изобретение шахмат лидийцы себе не приписывают. Изобретения эти служили для них средством против голода: один день они играли непрерывно, чтобы не думать о пище, на другой день ели и оставляли игру. Таким способом они жили восемнадцать лет. Однако голод не только не ослабевал, но все усиливался; тогда царь разделил весь народ на две части и бросил жребий с тем, чтобы одной из них остаться на родине, а другой выселиться; царем той части, которая по жребию оставалась на месте, он назначил себя, а над выселявшейся поставил сына своего, по имени Тиррен. Те из них, которым выпал жребий выселиться, отправились в Смирну, соорудили там суда, положили на них нужные им предметы и отплыли отыскивать себе пропитание и местожительство. Миновав многие народы, они прибыли наконец к омбрикам, где основали города и живут до настоящего времени. Вместо лидийцев они стали называться по имени сына того царя, который заставил их выселиться; имя его они присвоили себе, и названы были тирренами».

Так звучит самый древний рассказ античного историка о происхождении этрусков. Геродот считал, что этот народ не принадлежал к местному италийскому населению. Тот факт, что именно Геродот упоминает о происхождении этрусков, сам по себе не является чем-то исключительным и не может служить доказательством исторической достоверности версии греческого историка. В древнее время было принято интересоваться происхождением самых различных явлений.

Люди хотели знать, кто основал их город, кто был пра-отцем их народа, кто установил те или иные порядки, и придумывали легендарных героев или объясняли все вмешательством богов. Откуда Геродот почерпнул сведения, которые он излагает? Сам он источника не указывает. Вполне возможно, что он пересказал предание, распространенное в его время.

В древности долгое время господствовала точка зрения, что этруски пришли в Италию с востока. Она подтверждается тем, что практически на протяжении всего античного периода писатели и историки придерживались единого взгляда на происхождение этрусков. Во всех случаях прямым или косвенным источником их сведений был Геродот.

«В этот период в Лидии правили два брата, Лидий и Тиррен; и они после того, как были принуждены к этому неурожаем, бросили жребий, кто из них должен вместе с частью населения покинуть родину. Жребий пал на Тиррена. Он доплыл до Италии и дал земле и ее населению и морю свое имя, которое стало известным и до сих пор сохраняется», – пишет Веллей Патеркул, историк эпохи императора Тиберия (14–37 гг. н. э.).

Корнелий Тацит, живший на рубеже I и II вв. н. э., также использовал сообщение Геродота: «ибо Тиррен и Лид, от царя Атиса рожденные, по причине умножившегося народа разделили его между собою. Лид остался в отеческих землях, а Тиррену предоставлено основать новые селения, и по именам предводителей народ, в Азии поселившийся, наиме-

нован Лидянами, а в Италии – Тирренами…»

Лишь Дионисий из малоазийского города Галикарнаса выступил против версии Геродота. Дионисий жил в Риме в конце I в. до н. э., входил во влиятельную литературную группу и оказал большое влияние на литературную деятельность своего времени. Он написал исторический трактат «Римские древности», в котором проанализировал самую древнюю фазу римской истории от основания Рима до его первого столкновения с Карфагеном, когда римское государство впервые выступило на международной арене как серьезный претендент на гегемонию в западной части Средиземноморья.

Дионисий Галикарнасский подробно описал в своем труде легендарный период римской истории. Он стремился доказать, что родословную римского народа следует вести прямо от греков. Этрусков он упоминает поэтому, только рассматривая историю Греции и Рима и сопоставляя параллельные явления, характерные для развития обоих государств. Тем не менее, приводимые им сведения об этрусках, в том числе об их происхождении, до сих пор представляют немалый интерес.

Дионисий отрицает точку зрения Геродота, ибо, утверждает он, у этрусков не было с лидийцами ни общего языка, ни общих богов, законов или традиций. «Поэтому, кажется мне, правы скорее те, кто считает их местным населением, а вовсе не пришельцами». Споря с Геродотом, Дионисий ссы-

лается и на то, что современник Геродота Ксанф, автор четырехтомной «Истории лидийцев», вообще не упоминает об их переселении в Италию. По версии Ксанфа, сына царя Атиса звали вовсе не Тиррен, а Тореб, и он остался в Малой Азии, где владел частью царства своего отца. По имени Тореба его подданные якобы назывались торебяне, а один из малоазийских городов стал именоваться Тореб.

Свидетельство Дионисия представляет особый интерес, потому что Дионисий знал этрусков и мог слышать их речь. Кроме того, он сам происходил из местности, которая считалась прародиной этрусков. Некоторые современные исследователи называют Дионисия Галикарнасского создателем так называемой «этрусской проблемы». Но если бы отрывок из произведения Дионисия и не дошел до нас, «этрусская проблема» все равно возникла бы – своеобразие этрусского языка, этрусского искусства и всей этрусской цивилизации пробуждает интерес к источнику ее зарождения.

Когда ученые стали собирать и анализировать свидетельства античных авторов, которые могли бы пролить свет на происхождение этрусков, их внимание привлекло одно место в произведении Тита Ливия, позволяющее думать, что в древности, возможно, существовала еще одна точка зрения на этот вопрос: «И альпийские племена, бесспорно, тоже по происхождению этруски, особенно ретии, которые, однако, под влиянием окружающей природы одичали до такой степени, что они не сохранили от старых обычаев ничего, кро-

ме языка, но даже и язык они не сумели сохранить без искажения».

Ретия – область, простирающаяся от Боденского озера до Дуная и включающая нынешний Тироль и часть Швейцарии. Отрывок из Ливия не проясняет вопроса и допускает различные толкования. Одно из них заключается в том, что еще в древности считали, что этруски проникли в Италию с севера по суше и что Ретия была своеобразным промежуточным пунктом на их пути. В отличие от предыдущих теорий, это уже гипотеза современных исследователей.

Прошло много столетий, прежде чем мир снова открыл этрусков, а вместе с древностями этого народа и загадку его происхождения. Наибольшее число сторонников вначале имела теория или, скорее, гипотеза о том, что этруски пришли в Италию с севера.

В XVIII и начале XIX века ученые не располагали широкими познаниями об этрусском народе. Стремясь раскрыть тайну его происхождения, они в основном начинали с того места, где обрывались свидетельства Геродота, Дионисия и Ливия. Высказывание Дионисия казалось им достаточно убедительным и поколебало веру в историческую достоверность рассказа знаменитого Геродота, но в то же время не было столь бесспорным, чтобы устранить все сомнения. Поэтому главным источником сведений, к которому обращались при поисках родины этрусков, стал Ливий.

Сторонники его точки зрения подчеркивали два обсто-

ятельства. Первое – это сходство звучания слов «Ретия» и «расенна» – так называли себя этруски. Второе – тот факт, что в придунайской ретийской области были обнаружены надписи, сделанные этрусскими буквами на языке, похожем на язык этрусков. Авторитет Ливия, казалось, возрос еще больше, а теория северного происхождения этрусков, похоже, была доказана.

На самом деле проблема была решена далеко не окончательно, и точка зрения Ливия торжествовала недолго. Ее с самого начала опровергали данные другого античного историка. Им был не кто иной, как Плиний Старший, который пишет, что ретами называли этрусков, которых в IV в. до н. э. вытеснили из долины реки По вторгшиеся туда кельты. Эта гипотеза объясняет и происхождение этрусских находок в придунайской области.

Точка зрения Геродота все же имеет сторонников. Новые открытия как бы помогли Геродоту вновь обрести утраченную репутацию. Один такой спасательный круг был брошен египтологами. В египетских надписях, сделанных в XII в. до н. э., говорится о врагах, приплывших из-за моря и угрожавших тогдашней Египетской империи. Это были «морские народы», обитавшие, по всей вероятности, на островах Эгейского моря или на побережье Малой Азии. Выяснилось, что один из этих народов назывался турша, что имело особое значение для этрускологов: название «турша», встречающееся в египетских надписях, они отождествили с греческим

названием этрусков «тиррены» и приписали этрусским мореплавателям неудавшуюся попытку вторжения в Египет.

В 188 году было сделано важное открытие на острове Лемнос в Эгейском море. Французские археологи нашли близ деревни Каминия надгробную стелу, на которой штрихами был изображен воин с копьем и круглым щитом. Рядом с рисунком на стеле была выбита греческими буквами надпись, но не на греческом языке, хотя основное население острова составляли греки. При сравнении текста с этрусскими письменными памятниками было доказано, что язык, на котором он написан, имеет общие черты с этрусским.

Лемносская стела, как и сами этрусские надписи, до сих пор не поддается расшифровке, но возможно, что стела все-таки имеет отношение к этрускам. Может быть, они некоторое время жили на острове, а это значит, что они пришли в Италию из-за моря. Лемнос мог быть временным пристанищем, где этруски останавливались на пути с востока на запад, или даже исходной точкой, откуда начала свое продвижение одна из групп этрусских мореплавателей. Правда, еще нужно доказать, что надпись действительно сделана на этрусском языке.

Теория малоазийского происхождения этрусков получила подтверждение в дальнейшем, когда было обнаружено, что между некоторыми малоазийскими и этрусскими именами существует удивительное сходство.

Современные ученые приводят еще некоторые аргументы

в поддержку теории о восточной прародине этрусков: сходство некоторых этрусских захоронений с теми, что были обнаружены на Востоке, в особенности с захоронениями царского дома Лидии; высокое положение женщины в обществе, традиция писать имя матери наравне с именем отца в надгробных надписях, гадания, которые использовались этрусками для толкования воли богов, особенно гадание на внутренностях животных, известное вавилонянам и другим народам Востока.

Но как бы ни интересны были все эти построения, как бы ни убедительны были аргументы, приводимые сторонниками той или иной теории, по мнению некоторых современных этрускологов, проблема происхождения этрусков не самое важное. Главное не в том, пришли ли этруски в Италию и если пришли, то откуда, а в том, как сложился на территории Италии этрусский народ и благодаря чему достиг таких успехов.

В этрусских городах почти не проводились археологические исследования. Все, что осталось от их поселений, в основном покоится в земле. В последующие века на этих местах выросли города или поселения, окруженные плодородными полями. Чтобы вести раскопки, надо сначала выкупить землю. Естественно, что этрускологи предпочли вскрывать другие – лучше сохранившиеся и сулившие больше надежд на успех – объекты, например склепы и целые некрополи, которые были и до сих пор остаются наиболее богатым ис-

точником наших знаний о жизни этрусков.

Этрурия не была единым государством. В ней процветали отдельные города-государства, напоминающие полисные образования Греции. Ежегодно представители двенадцати городов Этрурии собирались в храме Вольтумна, который был расположен на территории древних Вольсиний. Здесь представители полисов обсуждали военные и политические вопросы. В этом этрусские города, вероятно, следовали примеру союза двенадцати греческих городов в Малой Азии. На протяжении столетий ситуация менялась, тот или иной этрусский город достигал расцвета или, напротив, приходил в упадок. Политическое лидерство переходило от города к городу. Связь между этрусскими государствами должна была быть прежде всего религиозной; можно предположить, что, подобно грекам, собиравшимся в Дельфах или Олимпии для проведения общегреческих празднеств, этруски также собирались в Вольсиниях, чтобы принять участие в играх и большой ярмарке, а представители городов-государств обменивались здесь мнениями и вырабатывали планы общих действий. На этих собраниях избирались некие общеэтрусские официальные лица. Некогда здесь, возможно, выбирали и царя, а позднее жрецов.

Вряд ли между этрусскими полисами существовало такое острое соперничество, какое бытовало между греческими городами-государствами, но они все же с трудом объединялись для совместных действий. В большинстве войн этрус-

ские полисы сражались в одиночку или же заключали временные союзы с другими государствами, независимо друг от друга вступали в соглашения с Римом, заключая с ним перемирия. Можно сказать, что этрусские полисы образовывали свободную конфедерацию независимых городов-государств, связанных религиозными узами, общим языком и в некоторых случаях обоюдными интересами.

Хотя в античных источниках и упоминается двенадцать городов Этрурии, точный список этих городов неизвестен. Скорее всего, он не оставался постоянным на протяжении столетий. В этот список могли входить Цере, Тарквинии, Вульчи, Рузеллы, Ветулония, Вольсинии, Клузий, Перузия, Кортона, Арретий и Волатерры, а когда пали Вейи, их место заняла Популония.

Римляне переняли некоторые наиболее яркие этрусские традиции, включая инсигнии – символы царской власти, которые впоследствии стали символами римских магистратов. По утверждению Ливия, принимая царский сан от двенадцати ликторов, Ромул следовал этрусским традициям. После установления республики у жрецов-ликторов появились фасции – пучки прутьев с воткнутыми в них топориками, которые они несли перед консулами. Дионисий Галикарнасский рассказывает, как Луций Тарквиний Старший одержал победу над этрусками и те преподнесли ему символы царской власти – «золотую корону, трон из слоновой кости, скипетр с орлом на набалдашнике, пурпурную тунику, укра-

шенную золотом, и расшитую пурпурную мантию». Археологические раскопки наглядно подтверждают, что этруски в самом деле использовали многие из приписываемых им регалий.

Из рассказов античных авторов известно, что закладка города была для этрусков не только технической проблемой. Их мировоззрение основывалось на представлении, что жизнь человека предопределена богами. Поэтому прежде всего они стремились узнать волю неба по полету птиц. Затем определялось священное место – центр города, по-латыни mundus. Через него проводились две главные оси, одна с востока на запад – decumanus, вторая с севера на юг – cardo. Впоследствии эту традицию унаследовали римляне. Этот обычай описан с весьма интересными подробностями составителем словарей римлянином Фестом, жившим во II в. н. э.

Основатель города, покрыв голову углом платка, прокладывал плугом с бронзовым лемехом вокруг территории будущего города борозду. Поднятый пласт земли должен был лечь внутрь круга, чтобы в будущий город текло богатство. Плуг тянули бык и нетель. Бык – с внешней стороны круга, чтобы город был сильным по отношению к внешним врагам, нетель, как символ будущего изобилия в городе, – с внутренней. Борозда в представлении людей того времени играла ту же роль, что и крепкие стены. Она разделяла два мира – тот, что находился под защитой богов, и тот, который был ее ли-

шен. Однако спустя короткое время жители города, как правило, уже обносили очерченный круг не только символической, но и настоящей стеной. Если верить легенде, точно так же был основан и Рим.

Когда археологи заинтересовались ранними этрусскими городами, они были удивлены тем, что планировка многих из них не соответствует идеальным принципам градостроительства. Обнаружилось, что эти города застраивались хаотично, а многочисленные изгибы и повороты их улиц обусловлены рельефом местности. Лишь в городах, основанных позже, около VI–V вв. до н. э., стала применяться строгая планировка с системой взаимоперпендикулярных улиц и кварталов. В тот период эти принципы применялись не только в Этрурии, но и во всем цивилизованном Средиземноморье, и пальма первенства в этой области принадлежит совсем не этрускам. Однако римляне считали, что планированное градостроительство – заслуга этрусков.

Шахматный принцип планировки был применен при строительстве этрусского города, заложенного в VI в. до н. э. Это город Миса недалеко от Болоньи, и просуществовал он недолго. Уже в IV в. до н. э. на него напали кельты. Судьба обошлась с жителями города безжалостно, но для археологов это обернулось удачей. Они обнаружили настоящий этрусский город, в котором внезапно оборвалась жизнь, и поэтому все, что дошло до нас, сохранилось в первозданном виде. На Мису не повлияли последующие исторические переме-

ны, перестройка и расширение города – это были этрусские Помпеи.

Перед глазами археологов предстали остатки небольшого поселения, расположенного на важном торговом пути. Главные улицы Мисы были на удивление широкими – с мостовой и тротуарами они достигали 1 метров. Параллельно и перпендикулярно им тянулись более узкие улочки. От стоявших когда-то вдоль них домов сохранились каменные фундаменты. Остальные строительные материалы – дерево и необожженный кирпич – оказались менее долговечными. Над городом возвышался акрополь, в котором нашли остатки храмов и алтарей. Улицы, по всей вероятности, были мощеные, и город имел свою кана лизационную сеть. По аналогии с Марцаботто можно представить себе систему обеспечения города питьевой водой. В акрополе, вблизи от источника, находился крытый водный резервуар из туфа. От него отходили четыре трубопровода, также выложенные туфом. Трубопровод, по которому вода из резервуара поступала в город, удалось обнаружить сравнительно недавно – в 1954 году, хотя отдельные его части были найдены раньше. Трубы сделаны из терракоты, один их конец немного шире, другой – у же, так что они вставляются один в другой.

В Этрурии были не только свои Помпеи, но и своя Венеция – расположенный неподалеку от Мисы город Спина. Об этом крупном городе-порте на Адриатическом море упоминали многие источники, например, Страбон подробно опи-

сал местность, где он располагался. Но раскопки 1922 года в предполагаемых окрестностях Спины не дали результатов. Обнаружить город не удалось.

В 1954 году итальянские археологи Н. Альфиери и П. Е. Ариас обнаружили в этом районе множество захоронений и на этом основании заключили, что Спина находится недалеко, но определить точное местоположение города на побережье, изрезанном лагунами, было трудно.

В свое время стало известно, что христианский храм Девы Марии, построенный в VI в. н. э., расположен на месте языческого святилища. Оно находилось вблизи одного из рукавов реки По, названного Старая По. Это важное для этрускологов сообщение, однако, надо было проверить, прежде чем начинать раскопки. Археологи засели за архивы, и действительно в 1956 году им удалось найти документ, который подтвердил эти сведения.

Кроме того, Альфиери и Ариас воспользовались данными аэрофотосъемки. Она дала неожиданные результаты. На фотографиях запечатлелся древний канал длиной 3 километра и шириной 30 метров, который соединял Спину с морем. В соответствии с градостроительными принципами этрусков канал был сориентирован с востока на запад, а часть его представляла собой decumanus Спины. Параллельно и перпендикулярно главному шли более узкие каналы. Так археологи узнали, что Спина была городом каналов. Ее дома строились на сваях, а жители передвигались по воде.

Значение Спины как порта особенно возросло во второй половине V в. до н. э., после того как сиракузцы разгромили этрусков в Тирренском море и фактически закрыли им туда доступ. В Спину корабли доставляли из Аттики керамические изделия, а из Спины вывозили главным образом зерно, выращенное в долине По, янтарь, поступавший с севера, и другие товары.

Порт находился на перекрестке дорог, соединявших Этрурию с Грецией. Греки занимали в Спине не менее влиятельное положение, чем знатные этруски. Об этом говорят богатые греческие могилы. В некрополе города можно встретить и бедные могилы, и роскошные склепы, не оставляющие сомнений в том, что в них захоронены богачи. Спина, город с очень пестрым населением, как и любой морской порт, рассказала о себе еще далеко не все. Некоторые археологи считают, что именно здесь, где существовала греко-этрусская среда, скорее всего, может быть найдена греко-этрусская двуязычная надпись, которая даст ключ к расшифровке этрусского языка.

Раскапывая остатки этрусских городов, археологи находят «города без домов». По остаткам фундаментов бывших строений очень трудно судить о том, как выглядел этрусский дом. Тем не менее, некоторое представление о нем составить можно. Путеводителем при этом служит форма склепов: многие из них строились по аналогии со зданием, которое человек занимал при жизни, но были намного прочнее.

Кроме того, в этрусских захоронениях встречаются урны, по виду напоминающие дома или хижины. Некоторые из них имеют двухскатную крышку, в которой сделано отверстие. Такое же отверстие встречается и в некоторых склепах. Это не что иное, как копия окна в крыше жилищ, через которое в центральное помещение проникал свет и стекала дождевая вода в бассейн, устроенный в полу. Конструкция крыши с отверстием в ней была не простой, ее подсказал, очевидно, многолетний опыт. Этруски, ценившие воду, сумели найти оптимальное решение, которое заимствовали и римляне.

Судя по всему, немало элементов римских домов унаследовано от этрусков. Это тоже помогает реконструировать этрусское жилище. Если положить рядом планы этрусского склепа и римского дома, то в глаза бросится разительное сходство между ними. Это относится, например, к склепу, который был обнаружен в середине прошлого века недалеко от Перузии. Он довольно большой, к каменным входным дверям ведут крутые ступени. Сразу за входом находится самое просторное помещение, которое напоминает римский двор-атрий. По правую и левую стороны от центрального зала расположены комнаты меньшего размера – точно так же, как по бокам атриев в жилых домах. Атрий гробницы ведет в таблинум. В римских и этрусских домах таблинум был комнатой главы семейства. В таблинуме гробницы стояла урна Арнта Велимны, главы многочисленного рода Велимнов – Волумниев. Рядом находились урны других членов его се-

мьи. Склеп Волумниев, относящийся к III в. до н. э., – точная копия жилого дома.

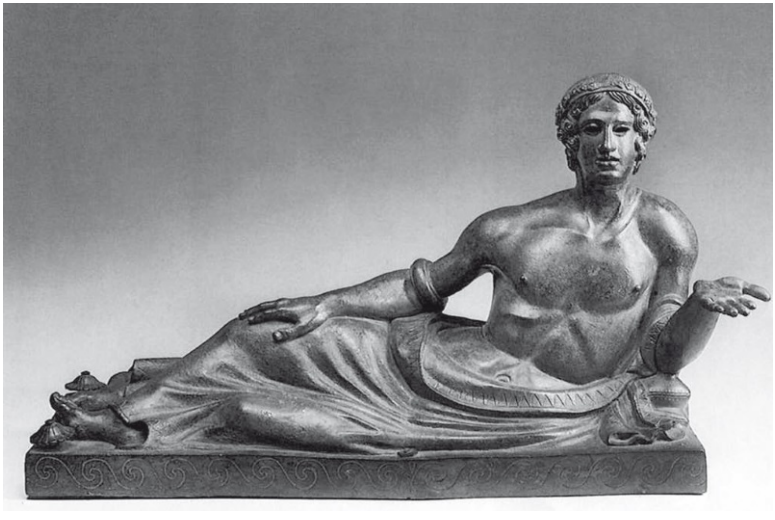
Благодаря находкам из этрусских склепов нам известна также и обстановка этрусского дома. В Клузии была даже найдена коллекция миниатюрной посуды, которой пользовались этрусские хозяйки.

Мебель у этрусков была простая и состояла, как правило, из немногих предметов. Для сна служили лежанки. Но ими с успехом пользовались и во время трапез: этруски возлежали на них, опираясь на один локоть, а пищу брали с низких прямоугольных столиков на трех ножках. Кроме того, были распространены и более высокие столы на четырех ножках. Полагают, что этруски пользовались креслами. Во всяком случае, кресла из терракоты и бронзы встречаются в могилах клузийского некрополя. На них стояли канопы – урны в форме человеческого тела. В нескольких могилах обнаружены каменные кресла, но при жизни этруски, скорее всего, сидели на плетеных креслах. Позже их сменили легкие греческие сиденья. Платяного шкафа в этрусском доме не найдешь – в то время одежду хранили в сундуках. Из предметов домашнего обихода тогда больше всего ценили не мебель, а подсвечники, треножники, жаровни, нередко представлявшие собой настоящие произведения искусства.

Мы знаем также, как этруски одевались. Источником этих сведений являются произведения этрусских скульпторов, а также фрески на стенах могил. Мужское платье довершал

короткий плащ, надевавшийся через голову. Он ниспадал с левого плеча, оставляя правое открытым. На рисунке, относящемся к VI в. до н. э., в такой плащ – тебенну – одет царь. Тебенна, обычно пурпурная, по краям была отделана вышивкой. От этрусков этот предмет одежды заимствовали римляне. У них тебенну носили жрецы и воины. Значительно больше в Риме была распространена удлиненная тебенна – тога.

Женщины носили свободно ниспадающие льняные туники. Туника, состоявшая из двух частей, скалывалась на плече. Рукава были не обязательны. Поверх туники, ниспадавшей многочисленными складками, – часто ее перехватывал пояс, – накидывали белый плащ. Наряду с повседневной одеждой существовали и более изысканные наряды. На этрусских фресках изображены танцовщики и музыканты в ярких платьях, поражающих своими линиями и покроем. Возможно, однако, что это были специальные туалеты, предназначенные для особо торжественных случаев. Что касается обуви, то тут этруски имели довольно большой выбор. Они могли, например, носить кожаные остроносые туфли, перепоясанные ремешками, кожаные или матерчатые сапоги с вышивкой, шнуровавшиеся спереди, сандалии без каблука, иногда на деревянной подошве.



Скульптурное надгробие знатного этруска. *IV в. до н. э.*

Этруски любили роскошь. Знать наслаждалась ею не только в домашней обстановке, но даже и в военных лагерях. Вот что говорит об этом Дионисий: «Вкусы у тирренов самые изысканные, они всюду носят с собой не только необходимые им вещи, но также и драгоценные предметы разного рода, предназначенные для удовольствия и роскоши». А вот оценка этрусков, прозвучавшая из уст Диодора, жившего в I в. до н. э. «Этруски, – писал он, – утратили доблестную стойкость, столь высоко ценимую ранее, а вследствие своего пристрастия к пиршествам и изнеженным удовольствиям они лиши-

лись славы, которую их предки завоевали на поле брани».

Украшения очень любили богатые женщины. Раскопки говорят не только об их изысканном вкусе, но и о невоздержанности некоторых из них, кичившихся многочисленными драгоценностями. Например, тело Лартии, похороненной в цере, в могиле, названной по имени нашедших ее Реголини и Галасси, было в буквальном смысле слова завернуто в золотые и серебряные украшения. В одной из гробниц в Марсильяне найдена очень красивая золотая пряжка, украшенная уточками, меандровыми узорами и парой золотых львят. Много драгоценностей, особенно пряжек, найдено и в Ветулонии. Во многих видах ремесел этруски были непревзойденными мастерами.

Если погребения этрусских женщин так богаты, то какое же положение занимали женщины в обществе?

Этрускологи сходятся во мнении, что главой этрусской семьи, как и римской, был мужчина. Однако этрусские женщины, в отличие от римлянок и гречанок, пользовались в семье большим авторитетом и принимали активное участие в общественной деятельности. Поведение этрусских женщин даже вызывало сомнение в их нравственности – настолько оно отличалось от привычек других представительниц слабого пола античности, интересы которых в основном ограничивались семьей и домом. Аристотель, ссылаясь на утверждения историка Феопомпа, обвиняет этрусских женщин в том, что они пировали вместе с мужчинами, лежа под одним

плащом. Вспомним Лартию, погребенную в гробнице Реголини – Галасси в середине VII в. до н. э.; для нее в гробнице было отведено почетное место. Римские авторы записали несколько историй об этрусских женщинах – в основном это жены знатных этрусков Тарквиниев. Римлянам чрезвычайно трудно было представить себе поведение женщин, настолько расходившееся с их собственными представлениями о морали.

Танаквиль, этрусская высокорожденная особа, супруга Луция Тарквиния Старшего, была весьма искусна в толковании предзнаменований и предсказала своему мужу блестящее будущее. После смерти супруга она отстранила своего сына от власти с тем, чтобы царем стал ее зять, Сервий Туллий. Истории, рассказанные о молодых Тарквиниях и их женах, поистине удивительны. Жена Тарквиния Великолепного, упрямая и жестокая Туллия, не только направила свою колесницу на Форум, переехав при этом тело своего мертвого отца, но и первая провозгласила Тарквиния Великолепного царем.

Отличия в нравах этрусских и римских женщин видны и из рассказа-легенды Тита Ливия. Ливий повествует о событии, которое произошло в тот период, когда Римом правил этрусский царь Тарквиний Гордый. Под его предводительством римляне пытались овладеть городом Ардеи. Сначала им это не удалось, и они приступили к длительной осаде. Во время осады, как рассказывает Ливий, царские сыновья

устраивали пиршества и попойки. На одном из таких сборищ у Тарквиния Коллатина разговор зашел о женах. Каждый стал хвалить свою супругу. Тарквиний Коллатин сказал, что не нужно лишних слов, и предложил всем убедиться, что его жена Лукреция лучше остальных. Мужчины, не долго думая, повскакивали на коней и в ту же ночь домчались до города, где оставались их жены. Они обнаружили, что Лукреция сидит дома и прядет, а ее невестки проводят время в обществе, наслаждаясь роскошными трапезами. По рассказу Ливия, самой достойной оказалась Лукреция, в образе которой воплощен римский идеал женщины и жены. Но среди этих женщин Лукреция была единственной римлянкой, в жилах жен других Тарквиниев текла этрусская кровь. Об этой важной подробности Ливий умалчивает.

То, что этрусские женщины пользовались в обществе относительной свободой, хорошо видно из настенных росписей в гробницах. Женщины изображались обедающими со своими супругами (при этом чета возлежала на одном ложе), они нередко присутствовали на играх, занимая иногда почетные места. Подобные вольности шокировали греков, которые не уставали рассказывать самые непристойные анекдоты об этрусской распущенности. Античный автор Феопомп, славившийся своим злоязычием, рассказывал о прекрасных этрусских женщинах, выполнявших упражнения обнаженными. Они обедали с мужчинами, которые не являлись их мужьями, были невоздержанны в употреблении

крепких напитков и столь неразборчивы в связях, что производили на свет детей, не зная при этом, кто является отцом. Этрусские мужчины, по Феопомпу, не стыдились совершать половые акты публично, открыто вступали и в гомосексуальные отношения. Плавт также писал, что этрусские женщины не стыдятся зарабатывать себе приданое проституцией. Однако дошедшие до нас этрусские памятники свидетельствуют о том, что обвинения Феопомпа не более чем пересказ сплетен. Надгробные надписи полны гордости за семью, а изваяния любящих пар на саркофагах олицетворяют чистый идеал супружеской любви.

Каков был истинный идеал этрусской женщины, мы не знаем. Известно лишь, как представляли себе совершенную женщину римляне: pudica, lanifica, domiseda, т. е. она должна была быть целомудренной, уметь ткать, сидеть дома. Естественно, многие римлянки восставали против этого шаблона. Из «Жизнеописания императора Августа» Светония мы знаем, что Август носил одежду, которую ему изготовила жена Ливия вместе с дочерью Юлией и внучкой, тоже Юлией. Но обе Юлии охотнее пряли и ткали, чем исполняли обет целомудрия. Августу, который очень ценил в семье добропорядочность, не оставалось ничего иного, как в конце концов выгнать обеих.

Известно, что принимались меры, направленные на ограничение свободы нравов римских женщин. Тот же император Август разрешал замужним римлянкам смотреть сраже-

ния гладиаторов только с верхних ярусов. На состязания атлетов их вовсе не допускали. А гречанки? За исключением жрицы богини Деметры они не имели права принимать участия в олимпийских играх. Этрусским же женщинам не возбранялось участвовать в играх и танцах. Роскошно одетые, они могли присутствовать на всех состязаниях и даже исполнять роль распорядителя.

Развлекающимися и пирующими с мужчинами этрусские женщины изображены и на стенных фресках в склепах. На фресках более позднего периода они, правда, помещены сзади мужчин и едят сидя, видимо научившись у римлянок скромности.

Этрусских женщин нельзя было запереть в четырех стенах дома. Влиятельных представительниц аристократических семей привлекала общественная деятельность. На этом поприще они могли проявить инициативу и оказаться в гуще событий. Сохранились предания о том, как женщины решали судьбу общества.

Атлеты. *Фрески из Гробницы Колесниц в Тарквиниях*

Одно из них – легенда о Танаквиль, жене этрусского царя Тарквиния Приска. Он стал римским царем благодаря своей жене. Однако Танаквиль была не только тщеславна. Предание приписывает ей и другие качества. Как многие этруски, она умела толковать предзнаменования и воспользовалась этим искусством в своих интересах. Однажды у Сервия

Туллия, грудного ребенка рабыни из Тарквинийского дворца, загорелась голова. Поднялся крик, все бросились тушить пламя, но Танаквиль, привлеченная шумом, распорядилась, чтобы никто не касался ребенка, пока он сам не проснется. И действительно, как только младенец открыл глаза, сверхъестественное знамение исчезло. Танаквиль тайно сообщила своему мужу, царю Тарквинию, что этот мальчик станет его преемником. Они взяли его на воспитание и, когда он вырос, обручили со своей дочерью, показав тем самым, что прочат юношу в наследники трона. Предсказание Танаквиль сбылось, причем она активно содействовала этому: когда Тарквиний Приск был убит своими врагами, жаждавшими власти, она помогла Сервию Туллию занять престол.

В римской среде некоторые влиятельные женщины этрусского происхождения сохранили энергию и привычки, присущие миру этрусков. Этрусская кровь проявляла себя спустя столетия и после упадка могущества этрусков. Одна из таких женщин, Ургулания, пользовалась влиянием при императорском дворе. Дружба с императрицей Ливией, женой Августа, вознесла ее, по словам Тацита, «выше законов… Впрочем, сила Ургулании столь была безмерна, что когда в сенате по одному делу нужно было ее свидетельство, то она в сенат прийти отказалась, и для его получения послан был к ней претор…» Решительность эта влиятельная женщина проявила, например, в таком случае. Как пишет Тацит, ее внук, претор Плавт Сильваний, убил свою жену Апронию, но

перед императором утверждал, что спал и ничего не помнит и что Апрония сама себя убила. Император Тиберий этой выдумке не поверил и пришел к убеждению в виновности Плавта. Его ждало суровое наказание. Однако решительная бабушка послала внуку кинжал, чтобы он покончил с собой и избежал судебного преследования.

Кстати, родственные связи этой семьи довольно интересны. Сын Ургулании женился на Лартии, женщине этрусского происхождения. Примеру отца последовали сыновья. Уже упомянутый М. Плавт Сильваний женился на Апронии – девушке с этрусским именем. Другой внук Ургулании, П. Плавт Сильваний, был женат на Вибии, предки которой также были этрусками. У Ургулании оставалось еще двое внуков – Авл Плавт Ургуланий и девочка Ургуланила, которую Ургулания выдала замуж не за этруска, а за будущего императора Клавдия, увлекавшегося этрусской историей. Вполне возможно, что эта полуримская, полуэтрусская атмосфера в семье и побуждала Клавдия проявлять интерес к истории этрусков.

Видное положение этрусских женщин в семье и их активное участие в общественной жизни породили точку зрения, будто этрусское общество было матриархальным. Впрочем, надгробных надписей, в которых родословная этрусков велась по материнской линии, немного. И если рядом с именем умершего стоит имя его матери, то, как правило, приводится и имя отца. И стоит оно перед материнским именем.

Пояснить эту двойственность можно тем, что такие надписи встречаются, в основном, в III и II вв. до н. э., то есть в тот период, когда этруски потеряли уже все или почти все и подчинились Риму. Этрусская аристократия стремилась сохранить и выставить напоказ привилегии, которыми она еще пользовалась, и с этой целью действовала так же, как во все времена поступали представители аристократических семей: подчеркивала чистоту этрусской крови. Именно этим можно объяснить этрусский обычай указывать на происхождение и по отцовской, и по материнской линиям. А в труде Геродота есть замечание о малоазийских ликийцах из Анатолии: «Они называют себя по матерям, а не по отцам. Если вы спросите мужчину, кто он, он ответит, назвав свою мать и мать своей матери». Греческий историк Феопомп нечто подобное говорил и об этрусках – они якобы имели общих жен и их дети не знали отцов. Эти сообщения особенно подчеркивают сторонники восточного происхождения этрусков.

Этруски были истинными жизнелюбами. Они предавались всем возможным жизненным удовольствиям, в том числе общественным играм. И в этом этруски нашли верных учеников и последователей в лице римлян, которые интересовались играми, если верить преданию, еще во времена основания Вечного города.

Когда Луций Тарквиний Старший пожелал провести игры в Риме куда более торжественно, чем его предшественники, он повелел возвести деревянные трибуны для публики, ко-

торую развлекали «лошади и кулачные борцы, выписанные из Этрурии». Подобные деревянные трибуны можно увидеть на росписях гробницы Колесниц в Тарквинии: группы мужчин и женщин сидят на скамьях, защищенных от непогоды навесом, в то время как на арене внизу разворачиваются состязания. Некоторых лошадей еще только запрягают, три колесницы уже готовы, и их проводят мимо трибун. Одна роспись гробницы из Клузии показывает возничего, сброшенного с колесницы, а в гробнице Олимпийских игр в Тарквинии изображена упавшая лошадь. Ее ноги запутались в вожжах, а возничий с кнутом в руке оглядывается назад, чтобы оценить расстояние, отделяющее его от соперника. В античных источниках встречается короткое упоминание о гонках колесниц в Вейях. Тарквиний Гордый заказал мастерам этого города терракотовую колесницу, запряженную четверкой лошадей, предназначенную для установки на крыше нового великолепного храма в Риме. Скульпторы из города Вейи выполнили заказ, но когда терракотовое изваяние уже было в печи, оно вдруг раздулось и затвердело так странно, что мастера, испугавшись, незамедлительно позвали прорицателей. Слава ждет того, сказали те, кто будет владеть этой колесницей. Услышав это, жители Вей решили не отправлять терракотовую колесницу в Рим, и вскоре после этого в городе состоялись гонки колесниц, призом в которых и было терракотовое изваяние. Победителем вышел возничий знатного происхождения. Получив приз, возничий уже выводил

своих лошадей с арены, когда они вдруг взвились на дыбы и понесли, не останавливаясь, до самого Рима и Капитолийского холма. Это предзнаменование убедило жителей города Вейи передать терракотовую колесницу в Рим, и все, что было предсказано прорицателями, сбылось.

На арене, изображенной на стенах гробницы Колесниц, происходят другие состязания. Вот кулачные бойцы, кисти их рук защищены ремешками. Один атлет сгибает колено, другой готовится к прыжку, ждут своей очереди метатели дисков, прочие атлеты готовятся к гонке или к исполнению танца. На других изображениях – конские скачки и состязания в ходьбе, метании копья и по прыжкам в длину, выполняемых в греческой манере – с грузами в каждой руке. Все эти виды легкоатлетических соревнований пришли из Греции.

Наглядно рассказывают об играх фрески на стенах одной из этрусских могил в Тарквиниях – «Склепа авгуров», названной так потому, что на ее стенах изображены две фигуры, которые исследователи принимают за авгуров – предсказателей будущего, угадывавших волю богов по полету птиц. Фигуры стоят по разным сторонам закрытой двери, их жесты можно истолковать как ритуальные. В том, что это, скорее всего, авгуры, нас убеждают нарисованные в нескольких местах птицы.

Фрески «Склепа авгуров» открывают жестокие обычаи этрусков, которые соблюдались в первую очередь при похо-

ронах знати. В честь умершего обычно проводились бои, чаще всего между пленными. Это была кровавая борьба не на жизнь, а на смерть, с применением различных садистских приемов.

На одной фреске показана наиболее жестокая сцена: полукомичный, полудемонический человек по имени Ферсу в фантастическом наряде, с уродливой маской на лице следит за кровопролитной схваткой собаки с человеком. Борющийся обнажен, но голова его закутана тканью или кожей, так что он должен вслепую биться с разъяренным голодным псом. Правда, он вооружен палкой, но пользоваться ею может лишь ограниченно, так как она обмотана веревкой, которая захлестнута петлей вокруг его левой ноги. Один конец веревки привязан к запястью его правой руки, которой он сжимает палку, другой держит в руке Ферсу. Сражающийся может сам себя повалить на землю, если слишком сильно дернет за веревку, обмотанную вокруг ноги. В другой руке Ферсу держит еще одну веревку, привязанную к шее собаки, и может подстегивать, раздражать пса, если тот успокоится. Ферсу, таким образом, выступает в роли кровавого дирижера, который обеспечивает зрителям более длительное и острое зрелище.

Этруски также выполняли ритуал, или упражнение, которое впоследствии было перенято римлянами, назвавшими его Троянской игрой; они и придумали историю, связавшую ритуал с древней Троей. Этрусская ваза VII в. до н. э. укра-

шена изображением лабиринта, помеченного словом truia. Точное значение этого слова неизвестно – оно может означать танец вооруженных воинов или место, где он исполнялся. Из лабиринта на изображении выходят вооруженные танцоры и два всадника. Возможно, танец этот был связан с умением владеть оружием и искусством верховой езды.

Наряду с легкоатлетическими состязаниями были и другие, подобные тем, что изображены на росписях гробницы Жонглеров в Тарквинии или гробницы Обезьяны в Клузии. Главная фигура на рисунках – тот, для кого и сооружена гробница. Он наблюдает за представлением, устроенным в его честь. Гробница Обезьяны названа так по изображению маленькой обезьянки, сидящей на дереве с цепью на шее. Другой рисунок изображает сидящую на высоком стуле женщину в накидке, ее ноги стоят на скамеечке, а над головой она держит зонтик. Женщина наблюдает за состязаниями девушки-жонглера и человека ростом с младенца, но с бородой – вероятно, комического актера. На изображении же в гробнице Жонглеров девушка балансирует с зажженной жаровней для благовоний на голове, а юноша стоит наготове с диском или мячом в руках. Они исполняют свой номер под аккомпанемент флейтиста, под эту же музыку танцует женщина в яркой одежде и с нарумяненными щеками.

Упряжка лошадей. *Фреска VI в до н. э., Кьюзи*

Этрусские мужчины проводили много времени, охотясь на диких зверей, которые в Этрурии водились в изобилии. Художники часто изображали сцену погони за оленем или кабаном, зайцем или птицей, при этом охотники могли быть как пешими, так и конными, а помогала им свора собак. На оленей охотились с луками, кабанов травили собаками, забивали копьями, а иногда и топорами. Зайцев преследовали с собаками и забивали толстыми палками, а птиц сбивали камнями, пущенными из пращи. Закрепленные на шестах сети служили ловушками и для загнанной дичи. Кстати, вот лю-

бопытный способ загона зверей в расставленные сети: «Говорят, что в Этрурии наряду с обычными способами охоты на кабанов и оленей, при которых используются сети и собаки, применяется и другой, куда более успешный метод – в качестве приманки используется музыка. Сети натянуты, и ловушки расставлены. И вот появляется музыкант, играющий на свирели. Он старается избегать громких и резких звуков, его свирель издает самые нежные мелодии, на которые она способна. В тишине волшебные звуки разносятся по лесу, долетая до горных вершин, проникая в ущелья и заросли, во все звериные норы и гнезда. Сначала, когда звуки музыки долетают до них, звери пугаются, но затем они невольно поддаются очарованию свирели. Околдованные музыкой, звери покидают своих детенышей и свои логова. Дикие животные тирренских лесов, привлеченные певучими звуками свирели, постепенно подходят все ближе и ближе к охотникам, пока не попадутся в расставленные тенета».

Росписи показывают различные этрусские занятия. На фреске «Склеп охоты и рыбной ловли» можно увидеть этрусков на берегу моря. Вот мальчик карабкается на поросший травой холм, а другой в это время ныряет в море. Вот мужчины ловят рыбу. На волнах качаются маленькие весельные лодки, а кормчие крепко сжимают рулевые весла. На одной лодке мужчина целится копьем в рыбу, на другой – мальчик бросает в воду леску с крючком. Это был не единственный метод рыбной ловли, известный в Этрурии. Мальчик, изоб-

раженный на оборотной стороне зеркала, в одной руке держит удочку, а в другой – только что пойманную рыбу. Другая сцена показывает возвращение охотников в удачный день: впереди бегут собаки, за ними следуют верхом охотники, за охотниками идут слуги, несущие на шестах добытую дичь.

Этрусские пиршества иногда проводились под открытым небом. Об этом можно судить по изображенным в некоторых гробницах ярким навесам, защищающим пирующих от непогоды. Пиры были не только частью погребальных ритуалов, но и неотъемлемым элементом общественной жизни. Вот что говорит об этом Диодор: «…дважды в день они [этруски] накрывали великолепные столы, на которых было все для роскошного пиршества, ставили ярко расписанные ложа и серебряные чаши разного рода, тут же присутствовало немалое количество слуг…» Обычай устраивать пиршества дважды в день казался грекам столь же странным, как и присутствие на ужинах жен пирующих. На настенных росписях женщины либо возлежат на одном ложе с супругами, либо сидят возле ложа своих мужей. Этруски, подобно грекам, ели руками. Столы уставлялись яствами, рядом располагались пиршественные ложа, а глиняные сосуды и бронзовые жаровни стояли на буфетах, залы освещались свечами в бронзовых канделябрах.

Когда присутствовало большое количество пирующих, мальчики-слуги торопились добавить вина в чаши гостей, снуя между ними со своими кувшинами. Музыка и танцы –

неотъемлемая часть пира, а под ложами видны собаки, кошки и птицы, подбирающие крошки. Вся сцена наполнена веселым оживлением, несмотря на то, что она изображена на стене гробницы.

На пирах играли в коттабос – археологами найдены бронзовые подставки, которые использовались для этой игры. Они имели тяжелое круглое основание и тонкий вертикальный стержень высотой около двух метров. Большой диск фиксировался примерно на середине шеста, а второй, меньший по размеру, балансировал на верхушке. целью этой застольной игры было вылить остатки из чаши с вином так, чтобы они попали в верхний диск, заставив его упасть на нижний. На одной из этрусских чаш мы видим менаду, меняющую диск на шесте коттабоса, в то время как Бахус, уже изрядно захмелевший, наблюдает за ней.

Этруски играли и в кости, а кроме того, кости могли использоваться для предсказаний. Обычно игральные кости помечались точками, как и современные, но на одной паре есть этрусские слова – это названия первых шести цифр. Модель игровой доски, вместе с маленьким мешочком, в котором хранились кости или фишки, изображена на стене гробницы Рельефов. Зеркало из Палестрины показывает, как использовалась эта доска. Молодой человек и женщина сидят в помещении, перед ними лежит доска с отчетливо видимыми параллельными линиями. Короткий разговор записан рядом с ними на архаической латыни. «Думаю, что я выиграю», –

говорит молодая женщина, а юноша отвечает: «Надеюсь!»

Одной из характерных особенностей этрусков, которую особо отмечали античные писатели, была их любовь к музыке. Этрускам или лидийцам приписывалось изобретение военной трубы. У них было несколько разновидностей бронзовых инструментов, которые использовались при торжественных шествиях или выпасе стада. Особенно же славились этруски своим пристрастием к игре на флейте. Флейтист – одна из наиболее часто встречающихся фигур на этрусских изображениях. Эти музыканты появлялись на религиозных празднествах, военных парадах, на играх, пирах, на кухне и якобы умели очаровывать своей игрой даже животных, выманивая их из нор. Греки говорили, что этруски занимались кулачными боями, месили тесто и даже секли своих слуг под звуки флейты.

Излюбленный тип флейты у этрусков имел две трубки. Флейтисты часто изображались в форбеях – полосках кожи или ткани, прикреплявших мундштук ко рту музыканта. Известны были и флейты с одной трубкой, подобные современным. Иногда можно увидеть флейты Пана, с ними, как правило, изображались сатиры или сирены. Часто флейте аккомпанировала лира. Форма лиры менялась на протяжении столетий, но, как правило, этот инструмент имел семь или более струн, по которым ударяли плектроном, удерживаемым в правой руке. Иногда флейтисты и музыканты, игравшие на лире, танцевали под свою собственную музыку,

но чаще всего приглашались другие танцоры, которые могли держать в руках инструменты, подобные кастаньетам.

На играх исполнялись воинственные танцы. Хотя мы не знаем ни мелодий, ни ритма, есть предположение, что размер был трехдольным, то есть танцевали нечто вроде трипудия, танца, исполнявшегося жрецами одной из древних коллегий Рима. Характерным элементом этого танца был троекратный удар ногой о землю.

Источники донесли до нас рассказ о событиях 364 г. до н. э. в Риме. В том году разразилась чума, и когда все жертвы были принесены, но избавления от напасти не последовало, из Этрурии пригласили артистов, которые должны были смилостивить богов с помощью сакральных танцев. «Без песен, даже не имитируя действия певцов, артисты, вызванные из Этрурии, танцевали под мелодии флейтистов, и движения их были грациозны. Молодые римляне стали подражать им и впоследствии стали называться гистрионами (от этрусского слова «истер» – актер)». Гистрионы из Рима сопровождали свои представления песнями. Странно, однако, что сами этруски, судя по всему, не пели даже под аккомпанемент лиры, как это было принято у греков. Нет ни одного изображения этрусских певцов.

Древние авторы утверждают, что высокого уровня этруски достигли и в искусстве врачевания, что даже нашло отражение в намного переживших саму этрусскую цивилизацию античных пословицах и поговорках. Известно, что этруски

знали целебные свойства источников и некоторых растений. Теофраст, греческий ученый, живший в IV–III вв. до н. э., в сочинении о растениях пишет: «…народ этрусков – это народ, знающий лекарства». Римский историк Марциан Капелла, живший в IV–V вв. н. э., подтверждает это мнение: «Этрурия, прославленная открытием лекарств». Этрусские произведения изобразительного искусства дают представление о том, как хорошо их авторам была известна анатомия человека.

В развалинах храмов, а также в специальных ямах рядом с ними было обнаружено множество глиняных, мраморных и бронзовых моделей – так называемых вотивов – рук, ушей, ног, а также внутренних орга нов животных и человека. Этруски приносили эти изображения в жертву божествам, заботящимся о здоровье людей и животных, и просили их помощи, чтобы излечиться от болезни или сохранить от падежа скот, а также благодарили за выздоровление. Вотивы прикреплялись к стенам в святилищах. Когда на стенах больше не оставалось места, вотивы снимали и складывали в особые священные ямы.

В первые десятилетия XX века ученые придавали этим моделям внутренностей очень большое значение, считая их уникальными древними свидетельствами анатомических познаний этрусков. Со временем стало ясно, что многие вотивы содержат грубые ошибки. Поэтому сейчас исследователи оценивают эти предметы намного более сдержанно.

Этруски занимались предсказаниями по внутренностям животных – гаруспицией. Поэтому они должны были бы в совершенстве знать строение их тела. Но и этот вопрос до сих пор не совсем ясен. Конечно, гаруспики, угадывавшие волю богов по внутренним органам, в общих чертах знали, где они расположены, какую имеют форму и окраску. Но анатомия животных интересовала их не с научной точки зрения, так что гаруспики не слишком серьезно обогатили познания своих соплеменников в этой области..

Большего уважения этруски заслуживают как стоматологи. В их могилах найдены зубные протезы. Один протез представляет собой четыре золотых кольца, которые стягивали четыре зуба. Сохранились лишь два крайних здоровых зуба, искусственные выпали. Во втором протезе, наоборот, два искусственных средних зуба пережили века. Каждый из четырех зубов был стянут золотым кольцом, а искусственные зубы, кроме того, были еще и приклепаны. Некоторые протезы были сделаны так умело, что служили своим владельцам до самой их смерти. По всей вероятности, вблизи Старой Фалерии, где найден череп с сохранившимся зубным мостом, когда-то работал опытный протезист. Другой вид протеза предназначался для укрепления шатающихся зубов. Чтобы устранить этот недостаток, этрусские дантисты тонкой золотой проволочкой, словно спиралью, опоясывали основание зубов. Кроме того, этруски надевали на испорченные зубы золотые и терракотовые коронки.

Погребальная стелла и этрусский саркофаг. *VI в. до н. э.*.

Нелегко узнать, о чем думали люди, жившие в древности, что чувствовали и переживали. И все же кое-что мы знаем о ментальности этрусков благодаря их своеобразной религии и удивительным произведениям искусства, созданным мастерами Этрурии. В древнем мире религия была не только личным делом каждого человека. Она пронизывала все области жизни, в том числе важнейшие сферы общественной и государственной деятельности. В этом отношении этруски не были исключением. Они были не только религиозным, но и суеверным народом. Тит Ливий писал о набожности этрусков: «Народ, который посвятил себя религии больше других народов, потому что он отличался искусством религию культивировать». А в IV в. н. э. Арнобий, апологет христианства, назвал Этрурию «родиной и матерью суеверий».

Греки признавали силу всемогущей судьбы и любили по всякому поводу советоваться с оракулами, занимались прорицательством и обыватели. Однако эллины все же давали человеку определенную свободу воли, возможность противостоять слепому року. Этрускам же был присущ абсолютный фатализм, глубокая вера в непреложность божественной воли, в предопределенность жизни людей и целых народов. По мнению этрусков, высшим предназначением человека было истолковывать волю богов и жить в полном соответствии с нею.

Ритуалы должны были выполняться скрупулезно, поскольку этруски верили, что воля богов выражается с помощью предзнаменований; обязанностью человека было эти предзнаменования отслеживать и правильно их толковать. Об отношении этрусков к предзнаменованиям говорил Сенека: «В то время как мы (римляне) верим, что молния есть следствие столкновения туч, они (этруски) убеждены, что тучи сталкиваются с целью произвести молнию, поскольку этруски приписывают все происходящее богам. Они верят не в то, что вещи имеют значение, поскольку они случаются, а, наоборот, что они происходят, потому что обязательно должны иметь некое значение». В самом деле, большая часть интеллектуальных усилий этрусков была направлена на то, чтобы найти правильные вопросы, которые можно задать божествам, а затем правильно истолковать знаки судьбы.

Ученые с большим трудом воссоздают общую картину

этрусской религии, и краскам ее по яркости и колориту еще далеко до оригинала. Мы знакомимся с этим миром по изображениям, созданным живописцами или граверами на декоративных изделиях и зеркалах. Перед нами встают боги и герои этрусских мифов и легенд. Рядом с изображениями богов приведены их имена, обычно на этрусском языке. Некоторые из них по звучанию близки к греческим и римским. Например, этрусская Аритими – это, вероятно, греческая Артемида, этрусская Уни похожа на римскую Юнону. Богов и легендарных героев, чьи имена не имеют соответствия в греческой или римской мифологии, нетрудно отождествить с античными «коллегами» по традиционным атрибутам, внешнему виду, роли, которую данное божество, по всей видимости, играло в жизни человека и природе. Так, например, нетрудно установить, что этрусская богиня Туран – это греческая Афродита или римская Венера, этрусский Тиния – греческий Зевс или римский Юпитер. Фрески на стенах гробниц дают возможность познакомиться и с представлениями этрусков о загробной жизни.

Для религии этрусков (как и для большинства древних религий) характерен политеизм – множественность божеств, меняющих от легенды к легенде, от изображения к изображению свои функции и эпитеты.

Конечно, это затрудняет задачу изучения этрусского пантеона. Кроме того, первоначальные верования этрусков подпали под сильное влияние греческих и древнеиталийских, и

сейчас не всегда удается выделить из того или иного культа его истинно этрусскую составляющую.

Мы не имеем цельного представления о мире этрусских богов и многих из них знаем только по именам. Этот мир представлял собой иерархическую лестницу, на вершине которой вначале находилось одно всемогущее божество, а позже двое богов – Тин, или Тиния, – бог молний, и Туран – владычица всего живого. Эту божественную двоицу этруски вскоре отождествили с высшим греческим богом Зевсом и богиней Афродитой или римскими Юпитером и Венерой. Как пишет Сенека, Тин повелевал молниями трех видов. Одними он мог предостерегать людей; вторые представляли собой большую опасность, и их Тин мог послать, только посоветовавшись с двенадцатью другими богами; третьими – самыми страшными – Тин карал смертных по совету избранных богов. Сила удара этих молний была столь велика, что они безжалостно уничтожали все живое на своем пути.

Имя высшего этрусского божества – Тин, или Тиния, – выгравировано на зеркалах, изображено на посуде, на модели овечьей печени, найденной в Плаценции. Не совсем ясно, как этруски его себе представляли. Правда, найдены бронзовые статуэтки, самые ранние из которых относятся к V в. до н. э., похожие на изображения высшего греческого божества Зевса, но другие сохранившиеся фигурки с молниями совсем не похожи на греческого громовержца или римского Юпитера. На зеркалах Тин также изображен то как Зевс, то

как юноша, не имеющий ни малейшего сходства с Зевсом, и лишь надпись «Тиния» не позволяет принять этого молодого бога за Аплу (этрусская версия греческого Аполлона) или другое божество.

Так как Этрурия была морской державой, среди богов не могло не быть могущественного морского бога. Он назывался Нетун. Здесь явно чувствуется сходство с именем, которым назвали бога морей римляне. Нетун изображался с трезубцем, так же как и его греческий прототип Посейдон. Этрусский бог войны Марис походил на статного и моложавого римского Марса. В Этрурии также поклонялись богу вина, олицетворявшему, подобно греческому Дионису, веселье и жизнелюбие. Его особенно чтили в городе Популонии, по-этрусски Пуплуне или Фуфлуне, в честь которого бога веселья назвали Фуфлус. С подземным царством связан бог Турмс. Он приводил души умерших в загробный мир, как греческий Гермес или римский Меркурий. Его культ был важнейшим для города Арреции.

Многие другие этрусские божества также были тесно связаны с определенными городами. Жители Перузии, например, были горячими поклонниками бога огня Сефланса. Но кроме Сефланса существовал другой бог огня, изображение которого напоминает греческого Гефеста или римского Вулкана. В Популонии чеканилась монета с изображением бога огня и покровителя кузнецов – Велканса.

Один из этрусских богов (или одна из этрусских богинь?),

которого даже иногда называют главным этрусским божеством, удостоился великой чести. Его поместили в римский пантеон, где называли Вортумн или Вертумн. Скульптура бога стояла на Этрусской улице, и римский поэт Проперций писал о ней:

В теле едином моем, что дивишься ты образам многим?
Отчие признаки ты бога Вертумна узнай.
Родом и племенем я – этруск, но нимало не горько
Было мне в бегстве от войн бросить вольсинский очаг.

По мнению некоторых ученых, это божество является этрусской богиней Вольтумной. В ее святилище в Вольсинии проходили, по сведениям античных историков, религиозные празднества. Именно в этом храме каждый год собирались представители двенадцати этрусских городов. Римляне, вероятно, присвоили это божество, но в мужском варианте. Они были убеждены, что, похитив чужих богов, добьются их благосклонности и легко одержат победу над врагами, лишившимися поддержки свыше.

Бог войны Марис вызывает у этрускологов затруднения. Его имя созвучно с именем римского бога Марса, но на этрусских зеркалах Марис часто изображается безоружным, что вовсе не подобает богу войны. Зато на зеркалах же встречаются три других вооруженных бога – Ларан, царслан и Летан, которых тоже считают богами войны. Кое-кто из ученых, глядя на этот список «военных министров», с сомне-

нием качает головой, считая, что слишком много выходит «коллег» для одного пантеона. Таких споров при определении специализации отдельных богов немало. Так что, пока лишь в немногих случаях можно говорить об особенностях этрусской религии с большой долей уверенности.

В честь своих богов этруски строили святилища и храмы. Однако наши знания об этих постройках тоже очень отрывочны. Дело в том, что этрусские храмы создавались из непрочных материалов. Кроме того, археологи долгое время мало ими интересовались, уделяя главное внимание раскопкам богатых этрусских могил. А когда очередь дошла до исследования городов, от храмов остались лишь необожженные кирпичи, каменные фундаменты и кое-где лепка из обожженной глины. И все-таки даже по этим остаткам мы можем представить себе, как выглядели внутри и снаружи храмы этрусков.

Храмы этрусков, как правило, разделены на две или три части. Точно так же была разделена святыня римской капитолийской триады – Юпитера, Юноны и Минервы, строительство которой, по преданию, было начато в тот период, когда Римом правила этрусская династия Тарквиниев. До сих пор вызывает споры вопрос, чтили ли в храмах, разделенных на две или три части, двух, трех или нескольких богов. Еще более усложнилась эта проблема сейчас, когда выяснилось, что божественная триада, собственно, была у этрусков одна, известная и римлянам: Тин (Юпитер), Уни

(Юнона), Менрва (Минерва). Раньше считали, что триаде богов небесных соответствует триада богов подземных, но оказалось, что это не так. Вместо триад богов гораздо чаще на рисунках или зеркалах встречаются пары богов – таких как Аплу – Аритими (Аполлон – Артемида), Аит – Персипуай (Аид – Персефона) и т. д.

Мы почти ничего не знаем о ритуалах, проводимых в храмах, но редкие изображения жертвенных животных, которых ведут к алтарю, где пылает огонь, очень похожи на греческие и римские изображения. Подобные жертвы призваны были умилостивить богов, с их помощью выспрашивали божественную волю. Этруски уделяли жертвоприношениям большое внимание, похоже, что существовал особый календарь для подобных ритуалов.

На тысячах найденных этрусских зеркал и на могильных фресках часто встречаются также изображения легендарных героев. Темой для подобных сюжетов их создателям служили свои и чужеземные, в частности греческие, мифы о жизни богов и полубожественных героев. Некоторые мифологические сюжеты пользовались особым успехом. Очень часто на зеркалах изображен Геркл, по-гречески Геракл, известный у римлян под именем Геркулеса. Этот герой, по греческой мифологии, сын бога Зевса и смертной Алкмены, был вынужден служить ревнивой Гере, которая подвергала его многочисленным опасностям и заставляла совершать сверхчеловеческие подвиги. Однако, несмотря на все усилия, Гера не

смогла добиться своей цели. Геракл каждый раз выходил победителем и таким образом стал прославленным героем.

На одном зеркале V в. до н. э., найденном в Вульчи, Геракл стоит рядом с Атласом. Эта сцена взята из мифа об одном из знаменитых подвигов Геракла. Эти подвиги герой совершал, когда по приказу Геры был вынужден служить Эврисфею, царю Тиринфа. Тот велел Гераклу принести три золотых яблока из садов Гесперид. Когда царь задал эту почти невыполнимую за дачу, Геракл не знал, куда идти и где искать яблоки. Он бродил по земле, пока не добрался до Атласа, великого титана, державшего на плечах небесный свод. Геракл уговорил Атласа, чтобы тот помог ему достать золотые яблоки, и пообещал, пока Атлас будет ходить, взять на себя его тяжкое бремя. Атлас действительно принес яблоки, которые охраняли нимфы Гесперидыи, но решил сам отнести их Эврисфею и навсегда оставить Геракла держать небосвод. Однако умный Геракл перехитрил титана. Он не стал возражать Атласу, а попросил того на минуту подержать ношу: ему якобы хотелось положить на плечи подушку, чтобы небесный свод не так на них давил. Ничего не подозревавший Атлас согласился, а Геракл, избежавший ловушки, сразу же пустился в обратный путь. Художник запечатлел их в тот момент, когда Геракл уходит. Он сделал шаг в сторону, в правой руке у него палица, в левой – золотые яблоки, и видно, что он не намерен мешкать.

Другой мифологический сюжет, часто повторяющийся на

гравюрах, – суд Париса. В древних Тарквиниях было найдено поврежденное зеркало, относящееся к III в. до н. э. На нем можно разглядеть трех богинь, из которых пастух Парис должен был выбрать самую красивую. Гравер подписал под каждой фигурой имена – Менрва (на зеркале осталась лишь часть «нрва»), Уни, Туран и Элахснтр, т. е. Александр, как еще называли Париса.

На зеркале из Пренесте (III в. до н. э.) Юпитер творит суд над Венерой и Прозерпиной. Предметом раздора стал прекрасный Адонис, который в этот момент спрятан в ящике. Этим ящиком очень энергично стремится завладеть Прозерпина, а Юпитер, небрежно держа в левой руке свои молнии, со строгим видом выговаривает капризной повелительнице любви. По греческому мифу, Венера доверила воспитание Адониса богине подземного мира Прозерпине, которая так полюбила юношу, что отказалась отпустить его из своего царства. Юпитер рассудил, что Адонис должен одну треть года находиться у Прозерпины, другую – у Венеры, а третью там, где он пожелает. Естественно, Адонис решил две трети года проводить у богини красоты Венеры, но об этом уже зеркало не сообщает. Имена богинь Венос, Прозепна и бога Юпитера (Дия) написаны на древней латыни. Почему-то каждое из них стоит в другом падеже.

На шкатулках, так называемых цистах, и на зеркалах, особенно эллинистического периода (с конца IV в. до н. э.), часто изображена богиня Туран со своей свитой – прелест-

ными девами, иногда крылатыми, одеяние которых состоит лишь из сандалий и диадемы. Их украшают бусы, в руках они держат коробочки с благовониями. Это Ласы, демонические полубожественные персонажи, которые сопровождали не только Туран, но и других богинь.

Иногда на зеркалах и цистах воспроизведены эпизоды из греческой мифологии, которые не встречаются в других произведениях изобразительного искусства. При этом гравер, который либо плохо знал греческий миф, либо не совсем понимал его, нередко кое-что изменял в сюжете. Так, например, на одной гравюре показана Медуза Горгона, из тела которой, после того как Персей отрубил ей голову, появляются два чудовища. А в греческом мифе говорится, что из крови Медузы родились два ее сына – Пегас и Хрисаор. Некоторые мифические сюжеты на зеркалах нельзя считать новой версией уже известного мифа, вероятнее, их создатели просто допустили ошибку.

Однако этрусков прославили не столько их боги, частично известные нам из греческого и римского пантеонов, сколько жрецы-прорицатели и религиозное учение – Этрусское учение, как его называли римляне. Его важной составной частью было умение предсказывать будущее по внутренностям животных и объяснять значение молний, посылаемых богами.

Этрускам эти знания якобы передали сами боги. По легенде, рассказанной Цицероном, этрусский землепашец, ра-

ботавший на поле возле Тарквиний, случайно провел более глубокую, чем обычно, борозду. Из нее вылез божок Тагес с детским лицом, но мудрый, как старец, и обратился к пахарю с речью. Тот испугался и поднял крик. На его зов сбежались люди. Они выслушали Тагеса, который умел предсказывать будущее по внутренностям животных, и вожди этрусков записали слова Тагеса в священные книги. Искусству прорицания якобы учила этрусков и нимфа, именуемая по-латыни Бегое, Вегое или Вегоя, а по-этрусски – Вецуи. Она преподала им сложную науку толкования молний, которые считались божественными знамениями, и дала кое-какие практические знания, например, научила Аррунта Велтимна измерять поля. Изложенные Бегое принципы также были занесены в священные книги. В дальнейшем оба учения – Тагеса и Бегое – постоянно обогащались опытом жрецов, наблюдавших за жертвенными животными и молниями.

Священные книги были трех видов. В одних давались подробные указания, как узнавать волю богов по внутренностям жертвенных животных. В других истолковывались божественные знамения, посылаемые с помощью молний. В третьих – наиболее многочисленных – говорилось, как закладывать города и строить храмы, как управлять государством. К третьей категории относятся и книги мертвых, рассказывающие о смерти и посмертной жизни, а также специальные книги, объясняющие некоторые предзнаменования. Священные по своему характеру, они не были лишь чисто

практическим руководством. Судя по сообщениям античных историков, в них излагались взгляды на сотворение мира, его судьбу и другие основополагающие вопросы бытия мира и человека.

Римлян интересовали религиозные книги этрусков, многие из них были переведены на латынь. Один такой перевод – до нас он не дошел – сделал в первой половине I в. до н. э. Тарквиний Приск. Однако римляне начали интересоваться этрусской религией слишком поздно, в тот период, когда уже имели о ней не более ясное представление, чем о собственных древних религиозных культах. Хотя римляне были современниками этрусков, образ мышления последних был им чужд, поэтому вряд ли они могли правильно понять их религию.

Из всего религиозного «опыта» и обрядов этрусков римлян больше всего интересовала гаруспиция, т. е. предсказания по внутренностям жертвенных животных. Значение самого термина «гаруспиция» спорно. Вторую часть его лингвисты связывают с латинским словом spicio, встречающимся лишь в словосочетаниях и означающим «смотрю, наблюдаю». Первая же часть слова труднообъяснима, и ее толкуют по-разному. Одни исследователи связывают ее со словами некоторых европейских языков, обозначающими внутренности. Другие отождествляют «гару» с ассирийским словом har, что означает – печень. Эта старая гипотеза долгое время имела много приверженцев, но затем от нее отказа-

лись. Теперь же она снова получила распространение, так как обнаружилось, что между гаруспициями этрусков и вавилонян (соседей ассирийцев) есть сходство. Подобное объяснение слова «гаруспиция» особенно привлекательно для сторонников восточной теории происхождения этрусков.

Печень жертвенных животных действительно была предметом самого пристального внимания гаруспиков. Среди этрусских памятников есть один любопытный предмет – бронзовая печень овцы с именами богов, найденная в 1877 году в окрестностях Плаценции, нынешней Пьяченцы. С самого начала было ясно, что «печень» служила «шпаргалкой» гаруспикам или тем, кто только учился искусству предсказаний. Форма букв свидетельствует о том, что это изделие относится к III в. до н. э., а может быть, и к более позднему времени. Поверхность печени тщательно разделена на секторы, на которых выгравированы имена богов, как добрых, так и злых. Одни из них уже известны по надписям, другие встречаются впервые, третьи пока даже невозможно правильно прочесть. Похожие глиняные модели печени были обнаружены в одном из центров царства хеттов и в других странах Востока.

Этрусские жрецы выбирались из числа знати, из надгробных надписей мы знаем о продвижении этих людей по служебной лестнице. На саркофаге из Волатерры помещено изваяние гаруспика. Он облачен в мантию с каймой, застегнутую фибулой, и высокую коническую шапку. Иногда жрецы

держат в руке изогнутый посох. Некогда гаруспики обладали грозной репутацией, но ко II в. до н. э. в Риме к их способностям начали относиться скептически. Катон заметил, что не может понять, почему один «прорицатель не смеется, когда видит другого прорицателя». И все же римский сенат принял меры к сохранению Этрусского учения, а в I в. до н. э. члены знатных этрусских семей, таких как Тарквинии, переводили этрусские тексты на латынь и передавали свои знания от отца к сыну. Знатные римляне имели этрусских гаруспиков в своем личном окружении, один из них, Спуринна, предупреждал Юлия Цезаря о Мартовских идах. К I в. н. э. была основана коллегия, в состав которой входили шестьдесят гаруспиков. Еще в правление Константина, в начале IV в. н. э., в храме Вольтумна продолжались собрания жрецов. А в 410 г. н. э., когда умолкли оракулы Греции и империя вот уже сто лет как приняла христианство, этрусские гаруспики предложили призвать божественную молнию, чтобы отбросить вестгота Алариха от стен Рима.

Функции гаруспика можно себе представить благодаря гравюре на зеркале, найденном в Вульчи. Художник IV в. до н. э. изобразил этрусского жреца склонившимся над столиком с остатками внутренностей, в которых легко распознать трахею и легкие. В левой руке гаруспик держит печень и внимательно ее рассматривает.

Жрец, предсказывавший по внутренностям судьбу человека или целого государства, должен был в совершенстве

знать цвет и форму печени, ибо малейшее их изменение предопределяло будущее, выявляя волю богов. Гаруспики особое внимание уделяли пирамидальному отростку, который бросается в глаза и на «плацентской печени». Большой отросток предвещал человеку, который обратился к гаруспику, радость и процветание, маленький – несчастье и даже смерть. Расчлененный отросток угрожал городу войной и расколом. Нарост на его вершине, подобный венцу, толковался как недвусмысленное предзнаменование победы в войне. Понятно, почему гаруспики именно пирамидальному отростку придавали такое большое значение: разнообразие его форм открывало широкие возможности для их фантазии.

Но гаруспики не ограничивались этим отростком. Они изучали верхнюю – «неблагоприятную» и нижнюю – «благоприятную» стороны печени. Если некие знаки на верхней стороне говорили о счастье для того, кто интересовался своей судьбой, то такие же знаки на нижней – счастье для его врага.

Как правило, гаруспики рассматривали печень и желчь жертвенного животного, реже – его сердце и легкие. Имело значение также, какому животному принадлежали внутренности. Предписания, касающиеся этого пункта, были довольно строгими. Животные, предназначенные для жертвоприношения, в основном крупный рогатый скот, должны были быть совершенно здоровыми и не оказывать сопротивления, когда их вели к жертвенному алтарю.

Гаруспики также толковали знамения, посылаемые богами посредством молний. Это была нелегкая «наука», которую тоже часто называли гаруспицией. Толкователь молний изучал небосвод. Марциан Капелла пишет, что этруски делили небесный свод на шестнадцать частей, в каждой из которых помещался один из богов. Восточная сторона при этом считалась благоприятной, западная – неблагоприятной. Жрец, наблюдавший за молниями, став лицом к югу, старался точно определить, откуда молния вышла и куда была нацелена. При этом он определял не только, какой бог послал молнию, но и почему он это сделал, как надо выполнять его волю или в более широком смысле толковать предзнаменование, ибо, с точки зрения гаруспиков, молнии были разные. Одни советовали или, наоборот, не советовали приниматься за дело, в успехе которого вопрошающий не был уверен, другие посылались уже после того, как смертный совершил поступок, и показывали, был ли этот поступок хорошим или плохим. Были, наконец, молнии, предназначавшиеся для тех, кто в данный момент ничего не делал и не намерен был делать, и являвшиеся напоминанием или прямой угрозой.

Самые грозные молнии шли с северо-запада, самые благоприятные вспыхивали на северо-востоке. Определенное значение при этом имели цвет и форма молнии, дата, когда ее наблюдал жрец, место, куда она ударила. Если молния попадала в общественное здание или на общественную террито-

рию, значит, поселению угрожали внутренние раздоры или государственный переворот. Если же она ударяла в городскую стену, то гаруспики предсказывали нападение врага, и именно с той стороны, куда ударила молния. Если уж она ударяла в святилище, знамение толковалось в зависимости от того, кому святилище было посвящено.

Ливий описывает церемонии, которые устраивали римляне, когда происходило нечто подобное:

«Молния ударила в храм царицы Юноны на Авентине. Так как предсказатели объяснили, что это знамение имеет отношение к матронам и что богиню следует умилостивить дарами, то, согласно эдикту курульных эдилов, были созваны на Капитолий женщины, живущие в самом городе и не далее (расстояния) 10 камней от города; здесь они сами из своей среды выбрали 2, к которым остальные должны были доставлять пожертвования из своего приданого. На эти деньги был сделан дар – золотая чаша – и отнесен на Авентин; матроны чисто и непорочно принесли жертву. Тотчас был назначен децемвирами день для другого жертвоприношения той же богине; порядок его был таков: от храма Аполлона повели через Карментальские ворота двух белых коров; за ними несли две кипарисных статуи богини Юноны; затем шли 27 девиц в длинных одеждах и пели в честь царицы Юноны гимн, который в то время для людей, стоявших на довольно низкой ступени развития, казался, может быть, достойным похвалы, а теперь, если передать его, негармоничным

и нескладным; за рядом девиц шли децемвиры, увенчанные лавровыми венками и в обшитых пурпуром тогах; от ворот они пришли по Югарской улице на форум; здесь процессия остановилась, и, взявшись руками за веревку, девицы шли мерным шагом в такт гимна. Затем они двинулись далее по Этрусской и Велабрской улицам через Бычью площадь на Публициев холм и к храму царицы Юноны. Здесь децемвиры заклали двух жертвенных животных, а кипарисные изображения были внесены в храм».

По убеждению этрусков и римлян, во власти гаруспиков было отвести угрозу бога или, по крайней мере, смягчить ее. С этой целью жрецы совершали магические ритуалы и обряды, призванные умилостивить божество. Место, куда попадала молния, гаруспики тщательно очищали, устраняли следы удара молнии и закапывали все, что было при этом повреждено. Затем они окружали пострадавший участок оградой и посвящали его божеству, а для смягчения его гнева приносили жертву. На месте «погребения» молнии делали соответствующую надпись. В Риме очистительными жертвоприношениями, как правило, занимались гаруспики, получавшие свои полномочия от сената. Иногда сенат поручал выполнение подобных обрядов римским жрецам. Их ритуальные действия несколько отличались от ритуала этрусков.

Этруски и римляне верили, что гаруспики способны молитвами и жертвоприношениями добиться того, чтобы боги посылали или, наоборот, не посылали молнии. Сначала

римляне обращались к этрусским гаруспикам лишь в случае крайней необходимости, так как считали их учение чуждым своим верованиям. Лишь позже, когда римляне подчинили себе этрусков, гаруспиция постепенно стала частью официальной римской религии.

Один из первых случаев, в связи с которым гаруспики были приглашены из Этрурии в Рим, описан Титом Ливием: «Мысли людей ужаснуло сообщение, что во Фрусине (город в Лации) родился ребенок, выглядевший как четырехлетний. Немалое удивление возбудил его рост, но намного большее волнение вызвало то, что невозможно было определить, мальчик это или девочка. Гаруспики, вызванные из Этрурии, провозгласили, что это неблагоприятное знамение, и распорядились вывезти дитя за территорию Рима, удалиться с ним от суши и утопить его посреди моря. И положили дитя в ящик, и заживо бросили его в море».

Во времена Республики и в начале Империи (примерно до середины I в. н. э.) гаруспицией занимались жрецы этрусского происхождения. Впрочем, и позже римляне принуждали юношей из привилегированных этрусских семей давать пророчества. Римская знать стремилась к тому, чтобы учение гаруспиков сохраняло свои аристократические черты. И действительно, пророчества гаруспиков в период Республики играли на руку аристократии Рима. Они были направлены против демократических движений, с одной стороны, и против попыток отдельных влиятельных лиц захватить в свои

руки власть – с другой. Этрусские гаруспики, например, приложили усилия, чтобы воспрепятствовать народному трибуну 123–121 гг. до н. э. Гаю Гракху, предложившему расселить безземельных римлян в Африке, там, где раньше стоял Карфаген. Они заявили, что при основании колонии волки якобы подрыли межевые столбы, отмечавшие ее границы, и что это неблагоприятное знамение, знак несогласия богов с предложением Гракха. Гаруспики ссылались главным образом на то, что после победы над Карфагеном в 146 г. до н. э. римляне прокляли его территорию и запретили строить на ней поселения. Позже жрецы старались воспрепятствовать установлению диктатуры Суллы и Цезаря, опиравшихся на низшие слои населения.

Со временем гаруспики стали неотъемлемой частью жизни Рима. В период Империи они объединились в коллегию, или корпус, центром которого были Тарквинии. Римляне обращались к гаруспикам и по личным вопросам, и по делам, имевшим важное государственное значение. Когда в 70 г. н. э. обновлялся Капитолийский храм, гаруспики имели решающий голос при обсуждении вопросов, связанных с выбором строительных материалов и способа строительства. Кстати, в I в. н. э. спекуляции на тему предсказаний гаруспиков стали так популярны, что император Тиберий распорядился, чтобы жрецы гадали для частных лиц лишь в присутствии свидетелей. Император же Клавдий, идеализировавший историческое прошлое этрусков, естественно, благово-

лил и к их религии.

Доверчивостью людей начали злоупотреблять предприимчивые дельцы, для которых гаруспиция стала золотым дном. Они предлагали свои услуги, разумеется, не бескорыстно, в основном солдатам и крестьянам. «…Гаруспики, весталки – все они заставляют простых, необразованных людей тратить деньги ради лживых суеверий», – пишет Колумелла. О мнимых гаруспиках говорит и Катон: «Пусть не спрашивает совета у гаруспиков, авгуров, весталок и звездочетов». Интересна точка зрения на гаруспицию Цицерона. В своей книге о предсказаниях он в дискуссии с братом говорит:

«Принимая во внимание государство и общественную значимость религии, я думаю, мы должны ее уважать. Но здесь мы одни и, следовательно, можем, ничем не рискуя, оценивать вещи, особенно я, который в большинстве вещей сомневается. Рассмотрим, если хочешь, сначала внутренности. Может ли кто-либо кого-либо убедить, что гаруспики вследствие длительного опыта знают, что якобы предсказано во внутренностях? Но как долго этот опыт мог накапливаться и как давно его стали использовать? Или каким образом они сообща договорились о том, какая сторона неблагоприятна и какая благоприятна, какая извилина предвещает несчастье, а какая успех и благополучие? Чтобы обо всех этих вещах могли договориться гаруспики этрусские, элидские, египетские и пунические? Но они не могли этого сде-

лать, да и вряд ли это сделать мыслимо.

Ведь каждый, как известно, предсказывает по внутренностям по-разному, и у них нет единой общей науки. Кроме того, если внутренности обладают свойством предсказывать будущее, они должны быть связаны с естественной сущностью вещей или должны быть подвержены воздействию и воле богов. Но что может иметь общего с сущностью вещей, могущественной и прославленной, определяющей все частности и все движение, – я даже не беру желчь, хотя некоторые считают эту часть внутренностей, видимо, важнейшей, – но печень могучего быка, или его сердце, или легкие? Что имеют в себе эти внутренности столь значительного, чтобы по ним можно было бы предсказывать будущее?»

Легенду о Тагесе, которого нашел в борозде некий тарквинийский пахарь, Цицерон сопровождает полным иронии комментарием: «Будет ли кто-нибудь так глуп, чтобы поверить, что был вырыт – бог ли, человек? Если бог, почему он вопреки своему естеству скрывался в земле, чтобы появиться на свет выкопанным? Как же так, разве не мог этот бог познакомить людей со своим учением с места более возвышенного? Если же был этот Тагес человеком, то как он мог жить под землей? И далее, где он мог научиться тому, чему учил других? Право же, сам я глупей тех, кто такому болтуну верит, если против них так долго говорю».

Нет, Цицерон не верил гаруспикам: «Хорошо известно высказывание Катона, который удивляется, почему гаруспик

не смеется каждый раз, когда увидит гаруспика. Сколько их предсказаний исполнилось? Или, если исполнилось какое-нибудь их предсказание, где доказательство, что это не произошло случайно? Когда Ганнибал, живший в изгнании у царя Прусия, предлагал ему сражаться до конца, царь ответил, что он не осмеливается, ибо якобы этого не позволяют сделать предзнаменования внутренностей. В ответ Ганнибал воскликнул: “Смотрите-ка! Неужели ты поверишь скорее куску телятины, чем опытному полководцу?”»

Но, несмотря на то что Цицерон и многие другие выдающиеся люди относились к искусству гаруспиков скептически, тем не менее, вера в их предсказания жила еще долго. Даже в IV в. н. э. император Константин, в правление которого были прекращены гонения на христиан, вынужден был издать строжайшее распоряжение, запрещавшее гаруспикам приносить жертвы у общественных алтарей и в храмах, и в конце концов приказал им прекратить под страхом смерти свою деятельность. Однако попытка императора уничтожить гаруспицию не увенчалась успехом. При его наследниках, в период заката римского могущества, гаруспики продолжали заниматься предсказаниями. Правда, фортуна не всегда поворачивалась к ним лицом: порой власти смотрели на их действия сквозь пальцы, а порой сжигали их книги. Но вырвать корни этого учения было почти невозможно, и христианским священникам и государям приходилось вести с наследниками этрусских мудрецов постоянную борьбу. Еще в

VII в. н. э. издавались указы о том, чтобы гаруспики не занимались пророчеством.

Этруски, как и другие древние народы Средиземноморья, верили в загробную жизнь. Этим можно объяснить обычай этрусков строить склепы наподобие домов, снабжать их предметами первой необходимости, украшать стены фресками и хоронить мертвых в одежде и с драгоценностями. Это был даже не акт уважения, но прямая обязанность живых по отношению к мертвому. С давних пор в Этрурии была известна и кремация тел. Можно предположить, что, по представлениям этрусков, душа и тело не связаны тесными узами и сожжение тела освобождает душу. Примечательно, что пепел сожженных ссыпали в урны, напоминавшие формой дом или тело человека.

Но в общем у этрусков были настолько сложные представления о загробной жизни, что пройдет еще, вероятно, немало времени, прежде чем ученые смогут внести ясность в этот вопрос. На основании сохранившихся могильных фресок и сопоставления греческих и этрусских религиозных культов можно сделать вывод, что у этрусков, вероятно, существовало несколько совершенно отличных друг от друга представлений о загробной жизни. Так, например, этрускам было не совсем ясно, живут ли умершие в самой могиле или переселяются в подземное царство. Обе эти точки зрения мирно уживались в этрусском обществе.

Сведения о том, как представляли себе этруски загроб-

ную жизнь, мы черпаем в основном из фресок богатых склепов. На них часто изображалось путешествие в подземное царство. Усопший отправляется туда пешком, верхом или на колеснице, иногда на руках крылатого гения. А какова сама загробная жизнь? На некоторых картинах она изображена полной радости, веселья и гармонии; умершие участвуют в богатых пирах, устроенных в их честь, во время которых все присутствующие наслаждаются музыкой и танцами. На других фресках мы видим богов подземного царства из греческой мифологии – Аида, которого этруски называли Аита или Эита, с волчьей шкурой на голове, и Персефону, по-этрусски – Персипуай. Популярным сюжетом в этих фресках является также трапеза, но проходит она в совсем другой обстановке. Лица демонов, прислужников бога мрачного подземного царства, не выражают умиротворения, характерного для персонажей предыдущих картин. Эти демонические существа, порожденные представлениями самих этрусков, внушают страх. Таков, например, Харун, хотя и названный, как Харон – у греков мифический перевозчик через реку Стикс, – но не имеющий со своим греческим прототипом ничего общего, кроме имени. Крючковатый нос, оскаленный рот и синее, словно гниющее, тело производят отталкивающее впечатление получеловека, полузверя. Другой, уже чисто этрусский, демон – Тухулха в своем безобразии не уступает Харуну. Лошадиные уши и нос, напоминающий клюв грифа, обезображивают лицо, крылья нетопыря, поднимаю-

щиеся над его головой и обвивающие талию и ноги, дополняют образ.

Немаловажен тот факт, что фрески, на которых изображены радостные пиры и празднества, относятся к более раннему периоду – к VI и V вв. до н. э., тогда как тревожные, зловещие изображения стали появляться в IV в. до н. э. Большинство исследователей полагает, что это изменение было вызвано начинавшимся закатом этрусского могущества.

Считается, что религия этрусков изучена лучше других областей этрускологии. Тем не менее, как мы видим, ученые и здесь часто разводят руками. Хотя источников, пополняющих наши сведения об этрусской религии, немало, все же дает о себе знать то обстоятельство, что священные этрусские тексты и надписи пока молчат. Возможно, однако, что, даже если они заговорят, мы и тогда не узнаем многого, так как подавляющая часть этрусской религиозной литературы до нас не дошла.

Одной из загадок этрусской истории являются некие «лукумоны». Ученые до сих пор не знают, за что именно тот или иной человек мог быть назван этим титулом. Римский грамматик IV–V вв. н. э. Сервий в комментариях к Вергилию писал: «Лукумоны на языке этрусков это цари». На этом суждении исследователи построили массу гипотез о значении термина. Одни считали лукумонов просто царями, другие уточняли – «цари, наделенные сакральной властью». Третьи полагали лукумонов родовыми старейшинами, четвертые – вы-

борными царями, пятые – сословием аристократов, а шестые – особой должностью.

Источники о лукумонах можно распределить по группам данных. Во-первых, это информация из первых рук: этрусские памятники. Во-вторых, разнообразные предания о лукумонах, дошедшие до нас с помощью греческих и римских авторов. Из таких свидетельств выстраивается довольно длинная цепочка фактов, последнее звено которой относится к IV в. до н. э., а первое теряется в туманной древности.

Этрусские памятники дают возможность познакомиться с одним из лукумонов. Каменный саркофаг, крышка которого сделана в виде фигуры грузного пожилого мужчины: он возлежит на мягком ложе, опираясь левой согнутой в локте рукой на две подушки. Этот мужчина, имя которого Ларс Пулена, разворачивает свиток. В довольно пространной надписи сообщается, какие Ларс Пулена занимал должности, а также перечисляются линии родства. Ларс Пулена был лукумоном. И еще – жрецом этрусского аналога бога Диониса. Прадед Ларса Пулены, судя по прозвищу «greice», был греком.

Саркофаг относится к первой половине III в. до н. э. и происходит из Тарквинийского государства. Второй источник более поздний (в пределах 150—30 гг. до н. э.). Это самый длинный из известных на сегодняшний день этрусских текстов. Запись сделана на пеленах для бинтования мумии. Мумия молодой женщины – творение египетских специалистов и обработана в полном соответствии с законами этой страны.

Но на пеленах записан этрусский текст, нечто вроде религиозного календаря с указанием необходимых ритуалов в честь того или иного божества в течение года. И вот среди специальных религиозно-культовых терминов возникает этрусская форма «Lauxumneti». Учитывая грамматическую форму, возможно, речь идет о некоем месте, связанном с лукумонами.

Одно и то же предание о лукумонах пересказывают античные историки – Полибий, Тит Ливий, Плутарх. Все они излагают важный, с точки зрения римлян, эпизод: осада галлами сначала этрусского города Клузия, а затем уничтожение ими самого Рима в 390 г. до н. э. Оказывается, галлы под стенами Клузия появились благодаря именно лукумону. Он был сыном очень знатного и богатого этруска, который, умирая, поручил Аррунту, жителю Клузия (по-видимому, торговцу – он возил в Галлию вино), воспитание своего ребенка. Однако воспитанник отплатил Аррунту черной неблагодарностью. Чтобы наказать лукумона, Аррунт обратился за помощью к галлам. Как пишет Ливий, «за то, что тот соблазнил его жену, а поскольку сей юноша обладал большой властью, то невозможно было наказать его иначе, как прибегнув к чужеземной силе».

Судя по этому эпизоду, лукумон находился над всеми структурами управления, хотя и не был наделен какой-либо должностью, просто сказано, что «обладал большой властью». Правда, античные авторы не знают точно – лукумон

в этой истории – это звание или имя. В одних источниках лукумоном назван умирающий отец, в других – его сын. Может, «титул» передавался по наследству?

История лукумонов в Риме, согласно античной традиции, начинается с Ромула, то есть с середины VIII в. до н. э. Лукумоны из Этрурии направляются на помощь первому римскому царю, но, оказавшись на новом месте, они перестают быть тем, кем являлись на родине. Об их деятельности ничего не известно. След лукумонов пытаются увидеть лишь в термине «луцеры». Появляется легенда о том, что некто Лукумон, или иначе Луцер, дал имя одной из триб Рима. Триба в городе – особое административно-социальное подразделение. Поскольку Рим был многонациональным поселением, здесь существовало три трибы: рамнов, титиев и луцеров. Рамны назывались так по имени Ромула, а титии – сабинского царя Тита Татия. Полагали, что в трибе рамнов преобладают коренные римляне, среди титиев – сабиняне и их потомки, среди луцеров – этруски.

Но это легенды. В более же или менее достоверной истории этрусков особого внимания заслуживает судьба Тарквиния Древнего. Он был родоначальником этрусской царской династии в Риме (616– 10/ 09 гг. до н. э.). При этом Тарквиний сохранил за собой статус или титул лукумона, который получил еще в Этрурии. Относительно же его преемников – Сервия Туллия и Тарквиния Гордого – такой определенности нет. Надо сказать, что Тарквиний Древний по происхож-

дению вовсе не этруск, а грек, сын коринфянина Демарата. Некоторые древнеримские авторы утверждают, что Этрурия с ее жесткими сословными барьерами не позволяла эмигранту сделать достойную карьеру. Но, читая Ливия, легко убедиться, что данное, в общем-то верно подмеченное, правило применительно к лукумону не имело силы. В самом деле, этот чужак находит себе удивительную жену – знаменитую прорицательницу Танаквиль, он баснословно богат. Он лукумон, и что бы это ни значило, для этрусков данного факта вполне достаточно, чтобы проявлять особое уважение даже к иноземцу.

Откуда у ученых возникло представление о лукумонах как о царях, наделенных сакральной властью, царях-шаманах? Дело в том, что почитание царя у этрусков тесно связано с культом подземных божеств. царь-чародей воспринимается как средоточие связей с потусторонним миром, а его дворец, его столица – как своеобразный портал из мира мертвых в мир живых и наоборот. В царском дворце (Региуме) постоянно совершались чудеса, о которых рассказывали леденящие душу истории. цари этрусков уже при жизни строили себе усыпальницы, учредили чудовищный праздник, в ходе которого следовало умертвить младенца. В римском пересказе порядки, заведенные этрусскими царями (в том числе представителями соответствующей династии в самом Риме), неизменно представали в виде мерзких в религиозном и унизительных в социальном отношении. Принесение ре-

бенка в жертву богам загробного мира для римлян было таким же несусветным и ужасным деянием, как и мобилизация всех жителей без различия сана и возраста для прокладки под землей дренажной системы. Собственно, эти рассказы увязывались в один цикл – отношения этрусских царей-деспотов с Подземельем. Мы же можем сделать вывод о явном сходстве древнеэтрусских обычаев с теми, что существовали, например, в Древнем Египте – как в отношении представлений о жизни после смерти, так и в отношении полного подчинения населения правителю страны.

Одно из сказаний связано с освоением этрусками новых земель. Тархон – легендарный основатель города Тарквинии и многих других городов в Этрурии – с войском перешел Апеннины и «заложил в первую очередь город, который тогда назвал Мантуей, что по-этрусски означает имя отца Дита. Затем посвятил отцу Диту еще одиннадцать городов и праздник, а также освятил место, где постановил сходиться двенадцати городам на совещание». Дит – великий бог подземного мира. Таким образом, Тархон делает то же, что и Тарквиний Древний: переселяясь в чужие края, он как бы перевозит сюда и подземных богов из родных мест. Недаром ведь центральным пунктом в законе об основании городов «Этрусского учения», знаменитого свода этрусских религиозных книг, переведенных в I в. до н. э. на латинский язык (благодаря чему и известных нам), становится ограждение от внешнего мира городской чертой – бороздой в земле. Пра-

вильно устроенный город должен иметь в своих стенах особое углубление («мундус»), через которое наземный мир мог бы общаться с подземным.

Очередная легенда о лукумонах дошла до нас в большом числе вариантов начиная с I в. до н. э. и кончая VI в. н. э. Вспомним о Тагесе, младенце-старце. Очень интересна мотивация его появления из-под земли: пахарь провел борозду глубже обычного, поэтому и появляется демон, показывая, что живущие на поверхности не знают законов богов. Лукумоны оказываются в числе тех, кому Тагес передает свои знания. Послушать его собираются представители «двенадцати городов Этрурии». Правда, для поездки в Тарквинии лукумону, скажем, из североэтрусского города Волтерр потребовалось бы много времени, ведь надо было преодолеть 160 километров. А до Арреция (современный Ареццо) от Тарквинии – 140 км. Между тем, античная традиция говорит о быстротечности пребывания Тагеса на земле. Это выразительно звучит в «Метаморфозах» Овидия:

> …некогда пахарь тирренский,
> В поле увидевший вдруг ту глыбу земли, что внезапно,
> Хоть не касался никто, шевельнулась сама для начала,
> Вскоре же, сбросив свой вид земляной, приняла человечий,
> После отверзла уста для вещания будущих судеб.

Лукумоны, по определению, сохранившемся в словаре

Феста, – «некие люди, называвшиеся так за их безумие, потому что места, к которым они подходили, становились опасны». Такое определение не исключает, однако, что лукумон только на определенное время мог впадать в экстаз, а обычно был вполне нормален. Итак, судя по вышеприведенной цитате, лукумон обладает особенной (магической) силой, которая распространяется на окружающее пространство и смертельна для обывателей. Лукумоны же, перебиравшиеся в земли далеко от родных мест (где они черпали свою сверхъестественную энергию), утрачивали свои способности. Сказание о Тагесе отнесено этрусской легендарной историей к глубокой древности. «Этрусское учение», провозвестником которого якобы был Тагес, было популярно в эпоху уже достаточно развитой цивилизации, которая создала города, открыла плужное земледелие, пользовалась письменностью. Значит, время появления на земле Тагеса следует отнести к более раннему времени, к бронзовому веку. Именно в том времени, вероятно, следует искать корни особого отношения к лукумонам.

Возможно, сама природа Этрурии заставляла местных жителей выделить из своей среды кого-то вроде посредников между миром богов и миром людей – лукумонов. Недра таили в себе множество разнообразных полезных ископаемых. Это способствовало развитию в этих краях всевозможных ремесел, торгового обмена с весьма отдаленными народами, которые нуждались в железной и медной руде, цинке, квас-

цах и многом другом, чем оказалась богата земля Этрурии. Подземные богатства притягивали сюда людей. Значительная часть этрусской территории оказалась покрыта вулканическими выбросами, поверх которых постепенно образовывался плодородный слой земли. В районе Этрурии Апеннины образуют дугу, как бы прогибаясь под натиском влажных ветров Атлантического океана. Высота гор здесь весьма солидная, и они задерживали влагу. Вода стремилась обратно – к морю – и становилась одним из главных факторов, влияющих на историю Этрурии. Потоки буквально пропиливали вулканическую основу почвы. И если взглянуть на область сверху, можно увидеть, что вся она прорезана глубокими каньонами. Часто вода пряталась в толще земли, просверливая каналы, создавая озера. Вода и солнце сделали «этрусский амфитеатр» настоящим раем для растительного и животного мира, но не для человека, во всяком случае до тех пор, пока он не понял и не поставил себе на службу особенности природы этой области.

Для тех же, кто бездумно пытался изменить окружающую среду, этрусская природа приготовила немало сюрпризов. Попытки человека наладить регулярное земледелие – например, вскапывать землю или выкорчевывать лес – вызывали негативные последствия. Нарушался водный баланс, а это означало: засоление земель – они делались непригодными для земледелия; образование новых болот – распространялась малярия; мелели реки, прибрежные лагуны затя-

гивались илом, судоходству и торговле наносился страшный удар…

История проникновения человека в этрусский амфитеатр и его приспособления к местной природе – это история борьбы с водной стихией. Вот из этого напряженного противостояния и мог родиться феномен лукумонства.

Следует отметить, что человек не спешил забираться в этрусский амфитеатр. Уже к IV–III тыс. до н. э. Апеннинский полуостров мог похвастать рядом весьма продвинутых в культурном отношении регионов. На севере, в Паданской равнине, развивалась так называемая культура террамар – земледельцев, скотоводов, металлургов. И весь юг полуострова был охвачен очагами подобных культурных образований. Явное проникновение человека в этрусский амфитеатр прослеживается археологами только с первой половины II тыс. до н. э. Тогда вся территория Этрурии оказалась во власти скотоводов. Показательно, что именно пастухи с относительно небольшими стадами благополучно интегрируются в местное природное окружение, вероятно, нанося ему минимальный вред. Представители других культур появлялись тогда время от времени, чтобы извлечь из этрусских недр спрятанные там природой минеральные богатства. То были «охотники за металлом», которых посылали в Этрурию народы Апеннинского полуострова, развивавшие свои культуры к северу, югу, западу и востоку от нее. Они добывали руду, переплавляли ее в слитки и уносили домой. На-

верное, не всякий раз такие экспедиции кончались благополучно, они пресекались воинственными пастухами. Приходилось оставлять тяжелый груз, пряча его в надежные места, и не всегда удавалось за ним вернуться. До сих пор в земле Этрурии находят довольно много таких слитков.

Так продолжалось, вероятно, много веков, однако в XVII–XVI вв. до н. э. в этрусском амфитеатре появляются оседлые поселения. Жители занимаются здесь переработкой полезных ископаемых, производством из них нужных в хозяйстве предметов. И не то удивительно, что такие поселки появляются, что они прячутся в глухих местах, опасаясь своих могучих соседей… Удивительно то, что люди сумели понять местную природу, приспособиться к ее капризам. Работать на местной земле было возможно только с помощью дренажных систем. Наверное, на первых порах они были предельно примитивными. Но со временем накапливался опыт, и в эпоху развитой этрусской цивилизации местные ирригаторы умели уже практически все: строили подземные водоотводные каналы, пробивали скалы, сооружая наземные рукотворные реки, делали и многое другое. С водой они были теперь на «ты». Не было в Италии других таких специалистов, которые могли бы поспорить с этрусскими знатоками в умении находить подземные воды по внешним признакам. Для этих и других практических целей в Этрурии существовали специальные травники. Но таким премудростям надо было еще очень долго учиться, поскольку они основывались на

многолетнем наблюдении уникальных особенностей этрусской природы. Вероятно, носителями знаний об этрусских водах, травах и многих других природных явлениях и становятся лукумоны.

XII в. до н. э. стал для всего Средиземноморья эпохой катастроф. Огромные массы людей, населявших центральную Европу, двинулись на юг, сокрушая на своем пути высокоразвитые цивилизации. Погибла Ахейская Греция, воспетая Гомером страна Агамемнона и Одиссея. И на Апеннинском полуострове все было разрушено и сожжено. Однако эти толпы переселенцев так и не решились вторгнуться в этрусский амфитеатр. Снова путь им, как и много веков назад их предшественникам, преградила здешняя коварная природа.

Этруски пребывали еще в бронзовом веке, а пришельцы принесли с собой умение обращаться с железом. Они уже были земледельцами. Еще, судя по археологическим данным, пришельцы были исключительно воинственны, но, несмотря на это, остановились у границ Этрурии и оставались там длительное время – с XII по IX в. до н. э. Да и потом, когда они, очевидно, сумели приспособиться к новым условиям и начали движение внутрь амфитеатра, это движение не привело к насилию. Напротив, возник союз культур. Обитатели оседлых поселений и воинственные жители пограничных районов Этрурии образуют тандем. Некогда бесстрашные свободные пастухи, очевидно, составили базу низших слоев населения, чье положение мало чем отличалось от

рабского. В результате стремительных преобразований фигура древнего лукумона в новом обществе как бы скрывается в тени. Носителем высшей власти становится правитель. Особый статус лукумона теперь присваивается им. По характерным изменениям в погребальном обряде на протяжении VIII–VII вв. до н. э. видно, как новая власть постепенно находит свое лицо в системе не только общественных отношений, но и мифологической картине мира древних этрусков. На основании изучения похоронной практики этрусков специалисты делают выводы и о представлениях, которые царили в этом обществе, в отношении смерти и возможности жизни после нее. Здесь следует обратиться к истории соседей этрусков – древних италийцев и греков, которые разработали стройную систему взглядов на эту проблему. Оказывается, что между взглядами этрусков и, к примеру, италийских греков-колонизаторов существует множество параллелей.

Традиционно считается, что именно юг Италии, колонизованный греками, был зоной распространения орфико-пифагорейских представлений. Ключевым пунктом и орфического, и пифагорейского учений была вера в переселение душ и загробный суд, после которого душа либо возвышалась над своим прежним положением, либо низводилась ниже. Имея общий «фонд идей», орфики и пифагорейцы обращались с ним по-разному. Орфики, подобно многим другим представителям тайных, мистических учений, противо-

поставляли себя всем остальным людям, помышляя прежде всего о личном спасении. У пифагорейцев же пассивная вера в бессмертие, характерная для орфиков, преобразуется в уверенность в том, что на цепочки переселения души можно оказать воздействие еще в процессе преображения душ, влияя таким образом и на конечный итог функционирования Вселенной.

Было ли в греческой Италии нечто орфическое до появления здесь Пифагора (ок. 40–00 гг. до н. э.)? Всеми античными авторами признавалось, что Пифагор, чужак для Италии, появляется здесь уже как сложившийся реформатор. Все версии античных биографов знаменитого мыслителя описывают его путешествия по белу свету вплоть до поселения в Италии. Но вот относительно маршрутов этих странствий мнения биографов расходятся. Наибольший интерес представляют те источники, которые связывают Пифагора с Этрурией.

Источники часто противоречат друг другу. Одни склонны считать Пифагора пропагандистом своих идей в Этрурии. Так, у Пифагора, оказывается, были ученики, выходцы из Этрурии и центральной Италии. Самый знаменитый из них – второй римский царь Нума Помпилий. Кстати, устанавливаемые им порядки в собственном государстве очень сильно напоминали этрусские.

Другие стремятся самого Пифагора сделать этруском. Так, например, говорили о тирренском происхождении Пи-

фагора, а в грекоязычных источниках тирренами, как мы уже знаем, именовали этрусков. В этрусском городе Кортоне показывали «Гробницу Пифагора» – некое архитектурное сооружение, вокруг которого невесть как возникли соответствующие легенды. Но самую интересную информацию такого рода донес до нас римский поэт IV в. н. э. Авзоний, назвав Пифагора лукумоном.

Надо сказать, что легенды об этрусском происхождении Пифагора возникли не на пустом месте. Современные ученые давно обратили внимание на достаточно необычное поведение греков, переселившихся в Италию. По мнению некоторых историков, здесь можно говорить об изменении этнической психологии. Италийские греки становились суеверными, у них появлялся комплекс неполноценности перед лицом встретившей их на Апеннинском полуострове природы. Развитие орфико-пифагорейских представлений здесь – один из показателей такого феномена. Интересно, что, помимо всего прочего, италийские греки, выступавшие в роли философов, законодателей и наставников иного рода, старались внушить почитателям, что способны творить чудеса. Достаточно напомнить о легендах, связанных с именами Пифагора и Эмпедокла, многие из которых имели реальную основу. Например, вполне правдоподобно выглядит самоубийство Эмпедокла, бросившегося в жерло вулкана, чтобы люди не могли найти его тела и верили в божественность происхождения. В греческой Италии резко возрастает значе-

ние богов подземного мира. Так, зеркала, в которых не видели ничего особенного жители метрополии, в колониях окружаются всяческими небылицами и превращаются в инструмент, с помощью которого этот мир общается с преисподней. Такое отношение к предметам характерно для Этрурии.

Еще одна параллель между обычаями италийских греков и этрусков связана с так называемыми «пишущими демонами» Этрурии. Они довольно часто изображались на памятниках, связанных с заупокойным культом, что-то записывающими на досках, диптихах, свитках. Эти изображения в совокупности с некоторыми литературными свидетельствами указывают на существование в Этрурии представлений об особой «Книге жизни», загробном суде и тому подобных сюжетах. Известно, что и в греческой Италии подобные представления получили широкое распространение.

Следующий сюжет связан с духовной литературой этрусков. Корнелий Лабеон, писатель III в. н. э., специализировавшийся на разного рода демонологических проблемах, в одном из своих многочисленных сочинений, обратившись к вопросам бессмертия в орфическом ключе, процитировал этрусков. В передаче Сервия это звучит так: «…есть некие священные средства, с помощью которых человеческие души обращаются в богов, которые называются animales, потому что возникают из душ». Чтобы понять, что имел в виду Лабеон, обратимся к одному этрусскому памятнику, хранящемуся в Эрмитаже. Он позволяет довольно детально

проанализировать процедуру, которую должны были пройти персоны ранга лукумона или близкие ему. Это небольшое (примерно вполовину меньше натуральной величины) изображение возлежащего на пиршественном ложе молодого мужчины. Отчасти данный памятник напоминает саркофаг Ларса Пулены. Все детали бронзового изваяния подчинены продуманной до мелочей программе. Бронзовый этруск – полый. Фигура располагалась на каменной плите, с которой соединялась с помощью особых крючков по бокам прямоугольного ложа. Конструкция обеспечивала сохранность помещаемого внутрь фигуры праха. Кроме сожженных останков человека внутри находились несколько предметов, каждый из которых имел символическое значение, определяя важнейшие этапы в жизни человека. Золотая булла – маленький шарик, охранявший мальчика в детстве, – украшена изображением бегущего воина со щитом. Рядом – ожерелье с фигуркой фантастического сфинкса-мутанта с двумя туловищами, сросшимися у основания одной-единственной головы. Сфинкс, очевидно, обозначал средний отрезок жизненного пути, когда умерший являл свою истинную сущность, обладая необыкновенной силой воздействия на общество. Наконец, золотой венок – символ перехода усопшего в состояние потустороннего бытия. Венок украшен двумя одинаковыми рельефами с изображением сцен, напоминающих греческий миф о Тезее и Минотавре: мужчина убивает монстра с телом человека и головой быка. Этрус-

ки своеобразно воспринимали даже заимствованные у греков мифы, поэтому не стоит ставить знак равенства между двумя схожими сюжетами. Здесь есть намек на грядущее возрождение, здесь заложена идея, хорошо знакомая нам по христианству, – попрание смертью смерти. Она возникает из объединения всех трех предметов, хранимых бронзовым этруском. Человеческое, воинственное начало, воплощенное в фигурах воина и «Тезея», преодолевает свою животную сущность, убивая монстра.

Уникальность бронзового этруска в том, что создавший его мастер стремился передать внутреннее, духовное преображение человека. Когда мы смотрим на фигуру, то сразу чувствуем резкий диссонанс между головой и телом. Тело производит сложнейшее движение, а голова ведет себя так, будто и нет под нею никакого тела. Дело в том, что мастер включает в образный строй своего произведения понятие так называемой «вотивной религии».

Вкратце суть этой религии такова. Этруски верили, что кроме известных им по именам богов и богинь должны существовать и неизвестные. Они так и назывались «боги неизвестные» и считались самыми могущественными. Вот почему, когда происходило что-то очень серьезное и казалось невозможным поправить дело обычными молитвами, ритуалами, гаданиями, этруск задумывался о «богах неизвестных». В особых святилищах обнаружены изображения практически всех членов тела и внутренних органов. Такие изоб-

ражения были необходимы для общения с богами, а смысл подобных символов хорошо иллюстрируется традиционной формулой древнего права: «Я даю тебе, чтобы ты дал мне». Применительно к конкретной просьбе, адресованной к «богам неизвестным», это значило следующее: «Я даю тебе, о бог, свое тело, пораженное недугом, чтобы ты вернул мне его здоровым». То, что подносилось богам в виде изображений разных органов, и было больным. Процесс оздоров ления понимался обычно как рождение заново. Больное умирало, здоровое рождалось. Вот почему, когда речь шла о здоровье в целом, а не конкретной болезни, больной приносил в святилище собственный портрет. При этом невидимое жителям мира сего преображение мужчины (из больного в здорового, из живого в мертвого) обязательно должно было пройти фазу превращения его в женщину. До нашего времени дошла целая группа памятников, которые показывают эту метаморфозу.

Так, проблема преобразований человека нашла свое отражение и в памятнике из Эрмитажа. Создатель бронзового этруска передает внутреннее преображение следующим образом. Шея изображенного не имеет кадыка («адамова яблока»). Она рассечена продольными складками («Венериными»). Так этруски изображали женскую шею, подчеркивая ее характерные анатомические особенности. Нам хотят показать процесс преображения, развивающийся в сторону временного воплощения в тело женского божества.

Этрусская культура подобна стране чудес, где каждая тропинка уводит в бесконечность. Еще один источник знаний об этом удивительном народе – памятники искусства. Этрускам принадлежит ряд великолепных шедевров, свидетельствующих о техническом совершенстве и художественном мастерстве их создателей. Но к искусству этрусков долгое время относились недостаточно внимательно. Исследователи, которые изучали эту цивилизацию, признавали, что у них были великолепные мастера, создавшие замечательные глиняные, каменные и металлические изделия, восхищались строителями этрусских городов, соглашались, что творившие там скульпторы и живописцы оставили произведения исключительной художественной ценности, но тем не менее, не признавали самобытность этрусского искусства.

Это убеждение порождено формальной точкой зрения на произведения этрусских авторов. Эталоном художественного творчества античности длительное время считалось искусство греческое, с которым сопоставлялись шедевры других народов. Подобный принцип был применен и по отношению к этрусскому искусству. Между греческими и этрусскими памятниками обнаружились удивительные параллели и совпадения, которые объясняли тем, что этруски лишь копировали греческие образцы. Так укоренилось мнение, что этрусское искусство – явление второразрядное, что оно лишь отблеск и тень искусства блестящей Эллады. Этот взгляд господствовал в науке в XIX веке.

Однако маститые ученые (среди которых были и выдающиеся этрускологи своего времени), отказавшие этрускам в самостоятельном художественном творчестве, не смогли принизить этим истинное значение и величие искусства древней Этрурии. С увеличением интереса к этрускам стали громче раздаваться голоса, утверждавшие самостоятельность этрусского искусства. Одним из исследователей, которые стремились поставить этрусских творцов на их законное высокое место на пьедестале почета античного арта, был немецкий историк искусства Винкельман.

Он родился в 1717 году. С памятниками римского и греческого искусства Винкельман мог не только познакомиться по книгам, но и увидеть их воочию. Этот ученый, которого иногда называют основоположником современной истории искусства, наиболее систематически изложил свои взгляды на античное искусство в 1764 году в знаменитой «Истории искусства древности». Для Винкельмана не существовало вопроса, можно ли вообще говорить об этрусском искусстве. Этрусское искусство было для него таким же бесспорным фактом, как искусство греческое, римское или египетское. И то, что этрусское искусство не достигло уровня греческого, не заставило его презрительно отмахнуться от этрусских художественных произведений. Наоборот, он стремился выделить исконно этрусский элемент в искусстве Этрурии, справедливо полагая, что решение этой проблемы можно найти в истории этого народа.

Никто не отрицает, что греческое влияние в этрусском искусстве действительно было очень велико. Настолько велико, что специалисты не без основания считают авторами многих творений не этрусков, а греков, живших в этрусских городах. Вместе с тем в художественных произведениях этрусков можно различить типично восточные элементы. В этом черпают свои доказательства сторонники теории восточного происхождения этрусков. Однако в этрусском искусстве есть и черты, определяющие его подлинную индивидуальность, выражающие типические особенности этрусской среды.

Истинную красоту, скрытую в этрусских произведениях искусства, в большинстве случаев трудно заметить при поверхностном осмотре. При первом взгляде на этрусские памятники они производят впечатление непривычной суровости, иногда даже жестокости. Лишь длительное изучение их содержания и формы позволяет понять, в чем сила их эмоционального воздействия.

Наряду с реализмом, характерным для этрусского искусства, необходимо подчеркнуть его тесную связь с мифологическим миром религиозных представлений. Его герои были хорошо знакомы каждому этруску, они сопровождали его на протяжении всего жизненного пути. Боги, демоны, легендарные титаны представляли собой такую же реальность, как собственная жизнь обывателей Этрурии. Наряду с бытовыми сценами и веселыми пиршествами мифология и религия бы-

ли наиболее обильным источником сюжетов для этрусского искусства.

Его началом считается VIII в. до н. э. В памятниках того времени чувствуется влияние ранних италийских и средиземноморских культур железного века. Так, простой геометрический орнамент встречается не только на древнейшей греческой керамике, но также на изделиях мастеров Италии.

Второй период – ориенталистский – продолжался с VII до начала VI в. до н. э. Он характеризуется появлением в искусстве восточных элементов. Тут сказались связи этрусков с Востоком. Некоторые изделия свидетельствуют об особенно тесных контактах с Египтом и Финикией. Посредником между Этрурией и Востоком был Кипр, занимавший в Средиземноморье важное положение. О сильном восточном влиянии на этрусское искусство говорят увлечение изображением демонических существ, обработкой изделий из слоновой кости, а также архитектура склепов.

В третьем периоде, охватывавшем примерно VI и первую половину V в. до н. э., в этрусском искусстве чувствовалось влияние греческих центров в Ионии, Малой Азии и Аттике. Греческие художественные изделия, особенно вазы, явились образцами, которым следовали этрусские художники. Часто они учились у греческих мастеров, переселившихся в Этрурию. Вначале этруски просто копировали тематику и технику греков, но постепенно сами стали выдающимися мастерами.

Творческий дух этрусков проявился в таком прикладном виде искусства, как архитектура. Для строительства городов и уникальных зданий, особенно храмов, естественно, нужны были опытные архитекторы и инженеры. Сохранившиеся укрепления в некоторых этрусских городах свидетельствуют о том, что этруски умели решать довольно сложные технические задачи.

Для творчества этрусских зодчих наиболее типичны склепы. Многие из них поражают размерами, например гробницы из обширных некрополей в окрестностях цере и других городов. Известный римский энциклопедист Плиний Старший, живший в I в. н. э., привел в своем труде описание могилы клузийского владыки Порсены, сделанное в I в. до н. э. римлянином Варроном: «Порсена похоронен недалеко от Клузия, где оставил четырехгранный памятник из каменных плит; длина его сторон составляет 300 стоп (88,8 метра), высота 50 стоп (14,8 метра). В этом квадратном постаменте расположен непроходимый лабиринт; если кто-нибудь в него войдет без клубка шерсти, то не сможет найти выход. На этом четырехгранном основании стоят пять пирамид, четыре в углу и одна в центре. У основания они шириной 7 стоп (22,2 метра), а высотой 150 стоп (44,4 метра). Они сужаются в высоту так, что сверху покрыты металлическим кругом, с которого свисают колокола на цепях. Их раскачивает ветер, и их звук слышен вдали, так же, как это было в Додоне. На этом круге стоят четыре пирамиды, каждая высотой 100 стоп

(29,6 метра). Над ними на общем основании стоят пять пирамид, высоту которых Варрон не сумел привести; этрусские предания, однако, утверждают, что они были так же высоки, как вся постройка до них».

Для этрусских некрополей типичны внушительного вида склепы, так называемые тумулы, обнаруженные в окрестностях нескольких этрусских городов. Особенно известны тумулы, расположенные вблизи от цере. Строился тумул так: вокруг большого склепа или нескольких небольших могил сооружали круговой фундамент, на который насыпали глиняный куполообразный холм. Тумулы производят величественное впечатление благодаря строгой простоте и большим размерам – самый крупный тумул в цере имеет в диаметре 48 м, т. е. по площади равен небольшому городскому кварталу. Строительство таких могил, разумеется, обходилось недешево.

Города мертвых сооружались этрусками столь же добротно, как и города живых, а может быть, еще тщательнее. Жилые дома в этрусских городах чаще всего представляли собой легкие здания, а обширные некрополи, эти выдающиеся творения этрусских инженеров, строились прочно, на века.

Некрополи располагались вблизи от городов и представляли собой замкнутый комплекс, своеобразный мир в себе. Города мертвых были настоящими двойниками и спутниками мира живых, как и сама смерть, незаметно, но постоянно сопровождающая человека на его жизненном пути. цар-

ские гробницы строились не хаотически одна возле другой, общий план некрополя был продуман, в нем чувствуется та же целеустремленность, что и в планировке городов. Традиции не позволяли хоронить мертвых в стенах города, но их останки, особенно богачей, все равно покоились в обстановке, во всем напоминающей ту, что окружала их при жизни.

Поистине уникальна стенная живопись склепов в окрестностях Тарквиний. Первые значительные открытия были сделаны здесь в XV веке, и с тех пор интерес к этому городу постоянно растет. Раскопанные могилы неизменно вызывают восхищение. Перед теми, кто видел картины на их стенах, открылся мир этрусков во всем его многообразии и красочности. Здешние находки относятся к разным периодам. Самые ранние могилы датируются второй половиной VI в. до н. э., самые поздние – II в. до н. э., они являются свидетелями почти всей истории взлета и падения этрусского народа. Стенная роспись позволяет бросить лишь беглый взгляд на мир, изображенный на фресках, но и этого достаточно, чтобы убедиться в необычайном даровании художников, чьи произведения воздействуют на современного человека, быть может, несколько иначе, но с не меньшей силой, чем на людей, для которых они предназначались.

Как и в склепах, находящихся в других частях Этрурии, стенная живопись в Тарквиниях должна была создавать иллюзию, что место вечного отдыха этрусских вельмож – их дом, полный жизни, и что смерть не лишила его обитателей

связи с миром.

К самым ранним склепам, украшенным фресками, относится «Могила с быками» (вторая половина VI в. до н. э.), названная так потому, что на ее стенах изображены быки. Их стилизованные контуры нанесены простыми, даже грубоватыми штрихами. Это упрощение не режет глаз, несмотря на то, что художник не сохранил пропорций тел животных, удлинив и сузив их. Смысл этого изображения до сих пор неясен. Возможно, этрусский художник находился под влиянием распространенного в Средиземноморье представления о быке как о символе плодородия. Если это действительно так, то, видимо, художник хотел противопоставить бренности бытия, о которой не может не думать каждый, кто входит в склеп, идею постоянно обновляющейся жизни.

Из фресок, сохранившихся в «Могиле с быками», особенно интересна сцена, изображающая последнее мгновение перед смертью троянского героя Троила, сына царя Приама. Троил скачет к водоему, чтобы напоить своего коня, но из засады выглядывает греческий герой Ахилл. Через секунду Ахилл выскочит – и Троил падет на землю мертвым.

Весь комплекс фресок вызывает мысли о роковой неотвратимости судьбы и внезапности смерти. Она настигает человека в тот момент, когда он ее меньше всего ждет. Однако герои не просто умирают. Они гибнут в бою, покрывая себя славой, благодаря которой продолжают жить и после смерти в мыслях и сердцах будущих поколений. Источником, вдох-

новившим художника на создание этих росписей, был хорошо известный этрускам цикл легенд о Троянской войне.

Этрусская живопись относится к наиболее замечательным сторонам этрусского искусства. Художники, украшавшие стены склепов, умели передавать свои замыслы с особым лаконизмом и простотой. Их произведения поражают также цветовыми контрастами.

Наше восхищение их мастерством увеличивается при мысли, что они вынуждены были творить при слабом искусственном свете, в полутьме могил.

Большинству этрусских живописцев присуще умение изобразить героев в движении или за мгновение до его начала. Танцовщицы, схваченные в момент резкого поворота, кажется, вот-вот закончат пируэт, при исполнении которого они застыли, повинуясь волшебной кисти художника. Противники на стене «Склепа авгуров» в следующую секунду бросятся друг на друга… Реализм изображения порождает даже звуковую иллюзию: нам кажется, что с фрески «Склепа охоты и рыбной ловли» доносится шум птичьих крыльев или звук музыкального инструмента, сопровождающего хоровод. Только люди на картинах безмолвствуют, ни одна сцена не оставляет впечатления беседы. Гордое молчание персонажей надгробных фресок усиливает впечатление монументальности.

Этруски издавна стремились подчеркнуть индивидуальность человека. Замечательные изделия этрусских мастеров,

так называемые антропоморфные канопы, в большом количестве найдены в окрестностях древнего Клузия (некоторые из них относятся к VII в. до н. э.). Это овальные урны, стилизованные под человеческое тело, с ручками в виде человеческих рук. Урна закрывалась крышкой с изображением головы умершего.

При изготовлении крышек проявилось умение этрусков передавать портретное сходство. Отдельные изделия отличаются друг от друга не меньше, чем сами люди при жизни, но выражение их лиц говорит о том, что они смотрят на нас не из мира живых. Эти портреты напоминают посмертные маски. Урну с крышкой помещали на подставку, имевшую форму трона или парадного кресла с широкими подлокотниками, подобно креслу из «Склепа со щитами», обнаруженному в окрестностях цере. Смысл этого обычая ясен – тот, кто занимал при жизни высокое положение, хотел и после смерти сохранить свои привилегии и давал это понять потомкам.

В свою очередь, и этрусские скульпторы создали выдающиеся произведения, совершенство которых не может не вызывать восхищения. Самое знаменитое из них – статуя Аполлона, найденная в Вейях вместе с обломками скульптуры бога Меркурия. Аполлон и Меркурий из Вей, созданные около 00 г. до н. э., являются шедеврами этрусского изобразительного искусства. Они изваяны замечательным мастером, имя которого случайно сохранилось: Вулка прославился терракотовыми скульптурами, предназначавшимися как для Вей,

так и для Рима, которым тогда правили этрусские цари.

Оба эти памятника раскопал в 1916 году итальянский археолог Джилиоли. Они были частью оформления храма Аполлона, являясь персонажами сцен борьбы Аполлона с Геркулесом за лань. От всей сцены остались лишь обломки, но ученым удалось реконструировать ее, так что она, пусть не полностью, все же соответствует первоначальной композиции. Статую Аполлона, к счастью, время почти не тронуло. В ней мы можем наблюдать черты, типичные для этрусской скульптуры конца VI в. до н. э., – характерное выражение лица, реалистическое отображение пропорций тела, легкость, с которой ваятель передал движение. Благодаря этому мы вправе назвать статую Аполлона уникальным памятником этрусского искусства.

Не меньшего восхищения заслуживает бронзовая статуя воина из Тоди, известная под названием «Марс из Тоди». Это произведение искусства, найденное в 183 году, относится к IV в. до н. э., когда на этрусков уже оказала сильное влияние классическая греческая скульптура. Мягкое и мечтательное выражение лица изображенного юноши контрастирует с прочным панцирем и копьем, недвусмысленно свидетельствующими о том, что его профессия – война. Шлем с высоким гребнем, который можно увидеть на старых фотографиях древней скульптуры, представлял собой дополнение XIX века. В наше время шлем с головы воина снят. Марс из Тоди, жемчужина этрусской коллекции Ватиканского му-

зея, стоит с непокрытой головой, гордый и безучастный, равнодушно внимая спорам своих поклонников, из которых одни досадуют, что великий воин стоит без шлема, а другие возмущаются тем, что на него могли одеть шлем.

К началу I в. до н. э. относится бронзовая скульптура Оратора, найденная в Санквинете в окрестностях Тразименского озера. Из надписи на постаменте явствует, что это статуя Авла Метеллы. Скульптура была создана в то время, когда в Этрурии усиливалось влияние Рима. Собственно, этого этруска нелегко отличить от римлянина. Спокойным жестом правой руки он призывает к тишине слушателей, к которым хочет обратиться с речью. Скульптурой Оратора этрусский мир как бы прощается со своим прошлым, ибо неумолимый ход истории уже показал, что этрусской культуре суждено умереть.

Химера, *Этрусская бронзовая статуя V в. до н. э.*

Тематика этрусской скульптуры не исчерпывается изображением человека. Здесь, как и в живописи, проявилось увлечение этрусков изображениями животных. Скульпторы не отступили даже перед нелегкой задачей воспроизвести мифологическое чудовище химеру. К не менее известным творениям относится и Капитолийская волчица, датируемая концом VI – началом V в. до н. э. Полагают, что она была создана скульптором, работавшим или обучавшимся в известной мастерской в Вейях, где была изваяна статуя Аполлона.

Однако утверждать наверняка, что Капитолийская волчица вышла из Вей, нельзя, в этом вопросе еще немало темных мест, которые ждут своего исследователя. Благодаря прямым передним лапам животного и шее, являющейся продолжением корпуса, кажется, что волчица оцепенела. Тем не менее, изображение не производит впечатления окаменелости, застывшей неподвижности. Выполненная в реалистической манере голова волчицы словно оживляет схематичные тело и лапы и приковывает к себе внимание зрителя, благодаря чему второстепенные детали ускользают из его поля зрения. Капитолийская волчица относится к циклу мифов о легендарных основателях Рима – Ромуле и Реме, которых их дядя приказал утопить в Тибре. Благодаря счастливому стечению обстоятельств им удалось избежать уготованной печальной участи. На помощь детям, плакавшим на берегу Тибра, якобы пришла волчица, лишившаяся своих волчат. Она на кормила Ромула и Рема своим молоком и тем самым спасла от голодной смерти.

В эпоху Возрождения к изображению волчицы были присоединены фигуры Ромула и Рема. Предполагалось, что тем самым скульптуре будет придан ее первоначальный вид. Однако в настоящее время волчица демонстрируется в том виде, в каком была найдена. Она притягивает зрителя своим взглядом, несколько презрительным и устремленным мимо него в мир неведомых зверей, к которому она сама принадлежала без Ромула и Рема, спрятавшихся в ее тени.

Статуя V в. до н. э. мифического существа Химеры была найдена в 153 году в Ареццо. Ее восстановил знаменитый Бенвенуто Челлини. Эта бронзовая фигура вначале вызвала немало споров. Ученые, не слишком верившие в творческие способности этрусков, считали, что она либо ввезена из эллинизированных регионов, либо создана греческим мастером, творившим в Этрурии. В наши дни сомнения отпали, и Химера считается одним из высших достижений художественного гения этрусков. И действительно, немногие из этрусских

памятников так наглядно и убедительно, как Химера, демонстрируют характерное для этрусского искусства сочетание изысканности и простоты. В целом эта скульптура создает впечатление сказочного существа. Но если вглядеться в отдельные ее части, исполненные в реалистической манере, это впечатление исчезает, ибо сами по себе они не кажутся страшными и необычными. Восхищение вызывает не только художественная композиция мифологического существа, но и мастерство исполнения, ибо отдельные части скульптуры – на первый взгляд несовместимые – слиты в единое целое удивительной впечатляющей силы. Достигается это благодаря поистине математической точности и совершенству исполнения.

Возможно, наивысшее достижение этрусских мастеров – их ювелирные изделия, отличающиеся великолепной техникой исполнения, изяществом, изысканностью форм. Особен-

но успешно этруски обрабатывали золото, причем нередко в качестве образца они пользовались чужеземными ювелирными изделиями, в частности восточными. Изяществом поражают ювелирные изделия этрусков из ажурной проволоки, так называемая филигрань, и гранулированные украшения. Грануляция, то есть припаивание мельчайших золотых шариков к медному основанию, пользовалась большой популярностью у этрусских ювелиров. Золотые крупинки были очень малы, почти микроскопичны – на этрусских украшениях они достигают 0,14 мм в диаметре. Естественно, для каждого изделия их требовалось огромное множество. На некоторых, особенно дорогих украшениях, их число достигало нескольких тысяч.

Искусство грануляции, достигшее высокого уровня в Древнем мире, около 1000 г. н. э. было забыто. Только в XIX веке были сделаны попытки восстановить технику грануляции, но они не дали результатов. Тайну удалось открыть лишь намного позже – в 1933 году. Раньше никто не мог объяснить, как золотых дел мастера в древности припаивали золотые крупинки к меди, не расплавляя их при этом. Технология оказалась довольно сложной. Золотые шарики особым способом приклеивали к папирусу, который затем накладывали на медную основу и постепенно нагревали. При температуре 890 градусов шарики припаивались, так как при нагревании меди в контакте с золотом их общая температура плавления ниже, чем при нагревании каждого металла в от-

дельности. В этом и заключается секрет припаивания золота к меди. Однако тайна грануляции до сих пор не раскрыта до конца. Загадкой, например, остается, как древние ювелиры изготавливали сами золотые шарики.

До сих пор не прочитаны этрусские надписи. Этрусский язык не принадлежал к индоевропейской семье языков. Единственный из известных нам похожих языков обнаружен в нескольких надписях с острова Лемнос и из западной Малой Азии. Затруднения у тех, кто пытается расшифровать этрусский язык, вызывает почти полное отсутствие сравнительного материала и двуязычных надписей. Этрусский язык не похож ни на один из известных нам языков. Тем не менее, предпринимаются все новые и новые попытки соотнести его с греческим, латынью, древнееврейским; древнеэфиопским; египетским, арабским, коптским, китайским, кельтским, баскским, англосаксонским, тевтонским языками, руническим письмом и даже с русским и украинским.

Расшифровка языка трудна не потому, что невозможно прочитать тексты. Каждая буква этрусского алфавита сейчас хорошо известна. Нельзя понять составляемые из этих букв слова. Чтобы начать расшифровку книг, ученый должен отыскать слова – сначала, возможно, имена или титулы, – которые можно распознать, перенеся их из известного языка в неизвестный, попытаться найти повторяющиеся группы слов и грамматических форм, чтобы постичь лексический состав и синтаксис неизвестного языка.

Письменностью этруски овладели к середине VII в. до н. э. На некоторых особенно ценных предметах, обнаруженных в гробнице Реголини – Галасси, было написано имя их владелицы – Лартия; также были обнаружены буквы, нацарапанные на сосудах. Наиболее древним примером полного алфавита из Этрурии является тот, что был написан на маленькой табличке из слоновой кости, обнаруженной в Марсилиане. Здесь записаны двадцать две буквы финикийского алфавита с четырьмя греческими дополнениями в конце. Греки заимствовали свои буквы из семитского языка, и марсилианский алфавит был получен из греческого источника.

Язык предъявляет свои требования к письму, поэтому на протяжении столетий в этрусском алфавите происходили изменения. Например, этрусский язык нуждался в букве, которая могла бы выражать звук «ф», – и заимствовал для этого символ «8». Жителям Этрурии не требовались все финикийские и греческие буквы, так что к IV в. до н. э. этрусский алфавит сократился до двадцати букв. Одним из ценнейших даров, переданных этрусками своим соседям, было искусство письма. Народы Северной Италии получили письменность именно от них, и среди получивших таким образом письменность были и римляне.

Этрусские надписи можно прочесть, но как их понять, не имея под рукой сравнительного языка? Существует ряд подходов к решению этой проблемы. Мы располагаем несколькими толкованиями или переводами этрусских слов, упомя-

нутых в работах греческих и римских авторов. Известны названия некоторых этрусских месяцев, всего расшифровано около шестидесяти значений отдельных слов.

Вот одна из историй, дающая толкование слова, которую поведал Светоний. Незадолго до смерти Цезаря Августа молния ударила в памятник, на котором было написано его имя – Caesar – и стерла первую букву «С». Поскольку эта буква также означала и число «сто», это знамение было истолковано так, что Август проживет на сто дней больше, а затем присоединится к богам, поскольку слово aesar имело в этрусском языке значение «боги».

Очевидно, что собственные имена людей или названий мест в целом остаются неизменными в ряде языков. Следовательно, мы можем прочесть названия городов в этрусских надписях и узнать, например, что Вольтерра (латинские Волатерры) писалась в этрусском языке как Vetlatri, а Популония – Pulpuna. Сохранившиеся названия мест иногда помогают нам подтвердить значение этрусского слова. Так, в нескольких надписях было вычленено слово tular, означающее «граница». Любопытно, что это слово, вероятно, отражается в современном названии городка Толлара, близ Пьяченцы.

Существуют также двуязычные надписи, преимущественно этрусско-латинские, но их крайне мало, и они очень коротки. Если бы отыскалась длинная надпись на двух языках, это помогло бы делу расшифровки этрусского языка.

Часто повторяющиеся тексты можно расшифровать благодаря простым умозаключениям. Существуют надписи на предметах, приношениях или погребальные тексты. В надписях обычно дается имя владельца, часто с формулой «Я принадлежу…». Надписи на посвятительных приношениях фиксируют имя того, кто совершил приношение, а иногда и имя бога. Погребальные надписи сообщают имена и семейные связи, возраст покойного и часто должности, которые он занимал. Из всего этого мы знаем, что слово puia означает «жена», sec или seX – «дочь», а atI – «мать».

Можно воспользоваться и другими методами. В этрусских надписях встречаются одни и те же группы слов, их можно сопоставить с похожими группами слов из аналогичных контекстов на латыни. Слово phersu, написанное рядом с фигурой в маске и имеющее латинский эквивалент – persona, может иметь то же основное значение. Другой пример – слово hinthial, написанное рядом с именем Тиресия в сцене в подземном царстве из гробницы Орка. На основании известного упоминания в тексте Гомера «тени Тиресия» в подземном царстве было сделано заключение, что это слово означает в этрусском языке «тень» или «душа».

Известны греческие слова, заимствованные этрусками и перешедшие через них в латынь. Особенно важны имена греческих богов и героев, нередко написанные на зеркалах. Эти слова и имена позволяют нам проникнуть в суть этрусского языка. До наших дней сохранилось много надписей,

позволяющих воссоздать элементарную грамматику на основании наблюдаемых изменений в окончаниях существительных и времен глаголов. Но проблема расшифровки языка слишком трудна без достаточного количества сравнительного материала.

Существует около десяти тысяч этрусских надписей, сделанных в период с VII до I в. до н. э. Большая часть надписей представляет собой погребальные тексты, написанные на каменных или терракотовых памятниках, на стенах гробниц. Существуют надписи, сделанные на различных материалах, как, например, на Капуанской черепице, пограничном камне близ Перуджи, свинцовом диске Мальяно со спиралевидной надписью, бронзовой модели печени из Пьяченцы, а также на зеркалах, на гончарных изделиях, на свинцовых шариках для пращи, на монетах и даже на игральных костях. Все эти предметы имеют одно общее свойство: надписи были сделаны на прочных материалах. Обычные письменные принадлежности были иными. Подобно грекам и римлянам, этруски пользовались вощеными деревянными табличками. Эти таблички могли быть простыми или складными. Буквы писались на воске острием или стилосом. В большинстве этрусских текстов письмо идет справа налево; поэтому таблички иногда держали развернутыми на коленях.

Кроме того, для письма этруски использовали свитки. Один из таких свитков, наполовину развернутый, можно увидеть в руках Ларса Пулена на его саркофаге в Тарквини-

ях. Это римский свиток (volumen), который представлял собой длинную полосу ткани, часто льняной. Слова писались в столбик тростинкой или пером черными или красными чернилами. Есть предположение, что маленький сосуд с узким горлышком, выполненный в виде петуха и с написанным на нем алфавитом, мог служить чернильницей. Свитки хранили свернутыми, часто в ящиках. Это был не слишком удобный материал для письма и чтения. По счастливой случайности часть этрусских льняных свитков дошла до нашего времени. Каким-то образом в свое время эти свитки попали в Египет и там были использованы в качестве бинтов для мумии. В XIX веке мумию приобрел путешественник, привезший ее домой, в Югославию, она и сейчас находится в музее Загреба. Письмена сохранились достаточно хорошо, чтобы можно было установить, что это этрусский религиозный текст, перечисляющий ритуалы, которые следовало совершать в определенные дни.

Хотя греческие и латинские тексты, как и этрусские, были написаны на материалах, подверженных тлению, многие письменные памятники сохранились. Греческий и латынь были хорошо известны и в средние века, а многие тексты ценились и монахами, поэтому ряд античных произведений неоднократно переписывался и таким образом дошел до нас. Этрусский же язык к I в. до н. э. устарел, и, если текст не был переведен на латынь, его не копировали и позже, а документ, таким образом, исчезал. Античные источники говорят

о разных сферах литературной деятельности этрусков, примеры чего, к сожалению, не сохранились. Можно привести известный отрывок из Ливия, который, поведав об образовании, полученном братом римского консула в цере в IV в. до н. э., говорит: «У меня есть все основания полагать, что в то время римские юноши… изучали этрусскую литературу, подобно тому, как ныне они постигают греческую». Нельзя сказать точно, какую именно литературу имел в виду Ливий, однако его слова позволяют говорить об этрусской учености, а памятники подтверждают, что этруски знали произведения Гомера и работы других греческих авторов.

До нас дошли исторические повествования об этрусках, некоторые из них иллюстрированы. Воспоминания об античной истории городов, которые сохранились в Тарквиниях и Вульчи, возможно, базируются на письменных источниках, положенных в основу двадцати томов, или свитков, которые написал император Клавдий об этрусках. Нам известно также об авторе с этрусским именем, писавшем на сельские темы, и об этрусском драматурге, жившем во II в. до н. э.

Дошедшие до нас памятники и все, что мы узнали об этрусках, говорит о том, что этруски были известны в античности благодаря своей религиозной литературе. В этом контексте упоминания об этрусках встречаются чаще. Мы знаем о Книгах, содержащих откровения Тагеса и Бегое, о Книгах Гаруспиков, повествующих о прорицании; о Книгах Ритуалов, содержащих регламент отправления обрядов, а также

информацию о ритуальном членении времени и пространства. Но ни эти письменные труды, ни памятники не раскрывают нам особенности уклада жизни этрусков. Мы не знаем, были ли у этрусков писаное право, административные нормы, коммерческие реестры и контракты и

т. д. Конечно, то, что мы лишены в силу исторических обстоятельств многих видов письменных источников, влияет на наше суждение об этом народе: мы слышим лишь слабое, возможно, искаженное эхо живого голоса этрусков.

Походы викингов

Корабль – жилище скандинава.
Из стихотворения средневекового франкского поэта

Кто такие викинги?

В наши дни мы называем викингами средневековых мореплавателей, уроженцев тех земель, где находятся современные Норвегия, Дания и Швеция.

Происхождение слова «викинг» – загадка для ученых. Самая ранняя версия связывает его с областью Вик (Viken) в юго-восточной части Норвегии. Якобы когда-то «викинг» означало «человек из Вика», а впоследствии это название распространилось на других скандинавов. Тем не менее, в Средние века жителей Вика именовали отнюдь не викингами, а vikverjar или vestfaldingI (от Вестфолля, исторической провинции в области Вик).

Согласно другой теории, слово «викинг» восходит к древнеанглийскому wic. Здесь мы видим тот же корень, что и в латинском слове vicus. Так называли торговый пункт, город или укрепленный лагерь. В то же время в Англии XI века викингов называли аскеманнами – людьми, плывущими на ясенях (ascs), поскольку из ясеня была обшивка их судов.

Если верить шведскому ученому Ф. Аскебергу, существительное «викинг» произошло от глагола vikja – «поворачивать», «отклоняться», то есть викинг – это воин или пират, который покинул дом и отправился в поход за добычей. И действительно, викинг из исландских саг – пират.

Еще одна гипотеза, которая имеет много сторонников по сей день, связывает слово «викинг» с vi'k (бухта, залив). Но противники этой гипотезы указывают на несоответствие: в заливах и бухтах бывали и мирные купцы, но, в отличие от разбойников, викингами их никто не называл.

В Испании викинги были известны как «мадхус», что означает «языческие чудовища». В Ирландии их звали финнгаллами («светлыми чужеземцами»), если имели в виду норвежцев, или же дубгаллами («темными чужеземцами»), когда речь шла о датчанах. Французы же именовали неустрашимых морских разбойников «людьми с севера» – норсманнами или нортманнами. Но как бы их ни называли, повсюду в Западной Европе викинги заслужили недобрую славу.

Непобедимые драконы и берсерки-оборотни

«Послал всемогущий Бог толпы свирепых язычников – данов, норвегов, готов и свеев; они опустошают грешную землю Англии от одного берега до другого, убивают народ и скот и не щадят ни женщин, ни детей», – так написано в одной из англосаксонских хроник. Несчастья начались на ан-

глийской земле с 793 года, когда викинги напали на остров Линдисфарне и разграбили монастырь Святого Кутберта.

В 83–86 годах от викингов не было спасения – они опустошали южные и восточные берега Англии. Случалось, к берегу одновременно подходили до 3 0 датских судов-драккаров. Корнуэлл, Эксетер, Винчестер, Кентербери и даже Лондон страдали от их набегов. Но до 851 года ситуация все же была терпимой – викинги не зимовали в Англии. Поздней осенью, отягощенные добычей, они отправлялись домой.

Надо сказать, что довольно долгое время не решались «свирепые язычники» и отходить далеко от берега – поначалу они пробирались в глубь острова всего километров на пятнадцать. Но храбрые и кровожадные викинги наводили на англичан такой ужас, что те сами давали захватчикам все шансы на успех – казалось, викингам нет смысла сопротивляться. К тому же корабли морских разбойников появлялись на горизонте внезапно и молниеносно достигали берега.

Как же выглядели знаменитые драккары, и почему их так называют? Впервые они упоминаются в «Германии» Тацита. Речь идет о ладьях предков викингов, имевших необычную форму. Есть описание драккаров и у араба Ибн-Фадлана. Изображения знаменитых судов сохранились на гобелене королевы Матильды – супруги Вильгельма Завоевателя. Однако увидеть морское «чудище» живьем удалось лишь в 1862 году, когда проводили раскопки в болотах под Шлезвигом. Нос и корма судна были одинаковыми – эта удиви-

тельная конструкция позволяла викингам идти на веслах в любом направлении, не разворачиваясь. Еще несколько кораблей обнаружили чуть позже. Среди них самыми знаменитыми находками считаются драккары из Гокстада (1880) и Усеберга (1904).

Ученые реконструировали скандинавские суда. Они установили, что драккары имели киль, к которому крепились шпангоуты, выполненные из одного дерева. Обшивка драккара выполнялась внакрой. Ее прикрепляли к шпангоутам при помощи штырей, а доски соединяли друг с другом железными гвоздями. Чтобы уплотнить швы между досками, викинги использовали своеобразную прокладку – пропитанный смолой шнур из свиной щетины или коровьего волоса, скрученный в три нитки. В верхней части обшивки средневековые корабельщики делали уключины.

Корабли викингов достигали 30–40 метров в длину и ходили под парусом. Единственный парус – в красную и белую полоску – чаще всего делали из шерсти. Управляли драккаром не с помощью руля. Его заменяло огромное весло. Всего весел было от 60 до 120.

Драккаром судно называлось потому, что его нос украшала резная фигура дракона. Норвежское слово «Drakkar» происходит от древнескандинавских Drage – «дракон» и Kar – «корабль». Разинутая пасть дракона устрашала противников, а когда викинги возвращались домой, они снимали голову чудовища, чтобы не напугать добрых духов своей зем-

ли.

Ужас вселяло и «знамя ворона» – треугольный стяг с изображением черной птицы, вызывавшей у врагов вполне понятные ассоциации. В скандинавской мифологии пара воронов, которых звали Хугин и Мунин, почиталась как птицы Одина. Хугин (по-древнеисландски это означает «думающий») и Мунин (с древнеисландского «помнящий») летают по всему миру Мидгарду и сообщают Одину о происходящем. Однако ворон не только мудрая птица, он клюет трупы. Знамя ворона поднимали во время набегов. Под ним, например, сражался доблестный правитель Дании, Англии и Норвегии Кнуд Великий. Если знамя весело трепетало на ветру, это считалось доброй приметой: значит, победа обеспечена. Независимо от того, что изображалось на флаге, под которым шел драккар, его вышивала лично жена или сестра предводителя викингов.

Суда викингов были очень быстроходными: 1200 км, которые отделяют Англию от Исландии, скандинавы покрывали всего за 9 суток. Искусные мореходы учитывали характер облачности и силу волн, ориентировались по солнцу, луне и звездам, следили за птицами. На побережье они устанавливали маяки, которые Адам Бременский называл «горном вулкана».

Кроме драккаров, викинги строили и торговые корабли. Чем же торговали средневековые скандинавы?

Драккар на гобелене из Байе

Оружием, пушниной, шкурами и кожей, рыбой, китовым усом и моржовой костью, медом и воском, а также, что называется, всякой всячиной: деревянными и костяными гребешками, серебряными копоушками, краской для глаз. И, конечно, рабами. Торговые суда назывались когги, кнарры и шняки. Корпуса коггов были круглыми. Такой тип кораблей знали еще фризы. Во время отлива днища коггов опускались на дно и суда было легко разгрузить, а когда начинался прилив, хитроумные ладьи сами всплывали наверх.

Кнарры были большими торговыми судами, шняки – ма-

ленькими и мало чем отличались от военных кораблей. Их бак и квартердек зачастую использовали как боевые площадки – если нападали враги, то «мирные торговцы» принимали бой. Викинги нередко брали в плавание кузнечные инструменты и наковальни – это позволяло чинить оружие в походных условиях.

Настоящие морские сражения викингов бывали весьма масштабны: так, в битве в Хьерунгавоге в Норвегии участвовало 400 кораблей. В бою драккары подходили бортами друг к другу и сцеплялись с помощью абордажных крючьев. Воины дрались на палубах, и битва продолжалась до тех пор, пока большая часть команды одного из кораблей не погибнет: сдаваться в плен было не принято. Драккар побежденных доставался победителям, и такой бой викинги цинично называли «чисткой корабля».

На суше викинги проявляли не меньшую храбрость, чем на море. Их традиционным оружием были меч, секира, лук со стрелами, копье и щит. Что же можно сказать о доспехах средневековых скандинавов? Кинематографический образ викинга – бородатый полуодетый мужик в рогатом шлеме. А как было на самом деле? Викинги носили короткую тунику, облегающие штаны и плащ, который закрепляли фибулой на правом плече – такая одежда не стесняла движений и давала возможность моментально обнажить меч. Обувь – башмаки из мягкой кожи – викинги завязывали на икрах ремнями. Археолог Анника Ларссон из Уппсальского уни-

верситета, изучая фрагменты тканей, найденных при раскопках древнего города викингов Бирка, сделала удивительное открытие: «Среди одежды викингов часто встречается красный шелк, легкие развевающиеся банты, много блесток, разных украшений», – заявила она. Если верить Ларссон, изначально викинги носили жизнерадостную одежду и пестротой наряда напоминали современных хиппи. По мнению исследовательницы, строгим и аскетичным костюм викингов стал лишь под влиянием христианских миссионеров, которые впервые появились в Швеции в 829 году.

Конечно, скандинавы защищали тело кольчугой. В боевых походах они носили бирни – защитные кольчужные рубахи, сделанные из тысяч переплетенных колец. Но позволить себе такую роскошь мог далеко не каждый. Бирни считались огромной ценностью и даже передавались по наследству. Простые же викинги, идя в бой, надевали кожаные подбитые куртки, в которые зачастую просто вшивались металлические пластины. Руки воинов предохраняли наручи – кожаные или с металлическими пластинами. И удивительно, но факт: викинги не носили рогатых шлемов.

На самом деле шлемы викингов были совсем другими: либо с закругленной верхушкой и щитками для защиты носа и глаз, либо с верхушкой, заостренной в виде гребня. Шлемы с гребнем обычно называют «шлемами вендельского типа». Это наследие вендельской культуры, которая предшествовала эпохе викингов – она датируется 400–600 годами. Многие

простые воины и вовсе носили не металлические, а кожаные шлемы. Накладные планки, щитки, надбровья скандинавов украшали чеканки из бронзы или серебра. Конечно, это были не просто украшения, а магические изображения, защищавшие воина.

Так откуда же взялись пресловутые рога? Изображение рогатого шлема действительно имеется – его обнаружили на Осебергском корабле IX века. Такие шлемы на самом деле относятся к бронзовому веку (1500– 00 годы до н. э.). Они служили головными уборами жрецов. Исследователи полагают, что викинги тоже вполне могли использовать их в ритуальных целях, но воевать в рогатом шлеме невозможно – его легко сбить, лишь немного задев при ударе.

Сейчас бытует мнение, что миф о «рогатых» викингах появился во многом благодаря католической церкви. Поскольку викинги долго сопротивлялись принятию христианства и вдобавок часто нападали на церкви и монастыри, христиане их ненавидели, считали «дьявольским отродьем» и, вполне естественно, увенчали их головы рогами. Эта идеологически обоснованная ложь и утвердилась потом в общественном сознании.

Щиты викинги, как правило, делали из дерева. Обычно их красили в яркие цвета – чаще всего в красный, который символизировал власть (или кровь?). Конечно, и здесь не обошлось без магии – различные узоры и рисунки на щитах должны были уберечь воина от поражения. Щиты носили на

спине. Когда начинался бой, викинги закрывались щитами, выстраивая непробиваемую стену. А поднятые вверх щиты считались знаком мира.

К оружию и доспехам викинги относились как к живым существам, давая им прозвища, зачастую не менее славные и известные, чем имена их обладателей. Так, например, кольчуга могла зваться Одеждой Одина, шлем – Вепрем Войны, топор – Грызущим Рану Волком, копье – Жалящей Гадюкой, а меч мог носить имя Пламя Битвы или Рвущий Кольчуги.

Но не только мечи, копья и луки даровали бесстрашным викингам многочисленные победы. Скальды – скандинавские поэты и певцы – повествовали о тех, кого «не кусала сталь». Речь идет о берсерках. Из дошедших до нас источников самый ранний – это песня Торбьерна Хорнклови о победе Харальда Прекрасноволосого в битве при Хафсфьорде, которая предположительно произошла в 872 году. «Берсерки, – говорится в ней, – облаченные в медвежьи шкуры, рычали, потрясали мечами, кусали в ярости край своего щита и бросались на своих врагов. Они были одержимы и не чувствовали боли, даже если их поражало копье. Когда битва была выиграна, воины падали без сил и погружались в глубокий сон».

Слово «берсерк» происходит от старонорвежского berserkr и переводится как «медвежья шкура» (корень *ber* – означает «медведь», в то время как – *serkr* – это «шкура»). Согласно поверьям, во время сражения берсерки сами пре-

вращались в медведей.

Именно берсерки составляли передовой отряд, который начинал бой. Одним своим видом они наводили ужас на врагов. Но долго сражаться они не могли – боевой транс проходил быстро, поэтому, смяв ряды врагов и заложив основу общей победы, они покидали поле брани, предоставив обычным бойцам завершить разгром противника.

Берсерки были воинами, посвятившими себя Одину – верховному богу скандинавов, к которому отправляются души героев, павших в бою. Согласно верованиям, они попадали в Вальгаллу – загробное жилище убитых воинов. Там покойные пируют, пьют неиссякающее медовое молоко козы Хейдрун и едят неиссякающее мясо вепря Сэхримнира. Вместо огня Вальгалла освещается блестящими мечами, а павшим воинам и Одину прислуживают девы-воительницы – валькирии. Один – покровитель берсерков – и помогал берсеркам в бою. Скальд (он же историограф) Снорри Стурлусон в «Круге земном» пишет: «Один умел делать так, что в битве его враги слепли или глохли, или их охватывал страх, или их мечи становились не острее, чем палки, а его люди шли в бой без доспехов и были словно бешеные собаки и волки, кусали щиты и сравнивались силой с медведями и быками. Они убивали людей, и их было не взять ни огнем, ни железом. Это называется впасть в ярость берсерка».

Современные ученые не сомневаются в реальности берсерков, но вопрос о том, как же они достигали экстаза, и

сегодня остается открытым. Одни исследователи полагают, что берсерками становились люди с подвижной психикой, невротики или психопаты, которые во время сражений приходили в крайнее возбуждение. Оно-то и позволяло берсеркам проявлять качества, не свойственные человеку в обычном состоянии: обостренную реакцию, расширенное периферическое зрение, нечувствительность к боли. Сражаясь, берсерк шестым чувством угадывал летящие в него стрелы и копья, предвидел, откуда последуют удары мечей и топоров, а следовательно, мог прикрыться щитом или уклониться. Возможно, берсерки были представителями особой касты профессиональных воинов, которых готовили к боям с детских лет, посвящая не только в тонкости воинского мастерства, но и обучая искусству входить в транс, который обострял все чувства и активизировал скрытые возможности организма. Однако многие исследователи предполагают, что экстаз берсерков имел более прозаические причины. Они могли пользоваться какими-то психотропными средствами – например, отваром из ядовитых грибов. У многих народов известно «оборотничество», наступавшее в результате болезни или приема специальных препаратов – человек отождествлял себя со зверем и даже копировал некоторые черты его поведения.

Скандинавских оборотней боялись даже их товарищи. Сыновья датского конунга Кнуда – берсерки – даже плавали на отдельном драккаре, так как другие викинги опасались

их. Эти уникальные воины могли пригодиться только в бою, а к мирной жизни они приспособлены не были. Берсерки представляли опасность для общества, и как только скандинавы стали переходить к более спокойной жизни, берсерки оказались не у дел. И поэтому с конца XI века саги называют берсерков не героями, а грабителями и злодеями, которым объявлена война. В начале XII века в скандинавских странах даже существовали особые законы, направленные на борьбу с берсерками. Их изгоняли или убивали без жалости. Суеверный страх побуждал убивать берсерков почти как вампиров – деревянными кольями, поскольку для железа они неуязвимы. Немногие из воинов Одина приспособились к новой жизни. Им полагалось принять христианство – считалось, что вера в нового Бога избавит их от боевого безумия. Часть бывшей воинской элиты даже бежала в чужие края.

Но в IX–XI веках, когда викинги на быстроходных драккарах наводили ужас на народы Европы, берсерки еще были в чести. Казалось, что перед ними не может устоять никто. Крупные города, городки и деревни скандинавы опустошали в считаные дни. Ни одной приморской стране не было пощады от «свирепых язычников». В 30–50 годы IX века норвежцы напали на Ирландию. Согласно древним ирландским хроникам, в 832 году Тургейс захватил сначала Ольстер, а потом чуть ли не всю Ирландию и стал ее королем. В 84 году ирландцам наконец удалось избавиться от ненавистного правителя – Тургейс был убит. И тем не менее Ирландия оста-

лась добычей норвежцев. Викинги сражались за нее между собой – данам остров тоже казался лакомым кусочком. В какой-то момент данам удалось договориться с ирландцами, но в 8 3 году норвежец Олав Белый захватил Дублин и создал на этих землях собственное государство, которое существовало более двухсот лет. Так Дублин стал плацдармом, с которого норвежцы продвигались дальше, в западные области Англии.

Но даны решили взять реванш и осенью 86 года, если верить сагам, высадились на восточном побережье Англии. Отважных викингов вели Ивар Бескостный и Хальвдан – сыновья легендарного Рагнара Лодброка, а отца этого отпрыска рода Инглингов звали, в свою очередь, Сигурдом Кольцом. Время не сохранило достоверных сведений о том, действительно ли жил на земле такой человек, но саги рассказывают о том, что свое прозвище (Рагнар Волосатые Штаны) знаменитый военный вождь получил благодаря экзотическому амулету – штанам, которые собственноручно сшила его жена. Есть и другая легендарная версия: в детстве он упал в змеиное логово, но остался цел благодаря тому, что змеи не прокусили надетые на него кожаные «брюки». Однако змеи все-таки погубили конунга: в 86 году он во главе со своим войском вторгся в Нортумбрию, но король Элла II победил его и бросил в змеиный колодец. Сыновья Рагнара отомстили за отца: 21 марта 867 года датские воины в битве одолели англичан, король Элла II попал в плен и был пре-

дан мучительной казни. Ему рассекли ребра на спине, развели их в стороны наподобие крыльев и вытащили наружу легкие. Большинство историков ставит эту жуткую историю под сомнение: скорее всего, такой казни не существовало – так выглядело ритуальное глумление над трупами врагов. Но как бы там ни было, Западная Англия оказалась под властью норвежских викингов, а Восточная – датских.

Датчане продержались до 871 года, пока к власти не пришел Альфред Великий – первый из королей Уэссекса, который использовал в официальных документах титул «король Англии». Все гениальное просто: после долгих лет безуспешной борьбы с викингами Альфред понял, что скандинавы предпочитают морские сражения, и повелел отстроить крепости. В 878 году он выиграл крупное сражение на суше и изгнал чужеземцев из Уэссекса. Вождь датчан Гутрум был крещен. Однако захватчики остались на землях Англии, и к концу IX века на карте существовала «Область датского права» – Денло. Лишь в X столетии она покорилась власти английских королей. Но в 1013 году в правление Этельреда Нерешительного, чье имя говорит само за себя, в Англию вторглось войско датчанина Свейна Вилобородого (Норвегия к этому времени уже была под властью данов). Вилобородым Свейна называли отнюдь не из-за формы бороды: напоминали вилы его усы. Свейн быстро захватил английские города и селения, и лишь у стен Лондона датчане понесли тяжелые потери. Но и Лондон в конце концов капитулировал:

викинги окружили его, Этельред сбежал в Нормандию, и национальное собрание – витенагемот – провозгласило Свейна королем. Всего через недель он умер, и власть наследовал его сын Кнут, который сумел удержать страну в повиновении. Однако в 1036 году после смерти Кнута трон достался внуку Свейна. Новый король – Хардакнут вызвал всеобщее неодобрение своей непомерной жадностью. Он обложил англосаксов такими податями, что вынудил многих бежать в леса. Отношения побежденных и победителей накалились до предела, но в 1042 году во время пира по случаю женитьбы знаменосца Хардакнут поднял кубок за здоровье новобрачных, сделал глоток и упал замертво. Англосаксы были спасены, и власть вернулась к старой англосаксонской династии: королем стал сын Этельреда Нерешительного Эдуард Исповедник. А в 1066 году Англию захватит Вильгельм Завоеватель – потомок датчанина Хрольва Пешехода, основавшего герцогство Нормандия во Франции, на земли которой скандинавы впервые попали в IX веке, еще в правление Карла Великого. «Предвижу, сколько зла наделают эти люди моим преемникам и их подданным», – сказал могущественный император – и не ошибся. После его смерти государство распалось и правители погрязли в междоусобицах. Противостоять «драконам» уже никто не мог, и викинги вошли в Сену и Луару. Они разорили Руан, ограбили знаменитые монастыри, убили монахов, а простых людей, попавших в плен, обратили в рабов.

Бронзовая пластинка XIII в. с изображением воина-берсерка

Французские хроники повествуют, что около 8 0 года викинги во главе с Хастингсом подошли к стенам Нанта. Они покорили его и предали огню. Вблизи павшего Нанта победители разбили лагерь и оттуда совершали набеги на города и монастыри по всей Франции. Лишь ненадолго викинги

уплыли в Испанию, но, потерпев там фиаско, вернулись обратно и напали на Париж. Они разграбили город, а король Карл Лысый бежал в монастырь Сен-Дени. Скандинавы не знали пощады, но им мешал непривычный климат Франции. Захватчиков сразили жара и фрукты, которые они по неведению ели зелеными. Измученные викинги потребовали, чтобы король выплатил им дань и, получив немалую сумму серебром, наконец убрались вон. Но ненадолго…

Вскоре в Северную Францию явился изгнанный из Норвегии Хрольв Пешеход, или Роллон, сын Рогнвальда. На берегу моря Хрольв поклялся, что он умрет или станет властелином любой земли, которую сможет завоевать. Он сражался храбро, и в 912 году по договору в Сент-Клере французский король Карл Простоватый уступил ему часть Нейстрии, между рекой Эпт и морем. Так появилось герцогство Нормандия, то есть страна норманнов. Решительный Хрольв был все же слабее Карла, и тот поставил ему условие: признать себя вассалом короля и принять христианство. Хрольв крестился и получил бонус – руку дочери Карла Гизелы. Потом викинг взял в жены Поупу, дочь другого короля – Эда, которому наследовал Карл Простоватый. Она стала его второй женой – после смерти Гизелы. Хрольв раздавал земли своим соратникам, число которых росло, поскольку с севера прибывали все новые и новые отряды. Многие норманны принимали христианство по примеру своего правителя. Потомки викингов быстро усвоили французский язык, но кровь воин-

ственных предков еще долго давала о себе знать – об этом свидетельствует история средневековой Европы.

Уже в IX веке Франция стала плацдармом, с которого викингам удобно было продвигаться дальше на юг. Около 860 года под предводительством Хастингса они пытались завоевать Рим. Однако до Вечного города викинги не добрались, приняв за него Лункс. Жители Лункса были прекрасно вооружены, а сам город укреплен. Увидев, что взять крепость силой тяжело, Хастингс пошел на хитрость. Он отправил в Лункс посла, которому приказал обмануть епископа и графа – владельца замка: дескать, его повелитель умирает и просит горожан продать чужестранцам еду и пиво. А главное, он хочет стать перед смертью христианином. Коварного Хастингса действительно принесли на щите в городскую церковь, где епископ крестил его. На следующий день в город вновь прибыли послы: теперь они просили похоронить Хастингса в церковной земле и сулили за это богатые дары.

Доверчивый епископ дал согласие и погубил Лункс: мнимого покойника сопровождали все викинги – должны же они проститься со своим вождем! Тот возлежал на носилках в полном боевом вооружении, но и это не смутило епископа – ведь при жизни Хастингс был воином. Похоронная процессия в сопровождении первых лиц города направилась в храм, где епископ отпел авантюриста. Когда «тело» стали опускать в могилу, Хастингс вскочил с носилок. «Хладный труп» зарубил и епископа, и графа. Викинги захватили Лункс. Но

ведь Хастингс хотел покорить Рим! Корабли, груженные добычей, снова отправились в путь, однако в Рим викинги так и не попали – их остановила сильная буря. Спасая свою жизнь, разбойники бросали за борт награбленное. Даже рабынь они сочли балластом, и красавиц поглотила морская пучина.

Поход Хастингса окончился бесславно, но через двести лет скандинавы уже хозяйничали в Италии. Сначала в 1016 году небольшой отряд норманнов-пилигримов, возвращавшихся из Святой земли, помог князю Салернскому победить сарацинов. Итальянцы подивились храбрости викингов и стали приглашать их к себе на службу. Скандинавы «вписались» в итальянский пейзаж и даже основали маленькое норманнское владение. А в 1046 году на Апеннинский полуостров прибыл норманн Роберт Гюискар. Со старофранцузского прозвище Роберта переводится как Хитрый или Лукавый. «Его прозвали Гюискар, ибо в лукавстве не могли сравниться с ним ни мудрый Цицерон, ни хитрый Улисс», – писал о Роберте его биограф, хронист норманнов Вильгельм из Апулии. Шестой сын Танкреда Готвильского, он последовал в Италию за своими старшими братьями. В 1050–1053 годах Роберт пребывал в Калабрии, где норманны воевали с византийцами и, кроме того, под командованием Хитрого грабили монастыри и мирных обывателей. Соплеменники уважали Роберта и после смерти его брата Гумфреда, обойдя законного наследника – сына Гумфреда, провозгласили Гюискара графом Апулии. Более того, за ежегодную дань и

обещание помощи папа Николай II признал Роберта герцогом. Папа утвердил за ним как за вассалом святого престола власть над странами Южной Италии, которые он уже покорил и которые в будущем еще покорит. Гюискар завоевал всю Апулию и Калабрию, а в 1071 году пал Бари – последнее убежище византийского владычества. Брат Роберта тем временем отнял Сицилию у сарацин. Могущество Роберта пугало нового папу – Григория VII. В 1074 году он отлучил Гюискара от церкви, но в 1080-м помирился с ним в поисках защиты от императора Генриха IV. Сняв с него отлучение, папа отдал Роберту в лен все его владения, в том числе вновь занятые им Салерно и Амальфи. В 1081 году несгибаемый Роберт отправился в поход против Византийской империи. Он победил Алексея Комнина при Дураццо и дошел до Салоник. Папе он отплатил добром: в 1084 году Роберт взял Рим, разграбил его и освободил Григория VII, которого император Генрих IV заключил в замок Святого Ангела. Вместе с папой Гюискар удалился в Салерно и снова начал войну с Византийской империей. Роберт разбил соединенный византийско-венецианский флот при Корфу и отправился в Ионическое море, но умер на острове Кефалении. Владения Гюискара разделили между собой его сыновья: Богемунд получил Тарент, а тезка отца Роберт – Апулию. В 1127 году Апулия объединилась с Сицилией, и норманнская династия правила Сицилийским королевством до 90-х годов XII века. Да и в жилах сменившей ее династии Гогенштауфенов тоже

текла норманнская кровь.

Потомками скандинавов – варягов – считали себя и Рюриковичи. Но вопрос о том, кто такие варяги, до сих пор открыт.

Князья земли русской?

Первые упоминания о варанках, верингах или варангах (слова, созвучные русскому «варяг») относятся к XI веку. Так около 1029 года знаменитый ученый из Хорезма Аль-Бируни писал: «От океана отделяется большой залив на севере у саклабов[24] и простирается близко к земле булгар, страны мусульман; они знают его как море варанков, а это народ на его берегу». В исландских сагах встречается слово vaeringjar – так называли скандинавских воинов, которые служили византийскому императору. Как мы помним, викинги воевали с Византийской империей, но потрясающая сила и храбрость служила им великолепной рекламой, и те же византийцы охотно нанимали воинов-северян. О «варангах» пишет и византийский хронист второй половины XI века Скилица: в 1034 году их отряд сражался в Малой Азии.

В правовом кодексе Руси – «Русской правде», относящейся ко времени правления Ярослава Мудрого (1019–1054), определен статус неких «варягов». Современные исследователи чаще всего отождествляют их со скандинавскими викингами. Однако есть и другие версии этнической принад-

[24] То есть славян.

лежности варягов: они могли быть финнами, немцами-пруссами, балтийскими славянами или выходцами из Южного Приильменья. Ученые не имеют единого мнения как о происхождении самих варягов, так и их названия. Но самое больное место – легендарное призвание варяжских князей на Русь.

Существует так называемая «норманнская теория», сторонники которой считают скандинавов основателями первых государств восточных славян – Новгородской, а затем Киевской Руси. Они ссылаются на летописи, где говорится, что племена восточных славян (кривичи и ильменские словене) и финно-угров (весь и чудь) решили прекратить междоусобицы и в 862 году обратились к неким варягам-руси с предложением занять княжеский престол. Откуда именно призвали варягов, в летописях прямо не говорится, но известно, что они пришли «из-за моря», и «путь к варягам» лежал по Двине. Вот отрывок из «Повести временных лет»: «И сказали себе словене: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти».

Из летописей известно, какие имена носили варяги-русь. Конечно, имена эти записаны так, как их произносили восточные славяне, но все же большинство ученых считают, что они имеют германское происхождение: Рюрик, Аскольд,

Дир, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид и другие. В свою очередь, имена князя Игоря и его жены Ольги близки по звучанию к скандинавским Ингор и Хелга. А первые имена со славянскими или иными корнями встречаются лишь в списке договора 944 года.

Византийский император Константин Багрянородный[25] – один из самых образованных людей своего времени, автор нескольких сочинений – сообщает, что славяне являются данниками росов, и, кроме того, приводит названия днепровских порогов на двух языках: росском и славянском. Русские названия пяти порогов имеют скандинавское происхождение, по крайней мере, по мнению норманистов.

Шведами называют руссов Бертинские анналы – летописный свод Сен-Бертенского монастыря на севере Франции, относящийся к IX веку.

Очень любопытно свидетельство Ибн-Фадлана – одного из немногих арабов, побывавших в Восточной Европе. В 921–922 годах он был секретарем посольства аббасидского халифа ал-Муктадира в Волжскую Булгарию. В своем отчете «Рисале», оформленном в виде путевых заметок, Ибн-Фадлан подробно описал обряд погребения знатного руса, очень похожий на скандинавский. Покойного сожгли в погребальной ладье, а затем возвели курган. Подобные захоронения

---

[25] *Константин VII Багрянородный* (90 —9 9) – византийский император из Македонской династии, правивший номинально с 913-го, а фактически с 94 года.

действительно обнаружены под Ладогой и в Гнездово. Похоронные обычаи, безусловно, наименее подвержены изменениям. В любой культуре к ним относятся гораздо более серьезно, чем к другим, поскольку речь идет о ритуалах, которые обеспечивают усопшему благополучие на том свете, и в случае каких-либо экспериментов нет никакой возможности проверить, хорошо ли ему там.

Надо сказать, что подавляющее большинство арабских источников свидетельствует, что славяне и русы – народы разные.

Казалось бы, все понятно: русь-русы-росы не славяне, а скандинавы. Но с помощью средневековых источников можно доказать и обратное. Так, например, в той же «Повести временных лет» есть фрагмент, который противоречит тому, что мы привели выше: «… из тех же славян – и мы, русь… А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской».

Еще один памятник IX века – «Житие Кирилла», написанное в Паннонии (Подунавье), повествует о том, как Кирилл приобрел в Корсуне «Евангелие» и «Псалтырь», написанные «русскими письменами», понять которые ему помог русин. Под «русскими письменами» здесь подразумевается одна из славянских азбук – глаголица.

Как мы видим, что средневековые источники не дают однозначного ответа на вопрос, какова же этническая принад-

лежность людей, которых призвали на княжение в 862 году. Но если даже и так, почему же эта проблема волнует умы уже более двухсот лет. Дело тут не только в том, что ученые жаждут узнать истину: норманнская теория имеет идеологическое значение. Сформулировал ее в XVIII веке немецкий историк в Российской академии наук – З. Байер и его последователи – Г. Миллер и А. Л. Шлецер. Конечно, русские тут же увидели в ней намек на отсталость славян и их неспособность образовать государство. Против немецкой «инсинуации» выступил

М. В. Ломоносов: он полагал, что Рюрик был родом из полабских славян. Нашелся другой ученый, который попробовал примирить русскую и немецкую точки зрения – В. Н. Татищев. Основываясь на Иоакимовской летописи, он утверждал, что варяг Рюрик происходил от норманнского князя, правящего в Финляндии, и дочери славянского старейшины Гостомысла. Однако позже норманнскую теорию принял автор «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, а вслед за ним другие русские историки XIX века. «Слово Vaere, Vara есть древнее готфское, – писал Карамзин, – и значит союз: толпы скандинавских витязей, отправляясь в Россию и Грецию искать счастья, могли именовать себя варягами в смысле союзников или товарищей». Но Карамзину противоречил писатель и ученый С. А. Гедеонов. Он считал, что русы были балтийскими славянами, а название «варяги» произошло от слова warang (меч, мечник, защитник),

которое исследователь нашел в балтийско-славянском словаре древанского наречия.

Противником норманнской теории был также известный историк Д. И. Иловайский. Он считал летописный рассказ о призвании варягов легендарным, а имена князей и дружинников, так же как и названия днепровских порогов, скорее славянскими, чем скандинавскими. Иловайский предполагал, что племя русь имело южное происхождение и отождествлял русь с роксоланами, которых ошибочно считал славянами (современная наука говорит о сарматском происхождении роксолан).

В Советском Союзе к норманнской теории относились с подозрением. Основным аргументом против нее служила убежденность Энгельса в том, что «государство не может быть навязано извне». Поэтому советские историки должны были изо всех сил доказывать, что племя «русь» – славянское. Вот выдержка из публичной лекции доктора исторических наук Мавродина, которую тот читал во времена Сталина: «…тысячелетней давности предание о «призвании варягов» Рюрика, Синеуса и Трувора «из-за моря», которое давным-давно следовало сдать в архив вместе с преданием об Адаме, Еве и змие-искусителе, Всемирном потопе, Ное и его сыновьях, возрождается зарубежными буржуазными историками для того, чтобы послужить орудием в борьбе реакционных кругов с нашим мировоззрением, нашей идеологией…»

Тем не менее, далеко не все советские ученые – антинор-

манисты не верили в то, о чем писали. В это время появилось несколько довольно интересных гипотез, авторов которых никак нельзя назвать конъюнктурщиками, карьеристами или же просто трусами. Так, например, академик Б. А. Рыбаков отождествлял русов и славян, помещая первое древнеславянское государство, предшествовавшее Киевской Руси, в лесостепь Среднего Поднепровья.

В 1960-е годы ученые, которые были в душе норманистами, изобрели уловку: они считали, что призванные князья были скандинавами, но в то же время признавали, что и до Рюрика существовало некое славянское протогосударство во главе с русью. Предметом дискуссии стало местонахождение этого протогосударства, которое получило условное название «Русский каганат». Так, востоковед А. П. Новосельцев считал, что оно располагалось на севере, а археологи М. И. Артамонов и В. В. Седов помещали каганат на юге, в районе от Среднего Поднепровья до Дона. Норманизм в 1980-е годы вновь стал популярным, но следует заметить, что многие ученые придерживались его именно из соображений моды, а в моде тогда было научное диссидентство.

В наше время вопрос о норманнах на Руси остается открытым. Запреты сняты, и ученые спорят от всей души, но не стоит забывать о том, что норманнская теория была и остается лакомым кусочком для идеологов от науки. В качестве примера любопытной версии, высказанной не «идейным», а действительно грамотным исследователем, можно приве-

сти теорию профессора кафедры истории России Московского педагогического государственного университета А. Г. Кузьмина: «“Русы” – это славянизированные, но изначально неславянские племена, причем разного происхождения. При этом разные в этническом отношении «русы» участвовали в образовании Древнерусского государства в качестве господствующего слоя.

Известно, что в древних источниках само название народа с именем «русь» было различно – руги, роги, рутены, руйи, руяны, раны, рены, русь, русы, росы, росомоны, роксоланы. Оказалось, что и значение слова «русь» неоднозначно. В одном случае это слово переводят как «красный», «рыжий» (из кельтских языков). В другом случае – как «светлый» (из иранских языков).

В то же время слово «рус» очень древнее и существовало у разных индоевропейских народов, обозначая, как правило, господствующее племя или род. В раннем средневековье сохранилось три не связанных между собой народа, носившие имя «рус». Средневековые арабские авторы знают их как «три вида русов». Первые – это руги, происходившие от северных иллирийцев. Вторые – это рутены, возможно, кельтское племя. Третьи – это «русы-тюрки», сармато-аланы Русского каганата в степях Подонья».

Что же мы можем сказать в итоге? Кем были загадочные варяги-русь, о которых рассказывает «Повесть временных лет»? На самом деле никто не знает. Норманнская теория

в наши дни скорее напоминает религию: можно верить, что Русское государство было основано скандинавами, а можно и не верить.

Неизведанные земли

Итак, викинги хозяйничали в Европе, и если Западную они покорили силой оружия, то в Европе Восточной скандинавы пролили гораздо меньше крови (правда, есть и печальные страницы истории, как, например, вторжение шведов в земли куршей, о котором говорится в житии Ансгара). На востоке викингов скорее интересовали речные торговые пути: в IX веке они освоили Волгу и наладили отношения с хазарами, в X веке – Днепр, и теперь их главным торговым партнером стала могущественная Византийская империя. В X – XI веках скандинавы вышли даже к Каспию. Где только ни побывали драконы морей! И не только чужие земли манили отважных воинов и торговцев. Интересовались они и землями «ничейными». Так около 860 года викинги открыли Исландию: независимо друг от друга у ее берегов побывали норвежец, Наддод и швед Гардар Сваварссон. Поскольку в родных краях скандинавам было тесно, другой норвежец по имени Равен Флоки направил туда свои стопы, чтобы основать колонию. Остров оказался неприветливым: «Ледяная земля», как назвали ее переселенцы. С трудом пережив суровую зиму, колонисты все же дождались теплой погоды.

Леса, богатые дичью и живописные фьорды пришлись им по душе. Викинги потянулись в Исландию, и к 70-м годам X века там было около 50 тысяч колонистов.

Исландия – не единственный «необитаемый остров», который обнаружили скандинавы. Путешественники поневоле, они выходили в море снова и снова, даже не предполагая, что обретут бессмертную славу.

Кто открыл Гренландию?

На рубеже XV–XVI веков португальские мореходы братья Мигель и Гашпар Кортириалы на трех каравеллах отправились на поиски северо-западного пути в Азию. В один из дней они наткнулись на остров, лежащий на «пересечении» Северного Ледовитого и Атлантического океанов. Так европейцы открыли Гренландию… второй раз. А в 1721 году началась колонизация этого экзотического кусочка суши. Скандинавы, правда, на сей раз датчане, вновь осваивали земли, которые задолго до них открыли викинги. Кому же принадлежит слава первооткрывателя самого большого острова в мире?

Если верить сагам, это был норвежец Гунбьерн. Где-то между 870-ми и 920-ми годами он плыл в Исландию, но буря отбросила его на запад к небольшим островам у 6 °30′ с. ш. 36° з. д. За ними была высокая, покрытая снегом и льдом земля, к которой моряки не смогли подойти из-за тяжелых льдов. Сегодня высшая точка Арктики, которая расположе-

на в Гренландии, названа в честь храброго морехода горой Гунбьерн.

Бронзовый викинг взирает на Тренхеймский фьорд

Около 980 года группа исландцев, плывя на запад, зимова-

ла на шхерах[26], которые приняла за острова, открытые Гунбьерном. Вернувшись на родину, исландцы тоже рассказывали о большой земле за шхерами. А летом 982 года у здешних берегов уже маячила огненная шевелюра Эрика Торвальдсона, который вошел в историю под прозвищем Эрик Рыжий.

Эрик родился в Норвегии, но его отца – Торвальда – вместе с семьей изгнали оттуда за убийство. Так Эрик очутился в Исландии, но и оттуда ему пришлось убираться восвояси: на этот раз за два убийства изгнали его самого. Если верить источникам, гнев Эрика был справедлив: одной из жертв пал его сосед, не вернувший лодку, которую взял в долг. Второе преступление Эрик совершил из мести – он покарал викинга, убившего его рабов. Однако даже жестокие законы того времени самосуд не одобряли, и теперь рыжему буяну предстояло три года провести на чужбине. Эрик не унывал: он решил добраться до загадочной земли, которая в ясную погоду была видна с горных вершин западной Исландии. Эрик решил попытать счастья: он купил корабль, собрал ватагу друзей и ринулся навстречу приключениям. Он взял с собой семью и слуг. Даже свой скот Эрик погрузил на корабль. Остров, большая часть которого сегодня покрыта льдом, как ни странно, показался викингам пригодным для жизни. Толщина ледяного покрова достигает в некоторых местах трех километров, и поэтому только самые неприхотливые растения

---

[26] *Шхеры* – небольшие, преимущественно скалистые острова близ невысоких берегов морей.

и животные способны выжить на границе земли и льда. Лета в здешних краях практически нет – оно заканчивается, так и не успев начаться, да и летние дни в Гренландии ненамного теплее зимних. Почему же этот остров так понравился Эрику и его спутникам? Почему же он получил столь абсурдное название – «Зеленая земля»? Дело в том, что в конце X века климат Гренландии был гораздо мягче, чем в наши дни, и, обогнув южную оконечность острова, моряки высадились около Юлианехоб (Какорток), где вблизи фьордов зеленела трава и воздух был напоен ароматами цветов. Есть, правда, и другая версия: некоторые исследователи считают, что название «Гренландия» было в первую очередь рекламой – Эрик хотел привлечь сюда как можно больше поселенцев. Однако имя, которое этим землям дал Эрик, изначально относилось лишь к приветливым уголкам юго-западного побережья и распространилось на весь остров лишь в XV веке.

За те три года, которые Эрик должен был провести в Гренландии безвылазно, – таков был срок его изгнания – поселенцы обработали достаточно земли, чтобы прокормить себя, и развели скот. Они охотились на моржей, заготавливали жир, моржовую кость и бивни нарвалов.

Однажды, как повествует сказание, Эрик забрался на одну из прибрежных вершин и увидел на западе высокие горы. Современные исследователи предполагают, что это была Баффинова Земля: в ясный день ее можно увидеть за Девисовым проливом. Как считает канадский писатель Ф. Моуэт,

Эрик был первым, кто пересек пролив и доплыл до Камберленда. Он исследовал все гористое восточное побережье этого полуострова и зашел в залив Камберленд.

Летом 983 года Эрик прошел от Северного полярного круга на север, открыл залив Диско, остров Диско, полуострова Нугссуак, Свартенхук, а, возможно, добрался и до залива Мелвилла, у 76° северной широты. Он изучил еще 1200 км западного побережья Гренландии. Викинга восхитило обилие животных и птиц, на которых можно охотиться: белых медведей, песцов, северных оленей, китов, нарвалов, моржей, гаг и кречетов. А ведь были еще и разные породы рыб.

После двухлетних поисков Эрик присмотрел несколько мест – равнинных, но хорошо защищенных от холодных ветров. В 98 году он вернулся в Исландию, но не для того, чтобы остаться там навсегда, а чтобы завербовать будущих колонистов. Желающих нашлось много – около 700 человек.

Они вышли в море на 25 кораблях, но началась буря, и 11 из них пошли ко дну. До Гренландии добрались лишь 400 храбрецов. Они основали на южном побережье острова так называемое Восточное поселение. В течение десяти лет появилось еще одно поселение – Западное. Его построили новые колонисты, которые приплыли позже.

Конечно, переселенцам приходилось нелегко: уж очень суровы были зимы. Тем не менее колония викингов в Гренландии процветала. Как говорят археологи, число колони-

стов неуклонно росло и достигло в конце концов пика – три тысячи человек.

Поселения викингов тянулись вдоль фьордов. Построить дом на острове было не так просто – здесь не росли большие деревья. Приходилось довольствоваться плавником или дерном. Ученые подсчитали, что на постройку одного из больших зданий пошло около квадратного километра дерна – сколько же труда вложили викинги, пока сдирали его! Были и каменные строения. Чтобы здание сохраняло тепло, стены делали очень толстыми – иногда больше двух метров.

Поскольку лето было очень коротким, зерновые росли плохо, а ведь в традиционном рационе викингов были хлеб и каша. Добавляли зерно и в похлебки – рыбные и мясные. Мясо домашних животных – коз, овец и коров ценилось очень высоко. Скот забивали крайне редко, довольствуясь молоком. Поселенцы ловили сетями рыбу, охотились на тюленей и оленей.

В XIV столетии в Гренландии началось похолодание. Ледники наползали на земли викингов, постепенно лишая их пастбищ. Торговля со Скандинавией, приносившая колонистам немалый доход, пришла в упадок – в Норвегии и Исландии свирепствовала чума. Пришлось приспосабливаться к новым условиям: ученые утверждают, что викингов спасло море, а именно морепродукты. Их доля в рационе составляла теперь более 80 %.

Около 1350 года куда-то исчезли все жители Западного

поселения – около 1000 человек. Об этом стало известно, поскольку священник из Восточного поселения, придя к соседям, не обнаружил никого. Только одичавший домашний скот бродил между пустыми домами. Не видел он и мертвецов – как будто викинги внезапно испарились. Разгадки нет до сих пор. Напади на поселение пираты, остались бы тела погибших. То же было бы, доберись до колонистов чума. Переселиться куда-то люди не могли: никто не бросил бы свои пожитки и животных.

Восточное поселение дожило до начала XVI века. Но в 1540 году исландские мореходы, приставшие к берегам Гренландии, не нашли ни одного колониста. Они обнаружили лишь тело мужчины в плаще с капюшоном. Кто был этот человек? И куда делись остальные? Историки полагают, что люди уплыли назад в Исландию – ведь климат стал значительно холоднее и возможностей заниматься земледелием и скотоводством больше не было. Если верить преданиям эскимосов, на жителей Восточного поселения напали пираты. Археологические раскопки в Гренландии эту версию не подтверждают, но любопытно, почему же эскимосов так интересовала судьба викингов?

EIREKVR
hinn Ravde/,
Fyrste Lādnams madr
Grænlands.
Hoß bygd
a Grænlande,
ANNO
986.

Эрик Рыжий

Поначалу остров показался викингам необитаемым. Но так ли это было? Дело в том, что первыми Гренландию «освоили» не викинги, а эскимосы. Ученые утверждают, что история древней Гренландии – это история повторяющихся миграций палео-эскимосов. Они приплывали сюда с арктических островов Северной Америки. Палео-эскимосы приспособились к чрезвычайно неблагоприятному климату и выживали на самой границе ареала, пригодного для существования человека. Но даже совсем небольшие климатические изменения могли погубить недостаточно приспособленную культуру.

Фрагмент Carta Marina, на которой изображен остров Туле

Ученые выделяют в Гренландии четыре древних палео-эскимосских культуры, представители которых жили на острове задолго до появления викингов. Это саккакская культура, культура Индепенденс I, культура Индепенденс II и ранняя дорсетская культура. Позже всех исчезла последняя, она существовала приблизительно до 200 года нашей эры.

Но кого же застали в Гренландии викинги, если последний эскимос покинул эту землю за семьсот лет до их появления? Мнения исследователей расходятся. Некоторые считают, что все же представителей культуры Дорсет. Эта культура (начало I тысячелетия до н. э. – начало I тысячелетия н. э.) была открыта в 192 году на мысе Дорсет (Баффинова Земля). Она была распространена на крайнем северо-востоке Канады, Канадском Арктическом архипелаге и в западной и северо-восточной Гренландии. Племена дорсет были охотниками. Их добычей были тюлени, моржи и северные олени.

Возможно, скандинавские колонисты, прибывшие вместе с Эриком Рыжим, оказались не единственными обитателями острова. Новая миграция эскимосов – представителей поздней дорсетской культуры – предположительно состоялась незадолго до их появления. Но эскимосы поселились на далеком северо-западе острова, на очень большом расстоянии от поселений викингов. И действительно, при раскопках стоянок культуры Дорсет не нашли никаких предметов скандинавского производства. Тем не менее, существуют непрямые свидетельства контактов, так называемые «экзотичные элементы», которые не характерны для этой культуры: винтовая резьба на костяных орудиях труда и резные фигурки людей с бородой.

Другая культура, с представителями которой викинги столкнулись совершенно точно, называется Туле. Она существовала между 900-ми и 1700-ми годами по обоим берегам

Берингова пролива, арктическому побережью и на островах Канады. Некоторые исследователи полагают, что в Гренландии Дорсет и Туле некоторое время соседствовали. Это было между 800-ми и 1200-ми годами, после чего Туле сменила Дорсет. Племена Туле хорошо приспосабливались к местным условиям, их кормила охота на животных, как морских, так и наземных. В центральной части американской Арктики тулийцы строили округлые жилища из китовых костей и камня, ездили на собачьих упряжках. Те же представители Туле, которые обитали в области Берингова пролива, жили в домах из плавника. Археологи находят там грузила, каменные лампы, ножи, фигурки людей, животных и водоплавающих птиц. Тулийцы в основном жили оседло. Они копили запасы пищи, и благодаря им могли пережить голодные зимние месяцы.

Как же уживались эскимосы Туле со своими соседями-викингами? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Археологи нашли при раскопках эскимосских стоянок множество предметов норвежской работы. Но как они попали к тулийцам?

В связи с похолоданием эскимосы мигрировали ближе к территориям, которые принадлежали викингам. Ряд исследователей считает, что викинги не только встречались с эскимосами, но даже жили среди них. Но сторонников этой версии немного. Согласно легендам эскимосов, скандинавы конфликтовали с тулийцами. О вооруженных столкновени-

ях с эскимосами рассказывают также саги. Вполне возможно, тулийцы мешали викингам, вытесняя их с охотничьих территорий центральной части западного побережья. Торговали ли эти столь разные народы между собой? Неизвестно. Вещи, изготовленные скандинавами, могли попасть к тулийцам и другим путем: из оставленных викингами поселений. Как ни странно, колонисты не воспользовались опытом своих соседей, чья одежда была более приспособлена к условиям севера, и не переняли даже отдельные элементы их костюма. Это удивляет ученых, но история Гренландии времен викингов вообще полна загадок, и кто знает, найдет ли наука на них ответ.

Таинственный камень

В 1898 году американец шведского происхождения Олаф Оман корчевал пни на своей ферме и на небольшом холме, под корнями тополя, обнаружил грубо отесанный камень. Довольно большой – 76 × 41 × 15 см и весом примерно в 90 кг – он был покрыт странными письменами. Поначалу предполагалось, что надпись сделана на древнегреческом языке, поэтому плиту отправили в Греческий отдел Университета Миннесоты. Но там ученые пришли к неожиданному выводу: перед ними настоящий рунический камень. Как известно, скандинавы писали рунами – латинский алфавит проник на Север лишь с распространением христианства. Происхождение рун остается загадкой. Ученые связывают их

с финикийским, этрусским и греческим письмом, однако к единому мнению исследователи до сих пор не пришли. Различают старшие (общегерманские) руны – их двадцать четыре, ими пользовались до IX века – и младшие. Младших рун, собственно скандинавских, шестнадцать.

Скандинавы воспринимали руны как магические знаки. Само название «руна» связывают сейчас с готским словом runa – «тайна». Люди верили, что руны обладают волшебными свойствами: с их помощью можно выздороветь, завоевать любовь женщины, лишить силы оружие врага или защититься от мертвеца.

Руны традиционно вырезали на дереве, металле, кости или камне. Возможно, именно поэтому они имеют столь неровные и заостренные очертания.

Камни, на которых вырезаны руны, можно найти на территории Скандинавии повсюду. Есть находки и за пределами Скандинавии. Но это в европейских странах, где присут-

ствие викингов – очевидный исторический факт. А откуда рунический камень в Америке?

В Университете Миннесоты надпись прочитал и попытался перевести профессор скандинавских языков и литературы Олаус Дж. Бреда. Он пришел к выводу, что камень – подделка и передал копию надписи скандинавским ученым. Норвежский археолог Олуф Риг подтвердил, что никакого отношения к средневековью находка не имеет. Затем артефакт отправили в северо-западный университет в Чикаго, где ученые вновь не отнеслись к нему всерьез, а может, просто не смогли перевести надпись. Плиту вернули Олафу Оману. Разочарованный фермер использовал ее не то как навес, не то как порог у дверей амбара. О кенсингтонском камне на некоторое время забыли, но…

В наше время мало кто сомневается в том, что в Северной Америке викинги побывали задолго до Христофора Колумба. Что же известно об этом сейчас?

Летом 986 года норвежец Бьярни Херюльфсон плыл со своими товарищами в Гренландию, но сбился в тумане с пути. Северный ветер понес его корабль в неизвестном направлении. Долго блуждал он в тумане, и вдруг на горизонте появилась земля. Берег был холмистый, покрытый лесом. Викинги не знали, что это за край, но поняли, что уж никак не Гренландия. Выйти на сушу Бьярни не рискнул, а через два дня, севернее, увидел новую землю, тоже покрытую лесом, но равнинную. Викинги просили своего предводителя

разрешить им обследовать таинственную страну, но Бьярни вновь побоялся. Через три дня юго-западный ветер отнес его к высокому гористому берегу с ледником. И лишь спустя еще четыре дня Бьярни наконец добрался до цели своего путешествия – норманнского поселка в Южной Гренландии.

Конечно, он тут же рассказал об увиденном, а через пятнадцать лет «побасенки» вспомнил Лейф Счастливый. Как мы уже писали, в Гренландии не было дерева, столь необходимого для строительства. Поэтому Лейф велел разыскать Бьярни, чтобы выяснить, действительно ли в западном направлении лежат земли, покрытые лесами. Лейф купил у Бьярни судно и набрал команду в 35 человек. Весной 1004 года он тронулся в путь. Первый раз викинги высадились на бесплодном гористом и каменистом берегу, и увидели вдали ледники. Современные ученые считают, что Хеллуланд («Земля плоских камней», как назвал ее Лейф) – это полуостров Камберленд, южная оконечность Баффиновой Земли, где ранее побывал Эрик Рыжий. Следуя далее курсом на юг, викинги через несколько дней добрались до лесистой земли с белыми песчаными отлогими пляжами. Они дали ей имя Маркланд («Лесная земля»). Это было восточное побережье полуострова Лабрадор, у 54° северной широты. Два дня спустя корабль Лейфа сел на мель у незнакомого берега. Ныне большинство ученых считают, что это был остров Ньюфаундленд, а точнее, северное окончание его узкого полуострова, который отделен от материка проливом Белл-Айл.

Эту землю назвали Винланд. Упоминание о Винланде можно найти в сочинении «Descriptio insularum Aquilonis», которое принадлежит перу северогерманского хрониста Адама Бременского. Этот ученый муж в XI веке писал, что название «Винланд» происходит от слова «виноград», поскольку именно он в огромном количестве рос на открытой викингами земле. Но винограда на острове Ньюфаундленд нет. Зато есть несколько теорий, объясняющих это несовпадение. Во-первых, викинги могли найти не виноград, а крыжовник и чернику, из которых впоследствии делали вино. Во-вторых, как и в случае с «Зеленой землей» – Гренландией, возможно имел место рекламный трюк, чтобы привлечь в эти края побольше колонистов. А вот некоторые исследователи предполагают, что в те времена виноград мог расти и на Ньюфаундленде, но с тех пор изменился климат. Существует также теория, гласящая, что некоторые поселенцы Винланда плавали еще дальше на юг и видели там виноград «конкорд», а позднее их рассказы переплелись с рассказами о самом Винланде.

Землю, которая в сагах называлась Винландом, много лет пытался найти норвежский исследователь Хельге Маркус Ингстад. Ареал поисков был очень широк: от Гудзонова пролива на севере до залива Святого Лаврентия на юге и даже еще южнее – до нью-Йоркского Лонг-Айленда. В конце концов в 1960 году Ингстада ждал успех. В небольшом рыбацком поселке Л'Анс-о-Медоуз на территории провинции

Ньюфаундленд и Лабрадор (Канада) он обнаружил скандинавское поселение, датируемое по радиоуглеродному методу 1000 годом. В XVI–XVII веках его заново обживали французы, затем их сменили британцы. Археологи обнаружили в Л'Анс-о-Медоуз восемь землянок и кузницу. Бронзовые застежки, железные заклепки и другие предметы, найденные в ходе раскопок, отправили на выставку в Вашингтон и Нью-Йорк.

Винланд ли это, до сих пор остается загадкой. Но вполне вероятно, что Ингстад действительно обнаружил легендарное поселение, которое основал Лейф Счастливый.

В Винланде викинги решили перезимовать и построили деревянные избы – леса было хоть отбавляй. Зима оказалась довольно мягкой, а самый короткий день в году чрезвычайно длинным по меркам северян.

Летом 100 года Лейф приказал нагрузить корабль вожделенным деревом и отправился домой. В 1006–1012 годах гренландские колонисты еще несколько раз плавали к берегам Винланда и зимовали там на благодатной земле. Они познакомились с местными жителями, одетыми в звериные шкуры – скрелингами. Скандинавы привезли с собой несколько коров, которых скрелинги ужасно боялись: в Северной Америке понятия не имели о том, что скот можно приручить и одомашнить. Оказалось, что со скрелингами можно торговать: они охотно меняли драгоценные меха на красные ленты. Но вскоре выяснилось, что туземцы небез-

обидны. Скрелинги прекрасно управлялись с пращами, каменными топорами и луками. Конечно, викинги были вооружены гораздо лучше – их оружие было железным, но враг превышал числом. Пришлось убираться восвояси. Так говорят саги, прославляющие Лейфа и его современников.

В наши дни имя Лейфа Эриксона носит исландский международный аэропорт в Кефлавике, а памятник знаменитому викингу с 1887 года является одной из достопримечательностей города Бостона.

Средневековые мореплаватели, конечно, не знали, что «открыли Америку». И вплоть до XIX века ученые даже не предполагали, что викинги побывали на американской земле. Первым эту версию выдвинул датский историк и антиквар Карл Христиан Рафн. В 1837 году вышла его работа «Antiquitates Americanae». Рафн изучил саги – он считал, что страна Винланд, открытая викингами, действительно существовала, – а также исследовал возможные места стоянок. Ученый обратился за помощью к своим американским коллегам: он просил поискать следы пребывания колонистов на атлантическом побережье материка. Тут-то и началась мода на викингов. Штаты Род-Айленд и Массачусетс, где, как предполагал Рафн, они побывали с наибольшей вероятностью, стали ареной поисков скандинавского наследия. Находки не заставили себя ждать. Сначала на скалах в Дайтоне были обнаружены «рунические надписи», которые на самом деле оказались индейскими. Затем в Ньюпорте обрати-

ли внимание на старинную каменную башню и где-то по соседству с ней даже нашли останки «викинга». Вскоре выяснилось, что башню в 1675 году построил английский губернатор Род-Айленда, а «викинг» был индейцем. Конечно, «охотники за викингами» разочаровали научную общественность, и поэтому рунический камень, который Олаф Оман откопал у себя на ферме, казался подозрительным. И тем не менее, в 1907 году нашелся образованный человек, который его купил. Это был Хьялмар Холанд – выпускник Университета Висконсина. Холанду удалось заинтересовать двоих ученых – геолога Ньютона Х. Уинчелла и лингвиста Джорджа Флома. В 1910 году они опубликовали результаты своего исследования.

Если верить Уинчеллу, выветривание камня позволяет датировать надпись XIV веком. Однако Флом, в свою очередь, указал на несоответствие между рунами на камне и теми, которыми писали в XIV веке, да и язык, по мнению ученого, был более современным. Чтобы выяснить истину, Уинчелл поинтересовался возрастом тополей по соседству с тем, под которым Олаф нашел камень. Ученый посчитал годовые кольца деревьев, которые, по оценкам свидетелей, были того же размера. Судя по количеству колец, знаменитому тополю было 30–40 лет. Если камень – подделка, то почему он пролежал в земле так долго? Во-вторых, в то время в районе Кенсингтона жили только простые фермеры, и кажется невероятным, что кто-то из них мог сделать руническую надпись.

Упрямый Холанд отвез загадочный артефакт в Европу, где его в очередной раз признали подделкой – на сей раз ученые из Швеции. Тогда Холанд попытался защитить камень самостоятельно. Он написал о нем несколько статей и книг, и в 1949 году камень выставили на обозрение в американском комплексе музеев Смитсоновского института. О таинственной надписи снова заговорили. Одни ученые – У. Талбитцер и С. Р. Хаген – приняли сторону Холанда, другие – С. Янссон, Э. Молтк, Г. Андерсон и К. М. Нильсен – высказали противоположное мнение.

Казалось бы, спорщики зашли в тупик, но в 1976 году некий Уолтер Гран засвидетельствовал, что еще в 1927 году слышал от своего отца, что Олаф Оман сам сделал знаменитую надпись. Правда, отцу Уолтера Грана Оман лично ничего подобного не говорил, так что речь шла скорее о слухах и сплетнях. Возможно, Гран-старший просто завидовал Оману.

В начале 1980-х, когда о скандинавах уже было известно гораздо больше, чем во времена Омана, лингвист Роберт Хол из Корнуэльского университета подверг критике методологии, с помощью которых до сих пор исследовали надпись. Хол предположил, что сомнительные с точки зрения филологов места – всего лишь результат диалектических отклонений в старошведском языке. Кроме того, он настаивал на несовершенстве методов, которыми пользовались представители естественных наук, изучавшие плиту.

В 1983 году инженер и исследователь языка из Хьюстона по имени Ричард Нильсен опротестовал доводы скептиков, сомневавшихся в подлинности загадочного камня. Так, например, руну, которую интерпретировали как букву J, на самом деле могла быть редкой формой руны L. Такое написание действительно встречается в нескольких рукописях XIV столетия. Нильсен выяснил также, что «неведомый диалект» использовался в области Bohuslän на юге Швеции, рядом с границами Дании и Норвегии. Так что же написано на кенсингтонском камне? Вот какой перевод сделал Нильсен: «8 гетов и 22 норманна во время разведочного путешествия из Винланда через Запад разбили лагерь у двух утесистых островов на расстоянии однодневного перехода к северу от этого камня. Мы вышли из лагеря и ловили рыбу один день. Когда мы вернулись, то нашли 10 людей красными от крови и мертвыми. Аве Мария, спаси от зла». А на ребре камня, по мнению Нильсена, можно прочесть следующее: «У нас есть 10 человек из нашей партии у моря для наблюдения за нашим кораблем в 14 днях пути от этого острова. Год 1362».

В декабре 1998 года впервые с 1910-го был, наконец, проведен физический анализ находки. Камень фотографировали в отраженном свете, сканировали с помощью электронного микроскопа, а также тщательно изучили состав минералов, которые он содержит. Через два года геолог Скотт Ф. Уолтер обратил внимание на полную потерю слюды на надписанной поверхности камня. Уолтер сравнил плиту со слан-

цевыми могильными камнями в штате Мэн, которым около двухсот лет. Эти образцы демонстрируют значительную, но не полную потерю пирита. Тем не менее, сами руны видны вполне отчетливо, и столь удивительная стойкость материала смущала многих исследователей. Да и не все лингвисты, несмотря на аргументацию Хола и Нильсена, согласны с тем, что надпись подлинная.

Но если надписи действительно 500 лет, кто же ее сделал? Ведь, как мы помним, Лейф Счастливый побывал на американском континенте отнюдь не в XIV, а в XI веке.

Фанат камня Х. Холанд, тот самый, который в свое время купил артефакт у Олафа Омана, считал, что надпись сделали норвежцы из экспедиции Пауля Кнутсона, которых король Магнусс Эйриксон отправил в Гренландию в 1335 году, чтобы укрепить там пошатнувшуюся христианскую веру. Как полагал Холанд, экспедиция Кнутсона, не обнаружив жителей Западного поселения в Гренландии, отправилась за ними в Винланд. Исчезнувших сородичей моряки так и не нашли и, потеряв часть людей в стычках с индейцами, вернулись в Норвегию.

Экспедиция УЛьмана

Бытует мнение, что победоносному шествию Кортеса по мексиканской земле способствовала туземная мифология, так как ацтекский бог Кецалькоатль был белокожим и бородатым. Он научил людей ремеслам, установил законы и об-

ряды, а потом ушел за море, предсказав, что однажды вернется.

Мог ли Кецалькоатль быть обожествленным человеком? Вот отрывок из книги «Сообщение о делах в Юкатане», написанной в XVI веке епископом Диего де Ландой: «По мнению индейцев, с ицами, которые поселились в Чичен-Ице[27], пришел великий сеньор Кукулькан. Что это истина, показывает главное здание, которое называется Кукулькан. Говорят, что он пришел с запада, но они расходятся друг с другом, пришел ли он ранее или позже ица или вместе с ними. Говорят, что он был благосклонным, не имел ни жены, ни детей и после своего ухода считался в Мексике одним из их богов – Кецалькоатлем. В Юкатане его также считали богом…» На самом деле речь, по-видимому, идет о правителе, который принял имя божества, которому поклонялся («Кецалькоатль» на языке нагуа, как и «Кукулькан» на языке майя, означает «Пернатый Змей»).

Что же касается белой кожи, то, как считают ученые, настоящие индейские мифы ничего о ней не сообщают, и «европейский» облик Кецалькоатля – выдумка конкистадоров-испанцев, псевдолегенда, которая прижилась и распространилась на территории Латинской Америки. Тем не менее, множество исследователей не сомневаются в ее подлинности. В то, что белые побывали в Америке задолго до Ко-

---

[27] *Чичен-Ица* – политический и культурный центр майя на севере полуострова Юкатан в Мексике, священный город народа ица.

лумба, верило и верит множество людей. Этому способствуют и весьма загадочные находки. Самая известная из них – рисунки на скале Сьерра-Полилья в Перу. Даже не будучи специалистом-рунологом, можно заметить, что странные знаки на поверхности камня действительно очень напоминают руны и арабские цифры, а изображенные корабли похожи на ладьи викингов.

Ученого, который первым исследовал рисунки на скале, звали Жак де Майю. Он был человеком, если так можно выразиться, неоднозначным. С одной стороны, он получил две докторские степени – в области экономики и политических наук, а кроме того, стал почетным доктором медицины. Будучи к тому же профессором антропологии, он преподавал экономику, этнографию и французский язык в Национальном университете Куйо и университете дель Сальвадор в Буэнос-Айресе. С другой стороны, во время Второй мировой войны де Майю служил в 33-й гренадерской дивизии СС «Шарлеман». После освобождения Франции он бежал в Аргентину, присоединился к перонистам, а потом в 1960-х годах возглавлял националистическую молодежную группу римских католиков. Своих убеждений де Майю не скрывал и занимался «научным расизмом», что, безусловно, его не красило.

Де Майю полагал, что «белого бога» из мексиканских преданий звали Ульман. Он был викингом – уроженцем Южной Дании. Около 967 года Ульман сошел с корабля на бе-

рег залива Пануко в Мексике. Отвратительный климат заставил Ульмана двигаться дальше. Он покинул низинные земли и поднялся на плато Анахуака. Здесь туземцы отнеслись к нему с почтением – они сделали его вождем и учились у него уму-разуму. Позже он жил на юге Мексики, среди индейцев майя, и ассоциировался у них с богом Кукульканом. Ульмана предали собратья-викинги: женившись на туземных женщинах и обзаведясь множеством детей-метисов, они выступили против него. «Белый бог» покинул Мексику и отправился дальше на юг. Потомки викингов якобы побывали в Венесуэле, Колумбии, Боливии и Перу.

Де Майю снарядил экспедицию и побывал в нескольких странах Южной Америки: он искал доказательства своей версии. Что касается скалы Сьерра-Полилья, то рисунки на ней были обнаружены раньше, чем до нее добрался де Майю. Приблизившись к заветному месту, профессор столкнулся с экзотическим препятствием: Сьерра-Полилью облюбовали сотни тысяч бордовых тропических ос – огромных и донельзя агрессивных. Эти невольные стражи в сущности уберегли загадочную скалу от нашествия туристов, которые могли разбавить надписи и рисунки собственными граффити. Усыпив ос, участники экспедиции исследовали таинственные знаки и изображения. Сомнений у де Майю не было: где-то здесь было поселение викингов, руины которого покрыл лес.

В Перуанских Андах де Майю заинтересовался народно-

стью гуайяков – индейцев с относительно светлой кожей. Гуайяки – кочевое племя охотников-собирателей. Традиционно они изготовляют музыкальные инструменты – костяные и бамбуковые свистульки и трехструнные «гитары» или «мандолины», выдолбленные из дерева и не имеющие грифа. Гуайяки славятся также своей глиняной посудой. На одном из черепков и увидел де Майю то, что привело его в трепет: сложный геометрический рисунок соседствовал с десятью знаками, один из которых показался ученому руническим. Исследователь попросил перуанского унтер-офицера, который сопровождал экспедицию, помочь: необходимо было найти автора загадочного рисунка. Художником оказалась туземная женщина. Она пояснила, что просто покрыла глиняный горшок знаками, испокон веков принятыми у гуайяков. Де Майю выяснил, что гуайяки не имели письменности в европейском понимании этого слова. Руна или то, что де Майю за нее принял, была магическим символом, но не буквой.

Тогда исследователь обратился к двоим представителям племени с просьбой изобразить знаками еще что-нибудь. Индейцы с удовольствием водили по бумаге шариковыми ручками. Очень быстро они чертили какие-то символы, смысла которых не знали, но последовательность их была явно заучена на память. Профессор пришел к выводу, что речь идет о какой-то забытой графической традиции.

Вскоре исследователя обрадовал начальник лагеря. Он

принес еще три черепка, на двух из которых тоже были «надписи» и пояснил, что осколки были найдены за несколько дней на краю деревни до того, когда индейцы выкорчевывали лес под кукурузное поле. Примечательно, что черепки были очень старыми. Позже исследователи нашли еще более сотни фрагментов, относившихся к семи вазам, слепленным вручную из грубой охристой глины. Вазы были испещрены загадочными письменами. По-видимому, их владельцами были предки современных гуайяков. Когда пришли колониальные войска, индейцы закопали вазы в яму – они почтительно хранили реликвии, вероятно, уже не понимая смысла таинственных надписей.

На одном из черепков можно было различить дату, написанную арабскими цифрами. Их очертания в виде кривой турецкой сабли были характерны для европейцев, находившихся в зоне арабского влияния.

Экспедиция обнаружила также фрагмент сосуда, на котором была нарисована лама. Это животное было неизвестно жителям Парагвая до испанского завоевания и не прижилось, поскольку ламы не выдерживали тропического климата – гораздо больше им подходили высокогорные районы. Де Майю сделал вывод, что гравер, изобразивший ламу, спустился с Андского нагорья. Как выяснил де Майю, фрагменты сосудов, покрытые насечками, похожими на ряды рунических знаков, встречались не только у гуайяков, но и у других племен, живших по соседству. А вот на севере Парагвая

о рунах не имели никакого понятия.

В четырнадцати километрах от Сьерра-Мороти – этой «урожайной» деревни – профессора ждал еще один сюрприз: под аркой моста на камнях была обнаружена еще одна надпись, включавшая руны и арабские цифры.

В общем, де Майю считал, что нашел убедительное доказательство того, что викинги в Южной Америке побывали. А некоторое антропологическое сходство гуайяков с европеоидами позволило ему высказать предположение, что они действительно потомки викингов, которых ассимилировали индейцы. В здешние края, по мнению ученого, они пришли с Андского нагорья. Тут бы де Майю и остановиться. Но описывая свои находки, он пустился в рассуждения о превосходстве арийской расы и отпугнул научную общественность от своего открытия. Рисунки на скале Сьерра-Полилья, так же как и керамика гуайяков, нуждаются в непредвзятом исследовании. Действительно ли перед нами руны и цифры или же речь идет о случайном сходстве?

Дракула: герой или вампир?

Граф Дракула… Уже само имя героя нашего повествования должно внушать ужас. Практически каждый знает, что Дракула – это вампир, жуткий персонаж известной книги Брема Стокера, кочующий по театральным подмосткам и голливудским фильмам. Вспомните, например, «классику» жанра ужасов – снятый еще в 1922 году фильм «Носферату – симфония ужаса» или впечатляющий фильм Френсиса Форда Копполы «Дракула Брема Стокера», снятый в 1992 году. Граф Дракула, безжалостный и жестокий, стал «прародителем» и нескольких других, похожих на него экранных монстров. Дракулу без всякого преувеличения можно назвать самым известным румыном на свете (хотя персонаж Брема Стокера был вовсе не румыном, а венгром).

Кем был граф Дракула на самом деле – безумной фантазией малоизвестного писателя с комплексом неудачника? Вампиром? Или реальным историческим персонажем, чье имя теперь окутано зловещими легендами? Что же, не будем держать в неведении читателя – Дракула не просто выдумка писателя, у литературного героя был исторический прототип, не имевший к демоническому предводителю вампиров, которого знают все, почти никакого отношения. Но, как говорится, нет дыма без огня и не бывает так, чтобы мирного и неприметного человека вдруг беспричинно превратили в

монстра! Действительно, Влад Цепеш (так звали в действительности того, кто теперь известен нам под именем Дракулы) был фигурой заметной и неоднозначной: устрашающие легенды о нем появились еще при его жизни. Постепенно эти легенды становились все более кровавыми и все больше отрывались от реальности. Они сохранились до сих пор в народном фольклоре Венгрии и Румынии и вдохновили Стокера на создание знаменитого романа о графе Дракуле.

Влад III Цепеш, господарь Валахии

Поэтому и рассказ наш будет состоять из нескольких частей. Вы узнаете подлинную биографию Влада Цепеша – видного румынского политического деятеля, жившего в XV веке, и то, каким он предстает в легендах, произведениях литературы и многочисленных «ужастиках».

Влад, сын Влада

Благоразумие отца есть самое действительное наставление для детей.
Демокрит

Человек, который что-либо слышал о Дракуле, знает, что тот творил свои злодеяния в Трансильвании, так что теперь, с легкой руки уже многократно упомянутого Брема Стокера, слова «Трансильвания» и «Дракула» неразрывно связаны (хотя это и несколько противоречит реальным историческим событиям). Этот край расположен поблизости от Украины: если мы пересечем Буковину, а затем Карпатские горы, то окажемся в Трансильвании – стране замков, крепостей, немецких городов, венгерских и румынских сел, вина, паприки, чеснока и… осиновых кольев. Эта область – обширное холмистое плато, частью покрытое лесами и густыми кустарниками, частью представляющее собой голую степь, – находится на северо-западе современной Румынии, там, где смыкаются отроги Восточных и Южных Карпат.

Если же мы перейдем через Южные Карпаты, то окажем-

ся в Валахии, еще одной исторической области Румынии. На территории Валахии находится, в частности, и столица современной Румынии – Бухарест. Южной границей Валахии служит Дунай, а северной – Карпатские горы.

В глубокой древности на территории Трансильвании и Валахии жили многочисленные и воинственные племена даков. В конце I века н. э. энергичный военный вождь Децебал сумел объединить под своей властью дотоле разрозненные дакские племена и создать некое подобие государства. Его держава настолько усилилась, что даки стали соперничать с римлянами, нападая на пограничные укрепления империи. Война с римлянами шла так успешно, что император Домициан заключил с даками мирный договор, согласно которому Рим обязывался выплачивать им ежегодный денежный «подарок», по сути – дань. Однако римляне, естественно, не собирались вечно мириться с такими унизительными условиями. Разразились знаменитые Дакийские войны. Талантливый полководец император Траян после продолжительной войны сумел подойти к столице даков – Сармизегетузе. Осада была тяжелой. Практически все население города – как мужчины, так и женщины – оказывало сопротивление. Поняв, что отстоять город не удастся, многие из них покончили с собой. Сам Децебал бежал и попытался укрыться в покрытых густыми лиственными и хвойными лесами мрачных трансильванских горах. Но некоторые из его приближенных предпочли пойти на сговор с победителями и выдали убежи-

ще Децебала римлянам. Опасаясь жестоких преследований, он не стал дожидаться пока его схватят и бросился на меч…

Так, со 106 года н. э. Дакия оказалась под властью Римской империи. Кстати, по поводу победы над непокорными даками Траян устроил роскошный триумф и воздвиг на римском Форуме колонну высотой в 40 метров, покрытую барельефами, изображающими события войны. Венчала колонну статуя победоносного императора.

Под властью римлян эти территории превратились в процветающий край, где за многие столетия перемешались и римляне, и даки – так появился новый народ, называвший себя либо румынами (то есть римлянами), либо же валахами, что на языке южных славян означало «латиняне». Удивительно, но ровно 1800 лет спустя после присоединения Дакии к Римской империи, в 1906 году, итальянское правительство признало романское происхождение румын. Сейчас в Бухаресте возвышается подаренная Италией в 1906 году статуя Капитолийской волчицы – той самой, что, по преданию, вскормила основателей Рима – Ромула и Рема – и стала символом Вечного города.

На протяжении средних веков Трансильвания не раз подвергалась нашествиям. На эту землю претендовали как ближайшие соседи, так и воинственные кочевые племена, приходившие из Азии. С XII века Трансильвания оказалась под властью венгерского короля. После нашествия монголов, поскольку население области сильно сократилось, венгерский

правитель Бела IV пригласил заселить опустевшие земли жителей других стран. Так в Трансильвании поселились германские колонисты, сохранившие свою политическую автономию (они сами выбирали себе судей и дали стране германское название – Зибенбюрген – Семиградье).

Но недолго продолжался мир. В XIV–XV веках пришла новая беда – турецкое нашествие, которое всколыхнуло всю Европу. Именно в эти времена – времена противостояния Запада и Востока, христианского и исламского мира, времена Османских завоеваний и падения Константинополя – и жил валахский господарь, ставший прототипом вампира Дракулы – Влад Цепеш.

В XV веке территория современной Румынии, несмотря на культурное и языковое единство, политически была разделена на несколько частей. Трансильванией, как уже было сказано, владели венгры, а Валахия была отдельным княжеством, зажатым между грозной Османской империей и охватывавшим тогда значительную часть Восточной Европы Венгерским королевством. На северо-востоке Валахия граничила с другим средневековым румынским княжеством – Молдовой.

Наш герой родился и провел свои детские годы в небольшом трансильванском городке Сигишоаре, расположенном неподалеку от границы с Валахией. Этот городок сохранился до наших дней практически в том самом виде, в каком его застал Дракула. Тот же готический монастырь, в котором

Дракула стоял заутреню. Те же часы на 64-метровой башне бьют каждые пятнадцать минут. Те же кривые улочки, мрачноватые дворики и требующие вот уже пятьсот лет ремонта домишки. В этих домах все еще живут люди. Сохранился и дом, в котором родился Влад Цепеш. Правда, сейчас там находится ресторанчик – место паломничества множества туристов…

Точная дата рождения Влада не известна, но мы можем уверенно сказать, что он появился на свет зимой, в промежутке между 1428-м и 1431 годами (последняя дата вызывает наибольшее доверие). Мальчика назвали Владом в честь отца. За свою не столь уж долгую жизнь (он прожил меньше пятидесяти лет) исторический прототип графа Дракулы успел получить несколько прозвищ, в которых легко запутаться, да и значения их (такие как «сын дьявола» и «сажатель на кол») без должного разъяснения могут сбить с толку.

Итак, нашего героя звали Влад. Это его настоящее имя, все остальные – прозвища, прижизненные и посмертные. Влад три раза занимал престол господаря (или – володаря) Валахии, поэтому известен историкам как Влад III (хотя некоторые считают его четвертым валашским монархом, носившим это имя). Именно Валахия стала той сценой, на которой разыгрывал свой кровавый спектакль Влад III, которого народ помнил как защитника родины, не побоявшегося турок, справедливого, но до безумия жестокого правителя, по приказу которого были казнены многие тысячи людей.

Провинившихся Влад предпочитал сажать на кол, поэтому турки прозвали его Казыклы-бей, то есть «князь-кольщик». После смерти такое же прозвище Влад получил и от румынского народа: Цепеш на русский язык можно перевести как «колосажатель», «любитель сажать на кол».

Объяснить возникновение другого прозвища – Дракула – несколько сложнее. Отцом нашего героя был Влад II, сын господаря Валахии Мирчи Старого. В молодости он отправился ко двору короля Венгрии и императора Священной Римской империи Сигизмунда. Тот был последним правителем Священной Римской империи из Люксембургской династии и известен, в частности, как человек, который положил конец Великому расколу католической церкви. Дело в том, что в XIV – начале XV века католический мир разделился на враждующие партии: на престоле находились одновременно несколько пап, что вносило путаницу в дела церкви. К тому же постепенно набирали силу и популярность учения реформаторов, таких как Ян Гус. Чтобы разрешить эти проблемы, в 1414–1418 годах императором Сигизмундом был созван собор в Констанце. Туда приехали представители всех враждующих группировок, прибыл и мятежный Гус, которому император дал гарантии безопасности. Когда на соборе Гус был осужден и признан еретиком, Сигизмунд произнес знаменитую фразу: «Я гарантировал тебе свободный проезд до Констанца, но не возвращение из него». Папой стал Мартин V. Так расколу был положен конец, а Ян Гус в 1415 году

был сожжен на костре, что вызвало возмущение среди его многочисленных приверженцев в Чехии и дало начало кровопролитным гуситским войнам.

Молодой румынский рыцарь Влад заслужил дружеское расположение Сигизмунда, самого могущественного монарха в Европе, и потому был назначен маркграфом Трансильвании, а потом пользовался поддержкой императора и в борьбе за валашский престол.

В 1431 году император пожаловал Владу членство в так называемом Ордене дракона, в котором состояли тогда и польский король Ягайло, и сербский деспот (правитель) Стефан Лазаревич. Созданный по указу Сигизмунда, этот орден был очень престижной организацией. Своей основной целью он ставил объединение монархов и других влиятельных людей Восточной Европы в мощный союз для борьбы с врагами христианства, прежде всего турками. Члены ордена Патроном ордена считали святого Георгия. Рыцари, состоявшие в ордене, носили на одежде изображение побежденного святым Георгием дракона, висящего на кресте с перебитой спиной и раскинутыми крыльями. Для них дракон был олицетворением страшного зла – турецких полчищ, которые угрожали Европе.

В соответствии с орденским уставом и Влад взял на вооружение образ дракона, но несколько перестарался. Дракон украсил не только его одежду, флаги, но попал и на монеты, которые чеканил валашский господарь, и даже на сте-

ны церквей, построенных по его распоряжению. Вот поэтому Влад II и получил от румынского народа прозвище Дракул, то есть «дракон», под которым и вошел в историю.

Мало того, что это слово само по себе вызывает противоречивые ассоциации, с течением времени оно получило совершенно не относящийся к Владу II, но «удачный» для странной и страшной биографии его сына смысл. Слово dracul, в языке XV века обозначавшее дракона, в современном румынском превратилось в разговорное наименование черта. Любителям ужасов это может показаться четким указанием на дьявольскую природу отпрыска Влада II – Влада Дракулы («сына черта» согласно значению этого слова в современном румынском языке), но такое толкование нельзя считать научным. Историки все же сходятся в том, что прозвище отца нисколько не намекало на его связь с темными силами.

Таким образом, Влад II известен нам как Влад Дракул, а его сын – как Влад Дракула. Сам же Влад III чаще всего именовал себя «Владом, сыном Влада», но два письма он подписал именно этим прозвищем (впрочем, его можно считать и фамилией). Использовали его и иностранные государи, писавшие Владу III. Собственно, по-румынски оно звучит немного по-другому, а именно «Дрэкуля», то есть «драконенок», «сын дракона».

Итак, герой нашего рассказа остался в истории под тремя именами: Влад III, Влад Дрэкуля (Дракула) и Влад Цепеш.

На этом заканчивается наш филологический экскурс.

Юные годы

Детство – счастливейшие годы жизни, но только не для детей.
Майкл Муркок

Холодным зимним днем в городке Сигишоаре на свет появился сын властителя Валахии, которого назвали Влад, а позже к этому имени прибавилось и другое – Цепеш. Согласно легендам, это событие произошло в тот самый момент, когда его отца принимали в Орден дракона в Нюрнберге – 8 февраля 1431 года. Любители во всем видеть перст судьбы подчеркивают это совпадение (хотя скорее всего это более поздняя выдумка).

Влад не был единственным ребенком в семье, у него было еще трое братьев: старший – Мирча и младшие – Раду, позже прозванный Красивым, и еще один Влад. Что ж, это имя в то время было очень популярным, только непонятно, как же родители умудрились дать одно и то же имя сразу двум своим сыновьям. И это, увы, вносит еще большую путаницу в и так непростое дело «расследования» о Владе Цепеше. Была у Влада и сестра по имени Александра.

Если об отце нашего героя немало рассказали сохранившиеся исторические источники, потому что он был маркграфом Трансильвании и володарем Валахии, то о матери Дра-

кулы нам известно немного. В исторических источниках ее либо никак не именуют, либо называют Княжной. Не известно нам ни то, как она выглядела, ни каким был ее характер. Но мы можем утверждать, что она была знатного происхождения и ее родственники (а, следовательно, и родственники Влада Цепеша) были влиятельными людьми в Литве и Молдове, ибо ее отец – Александр Добрый – был господарем княжества Молдова.

Отец Влада происходил из рода правителей Валахии – легендарных Басарабов. Несмотря на то что он был младшим сыном, а свою юность провел в турецком плену в качестве заложника, именно он стал претендовать на престол господаря после смерти отца – Мирчи Старого (в 1418 году), брата Михая (в 1419 году) и Александра (в 1431 году).

Жизнь государей эпохи Возрождения была полна интригами, заговорами, убийствами и наветами. Надо было очень постараться, чтобы удержаться у власти, особенно в такой стране как Валахия.

Валахия, несмотря на то, что была зажата между двумя сильными державами – Османской империей и Венгерским королевством, – являлась суверенным государством. Как заметил мудрый лорд Болингброк из пьесы «Стакан воды», маленькое государство получает шансы на независимость в том случае, если на его территорию претендуют сразу два больших. Валахии ее суверенитет достался непросто – правивший в начале XIV века Басараб Великий в тяжелой борьбе

отстоял независимость своей страны от Венгрии.

Называя правителя Валахии Дракулу лишь графом, Брем Стокер уклонился от истины. Пусть вас не обманывает слово господарь, от которого веет чем-то домашним и, казалось бы, безобидным. Статус господаря и князя-воеводы предполагал все прерогативы полноправного монарха: то есть и с послами общаться, и договоры заключать, и ни перед кем в своих действиях не отчитываться.

И все-таки, несмотря на независимость, Валахия оказалась перед серьезным выбором – на какое государство «сделать ставку», какую из империй избрать в союзницы? Собственно, пример современной Украины показывает, что «вектор политики» может меняться, но полностью не зависеть от соседей невозможно. Напрашивается и другая аналогия с Украиной, правда уже с XVII веком. Валахия, как и Украина, была православным государством, и выбор перед ней стоял нелегкий: попасть под влияние Венгрии – значило подвергнуться окатоличиванию. Османская же империя в вопросах вероисповедания была более толерантной, и потому дед Цепеша, Мирча Старый – мудрый стратег и политик, который по праву заслужил славу румынского Карла Великого, – из двух зол выбрал, на его взгляд, меньшее и заключил союз с османами.

Валашский престол в XV веке напоминал баскетбольный мяч, который мотался между «корзинами» двух супердержав, а господари вели себя как знаменитый слуга двух гос-

под Труфальдино из Бергамо, оказываясь попеременно данниками то Порты, то венгерских правителей. Борьбу могущественных государств валашские господари использовали в своих целях, заручаясь поддержкой одного из них, чтобы с очередным дворцовым переворотом свергнуть ставленника другого.

К тому же в семье Басарабов были довольно сложные отношения между ее членами. Дело в том, что валашская корона не переходила по наследству автоматически – от отца к старшему сыну. Господаря выбирали бояре из числа претендентов, в жилах которых текла кровь прошлых господарей. Кандидатами могли стать и незаконнорожденные сыновья властителей (естественно, если они были признаны своими отцами). Само собой разумеется, что выборы монарха приводили к постоянным междоусобицам, нередко сопровождавшимся убийствами. Жизнь в Валахии не отличалась спокойствием, случалось всякое.

Так, с 1418-го по 1436 год (всего за 18 лет) в Валахии сменилось четыре правителя. В 1418 году умер дед Влада Цепеша – Мирча Старый и престол был отдан его старшему сыну Михаю I. Его правление было недолгим, в 1419 году он умер, а трон занял сын валашского господаря Дана I, правившего еще до Мирчи, – Дан II. После его смерти володарем стал средний сын Мирчи – Александр. Затем началась неразбериха. Ведь и потомки Мирчи, и потомки Дана имели равные права на престол. Но ни Михай, ни Александр не оставили

потомства. Из прямых же наследников Мирчи жив был только Влад Дракул, отец Цепеша. Однако были живы и потомки Дана. Дальнейшие события напоминали отношения Монтекки и Капулетти – в борьбе схлестнулись два валашских семейства, «равных знатностью и славой»: семья Дрэкулешти (потомки Мирчи) и Дэнешти (потомки господаря Дана II). И увы, не нашлось Ромео и Джульетты, которые смогли бы прекратить это противостояние. Так что родственники только и думали о том, как бы завладеть валашским престолом, и не стеснялись в средствах, уничтожая друг друга при первой возможности.

Можно добавить, что в таких же враждебных отношениях семейство Дрэкулешти находилось и с куда более могущественным венгерским родом Хуньяди. Эту фамилию можно встретить и в ее латинском варианте – Корвин, то есть Ворон. Корвины предпочитали не румынский, а латинский вариант собственного имени. Пожалуй, самыми знаменитыми представителями этой династии были Иоанн Корвин (или же Янош Хуньяди) и его сын Матвей (Матьяш). Надо заметить, что и тот и другой сыграли важнейшую роль в жизни Влада Цепеша.

Янош Хуньяди, не будучи монархом, сосредоточил в своих руках огромную власть. Одно время он носил звание регента Венгерского королевства, фактически став первым лицом в этом огромном государстве. Молдову и Валахию, то есть те части Румынии, которые не подчинялись королев-

ству напрямую, венгры все равно считали своими вассальными землями. Поэтому мадьярские правители, в том числе и Янош Хуньяди, полагали возможным распоряжаться судьбой Валахии по своему усмотрению. Янош решал, кому там быть господарем, и его поддержка становилась решающим фактором успеха того или иного претендента. Янош был талантливым полководцем и одержал ряд побед над османскими завоевателями, создал антитурецкое сопротивление. Несомненно, Дрэкулешти, рискнувшие пойти против грозного Иоанна Ворона, навлекли на себя грозную опасность.

Путем политических интриг и при поддержке Сигизмунда Люксембургского – императора Священной Римской империи и венгерского короля, о котором мы уже говорили выше, отец Влада Цепеша смог захватить престол Валахии. В истории этого государства он известен как Влад II. Он пришел к власти в 1436 году, когда его второму сыну было всего пять лет, а третий – Радучел Фурмос (Раду Красивый) только появился на свет.

Владу II необходимо было принципиально решить все тот же главный для Валахии политический вопрос – у кого из влиятельных соседей просить поддержки: у Венгрии или Османской империи? Казалось бы, ему, пришедшему к власти при поддержке венгерского короля, следует поддерживать тесный союз с Венгрией. Но как раз в это время усилилось турецкое давление. Кроме того, «за спиной» маленькой Валахии находилась богатая Трансильвания, где бурно раз-

вивались ремесла и торговля, росли самоуправляемые города, основанные саксонцами. Семиградские купцы были заинтересованы в мирном сосуществовании Валахии с турками-агрессорами. И Влад-старший вынужден был признать вассальную зависимость Валахии от Порты.

Замок Бран, который называют замком Дракулы.

Конечно, с точки зрения венгров, главной заботой которых была борьба с турками, Влад II Дракул повел себя трусливо и предательски. Венгров не заботила безопасность маленького княжества, для них эта земля была всего лишь театром военных действий. Новый же господарь, напротив, вся-

чески старался избавить Валахию от такой участи и уклонялся от войны с Османской империей, из-за чего навлек на себя обвинения в измене христианству.

Часть этих обвинений следовало бы переложить на саму Венгрию – после смерти императора Сигизмунда антитурецкая коалиция временно развалилась, а пресловутый орден дракона потерял былое значение. Турция же усилила свою экспансию на Балканах, поэтому Влад II вынужден был подчиниться османам: Валахия получила статус «мумтаз эйялети» – привилегированной провинции в составе Османской империи. Вопреки ожиданиям семиградцев, Владу II пришлось вместе со своей армией принять участие в османском походе на Трансильванию в 1438 году. Но все-таки он служил туркам вынужденно и не без лукавства – сначала он убеждал гарнизоны трансильванских крепостей сдаться, а через несколько лет, когда удача отвернулась от турок, так же бескровно изгонял османские гарнизоны из недавно захваченных твердынь.

Но и венгры не бездействовали. В 1442 году они добились того, что Влад II был лишен престола. Тот не смутился из-за такого поворота дел и, оставив в Валахии старшего сына, с двумя другими поехал за помощью к султану. В те времена столицей Османской империи был Адрианополь (вскоре, в 1453 году, султан Мехмед II Завоеватель захватит Константинополь, который станет новой столицей Порты). Для того чтобы убедить султана в собственной преданности, Влад

II решил оставить здесь в заложниках своих сыновей. В те времена это было распространенной практикой. С заложниками обычно обращались хорошо, но в случае мятежа в вассальном государстве их немедленно казнили. Какой отец нарушит договор, если знает, что при этом его детям угрожает опасность?

В Адрианополь вместе с правителем Валахии отправились его средние сыновья – Влад, будущий Цепеш, и Раду. Как и предполагалось, в османской столице у Влада II нашлись влиятельные друзья, с помощью которых он через год вернул себе власть. Сыновья Влада II были не единственными детьми-заложниками, и наверняка они общались со своими товарищами по несчастью. В судьбе Влада этот плен сыграл большую роль – именно здесь он увидел казни и пытки, которые потом применял по отношению к своим врагам, здесь он стал хорошим воином, обучался искусству политики. Что касается полученного им образования, то историки знают, что Цепеш в отрочестве выучил латинский, немецкий и венгерский языки, прошел курс обучения военному искусству по европейскому образцу, а за то время, пока жил у турецкого султана, узнал обычаи и военные приемы своих будущих противников, овладел и турецким языком. Официальная переписка, которую Влад вел на латыни, стилистически безупречна. Позднее он мастерски пускал в ход знания и умения, полученные в юные годы, – многими победами над османскими войсками он обязан прекрасному знанию их

тактики.

С заложниками обращались хорошо, если их отцы выполняли условия соглашений. Однако Влад II в 1444 году вновь перешел на сторону Венгрии, поэтому Владу-младшему в неволе пришлось несладко: его держали в темнице (в крепости Эгригёз), пороли за упрямство. Существует легенда, будто в том же году он бежал из плена и сражался в битве под Варной, однако нам это представляется совершенно невероятным. Скорее всего, турецкого пленника спутали с его старшим братом Мирчей.

Тем временем Влад-старший продолжал маневрировать меж двух огней. Несколько лет ему удавалось поддерживать равновесие, но ссора с могущественным родом Корвинов погубила его.

Янош Хуньяди стал его личным врагом. Вот как это произошло. В 1444 году собравшиеся из разных стран Европы войска (называвшиеся по традиции крестоносцами) отправились в поход против турок, уже второй по счету – первый состоялся в 1396 году и окончился поражением христиан. Неудача ждала и это мероприятие, которым руководил король Польши и Венгрии Владислав III Ягеллон. Вторым по старшинству в армии борцов за веру считался многоопытный венгерский полководец Хуньяди. 10 ноября 1444 года войска крестоносцев были разбиты турками, Владислав погиб, а Янош бежал с поля битвы, что в глазах многих свидетельствовало о его трусости. Однако большинство истори-

ков считают такой вывод поспешным. Король Владислав был неопытным военачальником, но желал доказать, что ни в чем не уступит Яношу Хуньяди. Пренебрегая советами своего «соперника», Ягеллон совершил ряд грубых ошибок, которые и привели к поражению крестоносцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.